

Кейт Дуглас Уиггин Ребекка с фермы Солнечный Ручей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ребекка с фермы Солнечный Ручей

Известная американская писательница Кейт Дуглас Уиггин (1859 - 1923) создала множество произведений, которые с первых же дней после их выхода в свет обрели популярность у самых разных категорий читателей - юных и пожилых, придирчивых критиков и широкой публики, читающей исключительно для удовольствия. Признание со стороны академических кругов выразилось в присуждении писательнице в 1904 г. степени доктора литературы в Боудойнском колледже (Брансуик, штат Мэн), где она стала второй женщиной, удостоенной этого отличия. Что же до энтузиазма основной массы читателей, о нем говорит то, что книги Уиггин издавались огромными тиражами и раскупались с невероятной быстротой, причем без какой-либо сенсационной рекламы. В школах по всей Америке создавались клубы имени Кейт Уиггин, куда писательницу приглашали на торжественные встречи и где она читала со сцены отрывки из своих произведений. Еще при жизни Уиггин ее книги были изданы в переводах на ряд европейских языков, по ним были поставлены спектакли и сняты кинофильмы, пользовавшиеся неслыханным успехом. Так, постановка по книге "Ребекка с фермы Солнечный Ручей" выдержала в Нью-Йорке свыше 300 представлений, на одном из них Уиггин присутствовала вместе с президентом США и его женой, которые пригласили писательницу сначала на официальный обед в Белый дом, а затем в театр.

О своей жизни Уиггин проникновенно и с юмором рассказала в автобиографической книге "Сад моих воспоминаний", изданной в 1923 г.

Кейт Дуглас Смит (такова была ее девичья фамилия) родилась в Филадельфии в семье адвоката. После смерти отца семья поселилась в деревушке Холлис в штате Мэн. Образование Кейт и ее младшая сестра Нора получали дома под руководством отца, а затем в разных учебных заведениях штата Мэн. Детство Кейт не было богато событиями, но с ранних лет она проявляла склонность к чтению, музыке, декламации. Любимейшим писателем девочки был Чарлз Диккенс. В автобиографии Уиггин подробно рассказывает о своей непродолжительной, но памятной встрече с ним, состоявшейся случайно в поезде. Девочка ехала с матерью в гости к дяде, а великий писатель совершал турне по Америке, выступая с чтением своих произведений. В течение полчасика юная читательница высказывала заинтересованному автору свое мнение о его книгах. (Запись части этой беседы была на следующий день опубликована в одной из бостонских газет.) Однако мысль о создании собственных литературных произведений пришла к Уиггин гораздо позже.

В 1876 г. семья переехала в Калифорнию, где Кейт и ее сестру Нору увлекли вопросы дошкольного воспитания Кейт организовала в трущобах Сан-Франциско первый на западе США бесплатный детский сад, а позднее, в 1880 г., открыла и свою школу для подготовки организаторов детских садов. В 1881 г она вышла замуж за друга детства - Сэмюеля Уиггина и спустя некоторое время переехала в Нью-Йорк, оставив основанные ею учреждения на попечение сестры Норы, однако каждый год посещала открытые ее учениками в разных городах США детские сады, читала лекции и писала статьи о дошкольном воспитании. Тогда же появились и ее первые художественные произведения, написанные с целью получить средства для организованных ею детских садов. Успех окрылил писательницу, а впечатления, полученные в результате совершенных ею нескольких путешествий в Европу, дали ей

интересный материал для новых книг.

В 1894 г., спустя пять лет после смерти первого мужа, Уиггин вышла замуж за Джорджа Риггза, нью-йоркского бизнесмена, и следующие годы ее жизни были заполнены путешествиями, работой над новыми произведениями, общением с многочисленными друзьями и почитателями, выступлениями с чтением отрывков из своих произведений как в Америке, так и в Европе. Среди ее популярнейших книг - "История Пэтси" (1883), "Тимоти ищет" (1890, экранизирована в 1919, 1922, 1936 гг.), "Проблема Полли Оливер" (1893), "Путь Пинелопи" (1898), "Пинелопи в Ирландии" (1901), "Сюзанна и Сью" (1909), "Цыплята матушки Кэйри" (1911, экранизирована в 1938, 1963 гг.), "История Уэйтстил Бакстер" (1913) и многие другие

"Ребекка с фермы Солнечный Ручей", опубликованная в октябре 1903 г., была любимым произведением писательницы. Хотя сюжет книги целиком вымышленный, описание жизни в деревушке штата Мэн, школы и семинарии, где учится героиня, основано на личных переживаниях автора, а проходящие через весь текст произведения цитаты из стихотворений выдающегося английского поэта Уильяма Вордсворта помогают создать образ девочки и девушки, которой лучше всего подходит имя Дитя Природы. Книга вызвала массу читательских откликов, и в 1907 г. Уиггин дополнила ее вторым томом - "Новые рассказы о Ребекке", который является не продолжением, но собранием "пропущенных" глав первой книги. При участии писательницы "Ребекка с фермы Солнечный Ручей" была переведена на несколько европейских языков, а сценическая версия ее с успехом шла в ряде городов США и в Лондоне. Появились и кинофильмы, в основу которых лег сюжет книги (1917, 1932, 1938 гг.). Поэтичная, обаятельная и вместе с тем стойкая, решительная Ребекка Рэндл до сих пор остается любимицей читателей всех возрастов, а стиль автора, сочетающий светлый юмор и поэтичность образов, привлекает к книге внимание критиков и литературоведов.

М. Ю. Батищева

Ей очи-звезды ночь дала
И кудри, как густая мгла.
Но свет, веселье майских дней
Играют и танцуют в ней -
Созданье, - чтобы поражать,
Тревожить и подстерегать!
Вордсворт

Глава 1 "Нас семеро"

Старый почтовый дилижанс с грохотом катил по пыльной дороге из Мейплвуда в Риверборо. Была середина мая, но день выдался по-летнему жаркий, и мистер Джеримайя Кобб вынужден был щадить лошадей, насколько позволяло ему то обстоятельство, что вез он срочную почту. Подъемов и спусков на дороге было немало, но вожжи провисли в его руках, а сам он лениво развалился, откинувшись на своем сиденье и с наслаждением положив вытянутую ногу на щиток экипажа. Потертая фетровая шляпа была глубоко надвинута на глаза, а за левой щекой он медленно поворачивал языком кусок табачной жвачки.

Внутри дилижанса был лишь один пассажир - маленькая темноволосая особа в желтовато-коричневом ситцевом платье и нитяных перчатках. Она была такой тоненькой и легкой, а ее сильно накрахмаленное платье таким скользким, что бедняжка ездил туда и сюда на кожаных подушках, несмотря на то что изо всех сил упиралась ногами в сиденье напротив и вытягивала руки в стороны, чтобы сохранить хоть какое-то равновесие. Но каждый раз, когда колеса чуть глубже ныряли в колею или неожиданно подскакивали, наехав на камень, она невольно взлетала в воздух и, снова упав на сиденье, поправляла съехавшую на нос забавную соломенную шляпку и поднимала с пола или просто получше устраивала рядом с собой маленький розовый зонтик. Этот зонтик был, по-видимому, главным предметом ее забот, если не считать бисерного кошелечка, в который она заглядывала всякий раз, когда это позволяло состояние дороги, явно находя большое удовлетворение в том, что ценное его содержимое не исчезло и даже не уменьшилось. Мистер Кобб абсолютно не догадывался о столь изнурительных обстоятельствах путешествия внутри дилижанса: дело возницы - доставлять людей к месту назначения, и из этого совсем не следует, что он обязан обеспечивать им в пути удобства. Сказать по правде, мистер Кобб забыл о самом существовании своей ничем не примечательной маленькой пассажирки.

Когда в это утро он собирался выехать с почты в Мейплвуде, из остановившейся неподалеку брички вышла женщина и, подойдя к нему, осведомилась, действительно ли это почтовый дилижанс из Риверборо и действительно ли перед ней мистер Кобб. Получив утвердительный ответ, она кивком головы позвала девочку, которая, сидя в бричке, с нетерпением ожидала этого сигнала и бросилась к матери бегом, словно боясь хоть на мгновение опоздать. Можно было предположить, что ей лет десять или одиннадцать, но, каков бы ни был ее возраст, казалась она для него слишком маленькой. Мать помогла ей влезть в дилижанс, положила рядом с ней узелок и букет сирени, проследила за тем, как мистер Кобб привязывал на задок дилижанса старый сундучок, обитый некрашеной кожей, и, наконец, заплатила за проезд, с большой тщательностью отсчитав серебро.

- Я хочу, чтобы вы доставили ее к моим сестрам в Риверборо, - сказала она. - Вы знаете Миранду и Джейн Сойер? Они живут в кирпичном доме.

Бог ты мой, да он знал их так хорошо, как если б сам был одной из них!

- Так вот, она едет к ним. Они ее ждут. Будьте добры, приглядите за ней в дороге. А то она может заболтаться с кем-нибудь на остановке и отстать или прихватить кого-нибудь с собой для компании... До свидания, Ребекка, постарайся ничего не натворить и сиди смирно, чтобы, когда приедешь, была чистой и опрятной. И не доставляй лишних хлопот мистеру Коббу... Боюсь, она порядком возбуждена. Вчера мы приехали на поезде из Темперанса, ночевали на ферме у моей двоюродной сестры, а сегодня от нее добирались сюда в бричке - восемь миль пути.

- До свидания, мама, не беспокойся. Ты же знаешь, я не первый раз путешествую.

Женщина засмеялась и, снова обращаясь к мистеру Коббу, пояснила:

- Она была один раз в Уэйрхеме и ночевала там; не такая это поездка, чтобы называть ее путешествием!

- Это было путешествие, мама, - горячо возразила девочка. - Ведь мы ушли с фермы, завтрак у нас был с собой в корзинке, и мы ехали немножко на лошади, а немножко на поезде и брали с собой ночные рубашки.

- Если и брали, то ни к чему сообщать об этом целой деревне, - сказала мать, прерывая воспоминания опытной путешественницы. - Разве я не говорила тебе, - шепнула она в последней попытке навести дисциплину, - что нельзя громко говорить о ночных рубашках, чулках... и прочих подобных вещах, особенно когда кругом мужчины?

- Я знаю, мама, знаю, и не буду. Я только хотела сказать... - здесь мистер Кобб щелкнул языком, хлестнул вожжами, и лошади степенно тронулись в свой ежедневный путь, - я только хотела сказать, что это путешествие, когда... - дилижанс уже ехал по

дороге, и Ребекке пришлось высунуть голову в дверцу, чтобы закончить свою фразу, - это путешествие, когда берешь с собой ночную рубашку!

И запретные слова, выкрикнутые тоненьким звонким голоском, вновь оскорбили слух миссис Рэндл. Она проводила взглядом дилижанс, села в свою бричку и, уже развернув лошадь в обратном направлении, на мгновение привстала на ноги, прикрыла глаза рукой от солнца и взглянула на клубившееся вдали облачко пыли.

"Хлопот у Миранды будет полон рот, - подумала она, - но я ничуть не удивлюсь, если ей все-таки удастся сделать из Ребекки человека".

Все это было полчаса назад, и солнце, жара, пыль, а также раздумья о различных поручениях, которые нужно было исполнить в таком крупном центре местной деловой жизни, как Милтаун, совсем усыпили и без того не отличавшегося живостью ума мистера Кобба, так что он полностью забыл о своем обещании приглядывать за Ребеккой.

Неожиданно среди грохота и дребезжания колес и скрипа упряжи ему почудился тоненький голосок. Сначала он подумал, что это сверчок, древесная лягушка или птичка, но затем, определив, откуда идет звук, бросил взгляд через плечо и увидел маленькую фигурку, высунувшуюся в окошко дилижанса настолько, насколько это можно было сделать, не подвергая себя риску вывалиться из экипажа. Длинная черная коса раскачивалась в такт движению дилижанса, в одной руке девочка держала шляпу, а в другой свой маленький зонтик, делая безуспешные попытки дотянуться им до возницы.

- Мистер Кобб, я хочу вам что-то сказать! - кричала она.

Мистер Кобб послушно натянул поводья.

- Скажите, а ехать наверху с вами намного дороже? - спросила она. - Здесь, внутри, такие скользкие сиденья и так жарко. И карета слишком большая для меня! Меня так в ней швыряет, что скоро я вся буду в синяках. А окна такие маленькие, что ничего не видно целиком, а когда я хочу поглядеть, не свалился ли с задка сундучок, мне приходится почти вывихивать шею. Это мамин сундучок, и она очень им дорожит.

Мистер Кобб подождал, пока этот поток слов или, выражаясь точнее, эта лавина критических замечаний иссякла, а затем сказал шутливо:

- Дополнительная плата за право сидеть рядом со мной не взимается. Влезай наверх, если хочешь, - после чего помог ей выбраться из дилижанса и, "вознеся" ее на переднее сиденье, снова занял свое место.

Ребекка села осторожно, предварительно с чрезвычайной заботливостью расправив под собой платье. На сиденье между собой и возницей она положила розовый зонтик, аккуратно закрыв его складками платья. Сделав все это, она сдвинула шляпу на затылок, подтянула заштопанные нитяные перчатки и радостно сказала:

- Вот так-то лучше! Похоже на путешествие! Теперь я настоящая пассажирка, а там, внутри, я чувствовала себя как наша наседка, когда мы запираем ее в курятнике. Я надеюсь, нам предстоит долгий путь.

- О, он еще только начался, - отвечал мистер Кобб добродушно, - а ехать нам целых два часа.

- Всего только два часа! - Она вздохнула. - Это будет половина второго. Мама к тому времени вернется к кухне Энн, а дома уже пообедают, и Ханна уберет со стола. Я позавтракала, потому что мама сказала, что это будет плохое начало - явиться к тетям голодной и заставлять их первым делом накрывать для меня на стол... Отличный, похоже, будет день, правда?

- Это точно; пожалуй, слишком жарко, слишком. Почему ты не раскроешь свой зонтик?

Она еще глубже задвинула упомянутый предмет под складки своего платья и сказала:

- Ах, что вы! Я никогда не раскрываю его, когда солнце светит. Понимаете, розовое ужасно выгорает, поэтому я хожу под ним только на молитвенные собрания и только по пасмурным воскресеньям. Иногда солнце неожиданно прорывается из-за туч, и тогда мне приходится как можно скорее его сворачивать. Это для меня самая дорогая в

жизни вещь, но требует ужасных забот.

В этот момент в неповоротливом уме мистера Джеримайи Кобба начала зарождаться мысль о том, что птичка, сидящая на жердочке рядом с ним, совсем не того полета, каких он привык встречать во время своих ежедневных поездок. Он положил свой кнут в предназначенное для него углубление рядом с сиденьем, снял ногу со щитка, сдвинул шляпу на затылок, выплюнул на дорогу табачную жвачку и, устранив таким образом все препятствия для умственной деятельности, в первый раз внимательно посмотрел на свою пассажирку - она встретила его взгляд серьезно, с детской доверчивостью и дружелюбным интересом.

Желтовато-коричневое ситцевое платье было заметно полинявшим, но безупречно чистым и накрахмаленным до невозможности. Из маленького стоячего воротничка торчала смуглая и худая шея, а голова казалась слишком маленькой для тяжелой и толстой косы, свисавшей до самой талии. Странная маленькая шляпка из белой итальянской соломы с козырьком могла быть либо последней новинкой детской моды, либо каким-то старинным головным убором, подновленным по необходимости. Шляпку украшала коричневая лента и нечто, напоминавшее пучок черных и оранжевых иголок дикобраза, висевший, или, лучше сказать, щетинившийся, над одним ухом, придавая обладательнице шляпки самый диковинный и необычный вид. Лицо у девочки было бледное, с четко очерченным овалом. Что же касается отдельных черт, то их у нее было, вероятно, не меньше, чем у других, но взгляд мистера Кобба не смог проследовать до носа, лба или подбородка, ибо на этом пути его перехватили и накрепко приковали к себе ее глаза. Глаза у Ребекки были словно вера, которая есть "осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом"¹. Словно две звезды, сияли они под тонко очерченными бровями - танцующие огоньки, вспыхивающие в блестящей мгле. Когда она бросала быстрый взгляд, он был живым и полным интереса, неизменно, впрочем, остававшегося неудовлетворенным; когда же она смотрела пристально, глаза казались сверкающими и таинственными и создавалось впечатление, что смотрит она прямо сквозь внешнее и очевидное на что-то, лежащее за ним, - внутрь предмета, пейзажа, внутрь вас. Им никогда нельзя было найти объяснения, этим глазам Ребекки. Школьный учитель и священник в Темперансе пытались сделать это, но потерпели неудачу; молодая художница, приехавшая на лето с целью сделать эскизы старинной красной конюшни, полуразрушенной мельницы и моста, кончила тем, что, забыв обо всех местных красотах, целиком предалась изображению лица девочки - маленького, некрасивого, но озаренного сиянием глаз, полных таких откровений, глаз, наводящих на такие размышления и говорящих о такой дремлющей внутренней силе и проницательности, что никто никогда не уставал глядеть в их сверкающие глубины и воображать, что то, что он видит там, есть отражение его собственных мыслей.

Мистер Кобб не делал подобных обобщений; его наблюдения, сообщенные в тот вечер жене, сводились к тому, что своим взглядом девочка "прямо-таки ошарашивает".

- Мисс Росс - она художница - подарила мне этот зонтик, - сказала Ребекка, после того как, обменявшись долгим взглядом с мистером Коббом, хорошо запомнила его лицо. - Вы заметили эти двойные сборки на ткани? А шпиль и ручку? Они из слоновой кости. Ручка исцарапана, видите? Это потому, что Фанни сосала и грызла ее во время молитвенного собрания, когда я не видела. С тех пор я не могу относиться к Фанни по-прежнему.

- Фанни - твоя сестра?

- Да, одна из сестер.

- Сколько же вас всего?

- Семеро. Знаете стихи о семье, в которой семеро детей? Там есть такие слова -

Ответ ее был скор и тверд:

¹ Библия. Послание к евреям, гл. 11, стих 1.

"Нас семеро, милорд!"

Я разучила эти стихи², чтобы прочитать в школе, но там все такие противные: они стали смеяться... Ханна - старшая, потом - я, потом - Джон, потом - Дженни, потом - Марк, потом - Фанни, потом - Мира.

- Да, семья большая!

- Чересчур большая, все говорят, - ответила Ребекка с неожиданной и совершенно взрослой откровенностью, побудив тем самым мистера Кобба пробормотать: "Ого!" - и заложить за левую щеку новый кусок жвачки.

- Дети, конечно, милые, но столько с ними хлопот, да и прокормить их дорого, сами понимаете, - продолжал журчащий голосок. - Мы с Ханной только и делали, что укладывали малышей спать по вечерам и поднимали по утрам, и так - целую вечность. Единственное утешение - что теперь все это кончилось; и мы чудесно заживем, когда все вырастем и закладная на ферму будет выкуплена.

- Все кончилось? А, ты хочешь сказать, что ты уехала.

- Нет, я хочу сказать, что дети кончились, - наша семья больше не будет расти. Мама так говорит, а она всегда держит слово. После Миры никого не было, а ей уже три года. Она родилась в тот самый день, когда папа умер. Тетя Миранда хотела, чтобы в Риверборо приехала не я, а Ханна, но мама не может обойтись без нее. У нее больше способностей к хозяйственным делам, чем у меня, то есть у Ханны их больше. Я сказала маме вчера вечером, что, если, пока меня не будет дома, появятся еще дети, то придется за мной посылать, потому что когда есть младенец, то для ухода за ним нужны мы обе с Ханной, ведь маме надо готовить еду, да еще и ферма...

- О, ты живешь на ферме, вот как? Где же это? Рядом с Мейплвудом, где ты села в мой дилижанс?

- Рядом? Ну нет; я думаю, за тысячи миль. Из Темперанса мы ехали на поезде, а потом очень долго в экипаже к кухне Энн и у нее ночевали. Потом мы встали и еще ехали в бричке до Мейплвуда, чтобы посадить меня в ваш почтовый дилижанс. Наша ферма от всего далеко, только школа и молитвенный дом близко, в Темперансе, за две мили от нас... Я думаю, что здесь, наверху, рядом с вами, не хуже, чем на колокольне. Я знаю одного мальчика, который лазил на колокольню нашего молитвенного дома. Так вот он говорит, что, когда смотришь оттуда, люди и коровы кажутся не больше мух. Мы с вами еще не встретили никаких людей на пути, но насчет коров я немного разочарована: они не кажутся такими маленькими, как я надеялась. Но все же, - добавила она, оживляясь, - они и не такие большие, как когда мы смотрим на них снизу вверх, правда? Мальчики всегда делают все замечательно интересное, а девочки только то отвратительно скучное, что остается. Девочки не могут лазить так высоко, или уходить так далеко, или ложиться спать так поздно, или бегать так быстро.

Мистер Кобб вытер рот тыльной стороной руки и судорожно глотнул воздух. У него было такое чувство, словно его гонят по горной цепи, с пика на пик, не давая перевести дух перед новым подъемом.

- Никак не соображу, где же это находится твоя ферма, - сказал он, - хотя я бывал в Темперансе и даже жил прежде ближе к тем местам. Как зовут твою мать?

- Орилия Рэндл, а нас - Ханна Люси Рэндл, Ребекка Ровена Рэндл, Джон Галифакс Рэндл, Дженни Линд Рэндл, Маркиз Рэндл, Фанни Эльслер Рэндл и Миранда Рэндл. Половину из нас назвала мама, а другую половину - папа, но нас вышло нечетное число, поэтому папа с мамой решили, что будет неплохо назвать Миру в честь тети Миранды, которая живет в Риверборо. Они надеялись, что от этого будет какой-то прок, но ничего не вышло, и теперь мы зовем ее просто Мира. Вообще-то мы все названы в честь кого-нибудь: Ханна - из сказки, я - из "Айвенго", Джон Галифакс - тоже джентльмен из книжки, Марк - в

² "Нас семеро" (1820) - стихотворение английского поэта Уильяма Вордсворта (1770 - 1850).

честь дяди, Маркиза де Лафайета³, папиного близнеца, который умер в детстве. (Близнецы очень часто умирают, не успев вырасти, а тройняшки - почти всегда. Вы это знали, мистер Кобб?) Мы зовем его не Маркиз, а просто Марк. Дженни названа в честь певицы, а Фанни - красивой танцовщицы; но мама говорит, что обе - невпопад, потому что у Дженни совсем нет слуха, а у Фанни - ноги как деревянные. Мама хотела бы называть их Джейн и Фрэнсис и совсем пропускать их вторые имена, но говорит, что это было бы нечестно по отношению к папе. Она говорит, что мы всегда и во всем должны быть на стороне папы, потому что все в жизни было против него, и что он не умер бы, если бы ему больше везло в жизни. Пожалуй, это все, что можно сказать о нашей семье, - закончила она серьезно.

- Скажите на милость! Сдается мне, что и этого достаточно! - воскликнул мистер Кобб. - Не так уж много имен осталось, когда ваша мама всех вас назвала. Изрядная у тебя память. Уроки ты, думаю, заучиваешь без труда, а?

- Заучить нетрудно; трудно достать туфли, чтобы можно было пойти в школу и эти уроки заучить. Эти туфли, что на мне, чистые и новые, они должны проноситься шесть месяцев. Мама всегда повторяет, что надо беречь туфли. Но, похоже, нет никакого другого способа сберечь туфли, как только снять их и ходить босиком; но в Риверборо я не смогу ходить босиком: я опозорила бы этим тетю Миранду... Как только я поселюсь у тети Миранды, сразу пойду в школу, а через два года - в учительскую семинарию в Уэйрхеме. Мама говорит, что так им удастся сделать из меня человека. Я собираюсь стать художницей, как мисс Росс, когда кончу учиться. Во всяком случае, я думаю, что буду художницей. Мама считает, что мне лучше стать учительницей.

- Не на старой ли ферме Хоббов вы живете, а?

- Нет, наша ферма - это именно ферма Рэндлов, по крайней мере так ее называет мама. Я называю ее "ферма Солнечный Ручей".

- Ну, думаю, неважно, как там ты ее называешь, лишь бы знала, где она находится, - заметил мистер Кобб назидательным тоном.

Ребекка с укоризной, почти сурово, направив на него весь свет своих глаз, сказала:

- О, не говорите так! Не будьте вы как все остальные! Это очень важно, как называть то, что нас окружает. Когда я говорю "ферма Рэндлов", вы представляете, как она выглядит?

- Нет, не скажу, чтоб представлял, - отвечал мистер Кобб смущенно.

- Ну, а когда я говорю "ферма Солнечный Ручей", что сразу приходит вам в голову?

Мистер Кобб чувствовал себя как рыба, которую извлекли из родной стихии и оставили задыхаться на песке. Уклониться от ужасной обязанности дать ответ было совершенно невозможно - глаза Ребекки были прожекторами, пронзавшими его мозг насквозь и прощупывавшими все, вплоть до плечи на макушке.

- Наверное, там поблизости есть ручей, - сказал он неуверенно.

Этот ответ, казалось, разочаровал Ребекку, однако не привел ее в уныние.

- Для начала неплохо, - сказала она ободряюще. - Уже тепло, но еще не горячо. Да, там есть ручей, но ручей этот необычный. По обеим сторонам его растут молоденькие деревца и малюсенькие кустики, сам он мелкий и журчащий, а дно покрыто белым песком и мелкой блестящей галькой. Стоит проглянуть хоть одному лучу солнца, ручей перехватывает и отражает его, и от этого он целый день полон блеском... Слушайте, у вас не сосет под ложечкой? У меня сосет. Я ужасно боялась, что опоздаю на ваш дилижанс, и не могла ничего есть за завтраком.

- Тогда тебе лучше съесть, что там у тебя в узелке. Я-то обычно ничего не ем до самого

³ Существовала мода называть детей именами выдающихся исторических личностей. Дядя Марка был назван Маркизом де Лафайетом в честь французского политического деятеля (1757 - 1834), участвовавшего в войне американских колоний Великобритании за независимость.

Милтауна, а там съедаю пирог и выпиваю чашку кофе.

- Как я хотела бы увидеть Милтаун! Я думаю, он и больше, и великолепнее, чем Уэйрхем, и похож на Париж. Мисс Росс рассказывала мне о Париже; там она купила мой розовый зонтик и мой бисерный кошелечек. Видите, как он открывается - со щелчком. У меня в нем двадцать центов; этого должно хватить на три месяца - на марки, бумагу и чернила. Мама говорит, что тетя Миранда не захочет покупать еще и такие вещи, когда ей придется кормить меня, одевать и платить за мои школьные учебники.

- Париж совсем не большой, - сказал мистер Кобб пренебрежительно. - Самый скучный городишко во всем штате Мэн. Я туда много раз ездил⁴.

И снова Ребекка была вынуждена укорить мистера Кобба безмолвно и спокойно, но тем не менее твердо, хотя упрек выразился лишь в одном взгляде, быстро брошенном и быстро отведенном.

- Париж - столица Франции, и туда вам пришлось бы добираться на корабле, - сказала она наставительно. - Все это написано в моей географии. Там сказано: "Французы веселые и учтивые люди, любят танцы и легкие вина". Я спросила учителя, что такое легкие вина. Он думает, что это что-то вроде свежего сидра или, может быть, имбирного пива. Я вижу Париж как на ладони, стоит мне только закрыть глаза. Повсюду танцуют веселые прекрасные леди с розовыми зонтиками и бисерными кошелечками в руках, и учтивые величественные джентльмены тоже танцуют и пьют имбирное пиво... Но вы можете видеть Милтаун почти каждый день, и вам даже не надо закрывать для этого глаза, - добавила она с легкой завистью.

- Милтаун тоже не слишком велик, - проронил мистер Кобб с таким видом, словно уже побывал во всех крупных городах на свете и нашел их одинаково ничтожными. - А вот погляди, как я швырну эту газету прямо на порог мисс Браун.

Бум! Сверток приземлился, как и было задумано, прямо на плетеный коврик перед дверью, затянутой проволоочной сеткой от мух.

- О, как здорово! - воскликнула Ребекка в восторге. - Вы прямо как метатель ножей, которого Марк видел в цирке. Я хотела бы, чтобы здесь был длинный-предлинный ряд домов, и у каждого посередине дверь с проволоочной сеткой и плетеным ковриком, и на каждый надо было бы бросить газету!

- Ну, знаешь, я мог бы кое-где и промахнуться, - сказал мистер Кобб, лучась скромной гордостью. - Если твоя тетя Миранда позволит, я возьму тебя как-нибудь этим летом в Милтаун, когда в дилижансе будет место.

Дрожь восхищения пробежала по телу Ребекки - от новых туфель и все выше и выше, до соломенной шляпки, а затем вниз по черной косе. Она пылко стиснула рукой колено мистера Кобба и сказала дрожащим от слез радости и удивления голосом:

- О, неужели это сбудется - не может быть! Подумать только, я увижу Милтаун! Это все равно как если бы иметь фею-крестную, которая спрашивает о твоём заветном желании, а потом его исполняет. Вы когда-нибудь читали "Золушку", или "Желтого карлика", или "Заколдованную лягушку", или "Златовласку"?

- Кажется, нет, - осторожно сказал мистер Кобб после минутного размышления. - Вот этого я, кажется, не читал. А где это тебе представилась возможность столько прочитать?

- О, я прочитала кучу книг, - ответила Ребекка небрежно. - И папины, и мисс Росс, и всех школьных учителей, какие у нас были, и всю библиотечку воскресной школы. Я читала "Фонарщик", "Вожди шотландских кланов", "Айвенго", "Наследник Редклифа", "Жена доктора", "Давид Копперфильд", "Жизнеописания Плутарха", "Тадеуш Варшавский", "Путешествие пилигрима"⁵ и еще много других. А вы что читали?

⁴ В штате Мэн есть городок с названием Париж.

⁵ Перечисленные произведения принадлежат главным образом английским писателям и писательницам

- Вот именно эти книги мне как-то не случилось прочитать. Но, Боже мой, в свое время я уйму всего перечитал! А сейчас столько езжу, что обхожусь "Альманахом", "Еженедельным Аргусом" да еще "Земледельцем штата Мэн"⁶... Вот опять река; это последний длинный холм на пути, и, когда мы доберемся до его вершины, вдали будут видны трубы Риверборо. Кирпичный дом совсем недалеко. А еще полмили проедешь - и мой дом.

Ребекка нервно сжала лежавшие на коленях руки и передвинулась на сиденье.

- Я не ожидала, что мне станет страшно, - сказала она почти беззвучно, - но, похоже, я все-таки испугалась, самую капельку, когда вы сказали, что мы уже так близко.

- Не желаешь ли вернуться? - лукаво спросил мистер Кобб.

В ответ она бросила на него взгляд, в котором не было страха, и гордо заявила:

- Я никогда не отступаю - я могу испугаться, но бежать мне было бы стыдно. Войти к тете Миранде - это все равно что спуститься в темный подвал. Конечно, там под лестницей могут оказаться великаны-людоеды, но, как я всегда говорю Ханне, там могут быть совсем не они, а феи, эльфы и заколдованные лягушки!.. В этой деревне тоже есть главная улица, как и в Уэйрхеме?

- Пожалуй, можно назвать эту улицу главной, и твоя тетя живет на ней, но только нет здесь ни магазинов, ни фабрик. Захолустная деревушка! Чтобы увидеть что-нибудь интересное, надо перебраться через реку на нашу сторону.

- Жаль, - вздохнула она. - Это было бы великолепно - проехать по настоящей главной улице, сидя так высоко над парой отличных лошадей и держа над собой раскрытый розовый зонтик, а все в деревне спрашивали бы друг у друга, кому принадлежит этот букет сирени и сундучок, обитый некрашеной кожей. Это все напоминало бы ту прекрасную леди, которую я видела в цирковой процессии. Прошлым летом в Темперанс приезжал цирк, и утром артисты торжественно проехали по улицам. Мама разрешила нам всем пойти посмотреть и взять с собой Миру в колясочке. Вечером мы не могли пойти на представление: у нас не было денег на билеты. А в процессии были прекрасные кони, и звери в клетках, и клоуны на лошадях, а в самом конце ехала маленькая красная с золотом легкая коляска, запряженная двумя пони, и в ней на бархатной подушке сидела заклинательница змей, вся в атласе и блестках. Второй такой красавицы, мистер Кобб, не сыскать в мире. Когда на нее смотришь, приходится с трудом глотать комок, который встает в горле, а холодная дрожь пробегает вверх и вниз по спине. Вы знаете, о чем я говорю? Вам приходилось видеть кого-нибудь, кто вызывал бы у вас такие чувства?

Мистеру Коббу уже не раз приходилось нелегко на протяжении этого богатого событиями утра, а теперь он почувствовал себя еще более неловко. Однако он умело уклонился от ответа, сказав:

- Насколько я могу судить, не будет ничего плохого, если мы с тобой устроим пышный въезд со всем возможным блеском и шиком. Я выну кнут, сяду прямо и буду погонять лошадей, а ты держи свой букет на коленях и раскрой зонтик - и мы заставим всех здешних жителей разинуть рты!

Лицо девочки на мгновение просияло, но румянец тут же угас, и она сказала:

- Я забыла... Мама посадила меня внутрь дилижанса. Может быть, она хотела, чтобы я сидела именно там, когда буду подъезжать к дому тети Миранды. Может быть, внутри я буду выглядеть более благородно. К тому же тогда мне не придется спрыгивать, и мои

XVIII - XIX веков: М. Камминс ("Фонарщик", 1854), Дж. Портер ("Тадеуш Варшавский", 1803; "Вожди шотландских кланов", 1810), В. Скотту ("Айвенго", 1820), Ш. Йонг ("Наследник Редклифа", 1853), Ч. Диккенсу ("Давид Копперфильд", 1850), Дж. Беньяну ("Путешествие пилигрима", 1678), М. Браддон ("Жена доктора", 1864). Плутарх - греческий писатель (46 - 125 гг. н. э.), автор "Жизнеописаний древних греков и римлян".

⁶ Названия журналов.

юбки не взлетят вверх. Я открою дверцу и выйду как настоящая пассажирка. Будьте добры, мистер Кобб, остановите, чтобы я могла пересесть внутрь.

Добродушный возница, натянув вожжи, остановил лошадей, снял взволнованную маленькую особу с переднего сиденья, открыл дверь, помог ей забраться внутрь и положил рядом с ней букет сирени и розовый зонтик.

- Мы с тобой отлично проехались, - заметил он, - и хорошо познакомились, так ведь? Так не забудешь про Милтаун?

- Никогда! - воскликнула она с жаром. - А вы уверены, что тоже не забудете?

- Никогда! Клянусь! - торжественно заверил мистер Кобб, снова взбираясь на свое сиденье.

Пока дилижанс громыхал вдоль деревенской улицы между двумя рядами зеленых кленов, жители, выглядывавшие из своих окон, видели в нем маленького смуглого эльфа в желтовато-коричневом ситцевом платье, с чопорным видом сидящего на заднем сиденье и крепко держащего в одной руке огромный букет сирени, а в другой - розовый зонтик. Если бы они оказались достаточно дальнзорки, то, когда дилижанс свернул к боковым дверям старого кирпичного дома, они могли бы увидеть, как кокетка ситцевого платья бурно вздымается и опускается над отчаянно бьющимся сердцем, как красные пятна выступают и пропадают на бледных щеках, а слезы заволакивают блестящие темные глаза - путешествие Ребекки подошло к концу.

- Смотри, почтовый дилижанс заворачивает к палисаднику девочек Сойер, - сказала своему мужу миссис Перкинс. - Это, должно быть, их племянница из Темперанса приехала. Они писали Орилии и приглашали к себе ее старшую дочку Ханну. Но Орилия ответила, что ей легче обойтись без Ребекки и она отпустит ее; конечно, если Миранде и Джейн все равно. Так что, значит, это Ребекка приехала. Она будет подходящей подружкой для нашей Эммы-Джейн. Только не верится мне, что девочки Сойер продержат ее у себя три месяца!.. Смуглая она, как индеец; это все, что я успела заметить, - смуглая и, кажется, бойкая. Поговаривали, что кто-то из Рэндлов женился на испанке - она учила музыке и языкам в каком-то пансионе. Лоренцо был смуглый, ты ведь помнишь, и эта девочка тоже. Ну, не знаю, зазорно ли иметь испанскую кровь в жилах; думаю, что нет, раз дело было давно, да и женщина та, говорят, была порядочная.

Глава 2 Ребекка и ее родня

"Девочками Сойер" их называли, когда восемнадцатилетняя Миранда, двенадцатилетняя Джейн и восьмилетняя Орилия принимали активное участие в довольно разнообразной общественной жизни своей деревни; а уж если жители Риверборо приобретали привычку думать или говорить что-либо, они не видели причин отказываться от нее - во всяком случае, в том же столетии. Так что, хотя в то время, когда начинается эта история, Миранде и Джейн было за пятьдесят, в Риверборо все еще называли их "девочками Сойер". Старшие оставались незамужними, но Орилия совершила то, что сама она называла "романтическим", а ее сестры "крайне необдуманным" поступком. "Так вступить в брак хуже, чем быть старой девой", - говорили они; действительно ли они так думали - совсем другой вопрос.

Романтический элемент в брак Орилии вносило главным образом то обстоятельство, что мистер Лоренцо де Медичи Рэндл отличался возвышенной душой и, находя земледелие и ремесло чуждыми себе занятиями, состоял на службе у муз. Он преподавал в еженедельных школах пения (характерная черта тогдашней сельской жизни) в полудюжине соседних городков и деревень, учил премудростям контрданса и мазурки неотесанных юнцов, которым предстояло выйти в свет, играл на скрипке и "руководил" танцами, а по воскресеньям извлекал могучие аккорды из церковных мелодионов⁷. Он

⁷ Мелодион - клавишный музыкальный инструмент.

был заметной фигурой на всех концертах и балах, однако блистал отсутствием на более серьезных мероприятиях и в чисто мужских сборищах в баре или за бриджем.

Волосы его были немного длиннее, руки немного блее, туфли немного изящнее, манеры чуть-чуть утонченнее, чем у его более здравомыслящих соседей; но нельзя сказать, что он выделялся блестящими способностями зарабатывать на жизнь. К счастью, у него не было никаких материальных обязанностей: его отец и брат-близнец умерли, когда он был еще мальчиком, а его мать, чьим единственным заслуживающим упоминания достижением были данные сыновьям имена - Маркиз де Лафайет и Лоренцо де Медичи⁸, зарабатывала на жизнь и на образование сыну тем, что шила пальто. Она имела обыкновение говорить с грустью:

- Боюсь, что дарования были слишком четко разделены между моими близнецами. Л. Д. М. невероятно талантлив, но мне кажется, что если бы М. Д. Л. остался жив, он был бы очень практичным человеком.

- Л. Д. М. оказался достаточно практичным, чтобы заполучить в жены самую богатую невесту в деревне, - возражала ей миссис Робинсон.

- Да, - вздыхала его мать, - и здесь та же проблема. Если бы близнецы вдвоем могли жениться на Орилии Сойер, все было бы в порядке. У Л. Д. М. хватило способностей, чтобы получить ее деньги, но М. Д. Л., несомненно, оказался бы достаточно практичен, чтобы суметь сохранить их.

Причитавшаяся Орилии доля скромного наследства Сойеров была постепенно растратчена красивым и незадачливым Лоренцо де Медичи. Он придерживался чарующего и поэтичного обычая делать крупные капиталовложения в честь каждого сына или дочери, чье появление благословило его супружеский союз. "Подарок ко дню рождения нашей крошки, Орилия, - обычно говорил он, - яичко-подкладень⁹ для нашего гнездышка, чтобы привлечь счастье". Но однажды Орилия в приступе горечи заметила, что не было еще на свете курицы, которая смогла бы хоть что-нибудь из таких яичек высидеть.

Миранда и Джейн фактически сняли с себя всякую ответственность за судьбу Орилии, как только та вышла замуж за Лоренцо де Медичи Рэндла. Исчерпав все возможности, представившиеся им в Риверборо и его окрестностях, несчастливая супружеская чета начала продвигаться все дальше и дальше от родных мест, всякий раз оказываясь на все более низких ступенях процветания, пока не достигла Темперанса. Там семейство окончательно осело и предоставило судьбе делать что угодно - чем та немедленно воспользовалась. Сестры писали Орилии два или три раза в год, а к Рождеству присылали детям скромные, но в высшей степени полезные подарки, однако они неизменно отказывались помочь Л. Д. М. нести расходы по содержанию его быстрорастущего семейства. Последним капиталовложением мистера Рэндла, сделанным незадолго до рождения Миранды (названной так в горячей надежде на благосклонность, которой так и не удалось дожждаться), была маленькая ферма в двух милях от Темперанса. Орилия сама устроила эту покупку; и в результате семья обрела хоть какой-то дом, а несчастный Лоренцо нашел место, где он смог умереть - долг, с которым, по мнению многих, он слишком долго тянул, исполнив его в день появления на свет Миры.

В этом-то легкомысленном и беспечном семействе и росла Ребекка. Это была самая обыкновенная семья - двое или трое детей красивых, трое довольно сообразительных, двое трудолюбивых, двое заурядных и скучных. Ребекка обладала талантами отца и была его самой способной ученицей. Она на слух подражала скрипке, танцевала, даже не учившись

⁸ Лоренцо де Медичи - это имя носили в разное время несколько членов итальянской семьи Медичи, сыгравшей выдающуюся роль в политической и культурной жизни Флоренции и Тосканы.

⁹ Яйцо, оставляемое в гнезде для привлечения наседки.

этому, и играла на мелодии, не зная нот. Любовь к чтению она унаследовала главным образом от матери, которой было невыносимо тяжело подметать, варить или шить, если в доме был непрочитанный роман. К счастью, книг было немного, иначе детям пришлось бы порой ходить оборванными и голодными.

Но дремали в Ребекке и иные силы: черты неведомых предков проявлялись в ее характере. Лоренцо де Медичи был нерешительным и слабохарактерным, Ребекка же - существом пылким и энергичным; ему не хватало силы и смелости, она была храброй в два года и неустрашимой в пять. Миссис Рэндл и Ханна были лишены чувства юмора, но Ребекка обладала им, и это обнаружилось, как только она начала ходить и говорить.

Ей, однако, не удалось унаследовать все добродетели ее родителей и прочих благородных предков, так же как избежать всех их недостатков. У нее не было ни терпения, которым отличалась ее сестра Ханна, ни непоколебимой выдержки, присущей ее брату Джону. Ее воля превращалась порой в своеволие, а легкость, с которой ей многое удавалось, вела к тому, что дела, требующие настойчивости и упорства, вызывали у нее раздражение. Но при всем, что было и чего не было на ферме Рэндлов, там царила свобода. Дети росли, трудились, дрались, ели что могли и спали где могли, любили друг друга и родителей довольно крепко, но без излишнего пыла и занимались собственным образованием девять месяцев в году, каждый по-своему.

В результате такого метода воспитания Ханна, которая, вероятно, могла бы развиться только с помощью сил, приложенных извне, оказалась старательной, но скучной и ограниченной, в то время как Ребекка, которая, очевидно, не нуждалась ни в чем, кроме свободы и простора для самовыражения, росла, росла и росла... Все ее силы, по-видимому, были приведены в действие в момент ее рождения и, не требуя никаких новых импульсов, обеспечивали ее развитие - каков будет его конечный результат, не знал никто, и менее всех - сама Ребекка. Поле для проявления заложенного в ней творческого инстинкта было удручающе малым, и все применение, какое она могла найти этой своей склонности, заключалось в том, чтобы замесить тесто для хлеба без яиц в один день и без молока в другой и посмотреть, что из этого выйдет, расчесывать волосы Фанни иногда с пробормотом посередине, иногда - справа, а иногда - слева, играть во всевозможные удивительные игры с младшими братьями и сестрами, порой выводя их к столу в виде исторических персонажей или героев ее любимых книг. Своими поступками Ребекка забавляла и мать, и семью в целом, но серьезная роль ей никогда и ни в чем не отводилась; и хотя ее считали "сообразительной" и достаточно самостоятельной для ее возраста, никто не находил, что она в чем-то превосходит прочих. Опыт Орилии в общении с талантом, воплощением которого был покойный Лоренцо де Медичи, привел к тому, что она прониклась гораздо большей любовью к обычному, заурядному здравому смыслу, досадную нехватку которого иногда проявляла Ребекка.

Ханна была любимицей матери в той степени, в какой Орилия могла позволить себе такую роскошь, как пристрастия. Родитель, который должен кормить и одевать семерых детей при доходе в пятнадцать долларов в месяц, редко располагает временем на то, чтобы проводить тонкое различие между отдельными птенцами своего выводка; однако в свои четырнадцать лет Ханна была и другом, и помощницей матери. Именно она вела домашнее хозяйство, пока Орилия была занята на скотном дворе и в поле. Ребекка годилась для вполне определенного круга заданий, таких, как проследить, чтобы никто из младших детей не убил себя или другого, накормить домашнюю птицу, собрать щепки для растопки, обобрать землянику, вытереть посуду, но в целом ее считали ненадежной, и Орилия, нуждавшаяся в какой-то опоре (и никогда не испытывавшая удовольствия иметь ее за то время, пока жила со своим талантливым супругом), нашла ее в Ханне. Последствия такого подхода уже обнаружились в Ханне - на лице ее чуть заметно обозначилась печать забот, а в манерах появилась некоторая резкость. Но она была сдержанной, воспитанной, заслуживающей доверия девочкой, и именно по этой причине тетקי пригласили ее в Риверборо, чтобы, став членом их семьи, она могла разделить с ними все

преимущества их более высокого положения в обществе. Прошло уже несколько лет с тех пор, как Миранда и Джейн видели детей Орилии, но до сих пор они с удовольствием вспоминали, что Ханна не проронила ни слова за время их визита, и поэтому пожелали видеть ее у себя в гостях. Что же касается поведения Ребекки во время той памятной встречи, то она прежде всего нарядила собаку в одежду Джона, а когда ее попросили причесать и вывести к обеду троих младших детей, она сначала поставила их под насос, а затем "прилепила" волосы каждого к голове неистовыми движениями щетки и доставила их к столу в таком сыром и отвратительно блестящем виде, что матери было стыдно за их внешность. Черные кудри самой Ребекки были обычно гладко зачесаны и убраны со лба, но по случаю приезда гостей ею было сделано дополнение к прическе - завиток волос, смоченный и прилепленный ко лбу - прямо посередине ее чела; украшение, которое ей было позволено носить недолго, - как только Ханне удалось привлечь внимание матери к этому локону, Ребекка была отправлена в соседнюю комнату "убрать это безобразие и привести себя в божеский вид". Это приказание она истолковала, пожалуй, слишком буквально и за две минуты изобрела крайне "набожный" стиль прически, ничуть не менее впечатляющий, хотя и не такой пугающий, как первый. Эти "номера" были исключительно результатом нервного возбуждения, вызванного церемонным и повоенному суровым обращением мисс Миранды Сойер. Но воспоминания о Ребекке были столь живы в памяти пожилых обитательниц кирпичного дома, что письмо Орилии, в котором она отвечала на присланное Ханне приглашение, стало для них до некоторой степени ударом. Орилия писала, что ей, вероятно, еще несколько лет будет не обойтись без Ханны, но что Ребекка придет, как только ее удастся собрать, что приглашение принято с признательностью и сердечной благодарностью и что регулярное посещение школы и церкви наряду с благотворным влиянием всей обстановки дома Сойеров, без сомнения, "сделают из Ребекки человека".

Глава 3 Разные сердца

- Кажется, я не предлагала ей сделать человеком любого из ее детей, - сказала Миранда, сложив письмо Орилии и убирая его в ящик ночного столика. - Я надеялась, что она пришлет нам того, кого мы просили. Но это так на нее похоже: спихнуть на кого-нибудь ту девчонку, с которой сладу нет.

- Но ты же помнишь, мы сами написали, что, если Ханна не сможет приехать, мы согласны принять Ребекку или даже Дженни, - робко вставила Джейн.

- Я знаю, что мы это написали, но при этом и понятия не имели, что дело обернется именно так, - проворчала Миранда.

- Три года назад, когда мы ее видели, она была совсем крошкой, - отважилась заметить Джейн, - за это время она могла стать лучше.

- Или хуже!

- Не будет ли это чем-то вроде почетной обязанности направить ее на путь истинный? - спросила Джейн нерешительно.

- Насчет "почетной" не знаю, но что будет эта обязанность тяжелой и неприятной, догадываюсь. Если мать до сих пор не направила девочку на путь истинный, вряд ли она сама сразу же проникнется к нему любовью.

Эти унылые и наводящие еще большее уныние беседы продолжались вплоть до чреватого важными последствиями дня, когда ожидалось прибытие Ребекки.

- Если и после ее приезда с ней будет столько же хлопот, сколько накануне, мы можем навсегда проститься с надеждой на какой бы то ни было отдых, - вздохнула Миранда, развешивая кухонные полотенца на кустах барбариса в палисаднике у боковых дверей дома.

- Но нам все равно пришлось бы делать уборку в доме, независимо от того, будет в нем Ребекка или нет, - убеждала Джейн. - И не понимаю, почему ты убирала, стирала и

пекла так, как будто тебе приходится делать это только из-за ребенка, и зачем тебе потребовалось покупать чуть ли не всю одежду и галантерею, какая была в магазине Уотсона.

- Если ты не знаешь Орилию, то я знаю, - ответила Миранда. - Я видела и ее дом, и эту кучу детишек, которые напяливают на себя одежду друг друга и которым все равно, надели они ее на правую сторону или на левую; и я знаю, точно так же как и ты, на какие гроши им приходится жить и одеваться. Этот ребенок, вполне вероятно, явится сюда с узелком вещей, взятых у прочих членов семьи. Скорее всего, на ней будут туфли Ханны, рубашка Джона и носки Марка. Я уверена, что у нее в жизни не было наперстка на пальце, но ей довольно скоро придется познакомиться с этим ощущением. Я купила для нее небеленого миткаля и коричневого полотна, чтобы она была при деле. Она, разумеется, ничего не убирает за собой и, вероятно, никогда не видела, как вытирают пыль, и приучить ее к нашим порядкам будет не легче, чем какую-нибудь язычницу.

- Конечно, у нее другие привычки, - согласилась Джейн, - но может оказаться, что она более послушная и исполнительная, чем мы думаем.

- Ей придется считаться с тем, что ей говорят, исполнительная она или неисполнительная, - заметила Миранда, встряхивая последнее полотенце.

У Миранды Сойер, разумеется, было сердце, но она никогда не использовала его ни для каких иных целей, кроме кровообращения. Она была честной, добросовестной, экономной, трудолюбивой, регулярно посещала церковь, состояла членом миссионерского и библейского обществ штата Мэн, но перед лицом всех этих холодных добродетелей вам хотелось одного теплого маленького недостатка или, за отсутствием такового, одной милой слабости, чего-то такого, что могло бы уверить вас, что эта женщина вполне живая. Она закончила местную окружную школу, но не получила никакого иного образования, так как все ее мечты и стремления были связаны с хозяйством - домом, фермой, молочней. В отличие от нее Джейн посещала частную школу, а также провела некоторое время в пансионе для молодых девиц; там же училась и Орилия; и, несмотря на то что прошло немало лет, по-прежнему сохранялась некоторая разница в языке и манерах между старшей и двумя младшими сестрами.

Другим неоценимым преимуществом Джейн была скорбь; не та естественная печаль по поводу кончины ее пожилых родителей, ибо она примирилась с неизбежностью этой утраты, но нечто гораздо более глубокое. В юности она была помолвлена и собиралась замуж за молодого Тома Картера, у которого, правда, не было ни дома, ни денег, но была уверенность, что и то, и другое рано или поздно появится. Потом разразилась война. Том добровольно вступил в армию, как только был объявлен призыв. К тому времени Джейн любила его тихой, похожей на дружбу любовью и питала нежные чувства того же рода к своей стране. Но борьба, опасности, тревоги того времени привели в движение иные, могучие потоки чувств. Жизнь стала чем-то еще, кроме завтрака, обеда, ужина, однообразной круговерти ежедневного приготовления еды, стирки, шитья да посещения церкви по воскресеньям. Из деревенских разговоров исчезли привычные сплетни. Важное и значительное заняло в них место пустяков - святое горе жен и матерей, страдания отцов и мужей, самопожертвование, сочувствие и новое желание помочь друг другу нести тяжкую ношу. Духовный рост мужчин и женщин был стремительным в те дни опасности и всеобщего напряжения, и Джейн пробудилась от смутного тусклого сна, как называла она прежнюю жизнь, к новым надеждам, новым страхам, новым замыслам. Затем, спустя год мучительной тревоги, год, когда никто не заглядывал в газеты без содрогания и страха, пришла телеграмма, извещавшая, что Том ранен, и, даже не спросив согласия Миранды, Джейн упаковала чемодан и отправилась в путь. Она прибыла вовремя, чтобы успеть поддержать руку Тома в часы боли, чтобы суметь показать ему на этот раз, какое оно - сердце внешне чопорной девушки из Новой Англии, когда охвачено любовью и горем; чтобы обнять его и чтобы в этих объятиях он нашел родной дом и мог спокойно умереть - и это было все. Все, но этого было достаточно.

Она прошла через месяцы утомительной работы в госпитале, месяцы ухода за другими солдатами ради дорогого Тома, и вернулась домой другой женщиной, лучше, чем была. И хотя с тех пор она никогда не покидала Риверборо и внешне превратилась в точную копию своей сестры и всех других строгих и тощих новоанглийских старых дев, была эта копия скорее подделкой, а внутри сохранялся еще слабый отголосок бурного биения сердца ее юности. Научившись любить и страдать, бедное верное сердце продолжало эту свою сентиментальную деятельность, хотя занималось ею главным образом втайне и жило одними воспоминаниями.

- Слишком уж ты чувствительная, Джейн, - сказала однажды Миранда, - всегда была такой и всегда будешь. Если бы я тебя не охлаждала, ты, думаю, совсем бы растаяла.

Назначенный час почти прошел, но дилижанс мистера Кобба еще не громыхал вдоль улицы.

- Пора бы им быть здесь, - сказала Миранда, в двадцатый раз обеспокоенно взглянув на высокие напольные часы в углу гостиной. - Кажется, я ничего не забыла... Я прикрепила два толстых полотенца за ее умывальником, а вниз, под ведро, положила коврик, но дети так безжалостно обращаются с мебелью. Боюсь, через год мы свой дом не узнаем.

Мрачные предчувствия Миранды угнетали Джейн и заставляли ее страшиться надвигающегося бедствия. Единственная разница между сестрами заключалась в том, что если Миранду волновало лишь, как они вынесут Ребекку, то у Джейн случались моменты озарения, когда она с тревогой спрашивала себя, как вынесет их Ребекка. В один из таких моментов она взбежала наверх по черной лестнице, чтобы поставить вазу с ветками цветущей яблони и положить красную, как помидор, подушечку для булавок на комод в комнате, предназначенной для Ребекки.

Дилижанс с грохотом подкатил к боковой двери кирпичного дома, и мистер Кобб подал Ребекке руку, как настоящей пассажирке. Она вышла из экипажа с большими предосторожностями и вручила букет поникших цветов тете Миранде, которая приветствовала ее тем, что едва ли можно назвать поцелуем, не оскорбив светлое имя этого способа выражения чувств.

- Совсем ни к чему было везти с собой цветы, - заметила эта любезная и тактичная леди. - В саду их и так полно, когда приходит пора.

Затем Джейн поцеловала Ребекку, предложив несколько лучшую имитацию настоящего поцелуя, чем ее сестра.

- Поставьте ее сундук в передней, Джеримайя, а вечером мы попросим кого-нибудь отнести его наверх, - сказала она.

- Я отнесу его наверх прямо сейчас, если хотите, девочки.

- Нет, нет, не оставляйте надолго лошадей: кто-нибудь будет проходить мимо и заинтересуется, а мы не можем сейчас никого принять.

- Ну, до свидания, Ребекка; до свидания, Миранда и Джейн. Будет у вас теперь бойкая маленькая девочка. Я думаю, она составит вам отличную компанию.

Старшая мисс Сойер не смогла скрыть своего содрогания, услышав определение "бойкая". Она была убеждена, что хотя дети могут быть на виду, когда это совершенно необходимо, то уж слышно их быть не должно, если только этого можно избежать¹⁰.

- Мы с Джейн не очень-то привыкли к шуму, - заметила она с кислой миной.

Мистер Кобб понял, что пошел по неверному пути, но для него было слишком непривычно обосновывать свое мнение без предварительных раздумий, и поэтому он уехал, пытаясь придумать по дороге, каким более безопасным словом, чем "бойкая", мог бы он охарактеризовать свою интересную маленькую пассажирку.

- Пойдем со мной наверх, я покажу тебе твою комнату, Ребекка, - сказала мисс

¹⁰ Намек на английскую пословицу: "Детей нужно видеть, а не слышать".

Миранда. - Дверь с сеткой закрой за собой плотно, чтобы не впустить мух; пока еще только середина мая и мух нет, но я хочу, чтобы ты привыкала к порядку с самого начала. Возьми с собой свой узелок, тогда тебе не придется спускаться за ним, - всегда пользуйся головой, чтобы сберечь каблуки. Вытри ноги об этот плетеный коврик; когда будем проходить через переднюю, повесишь там свою шляпу и пелерину.

- Это моя лучшая шляпа. - сказала Ребекка.

- Тогда возьми ее наверх и положи в шкаф; но я думаю, тебе не следовало надевать свою лучшую шляпу в поездку по пыльной дороге.

- Это моя единственная шляпа, - объяснила Ребекка. - Другая, которую я носила по будням, уже выглядела не так хорошо, чтобы брать ее с собой. Фанни ее доносит.

- Свой зонтик поставь в шкафу в передней.

- Вы не возражаете, если я буду держать его в моей комнате? Так все же безопаснее.

- Здесь, в окрестностях, нет никаких воров, но если бы и были, то, думаю, полезли бы они не за твоим зонтиком... Ну, пойдем. Помни: подниматься всегда будешь по черной лестнице, Мы не ходим по парадной, чтобы не портить ковер; будь осторожна на повороте, не зацепись ногой; поверни направо и входи. Когда вымоешь лицо и руки и причешешься, можешь спуститься. и мы быстро распакуем твой сундук и устроим тебя на новом месте еще до ужина. Не задом ли наперед у тебя надето платье?

Ребекка склонила голову и взглянула на ряд дымчатых перламутровых пуговиц, протянувшийся сверху вниз посередине ее плоской груди.

- Задом наперед? А, понимаю!.. Нет, нет, всё в порядке. Если у вас семеро детей, вы не можете постоянно застегивать и расстегивать их пуговицы - им приходится делать это самим. В нашем доме все всегда застегнуто спереди. Море еще только три года, но и у нее пуговицы спереди.

Миранда ничего не сказала, когда закрывала за собой дверь, но вид ее был более красноречив, чем любые слова.

Ребекка, стоя совершенно неподвижно в центре комнаты, оглядывалась вокруг. Перед каждым предметом мебели был расстелен квадратный кусок клеенки; вытянутый коврик лежал возле узкой кровати с пологом на четырех точеных столбиках. Кровать была покрыта белым канифасовым¹¹ покрывалом, обшитым бахромой.

Все было аккуратным и чистым донельзя, а потолки гораздо выше тех, к которым привыкла Ребекка. Высокое и узкое окно комнаты выходило на север, за ним виднелись хозяйственные постройки и скотный двор.

Нет, не сама комната, которая была гораздо более удобной, чем собственная комната Ребекки на родной ферме, и не отсутствие красивого вида из окна, и не долгое путешествие, ибо в тот момент она не сознавала усталости, и не страх перед незнакомым местом, ибо она любила новые места и стремилась к новым впечатлениям, - нет, совсем не это, а какая-то любопытная смесь непостижимых эмоций заставила Ребекку поставить свой зонтик в угол, сорвать с головы свою лучшую шляпу, швырнуть ее на комод, дернуть канифасовое покрывало, ринуться в глубину постели и натянуть покрывало на голову.

Через минуту дверь бесшумно открылась. Стучать перед тем, как войти, - такая предупредительность была совершенно неизвестна в Риверборо; впрочем, если бы о ней и слышали, то не сочли бы нужным проявлять ее в обращении с ребенком.

Мисс Миранда вошла, взгляд ее скользнул по пустой комнате и упал на бурный белый океан покрывала - океан, вздымающийся странными волнами, гребнями и валами.

- Ребекка!

Благодаря тому, как было произнесено это слово, впечатление было точно такое, как

¹¹ Хлопчатобумажная ткань для покрывал, штор и т. п.

если бы его прокричали на всех перекрестках.

Над канифасовым покрывалом появилась всклокоченная черная голова и испуганные глаза.

- Почему ты лежишь на застеленной кровати среди бела дня, портишь перину и пачкаешь столбики пыльными туфлями?

Ребекка поднялась с виноватым видом. Ей нечего было сказать в оправдание. Ее проступку не было ни объяснения, ни извинения.

- Простите, тетя Миранда. Что-то на меня нашло; сама не знаю что.

- Ну, если это слишком скоро снова найдет на тебя, нам придется выяснить, что же это такое. Сию же минуту поправь постель. Эбайджа Флэг несет сюда твой сундучок, и я не допущу, чтобы он увидел такой разгром в комнате: он рассказал бы об этом всей деревне.

В тот вечер, поставив лошадей в конюшню, мистер Кобб принес из кухни стул и расположился рядом со своей женой, сидевшей на заднем крыльце.

- Знаешь, мать, я привез сегодня из Мейплвуда маленькую девочку. Она родня девочкам Сойер и будет жить у них, - сказал он, когда уселся поудобнее и начал строгать ножом какую-то палочку. - Это дочка той самой Орилии, что сбежала с сыном Сюзан Рэндл незадолго до того, как мы сюда переехали.

- Сколько лет девочке?

- Десять или что-то около того; хоть на вид и маловата для своего возраста, но, Боже мой, послушать ее, так кажется, что ей все сто! Как задаст вопрос, так я и подскочу. И так всю дорогу. Из всех чудных детей, каких я встречал на своем веку, она самая чудная. Красоты в ней особой нет - одни глаза; но если она когда-нибудь вырастет под стать этим глазам да малость потолстеет, люди кругом будут на нее таращиться. Боже мой, мать! Послушала бы ты, как она говорит.

- Не знаю, о чем она могла говорить, такая маленькая, да вдобавок с чужим человеком, - заметила миссис Кобб.

- Чужой - не чужой, ей все равно; она заговорила бы даже с насосом или жерновом. Она скорее стала бы говорить сама с собой, чем молчать.

- Провалиться мне на этом месте, если я могу хоть что-то повторить! Она меня все время до того удивляла, что я и не соображал, что к чему. У нее был с собой маленький розовый зонтик от солнца - из тех, что похожи на кукольные, - так вцепилась она в него, как репей в шерстяной чулок. Я ей советовал его раскрыть: солнце припекало, но она сказала - нет, он может выгореть, и запихала его под платье. "Это, - говорит, - самая дорогая в жизни вещь для меня, но требует страшных забот". Точные ее слова, и это все, что я помню. "Это самая дорогая в жизни вещь, но требует ужасных забот". - Здесь мистер Кобб засмеялся и качнулся на своем стуле назад, к стене дома. - Было кое-что еще, но я не могу повторить точно. Она рассказывала про цирковую процессию и заклинательницу змей в золоченой карете. "Она, - говорит, - была так красива, мистер Кобб, что когда на нее глядишь, комок в горле". Вот зайдет она к нам в гости, мать, тогда сама увидишь. Не знаю, как она уживется с Мирандой Сойер - бедная малышка!

Подобные опасения более или менее открыто выражались многими в Риверборо, хотя в другом мнения разделились: одни считали, что это очень великодушно со стороны девочек Сойер - дать образование одной из дочерей Орилии, другие - что это образование будет куплено ценой, совершенно несоизмеримой с его действительной ценностью.

Первые письма Ребекки домой свидетельствовали, что ее собственное мнение полностью совпадало с этим вторым взглядом на положение вещей.

Глава 4 С точки зрения Ребекки

Дорогая мама!

Я доехала благополучно. Платье не очень помялось, и тетя Джейн помогла мне его выгладить. Мне очень нравится мистер Кобб. Он жуёт табак, но газеты бросает прямо к дверям. Я немножко проехала снаружи, но села внутрь, прежде чем подъехать к дому тети Миранды. Мне не хотелось лезть внутрь, но я подумала, что тебе это больше понравится. Миранда - ужасно длинное слово, и я лучше буду писать "тетя М." и "тетя Д." в моих воскресных письмах. Тетя Д. дала мне словарь, чтобы смотреть в нем все трудные слова. Это занимает очень много времени, и я рада, что люди могут говорить, не задумываясь, как это пишется. Говорить гораздо легче, чем писать, и гораздо интереснее. Кирпичный дом точно такой, как ты нам рассказывала. Гостиная великолепная, и дрожь пробирает, когда посмотришь в дверь. Мебель тоже отличная и все комнаты, только нет хорошего места, чтобы посидеть, кроме кухни. Здесь есть кошка, но тети не оставляют котят, когда они у нее бывают, а кошка слишком старая, чтобы играть с ней. Ханна однажды сказала мне, что ты убежала из дома с папой. Я думаю, что это было очень приятно. Если бы тетя М. убежала, я хотела бы жить с тетей Д. У нее ко мне меньше отвращения, чем у тети М. Скажи Марку, что он может взять мою коробку с красками, но пусть оставит красную на случай, если я опять вернусь домой. Я надеюсь, что Ханне и Джону не очень тяжело делать мою работу.

Твой любящий друг Ребекка

Р. S. Пожалуйста, передай это стихотворение Джону. Ему нравятся мои стихи, даже когда они не очень хорошие. Это стихотворение не очень хорошее, но все в нем правда. Я думаю, ты не будешь против того, что в нем сказано, раз ты убежала.

*Уныл и скучен этот дом,
Так мрачно и темно кругом,
Он словно гроб.
И те из нас, кто связан с ним,
Мертвы почти как сирафим,
Но не светлы.
Хранитель-ангел мой уснул,
Забыл нести свой караул.
О! Горе мне!
Хочу туда, где я росла,
Где ближний не желал мне зла,
В дом детства мой!*

Р. S. опять. Я сделала эти стихи, как те, которые нашла в книжке, но сначала вышло не совсем складно. "Гроб" и "светлы" не очень хорошо звучит вместе, но я ужасно хотела сказать "гроб", и сирафимы всегда "светлы", поэтому я не могла это убрать. Но теперь я эти строчки переделала. Новые стихи не так хорошо передают мои мысли, но зато они складнее. Дай это лучшее стихотворение Джону, он держит мои стихи в коробке с птичьими яйцами. Вот лучшее:

*РЕБЕККА РОВЕНА РЭНДЛ
Воскресные размышления
Уныл и скучен этот дом,
Так мрачно и темно кругом,
Здесь царство мглы.
И те из нас, кто связан с ним,
Мертвы почти как сирафим.
Но не светлы.
Хранитель-ангел мой уснул,
Забыл нести свой караул,
Он не со мной.
Хочу туда, где я росла,
Где ближний не желал мне зла,*

В дом детства мой!

Дорогая мама!

В это утро сердце мое трепещет от отчаяния. Я взяла это из "Жены доктора". Мать ее мужа была такой же сердитой и так же бизжалосна к ней, как тетя М. ко мне. Я хотела бы, чтобы вместо меня приехала Ханна, потому что они приглашали Ханну, и она лучше, чем я, и не огрызается, как я. Не осталось ли кусочков от моего ситцевого платья? Тете Д. нужен такой кусочек, чтобы хватило на еще одну пуговицу сзади, чтобы у меня не был такой заморский вид. Здесь у всех пуговицы сзади. Моды в Риверборо очень привлекательны, и дамы на молитвенных собраниях гораздо эlegantнее, чем в Темперансе.

Хоть весел город и красив

И полон гордых богачей,

Главу на руки опутив,

В мечтах лечу на свой ручей,

Произноси "глава", а не "голова", иначе звучит неправильно.

Школа довольно неплохая. Учительница может ответить на большее число вопросов, чем учитель в Темперансе: но не на столько, сколько я могу задать. Я сообразительнее всех девочек, кроме одной, но не такая сообразительная, как два мальчика. Эмма-Джейн может складывать и отнимать в уме со скоростью молнии и знает орфографический словарь наизусть, но у нее совсем нет никаких мыслей. Она проходит учебник третьего класса по чтению, но не любит рассказы в книжках. Я в шестом классе по чтению, но потому, что я не знаю таблицу умножения на семь, мисс Дирборн грозит посадить меня в приготовительный класс с Илайджей и Илайшей Симпсонами, маленькими близнецами.

Гордая душа полна тоской.

Лайджа с Лайшей связаны со мной.

И, как в книге доктора жена,

Я навеки горем сражена.

Я стараюсь добиться награды по правописанию, но боюсь, что мне ее не получить. Мне было бы все равно, но слова с ошибками ужасно выглядят в стихах. В прошлое воскресенье, когда я нашла в словаре слово "серафим", мне было стыдно, что я сделала его сирафимом, но "серафим" не такое слово, чтобы можно было угадать, как оно пишется, не то что другие длинные слова, такие, как "заморский" в этом письме, которые сами собой пишутся правильно. Мисс Дирборн говорит, что надо пользоваться теми словами, которые можешь писать правильно, и если не можешь написать "серафим", сделай его ангелом, но ангелы не совсем то же самое, что серафимы. Серафимы ярче и светлее, и крылья у них больше. Я думаю, они старше и дольше были мертвыми, чем ангелы, которые недавно умерли и, только когда пробудут долго в небесах вокруг великого белого престола, вырастут в серафимов.

Каждый день после обеда я шью коричневые полотняные платья, а Эмма-Джейн и Симпсоны в это время играют в дочки-матери или бегают на лесосплав, когда их мамы про это не знают. Их мамы боятся, что они утонут, а тетя М. боится, что я намочу одежду и туфли, и поэтому тоже не позволяет мне туда бегать. Мне разрешают играть с половины пятого до ужина и немножко после ужина и в субботу после обеда. Я рада, что у нашей коровы есть теленок и что он пятнистый. Говорят, что в этом году будет много яблок и сена, так что вы с Джоном будете довольны и мы сможем больше выплатить по закладной. Мисс Дирборн спросила нас на уроке, какова цель образования. Я сказала, что моя цель - помочь выкупить закладную. Она рассказала об этом тете М., и в наказание мне пришлось шить больше, чем обычно, потому что тетя М. говорит, что закладная - это так же позорно, как воровство или оспа, и что теперь всей деревне станет известно, что у нас закладная. Эмма-Джейн не заложена, и Ричард Картер тоже, и доктор Уиншип, только Симпсоны заложены.

*Все силы собери, душа моя,
Чтоб с закладной вступить могла я в бой
И чтоб освобожденная семья
Была довольна мною и судьбой
Твой любящий маленький друг
Ребекка
Дорогой Джон!*

Помнишь, как мы привязали нового пса в сарае и как он грыз веревку и выл? Я точно как он, только вместо сарая кирпичный дом и я не могу укунить тетю М., потому что я должна быть ей благодарна, и образование сделает из меня человека, и я помогу тебе выкупить закладную, когда мы вырастем.

Твоя любящая
Бекки

Глава 5 Пути премудрости

Ребекка приехала в Риверборо в пятницу, а уже в следующий понедельник приступила к занятиям в школе, располагавшейся примерно за милю от кирпичного дома. Мисс Миранда одолжила у соседней лошади и бричку, отвезла племянницу к школе, побеседовала с учительницей, мисс Дирборн, и договорилась относительно учебников - словом, поставила ребенка на стезю, которой предстояло вести его к беспредельным познаниям. Заметим попутно, что мисс Дирборн была мало знакома с искусством преподавания и никакой специальной подготовки не получила. Умение преподавать было у нее от природы, так говорила ее семья. Вероятно, по этой причине она, подобно наставнику Тома Талливера¹², действовала "с единообразием подхода и без учета обстоятельств, что всегда отличает действия животных, обусловленные непосредственным внушением Природы". Вы, возможно, помните бобра, который, как рассказывает нам натуралист, "усердно трудится над созданием запруды в комнате третьего этажа одного из лондонских домов, так, словно закладывает свое сооружение на родном озере в Канаде. Строить - его предназначение; отсутствие воды или возможности иметь потомство - это несчастная случайность, за которую он не отвечает". Точно таким же образом закладывала мисс Дирборн то, что, по ее наивным предположениям, являлось основой будущего развития детских умов.

В следующие дни Ребекка ходила в школу сама и пешком. Она любила эту часть распорядка дня. Когда стояла хорошая погода и роса не была слишком обильной, можно было воспользоваться кратчайшим путем - через леса и поля. Она сворачивала с большой дороги, проползала под изгородью дядюшки Вудмана, отгоняла от себя коров миссис Картер, топтала молоденькую траву на пастбище и старую тропинку, бегущую через сады лютиков и ромашек и рощи чертополоха и папоротников. Затем она спускалась с небольшого холма, прыгала с камня на камень через лесной ручей, пугая сонных лягушек, лениво моргавших на утреннем солнышке. Дальше шел "лесной уголок", где ее ноги ступали по скользкому ковру бурых сосновых игл, где на пнях было полно омытых росой утренних сюрпризов - появлявшихся за одну ночь ярко-оранжевых и малиновых грибовых наростов - и где порой встречалось на пути настоящее чудо - маленький кустик восковых "индейских трубок"¹³, который ей всегда удавалось заметить

¹² Том Талливер - персонаж романа "Мельница на Флоссе" (1860) английской писательницы Джордж Элиот (1818 - 1880).

¹³ Американское название бесхлорофильных сапрофитных растений, таких, как поддельник, вертляница и др.

настолько быстро, чтобы не погубить своими беспечными шагами. Затем по ступенькам она перебиралась через высокую изгородь, пробегала по широкому лугу, проскальзывала под другой изгородью и снова выходила на большую дорогу, сократив путь почти на полмили.

Какой чудесной была эта прогулка! Ребекка прижимала к себе грамматику Квейкенбоза и арифметику Гринлифа с радостным чувством от того, что хорошо выучила уроки. На правой руке покачивалось ведерко с завтраком, и у нее было блаженное сознание, что там лежат два песочных коржика, намазанные маслом и сиропом, печеная корзиночка с кремом, жареный пирожок и большой кусок имбирной коврижки. Иногда по пути она повторяла какой-нибудь отрывок, который предстояло декламировать в следующую пятницу.

Умирая, лежали в Алжире бойцы Легиона.

Не хватало им там женских слез, женских рук.

Как нравились ей ритм и настроение этих строк! Как дрожал ее юный голос, когда она доходила до рефрена:

Нам не встретиться снова на Рейне, мой друг.

Какой прекрасной казалась ей эта строка, когда ее полный слез дискант летел в прозрачном утреннем воздухе.

Другим излюбленным стихотворением (не забудем, что знакомство Ребекки с великим миром литературы ограничивалось отрывками из популярных произведений, собранных в школьных хрестоматиях) было:

В знойной юности дни

Тень давал мне сей дуб,

Жизнь ему сохрани,

Я молю, лесоруб.

Очень часто, когда вместе с Ребеккой "кратчайшим путем" шагала Эмма-Джейн Перкинс, девочки сопровождали эту декламацию соответствующим драматическим действием. Эмма-Джейн всегда выражала желание быть лесорубом, так как в этом случае все, что от нее требовалось, - это высоко поднимать воображаемый топор. После единственной попытки исполнить роль романтического защитника дерева она призналась, что чувствовала себя "ужасно по-дурацки", и отказалась братья за нее снова, к тайной радости Ребекки, которая сознавала, что роль лесоруба слишком банальна для ее безудержных амбиций. Она наслаждалась страстным призывом поэта и предварительно умоляла безжалостного лесоруба, занесшего топор, принять как можно более свирепый вид, чтобы ей было легче вложить больше надлежащей страсти в звучные строки. Однажды, пребывая в более оживленном настроении, чем обычно, она даже упала на колени и заплакала, уткнувшись лицом в юбочку лесоруба. Довольно любопытно, что чувство меры заставило ее отвергнуть эту сцену, как только она была разыграна.

- Это было неестественно! Это было глупо. Но, Эмма-Джейн, знаешь, где это могло бы подойти? В "Только три зерна ты дай мне". Ты будешь мать, а я голодающий ирландский ребенок. Да опусти же топор! Ты уже больше не лесоруб!

- Что же мне тогда делать с руками? - спросила Эмма-Джейн.

- Что хочешь, - отвечала Ребекка утомленно. - Ты просто мать - и все. Что твоя мама делает со своими руками? Ну, давай.

Только три зерна ты дай мне, мама.

Три зерна найди ты для меня,

Жизнь мою, что теплится упрямо,

Поддержи до завтрашнего дня.

Такого рода переживания делали Эмму-Джейн нервной и беспокойной, но она была добровольной рабыней Ребекки и радовалась своим цепям, независимо от того, сколько неудобства они ей доставляли.

У последней изгороди девочек иногда встречал целый отряд детей мистера Симпсона,

которые жили на дороге, ведущей через Черничную Равнину, в черном доме с красной дверью и красным амбаром на задворках. Ребекка сразу же почувствовала к Симпсонам большой интерес, потому что их было так много и были они такие же залатанные и заштопанные, как ее родной выводок на Солнечном Ручье.

Маленькое школьное здание с флагштоком на крыше и двумя дверями на фасаде - одна для мальчиков, другая для девочек - стояло на гребне холма. С одной стороны тянулись холмистые поля и луга, с другой - полоса соснового леса и сверкающая вдали река. Школа не могла похвастаться своим внутренним убранством. Все в ней было таким голым, некрасивым и неудобным, как и следовало ожидать, принимая во внимание, что деревни, располагавшиеся вдоль реки, тратили столько денег на ремонт и перестройку мостов, что были вынуждены экономить на школах. В одном углу на возвышении стояли стол и стул учительницы, на стене висела карта Соединенных Штатов и две классные доски, рядом стояла грубая печка, которую не чаще чем раз в год красили черной краской, и десятиквартное жестяное ведро, а на полке в углу лежал ковш с длинной ручкой. Ученики, которых во времена Ребекки насчитывалось лишь около двадцати, сидели за деревянными партами. Скамьи были выше в задней части комнаты, и сидели там более образованные и длинноногие ученики, положению которых можно было во многом позавидовать, так как они одновременно были и ближе к окнам, и дальше от учительницы.

Пожалуй, здесь существовало что-то вроде разделения на классы, хотя, вообще говоря, не было и двух учеников, которые учились бы по одному и тому же учебнику и достигли одинакового успеха в какой-либо области знаний. В частности, Ребекку было столь трудно отнести к какому-либо классу, что мисс Дирборн после двух недель раздумий полностью отказалась от подобных попыток. Ребекка читала те же произведения, что и Дик Картер и Ливинг Перкинс, готовившиеся к поступлению в учительскую семинарию, отвечала арифметику с маленькой шепелявой "Шужан Шимпшон", географию - с Эммой-Джейн Перкинс, а грамматикой занималась после уроков наедине с мисс Дирборн. Хотя голову ее и переполняли умные мысли и необычные фантазии, сочинения она в первое время писала плохо. Тяжкие труды самого процесса письма наряду с добавившимися трудностями орфографии и пунктуации плачевным образом препятствовали свободному выражению мыслей. Историю ей предстояло изучать вместе с классом Элис Робинсон, занимавшимся темой войны американских колоний за независимость. Хотя Ребекке было приказано начать с открытия Америки, она за неделю усвоила ход событий до самого 1775 года, а через десять дней прибыла в Йорктаун¹⁴, где класс, очевидно, встал на летние квартиры. Затем, обнаружив, что дополнительные усилия ведут лишь к тому, что ей приходится отвечать урок вместе со старшим из Симпсонов, она добровольно отступила, ибо пути премудрости не были приятными путями, а ее собственная тропа - тропой мира, если приходилось пролагать их в обществе Маятника Симпсона. Сэмюела Симпсона называли Маятником из-за того, что ему было невыносимо трудно принять любое решение. Вставал ли вопрос о факте, правописании или дате, требовалось ли решить, что лучше - пойти купаться или удить рыбу, возникала ли необходимость выбрать книгу в библиотеке воскресной школы или леденец в деревенской лавке, - не успевал Маятник выбрать определенный план действия, как душа его с любовью устремлялась в совершенно противоположную сторону. Это был бледный мальчик, с соломенными волосами, голубоглазый, сутулый и заметно заикавшийся в моменты волнения. Возможно, именно из-за своей слабыхарактерности в решительности Ребекки он находил особое очарование и не мог оторвать глаз от новой ученицы, хотя она относилась к нему с презрением, граничившим с яростью. Сила, с которой она затягивала развязавшийся шнурок туфли, движение, которым она перебрасывала через плечо косу, когда была возбуждена или раздражена, ее манера учить урок - книга на парте, руки

¹⁴ Осада Йорктауна (1781) - известный эпизод войны американских колоний Англии за независимость.

скрещены на груди, глаза неподвижно устремлены на стену напротив - все было полно неизменной прелести в глазах Маятника Симпсона. Когда, получив разрешение учительницы, она подходила к ведру с водой и выпивала воды из ковша, незримые силы поднимали Маятника с его скамьи и толкали пойти и выпить следом за ней. В этом он находил что-то сродни общению и дружеской близости, а поравняться с ней на пути и встретить холодный и презрительный взгляд ее чудесных глаз было и страшно, и радостно.

В один из теплых летних дней жажда Ребекки превзошла все границы приличия. Когда она в третий раз попросила позволения утолить ее из общественного источника, мисс Дирборн кивнула в знак согласия, но при этом недовольно подняла брови. Напившись, Ребекка положила ковш на место, и тогда Маятник быстро поднял руку. Мисс Дирборн снова утомленно кивнула.

- Что это с тобой сегодня, Ребекка? - спросила она.

- Я ела соленую макрель на завтрак, - ответила Ребекка.

В этом ответе не было ничего смешного, он был простой констатацией факта, но по школе пронеслось неудержимое веселье. Мисс Дирборн не шутила сама и не любила чужих шуток. Лицо ее вспыхнуло.

- Я считаю, Ребекка, что тебе следует постоять пять минут у ведра. Возможно, это позволит тебе справиться со своей жаждой.

Сердце Ребекки дрогнуло: стоять в углу у ведра с водой под взглядами всех учеников! У нее вырвался гневный жест несогласия. Она сделала шаг к своему месту, но ее остановило распоряжение мисс Дирборн, сделанное более твердым, чем прежде, тоном:

- Встань у ведра, Ребекка! А ты, Сэмюел? Сколько раз сегодня ты просил воды?

- Это ч-ч-четвертый.

- Не трогай ковш, пожалуйста. Вся школа сегодня только тем и занимается, что пьет; на учебу совсем не остается времени. Я полагаю, ты тоже ел что-нибудь соленое на завтрак, Сэмюел? - язвительно поинтересовалась мисс Дирборн.

- Я ел м-м-макрель, к-к-как и Реб-б-б-бекка. (Неудержимое хихиканье всей школы.)

- Я так и думала. Встань с другой стороны от ведра, Сэмюел.

Ребекка низко склонила голову: ее душили стыд и гнев. Жизнь казалась невыносимо мрачной. Наказание само по себе было неприятным, но быть наказанной в паре с Маятником Симпсоном оказалось выше человеческого терпения.

Последним уроком в этот день было пение, и Минни Липучка, заслужившая свое прозвище тем, что вечно совала нос в чужие дела, пожелала спеть "У реки". Выбор был сделан из злых побуждений, и казалось, что песня имеет какую-то тонкую тайную связь как с ситуацией, так и с развитием событий в целом. Во всяком случае, явно была какая-то необычная причина для энергии и напора, с какими ученики снова и снова выкрикивали хоровое приветствие:

Соберемся все мы у реки,

У реки, у реки!

Мисс Дирборн украдкой бросила взгляд на опущенную голову Ребекки и испугалась. Лицо девочки было белым, лишь на щеках горели два красных пятна. На ресницах висели слезы, дыхание было быстрым, а рука, сжимавшая носовой платок, дрожала, как осиновый лист.

- Можешь идти на место, Ребекка, - сказала мисс Дирборн, когда отзвучала первая песня. - Сэмюел, оставайся, где стоишь, до конца занятий. И позвольте мне сказать вам всем, что я велела Ребекке стоять у ведра только для того, чтобы отучить вас от бездумной привычки непрестанно пить, которая есть не что иное, как желание пройтись туда и сюда по классу. Сегодня каждый раз, когда Ребекка просила пить, вся школа, один за другим, отправлялась к ведру. Она действительно страдает от жажды, и мне кажется, что я должна была наказать вас за то, что вы подражали ей, а не ее за то, что она оказалась образцом для подражания. Элис, что мы споем теперь?

- "Дубовую бадью".

- Что-нибудь другое, пожалуйста. Переменим тему. "Звездное знамя", если хочешь, или еще что-нибудь.

Ребекка села на свое место и вынула из парты песенник. Открыто прозвучавшие объяснения мисс Дирборн отчасти сняли тяжесть с сердца девочки и помогли ей подняться в собственных глазах.

Под прикрытием общей раскованности, всегда отличавшей уроки пения, в ее храме начали появляться приношения, свидетельствовавшие о почтительном сочувствии. Ливинг Перкинс, который не умел петь и которого попросили нарисовать на доске карту штата Мэн, проходя мимо Ребекки, бросил ей на колени кусочек кленового сахара. Элис Робинсон прокатила по полу ногой к парте Ребекки совершенно новый грифель для дощечки, а Эмма-Джейн, соседка Ребекки по парте, соорудила маленький холмик из бумажных шариков с вывеской "Пули, сама знаешь для кого".

В целом существование стало заметно веселее, и когда Ребекка осталась наедине с учительницей на свой обычный урок грамматики, она в отличие от мисс Дирборн уже почти полностью вернула себе самообладание.

Звук шагов последнего уходящего ученика эхом отдался в передней; брошенный назад полный раскаяния взгляд Маятника был с вызовом встречен другим, полным холодного презрения.

- Ребекка, боюсь, я наказала тебя сильнее, чем хотела, - сказала мисс Дирборн, которой самой было только восемнадцать, и за то недолгое время, что она преподавала в сельской школе, ей никогда не приходилось сталкиваться с таким ребенком, как Ребекка.

- Я не пропустила ни одного вашего вопроса за весь этот день и ни с кем не шепталась, - дрожащим голосом заявила преступница. - И я думаю, что не следовало позорить меня только за то, что я пила.

- Ты подтолкнула других - во всяком случае, казалось, что это ты начала. Что ты ни делаешь - смеешься, пропускаешь мимо ушей мои вопросы, пишешь записки, просишь позволения попить или выйти из класса, - все они делают то же самое. Этому нужно было положить конец.

- Сэм Симпсон - подражала! - вспыхнула Ребекка. - Я была бы не против стоять в углу - то есть не так, чтобы очень против, - но стоять рядом с ним было невыносимо.

- Я увидела, что тебе тяжело, и поэтому велела тебе сесть на место, а его оставила в углу. Помни, что ты новенькая и все обращают большое внимание на то, что ты делаешь. Так что будь осторожна... А теперь давай займемся грамматикой. Проспрягай в сослагательном наклонении глагол мочь.

- Я мог бы, я могла бы, ты мог бы, ты могла бы, он мог бы, она могла бы, оно могло бы, мы могли бы, вы могли бы, они могли бы.

- Приведи пример.

- Он мог бы быть рад, она могла бы быть рада, оно могло бы быть радо...

- Он или она могли бы быть рады, но может ли "оно" быть радо? - спросила мисс Дирборн, которая очень любила вдаваться в чрезмерные тонкости.

- Почему нет? - удивилась Ребекка. - Разве мы не можем сказать о котенке: "Животное могло бы быть радо, если бы знало, что его не утопят"?

- Да-а, - согласилась мисс Дирборн нерешительно: она никогда не чувствовала себя уверенно под огнем вопросов Ребекки. - Но хотя мы говорим о котенке "животное", а о ребенке "дитя", на самом деле они женского или мужского рода.

Ребекка задумалась, а затем спросила:

- Дерево среднего рода?

- Да, конечно.

- Ну так разве мы не можем сказать: "Дерево могло бы быть радо дождю, но на нем были слабые маленькие бутоны, и оно боялось, что ливень может их повредить; поэтому дерево немного боялось, вместо того чтобы по-настоящему радоваться"?

Мисс Дирборн была озадачена.

- Но, Ребекка, на самом деле дерево не может радоваться или бояться.

- Точно мы этого не знаем, - ответила девочка, - но я думаю, что все-таки может. Что еще надо проспрягать?

- Возьмем для примера фразу "если бы я знал".

- Если бы я знал, если бы ты знал, если бы он знал... О, какое печальное спряжение! - сказала Ребекка чуть дрогнувшим голосом. - Ничего, кроме "если бы, если бы, если бы"! И от этого чувствуешь, что если бы только я, ты и он знали, все могло бы быть гораздо лучше!

Такое никогда прежде не приходило в голову мисс Дирборн, но, подумав, она поверила, что сослагательное наклонение "печальное", а "если" - довольно унылое слово.

- Приведи другие примеры употребления сослагательного наклонения, Ребекка, и этого будет достаточно на сегодня, - сказала она.

- Если бы я не любила макрель, я не хотела бы пить, - закрыв грамматику, сказала Ребекка с ясной улыбкой. - Если бы вы любили меня по-настоящему, вы не поставили бы меня в угол. Если бы Сэмюел не был таким противным, он не поплелся бы за мной к ведру.

- А если бы Ребекка стремилась соблюдать школьные правила, она справилась бы со своей жаждой, - заключила мисс Дирборн, поцеловав девочку, и они расстались друзьями.

Глава 6 Свет во тьме

Были в маленьком школьном здании на холме как моменты торжества, так и сцены страдания, но главное, что учеба, книги, новые знакомства - все это интересовало Ребекку и помогало всегда быть занятой, иначе жизнь оказалась бы слишком тягостной для нее в это первое лето ее пребывания в Риверборо. Она старалась проникнуться расположением к тете Миранде (мысль о том, чтобы полюбить ее, была отброшена в минуту встречи), но потерпела позорную неудачу. Существо несовершенно и пылкое, без всякого стремления стать ангелом, она тем не менее обладала чувством долга и хотела быть хорошей - порядочной и заслуживающей уважения. Каждый раз, когда ей случалось опуститься ниже этого установленного для себя уровня, она была несчастна. Ей не хотелось жить под кровом тетки, есть хлеб, носить одежду, учиться по книжкам, зная, что все это обеспечила ей тетка, и при этом все время испытывать к ней такую глубокую неприязнь. Она безотчетно чувствовала, что это дурно и низко, и каждый раз, когда чувство раскаяния овладевало ею с новой силой, она делала очередную отчаянную попытку угодить своей суровой и привередливой родственнице. Но как могла она добиться успеха, если никогда не чувствовала себя свободно и естественно в присутствии тети Миранды? Испытующий взгляд, резкий голос, жесткие узловатые пальцы, тонкие прямые губы, фальшивая челка из искусственных волос, бросающийся в глаза пробор, который, казалось, был прошит толстой льняной ниткой на черной сетке, - не было ничего, что могло бы оказаться привлекательным для Ребекки. Встречаются порой ограниченные, лишенные воображения, деспотичные старые люди, которые как будто толкают детей на озорство и вызывают проявление самых худших черт характера. Мисс Миранде, живи она во многолюдном соседстве, дергали бы дверной колокольчик, завязывали веревкой ворота, забрасывали грязью дорожки в саду. Маленькие близнецы Симпсоны до того боялись ее, что не решались подойти к боковым дверям кирпичного дома, даже когда мисс Джейн протягивала им имбирные пряники.

Нет нужды говорить, что Ребекка раздражала тетку своим существованием. Она постоянно забывала о том, что парадной лестницей, по которой путь в ее спальню был короче, пользоваться нельзя; она оставляла ковш на кухонной полке, вместо того чтобы вешать его над ведром; она сидела на стуле, который больше всего любила кошка; она с готовностью бегала с разными поручениями, но часто

забывала, зачем ее послали; она оставляла двери с сетками приоткрытыми, так что в дом залетали мухи; ее язык не знал отдыха; она пела или свистела, когда собирала щепки на растопку; она вечно возилась с цветами, производя беспорядок, - ставила их в вазы, прикалывала к платю и соломенной шляпке; и, наконец, она была вечным напоминанием о ее глупом, никчемном отце, чье красивое лицо и приятные манеры так жестоко обманули Орилию, а возможно, если бы тайное стало явным, выяснилось бы, что не ее одну, но и других членов семейства Сойер. Рэндлы были чужаками. Они родились не в Риверборо и даже не в графстве Йорк. Миранда могла допустить, правда с большой неохотой, что большое число людей должно - ибо это в природе вещей - родиться вне сих священных границ, но у нее было свое мнение об этих людях, и было оно нелестным. Вот если бы приехала Ханна... Ханна пошла в другую породу - она была "целиком Сойер". (Бедная Ханна! Это была правда.) Ханна говорила только тогда, когда к ней обращались, вместо того чтобы говорить и первой, и последней, и все время; Ханна в свои четырнадцать уже была членом церкви; Ханна любила вязать; Ханна, вероятно, уже была - или стала бы - воплощением всех житейских добродетелей. А вместо нее здесь была эта черноволосая цыганка с глазами, как плошки, занявшая место полноправного члена семьи.

Поистине светом во тьме была для Ребекки тетя Джейн - с ее тихим, мягким голосом, ее полными сочувствия глазами, всегда готовая простить и помочь в эти первые трудные недели, когда порывистая маленькая "чужая" пыталась приспособиться к "законам кирпичного дома", постепенно привыкая к новым и трудным нормам поведения, которые, казалось, делали девочку старше ее возраста.

После обеда Ребекка обычно брала свое шитье и садилась рядом с тетей Джейн в кухне, в то время как тетя Миранда занимала наблюдательный пост у окна гостиной. Иногда они шили, сидя на боковом крыльце, где жимолость и ломоносы защищали их от жаркого солнца. Отрез коричневого полотна казался Ребекке бесконечным, а шитье - тяжким трудом. Она рвала нитку, роняла наперсток в кусты у крыльца, колола пальцы, беспрестанно вытирала пот со лба, не могла совместить метки на полотнищах юбки, стягивала швы. Она усердно полировала свои иглы, без конца протыкая их в наждачную бумагу, но они все равно скрипели. И все же терпение тети Джейн не истощалось, и пальцы Ребекки постепенно обретали необходимую сноровку - пальцы, которые так ловко держали карандаш или кисточку для рисования, но были такими неуклюжими в обращении с изящной маленькой иглой.

Когда первое платье из коричневого полотна было закончено, девочка воспользовалась тем, что показалось ей удобным моментом, и попросила тетю Миранду позволить ей сшить следующее платье из ткани другого цвета.

- Я купила большой отрез коричневого полотна, - сказала Миранда лаконично. - Этого хватит еще на два платья и останется на то, чтобы потом сделать новые рукава, поставить заплаты и надставить подол. Это будет очень экономно.

- Я знаю. Но мистер Уотсон говорит, что согласен взять оставшуюся ткань и продать нам розовое и голубое полотно за ту же цену.

- Ты спрашивала его об этом?

- Да, мэм.

- Ты не имела права вмешиваться не в свое дело.

- Я была в его магазине, когда помогала Эмме-Джейн выбирать переднички. Я думала, что для вас не имеет значения, какого цвета платья я буду носить. Розовое пачкается ничуть не быстрее коричневого, и мистер Уотсон говорит, что ткань можно кипятить: она не полиняет.

- Мистер Уотсон, полагаю, большой специалист в вопросах стирки. Сама я против того, чтобы дети наряжались в модные цвета, но хочу выяснить, что думает об этом твоя тетя Джейн.

- Я думаю, что совсем не плохо позволить Ребекке сшить себе одно розовое и одно голубое платье, - сказала Джейн. - Для ребенка утомительно шить из ткани одного и того

же цвета. Вполне естественно, что она хочет что-нибудь новое. Кроме того, она будет выглядеть как приютский ребенок, если мы неизменно будем одевать ее в коричневое платье с белым передником. К тому же этот цвет ей не идет!

- "Красив тот, кто красив душой", - говорю я. Попасть в беду из-за своей красоты Ребекке не грозит, это точно. Хотя она и задирает нос, хвастаться совсем нечем. И ни к чему забивать ей голову нарядами.

- Она дитя, и ей нравятся яркие цвета - вот и всё. Я хорошо помню, какие чувства были у меня в ее возрасте.

- Большой душой ты была в ее возрасте, Джейн.

- Да, была, и слава Богу! Хотела бы я знать, как взять с собой из детства хоть немного моей "глупости", как это удастся некоторым людям, чтобы украсить закат моих дней.

В конце концов появилось розовое полотняное платье, и, когда оно было закончено, тетя Джейн сделала Ребекке восхитительный сюрприз - показала, как превратить узкую белую тесьму в красивую отделку, заложив ее плоскими уголками и пришив к платью аккуратными маленькими стежками.

- Это будет приятным рукоделием для тебя в долгие зимние вечера, Ребекка. Ведь тете Миранде не понравится, если ты все время будешь только читать. Ну а сейчас, если ты думаешь, что сможешь приметать два ряда белой тесьмы к подолу твоей розовой юбки так, чтобы они лежали точно по меткам, я пришью их для тебя, а потом отделаю тесьмой лиф и рукава, и у тебя будет нарядное платье.

Радость Ребекки не знала границ.

- Я мигом приметаю! - воскликнула она. - Подол этой юбки не меньше тысячи ярдов в длину, - мне ли не знать, когда я его подрубала. Но красивую отделку я пришила бы к нему, даже если бы он тянулся отсюда до Милтауна. Ах, как вы думаете, тетя Миранда позволит мне когда-нибудь съездить в Милтаун с мистером Коббом? Он меня уже два раза приглашал. Но в субботу я должна была собирать землянику, а в другой раз шел дождь. Боюсь, что тетя Миранда не одобрит мою поездку. Уже двадцать девять минут пятого, тетя Джейн, и Элис Робинсон давно сидит под кустом смородины и ждет меня. Можно мне пойти поиграть?

- Да, можешь идти, только лучше вам бегать подальше от дома, за скотным двором, чтобы ваш шум не помешал тете Миранде. Я вижу Сюзан Симпсон, близнецы и Эмма-Джейн прячутся за забором.

Ребекка сбежала с крыльца, подхватила Элис Робинсон из-под смородинных кустов и, что было гораздо труднее, с помощью сложной системы сигналов успешно отделила Эмму-Джейн от компании Симпсонов, которые были слишком малы для приятных развлечений, запланированных на этот день. Впрочем, Симпсонами не следовало пренебрегать, так как им принадлежал самый восхитительный двор во всей деревне. В нем в поражающей воображение неразберихе стояли старые сани, конные грабли, бочки, диваны без спинок, остовы кроватей без изголовья - все это было в разной степени непригодности, и картина этого хаоса никогда не оставалась неизменной даже в течение двух дней. Миссис Симпсон редко бывала дома, но когда и бывала, ее мало заботило то, что происходит в нем и возле него. Любимым развлечением детей было превращать дом в крепость, храбро обороняемую горсткой американских солдат от осаждающих сил британской армии. Распределение ролей производилось очень осмотрительно, так как ни у кого не было намерения позволить победить кому-то, кроме американцев. Маятника Симпсона обычно назначали главнокомандующим британской армии - именно такой слабовольный и ненадежный военачальник вполне был способен своими противоречивыми приказами и любовью к дальним тылам привести к бесславной гибели любой полк. Иногда многострадальный дом становился бревенчатым завалом, и храбрые поселенцы наносили поражение отряду враждебно настроенных индейцев или бывали перерезаны ими, но при любом исходе борьбы дом Симпсонов выглядел,

если процитировать жителей Риверборо, так, словно там "дьявол с аукциона торговал".

Вторым по значению после этой необыкновенно интересной площадки для игр было, по мнению детей, поле деятельности, представлявшееся на "потайной поляне" - поросшей бархатистой травой полоске земли пастбища Сойеров, почти скрытой от глаз небольшой рощицей. Там было полно пленительных холмиков и уютных долинок, а также ровных участков, покрытых дерном, очень удобных для возведения "домов", на которые деревья в жару наводили приятную тень. Это был тяжелый, но радостный труд - таскать в столь уединенное место охапки "палочек" и "кругляшей" с лесопилки. Делалось это по преимуществу после ужина, в сумерки, что придавало подобному занятию еще большее очарование. Здесь в коробках и ящиках из-под мыла, спрятанных под деревьями, хранились все их сокровища - маленькие корзинки, чашки и тарелки, сделанные из репейных колючек, кусочки битого фарфора и куклы, которых с успехом использовали для разыгрывания всевозможных историй и романов с изображением смертей, похорон, свадеб, крестин. В этот день планировалось возвести высокий квадратный "дом" из палочек вокруг Ребекки, которой предстояло быть томящейся в тюрьме Шарлоттой Корде¹⁵. Какое это было волнующее переживание - стоять с головой, обмотанной передником Эммы-Джейн, и чувствовать, что прутья, к которым она прижимается, словно становятся холодной железной решеткой, а глаза ее - больше не глаза Ребекки Рэндл, но отражают в себе нечто от страдальческого взгляда злополучной героини.

- Прелесть, правда? - вздохнули смиренные строительницы тюрьмы, которым пришлось изрядно потрудиться, но которые теперь не могли налюбоваться делом своих рук.

- Так не хочется разбирать, - сказала Элис. - Была уйма работы.

- Если вы прикатите несколько камней и разберете верхнюю часть стенки, я смогу перелезть через нее, - предложила Шарлотта Корде. - А камни оставим, и тогда завтра вы вдвоем влезете в тюрьму и станете маленькими принцами в Тауэре, а я - Ричардом III¹⁶; и я убью вас.

- Какие принцы? Какой Тауэр? - спросили в один голос Элис и Эмма-Джейн. - Расскажи!

- Не сейчас. Мне пора домой. (Ребекку можно было назвать сторонницей строгой дисциплины.)

- Это очень приятно, я думаю, быть убитой тобою, - сказала верная Эмма-Джейн. - Хотя ты ужасно по-настоящему убиваешь. Может быть, нам лучше позвать Илайджу с Илайшей и сделать их принцами?

- Начнешь их убивать, а они завопят, - возразила Элис. - Ты же знаешь, какие они все глупые, совсем играть не умеют - все, кроме Клары-Беллы. А потом, если мы один раз покажем им эту "потайную поляну", они будут играть здесь все время, а может быть, и красть что-нибудь, как их отец.

- Из того, что их отец крадет, совсем не следует, что они будут это делать, - возразила Ребекка. - И не упоминайте об этом при них, если хотите быть моими настоящими, близкими друзьями. Моя мама велит мне никогда не говорить людям в глаза дурное об их родственниках, потому что бесчестно стыдить их за то, в чем они не виноваты. Помните историю с Минни Липучкой?

Разумеется, им нетрудно было припомнить этот драматический эпизод, ведь он имел место лишь несколько дней назад, а версия его, которая смягчила бы даже каменное

¹⁵ Шарлотта Корде (1768 - 1793) - убийца политического деятеля времен Французской революции Марата; была казнена по приговору революционного трибунала.

¹⁶ Ричард III (1452 - 1485) - английский король, вступил на трон после смерти короля Эдуарда IV, умертвив в тюрьме его юных сыновей.

сердце, была изложена каждой девочке в деревне самой Минни Липучкой, хотя именно Ребекка, а не она вышла победительницей из этой словесной баталии. Но Минни лелеяла свою обиду и намеревалась взять реванш.

Глава 7 Тайны Риверборо

Мистер Симпсон проводил мало времени со своей семьей. Причина заключалась в излюбленных им рискованных методах торговли лошадьми и "обмена" сельскохозяйственных орудий и разного рода транспортных средств - сделок, которыми его покупатели никогда не оставались довольны надолго. После каждой удачной торговой операции он обычно проводил более или менее продолжительное время в тюрьме, так как из того, что человек имеет глубоко укоренившуюся привычку к заключению меновых соглашений, неизбежно следует, что он должен иметь что-то, чем обмениваться, а из того, что он не располагает собственным движимым имуществом, еще более неизбежно следует, что он должен обменивать что-то, принадлежащее его соседям.

В данный момент мистер Симпсон отсутствовал в семейном кругу из-за того, что обменял сани вдовы Райдаут на плуг Джозефа Гудвина. Гудвин переехал в Северный Эджвуд совсем недавно и никогда прежде не встречал учтивого и обладающего даром убеждения мистера Симпсона. Плуг Гудвина мистер Симпсон без задержки предложил человеку "с уэйрхемской дороги" и получил в обмен старую лошадь, которая была не нужна владельцу, уезжавшему на запад, к своей дочери. Симпсон откормил почтенного возраста скотину, подержав ее несколько недель (ранним утром и после наступления ночи) последовательно на всех соседских пастбищах, а затем выменял на нее у жителя Милтауна крытую двуколку. Именно при таком положении вещей вдова Райдаут хватилась своих саней, пропавших из каретного сарая. Она не пользовалась ими лет пятнадцать и, вероятно, не села бы в них и следующие пятнадцать, но это была собственность, и она не собиралась расставаться с нею без борьбы. И такова уж отличающаяся подозрительностью природа риверборского ума, что, обнаружив пропажу, она в тот же момент подумала об Эбнере Симпсоне. Однако характер деловых операций был столь запутан и столь мучителен процесс их расследования (отчасти по причине полного исчезновения владельца лошади, который уехал на запад, не оставив адреса), что шерифу потребовалось немало недель, чтобы доказать виновность мистера Симпсона, к полному удовлетворению Риверборо и вдовы Райдаут. Сам Эбнер твердил о своей полной невинности и рассказывал соседям, как рыжеволосый человек с заячьей губой и в крапчатом костюме зашел к нему однажды на рассвете и предложил хорошие сани в обмен на старый пресс для сидра, лежавший у него, Эбнера, во дворе. Сделка была заключена, и он, Эбнер, заплатил незнакомцу с заячьей губой четыре доллара и семьдесят пять центов в придачу, после чего таинственный незнакомец выгрузил из своей телеги сани, забрал пресс и исчез вдаль, с тем чтобы больше никто и никогда его не видел и о нем не слышал.

- Если бы мне поймать этого старого негодяя, - восклицал в праведном гнев Эбнер, - он бы у меня поплясал! Сбыть мне краденые сани и отнять мои честные денежки и пресс, не говоря уже о моей репутации!

- Ты никогда не поймаешь его, Эб, - отвечал шериф. - Он из того же теста, что и твой пресс, и твоя репутация, и твои четыре семьдесят пять - никто никогда не видел их, кроме тебя, да и ты никогда не увидишь их больше!

Миссис Симпсон, которая, бесспорно, была "лучшей половиной" Эбнера, брала на дом стирку и ходила на поденную уборку, а община Риверборо помогала кормить и одевать детей. Старший из них, Джордж, долговязый паренек лет четырнадцати, батрачил на соседних фермах, а остальные - Сэмюел, Клара-Белла, Сюзан, Илайджа и Илайша - ходили в школу, когда имели одежду и не имели более приятного занятия.

В деревнях, лежавших вдоль реки Плезант, не существовало тайн. Среди жителей было много трудолюбивых людей, но жизнь тянулась так тихо и медленно, что оставалось изрядное количество свободного времени для разговоров. Беседовали, отдыхая под деревьями в жаркий полдень на сенокосе, или повиснув через перила моста на закате, или расположившись у печи в деревенской лавке зимним вечером. Эти места встреч предоставляли вполне достаточно возможностей для обсуждения текущих событий, как они представлялись мужскому взору, а репетиции хора, занятия кружков шитья, совместные чтения, церковные пикники и тому подобное создавали условия для выражения женского мнения. Все это обычно воспринималось как само собой разумеющееся, но порой какая-нибудь сверхчувствительная особа выступала с бурными протестами против такого подхода, принятого за основу существования.

Таковой особой была, например, Делия Уикс, незамужняя леди, немного подрабатывавшая шитьем. Она часто болела, и, хотя ее посещали все местные доктора, здоровье ее медленно, но непрерывно ухудшалось. Однако, когда ее двоюродный брат Сайрес пригласил ее к себе в Льюистон, чтобы помочь ему вести хозяйство, она согласилась и через год превратилась в крепкую, бодрую женщину. Во время ее непродолжительного визита в Риверборо ее спросили, намерена ли она и до конца своих дней жить не у себя дома.

- Разумеется, если есть хоть какое-то другое место, - ответила она откровенно. - Здесь безуспешными попытками сохранить мои маленькие секреты я изнурила себя до того, что превратилась в тень. Сначала они выяснили, что я хотела выйти замуж за священника, а когда он нашел себе жену в Стэндише, стало известно, что я разочарована. Затем пять или шесть лет они подозревали, что я ищу место учительницы в школе, а когда я оставила эту надежду и занялась шитьем, они жалели меня из-за этого. Когда умер отец, я твердо решила не дать никому узнать, что я получила в наследство, так как это интересовало их больше всего другого, но оказалось, что есть способы выяснить это, и они выяснили, как я ни старалась! Затем был мой брат Джеймс, который уехал в Аризону, когда ему было шестнадцать. Тридцать лет я передавала хорошие вести от него, но у тетушки Тарбокс оказалась чересчур любопытная кузина, которая ездила для поправки здоровья на запад и там нашла Джима и написала тетушке Тарбокс все о нем, а именно - какие преследовали его несчастья. Они знали, что я вставила искусственные зубы, что я начала носить шиньон, что разносчик фруктов, овдовев во второй раз, сделал мне предложение. Я никогда не говорила им об этом, и, можете быть уверены, он тоже никогда не говорил, но им, в этой деревне, и не нужно ничего говорить. Им нечего делать, кроме как строить догадки, и они каждый раз угадывают правильно. Я вымоталась до предела, пытаясь ввести их в заблуждение, обмануть, создать ложные представления. Но как только я попала туда, где меня не клали под микроскоп днем и не наводили на меня телескоп ночью и где я могла быть самой собой, не добавляя при этом "с вашего позволения", силы мои начали восстанавливаться. Кузен Сайрес старый человек, и много с ним хлопот, но он считает, что у меня красивые зубы и отличные волосы. В Льюистоне ни одна душа не знает о священнике, или завещании отца, или положении Джима, или торговце фруктами, да если бы им и сказали, им было бы все равно, и они тут же забыли бы, потому что Льюистон - это место, где все, слава Богу, заняты делом!

Хотя, быть может, говоря о нравах Риверборо, мисс Делия несколько преувеличивала, тем не менее легко представить, что Ребекка, так же как и все остальные дети в Риверборо, не могла не слышать во всех подробностях о пропаже саней вдовы Райдаут и о предполагаемой причастности к этому Эбнера Симпсона.

Ученики обычной деревенской школы не отличались излишней деликатностью или великодушием, и несколько изощренных загадок и стишков, касающихся дела Симпсона, передавались из уст в уста, произносимые всегда, что нужно поставить в заслугу школьникам, вполголоса и только тогда, когда детей Симпсона не было поблизости.

Ребекка Рэндл была из такой же семьи и имела тот же круг общения, что и ее

одноклассники, так что едва ли можно сказать, почему она так ненавидела мелкие сплетни и неосознанно стремилась держаться от них в стороне.

Среди девочек ее возраста была в Риверборо некая особа, удачно прозванная Минни Липучкой, отнюдь не всеобщая любимица - белобрысое создание с глазами как у хорька, длинными тощими ногами и умом, представлявшим собой нечто среднее между умом попугая и барана. Подозревали, что она списывает ответы задач с грифельных дощечек других девочек, хотя ее ни разу не удалось на этом поймать. Ребекка и Эмма-Джейн отлично знали, когда Минни приносит фруктовый пирог или кусок слоеного торта в своей корзинке с завтраком, потому что в такие дни она покидала веселый круг своих одноклассниц и искала безопасного уединения в лесу, возвращаясь оттуда спустя некоторое время с радостной улыбкой на самодовольном лице.

После одного из таких тайных завтраков Минни Липучки Ребекка не смогла удержаться от искушения и, когда та заняла место среди угощавших друг друга своими лакомствами девочек, спросила:

- Как голова, Минни? Уже не болит? Позволь, я вытру, у тебя рот в земляничном варенье.

По правде говоря, рот совсем не был испачкан вареньем, но носовой платок Минни мгновенно взметнулся к ее покрывшемуся густым румянцем стыда лицу.

В тот же день Ребекка призналась Эмме-Джейн, что раскаивается в этой проделке.

- Терпеть не могу ее манеры, - воскликнула она, - но мне жаль, что теперь она знает, что мы ее подозреваем, и поэтому, чтобы загладить мою вину, я подарила ей тот маленький обломок коралла, который держала в моем бисерном кошелечке, - помнишь, я тебе показывала?

- Она этого не заслуживает, такая жадина, - заметила Эмма-Джейн.

- Я знаю, но теперь мне стало легче, - сказала щедрая Ребекка. - И потом, он был у меня два года, и он битый, так что все равно никуда по-настоящему не годится, хоть и красивый на вид.

Коралл как залог примирения отчасти сослужил свою службу к тому времени, когда однажды Ребекка, как всегда задержавшаяся в школе дольше других из-за своего урока грамматики, возвращалась домой кратчайшим путем. Далеко впереди она увидела детей Симпсона, которые только что вступили в "лесной уголок". Маятника с ними не было, и она ускорила шаги, чтобы обзавестись компанией. Симпсоны быстро пропали из виду за деревьями, но когда она вступила в лес и почти догнала их, до нее донесся голос Минни Липучки и детский плач. Клара-Белла, Сюзан и близнецы бежали прочь по тропинке, а Минни, стоя возле кустов, подпрыгивала и приплясывала, визжа:

Отчего соседки сани

К Симпсону сбежали сами?

Симпсон очень их любил

И в свой двор переманил.

В последний раз мелькнул среди деревьев беспорядочно отступающий отряд Симпсонов, и, в последний раз взмахнув на ветру, исчезли в туманной дали их потрепанные одеяния. Лишь падение одного маленького камня, брошенного доблестным Илайшей, известным как "забияка", нарушило на мгновение неподвижность леса, но камень упал в сотне ярдов от Минни, которая закричала во всю глотку: "Арестанты!", а затем с приятным чувством возбуждения обернулась и столкнулась лицом к лицу с неподвижно стоящей на тропинке Ребеккой, чьи сверкающие глаза ясно говорили, что настал час расплаты.

На физиономию Минни не очень приятно было смотреть, так как трус, которого застали в момент преступления, отнюдь не восхитительное зрелище.

- Минни Липучка, если я когда-нибудь... еще раз услышу, что... ты кричишь... это... Симпсонам... знаешь, что я сделаю? - спросила Ребекка тоном сосредоточенной ярости.

- Не знаю и знать не хочу, - сказала Минни беспечно, хотя ее вид противоречил

этим словам.

- Я отберу у тебя свой коралл и, вероятно, дам тебе хорошую оплеуху!

- Не посмеешь! - возразила Минни. - Если ты это сделаешь, я все расскажу маме и учительнице! Вот так!

- Мне все равно, расскажешь ли ты об этом своей маме, моей маме, всем своим родственникам и самому президенту, - продолжила Ребекка, храбрость которой возрастала по мере того, как величественные слова срывались с ее уст. - Мне все равно, расскажешь ли ты об этом всей деревне, всему графству Йорк, штату Мэн и... и всей нации! - заключила она напыщенно. - Теперь беги домой и помни, что я сказала. Если ты еще раз выкрикнешь эти стишки, и особенно если ты скажешь: "Арестанты!", и... если я сочту, что это будет справедливо и что это мой долг, я найду способ тебя наказать.

На следующий день во время перемены Ребекка заметила, что Минни рассказывает свою версию этого столкновения Хальде Мизерв.

- Она грозила мне, - шептала Минни, - но я не поверила ни одному ее слову.

Последнее было сказано с явным намерением довести это обстоятельство до слуха Ребекки, так как у Минни, когда она была надежно защищена механизмами закона и порядка, случались приступы храбрости.

Вернувшись на свое место после перерыва, Ребекка с разрешения мисс Дирборн передала Минни Липучке записку. Содержание записки было следующим:

Много дряней и нахалок,

Но подлее Минни нету.

Отберу я свой подарок,

Изобью ее в котлету.

Р. S. Теперь ты мне веришь?

Р. Рэндл

Эти вирши оказались настолько убедительными, что даже много дней спустя, где бы Минни ни встречала Симпсонов, хоть даже за милую от кирпичного дома, она содрогалась и сохраняла молчание.

Глава 8 Роза в цвету

В следующую пятницу после этого "ужаснейшего сражения из всех когда-либо виденных", как говорит Беньян в "Путешествии пилигрима", большие события ожидались в маленьком школьном здании на холме. Вторая половина пятничных занятий была временем, отведенным для декламации стихов и диалогов, но нельзя сказать, чтобы это был праздник в подлинном смысле слова. Большинство детей терпеть не могло "читать отрывки" - трудно было учить стихи, пугала опасность забыть их в самый ответственный момент. Мисс Дирборн по окончании занятий обычно уходила домой с головной болью и проводила остаток дня в постели, а какая-нибудь родительница, которой случалось посетить школу в этот день, сидела на передней скамье и, слушая эти слишком хорошо знакомые запинки и заикания, чувствовала, как на лбу у нее выступают капли холодного пота. Иногда дитя, начисто забывшее свои стихи, с ревом бросалось на грудь матери, и его выносили на свежий воздух, где либо целовали, либо шлепали, но в любом случае очередной провал усиливал ощущение чего-то мрачного и грозного. Однако прибытие Ребекки внесло новый дух в эти прежде внушавшие страх пятничные мероприятия. Она помогла Илайдже и Илайше Симпсонам выучить стихи, которые они затем декламировали вдвоем, что производило необыкновенно забавное впечатление, и привели в восхищение самих себя, учительницу и всю школу. Для Сюзан, которая шепелявила, Ребекка нашла забавный стишок, в котором нужно было изображать шепелявящего ребенка. Эмма-Джейн и Ребекка разучили диалог, и дружеская поддержка подняла дух Эммы-Джейн и придала ей уверенности в своих силах. В эту пятницу мисс Дирборн объявила, что занятия обещают быть очень интересными и что поэтому она

пригласила присутствовать на них жену доктора, жену священника, двух членов попечительского комитета и несколько родителей учеников. Ливинга Перкинса попросили украсить рисунком одну из классных досок, а Ребекку - другую. Ливинг, считавшийся лучшим художником школы, решил изобразить карту Северной Америки. Ребекка отдала предпочтение менее практическим вещам, и на глазах очарованных мальчиков и девочек из-под ее умелых пальцев появился американский флаг, выполненный красным, белым и синим мелом, - каждая звезда на своем месте, каждая полоска реет на ветру. Затем рядом с флагом возникла аллегорическая фигура Америки, скопированная с крышки коробки из-под сигар, в которой хранились цветные мелки. Мисс Дирборн была в восторге.

- Давайте дружно похлопаем Ребекке за такую красивую картину, которой школа может гордиться.

Ученики от души зааплодировали, а Дик Картер, взмахнув рукой, издал воодушевляющее "ура!".

Сердце Ребекки радостно забилося; она со смущением почувствовала, как взгляд ее затуманивают слезы, и, почти ничего не видя перед собой, с трудом вернулась на свое место. За всю короткую и скудную событиями жизнь ее никогда не выделяли, не награждали аплодисментами, не увенчивали славой - и вот теперь настала для нее эта чудесная, ослепляющая великолепием и блеском минута. Как великодушие порождает великодушие, точно так же воодушевление вызывает еще большее воодушевление, а ум и талант воспаляют иные умы и таланты. Элис Робинсон призвала всех пропеть "Гимн Флагу", и, когда хор дошел до припева, все указывали на флаг, изображенный Ребеккой. Дик Картер предложил, чтобы авторы рисунков написали под ними свои имена для сведения ожидаемых после обеденного перерыва посетителей. Хальда Мизерв попросила позволения закрыть зелеными ветками самые большие трещины в штукатурке стен и поставить в ведро с водой полевые цветы. Ребекка сидела молча, и сердце ее было полно радости и благодарности. Во время перемены она держалась скромно, несмотря на свой грандиозный триумф. Во всеобщей атмосфере благожелательности вражда "Липучка - Рэнди" была забыта, и Минни собирала кленовые ветки и помогала закрывать ими некрасивую и уродливую печь под руководством Ребекки.

Мисс Дирборн закончила утренние занятия без четверти двенадцать - раньше, чем обычно, чтобы те, кто жил поблизости, могли сходить домой и переодеться. Возбужденные Эмма-Джейн и Ребекка почти всю дорогу домой бежали, останавливаясь, чтобы перевести дух, лишь перед тем, как перелезть через очередную изгородь.

- Как ты думаешь, тетя Миранда позволит тебе надеть твое лучшее платье или только желтое ситцевое? - спросила Эмма-Джейн.

- Я лучше спрошу у тети Джейн, что надеть, - ответила Ребекка. - О, если бы мое розовое платье оказалось готово! Когда я уходила, тете Джейн оставалось только обметать петли.

- Я попрошу маму позволить мне надеть ее гранатовое кольцо, - сказала Эмма-Джейн. - Как оно засверкает на солнце, когда я укажу на флаг! Ну, до встречи! Не жди меня; может быть, я не пойду пешком - меня отвезут в бричке.

Подойдя к дому, Ребекка обнаружила, что боковая дверь заперта, но ей было хорошо известно, что ключ положен под крыльцо, и об этом, конечно же, было известно не ей одной, но каждому в Риверборо, так как каждый делал примерно то же самое со своим ключом. Она открыла дверь и прошла в столовую, где на столе стоял завтрак и лежала записка от тети Джейн, сообщавшая, что тетя уехали в Модерейшен вместе с миссис Робинсон в ее линейке. Ребекка торопливо проглотила кусок хлеба с маслом и бросилась вверх по парадной лестнице в свою спальню. На кровати лежало розовое полотняное платье, дошитое добрыми руками тети Джейн... Может ли она, смеет ли она надеть его, не спросив позволения? Оправданным ли будет надеть новое платье в данном случае, или тетя сочтут, что его следует приберечь для концерта в воскресной школе?

"Надену, - подумала Ребекка. - Спросить не у кого, а может быть, они и не стали бы ни капельки возражать. В конце концов, оно всего лишь полотняное и совсем не казалось бы таким великолепным, если бы не было новым, розовым и обшитым тесьмой".

Она расплела косы, расчесала волны густых волос, перевязала их сзади лентой, сменила туфли на новые и, наконец, скользнув в свое хорошенькое новое платье, умудрилась застегнуть все пуговицы на спине, кроме трех посередине, которые оставила для Эммы-Джейн.

Затем взгляд ее упал на хранимый как зеница ока розовый зонтик. Он отлично подходил по цвету к платью, и к тому же другие девочки еще ни разу его не видели. Конечно, не совсем уместно явиться в класс с зонтиком, но ведь она может взять его с собой завернутым в бумагу, показать девочкам во время перемены, а открыто нести только на обратном пути. Снова спустившись в гостиную, она бросила взгляд в большое зеркало и была поражена тем, что увидела. Казалось, не может быть ничего красивее этого изумительного платья из розового полотна! Сияние глаз, пламя щек, блеск струящихся по плечам волос остались незамеченными за всепобеждающим очарованием наряда цвета розы. Боже мой! Без двадцати час - она опоздает! Выпорхнув через боковую дверь, она сорвала с куста у ворот пунцовую розу и преодолела отделявшую кирпичный дом от школы милю за невероятно короткое время. У входа она столкнулась с Эммой-Джейн, столь же великолепной и запыхавшейся.

- Ребекка! - воскликнула Эмма-Джейн. - Ты просто загляденье!

- Я? - засмеялась Ребекка. - Глупости! Не я, а мое розовое платье!

- В обычные дни ты некрасивая, но сейчас кажешься совсем другой, - упорствовала в своем мнении Эмма-Джейн. - А вот мое гранатовое кольцо, мама отмыла его с мылом. Но как это твоя тетя Миранда позволила тебе надеть совершенно новое платье?

- Ни ее, ни тети Джейн не было дома, и не у кого было спросить разрешения, - ответила Ребекка и с тревогой добавила: - А что? Ты думаешь, они не разрешили бы?

- Мисс Миранда никогда ничего не разрешает, разве не так? - заметила Эмма-Джейн.

- Да-а, но сегодняшний день особенный - почти как концерт в воскресной школе.

- Конечно, - согласилась Эмма-Джейн, - и твое имя написано на доске, и все мы будем петь гимн, и указывать на твой флаг, и прочитаем наш замечательный диалог - и все остальное.

Этот день был чередой убедительных триумфов: не было ни неудачных выступлений, ни слез, ни родителей, стыдящихся за своих отпрысков. Мисс Дирборн выслушала множество восторженных похвал своему организаторскому таланту и в глубине души задавала себе вопрос, действительно ли они должны быть адресованы ей или, по крайней мере отчасти, Ребекке. Хотя девочке было поручено сделать ничуть не больше, чем многим другим ученикам, она почему-то неизменно оказывалась на виду. Как обнаружилось позднее во время разных деревенских собраний и развлечений, оттеснить Ребекку на задний план было невозможно. Однако даже злейший враг не мог бы назвать ее выскочкой. Она была усердной, старательной и на редкость чуждой робости и застенчивости, но не искала случая покрасоваться и всегда горела желанием вовлечь других в каждое дело или забаву, в которых принимала участие. Подобно тому как где бы ни посадили Мак-Грегора¹⁷ - он оказывался во главе стола, так и где бы ни стояла Ребекка - это место неизбежно превращалось в центр сцены. Ее чистый высокий голос парил над всеми остальными голосами хора, и каждый зритель и слушатель невольно наблюдал за ней, замечал ее жесты, ее пение, в которое она вкладывала всю свою душу, весь свой безудержный энтузиазм.

Наконец все было позади, и Ребекке, когда она медленно шла по дороге домой,

¹⁷ Роберт Мак-Грегор (1671 - 1734) - вождь одного из шотландских кланов, борец против английского владычества, герой романа В. Скотта "Роб Рой".

казалось, что она никогда не сумеет снова стать сдержанной и спокойной. Учить уроки в этот день было не нужно, а то, что завтра предстояло помогать теткам варить варенье, не пугало ее - страхам не было места в душе, до краев наполненной радостью. В небе собирались грозовые тучи, но она не замечала их и была только рада тому, что может нести свой зонтик открытым, не боясь, что он выгорит. Она шла, не чуя под собой ног и забыв, что принадлежит к обычной человеческой семье, пока, приблизившись к палисаднику кирпичного дома, не увидела тетю Миранду, стоящую в открытых боковых дверях. Тогда в одно мгновение она вернулась на землю.

Глава 9 Увядшая роза

- Вот и она, опоздала на целый час, а задержись еще немного, так и под ливень попала бы. Но этот ребенок никогда не думает о том, что может произойти, - сказала Миранда, обращаясь к Джейн. - И вдобавок ко всем своим прочим проступкам еще и вырядилась в новое платье, семенит как в танцклассе своего папаши и помахивает зонтиком - точь-в-точь актриса на сцене!.. Вот что, Джейн, я старшая и сегодня я намерена высказать все откровенно и до конца. Если тебе это не нравится, можешь уйти в кухню и побыть там, пока я не кончу... Иди сюда, Ребекка, я хочу поговорить с тобой. Почему ты без позволения надела в школу это хорошее новое платье?

- Я собиралась спросить разрешения в полдень, когда приходила домой, но вас не было... - начала Ребекка.

- Ничего подобного, ты надела его потому, что некому было тебя остановить, хотя ты прекрасно знала, что я бы тебе этого не позволила.

- Если бы я была уверена, что вы не позволите, я никогда бы этого не сделала, - сказала Ребекка, стараясь быть правдивой. - Но я не была уверена, а рискнуть стоило. Возможно, вы согласитесь со мной, если узнаете, что в школе состоялся почти публичный экзамен. Какое это было зрелище!

- Зрелище! - воскликнула Миранда презрительно. - Это ты сделала из себя зрелище - посмешище, я сказала бы. Ты показывала всем в школе свой зонтик?

- Брать зонтик и вправду было глупо, - согласилась Ребекка, опустив голову. - Но ведь это единственный случай за всю мою жизнь, когда у меня было что-то подходящее к нему по цвету, и это так красиво - розовое платье и розовый зонтик! Мы с Эммой-Джейн должны были декламировать диалог двух девочек, сельской и городской, и мне пришло в голову, как раз перед тем как идти в школу, что зонтик замечательно подойдет городской девочке, и так оно и оказалось. А платье, тетя Миранда, я ни чуточки не испортила.

- Самое дурное в твоём поступке, что ты действовала хитростью и исподтишка, - заявила Миранда холодно. - А посмотри, что ты еще натворила! Можно подумать, в тебя дьявол вселился! Ты поднялась в свою комнату по парадной лестнице! Но скрыть свои следы тебе не удалось: ты уронила на ковер свой носовой платок. Ты оставила открытой сетку на окне в своей спальне, чтобы мухи разлетелись по всему дому. Ты не убрала со стола, после того как поела. И ты оставила боковую дверь незапертой, и она стояла так с половины первого до трех, так что любой мог зайти и взять все, что ему нравится!

Выслушав этот перечень обвинений, Ребекка тяжело опустилась на стул. Слезы потекли из ее глаз, когда она попыталась дать объяснения поступкам, которые невозможно было ни объяснить, ни оправдать.

- О, мне жаль, что так вышло! - пробормотала она. - Но перед обедом мы украшали классную комнату, и я задержалась. Мне пришлось бежать всю дорогу домой. Было очень трудно надеть платье одной, и поесть времени не было - я съела только кусочек, а в самую последнюю минуту, когда я подумала бы - честное слово, подумала бы - о том, чтобы убрать со стола и закрыть дверь, я взглянула на часы и поняла, что могу опоздать в школу, и я подумала, что будет ужасно впервые получить замечание за опоздание именно в тот день, когда там будут жена священника, жена доктора и попечительский комитет.

- Нечего теперь реветь и сокрушаться, слезами горю не поможешь, - ответила Миранда. - Капля хорошего поведения дороже потоков раскаяния. Вместо того чтобы подумать, как причинять поменьше хлопот в доме, который не твой собственный, ты, похоже, стараешься придумать, как получше выбить нас из колеи. Сними эту розу, я посмотрю на пятно, которое она оставила на кокетке, и на дырки и ржавчину в том месте, где была вколота мокрая булава. Нет, ничего не видно, но это скорее счастливая случайность, чем твоя предусмотрительность. Меня из терпения выводят твои цветы, распущенные волосы, глупые нашивки на платье и вся эта манерность. Ну, точь-в-точь твой никчемный папаша.

Ребекка мгновенно подняла голову.

- Вот что, тетя Миранда, я буду стараться, как только смогу, и слушаться вас во всем, и никогда больше не оставлю дверь незапертой, но я не позволю обзывать моего отца. Он был с-совершенно п-прекрасный отец, вот каким он был. И это подло называть его никчемным.

- Ребекка, как ты смеешь дерзить и говорить, что я подлая! Твой отец был самовлюбленный, глупый, беспомощный человек, и ты вполне могла бы услышать это не только от меня, но и от любого другого, кто его знал. Он промотал приданое твоей матери и оставил ее с семьей детьми на руках.

- Это тоже к-кое-что - оставить после себя с-семь милых детей, - всхлипывая, ответила Ребекка.

- Нет, если другим людям приходится помогать кормить и одевать этих детей и давать им образование, - отрезала Миранда. - Теперь пойдешь наверх, надень ночную рубашку, ляг в постель и оставайся там до утра. На комодке найдешь молоко и сухое печенье, и чтобы я не слышала от тебя ни звука до завтрака. Джейн, сбегай сними кухонные полотенца с веревки и закрой вторую дверь: сейчас будет ужасная гроза.

- Одна гроза, мне кажется, уже разразилась, - спокойно заметила Джейн, направляясь к двери, чтобы выполнить распоряжение сестры. - Я нечасто выражаю свое мнение, Миранда, но сейчас должна сказать, что тебе не следовало говорить то, что ты сказала о Лоренцо. Он был таким, каким был, и невозможно было сделать его другим. Но он отец Ребекки, и Орилия всегда говорила, что он был хорошим мужем.

Миранде не доводилось слышать поговорку "Хороший индеец - мертвый индеец", но ее мысли шли общепринятым путем, когда она мрачно отозвалась:

- Да, я замечала, что покойные мужья всегда хороши. Но правду иногда необходимо выносить на свет, и правда в том, что из этой девочки никогда не выйдет толку, если из нее не выколотить то, что в ней от ее отца. И я рада, что сказала именно то, что сказала.

- Полагаю, что так, - с иронией заметила Джейн, пребывавшая в состоянии, которое можно было бы назвать одним из ее ежегодных приливов смелости. - Но все равно, Миранда, это было бестактно и нехорошо с религиозной точки зрения.

Удар грома, потрясший дом как раз в этот момент, не так прогремел в ушах Миранды Сойер, как это замечание, с оглушительным раскатом обрушившееся на ее совесть.

Возможно все же, нет ничего плохого в том, что человек говорит только раз в году, но уж тогда говорит самое существенное.

Ребекка устало поднялась по черной лестнице, закрыла за собой дверь спальни и дрожащими пальцами сняла милое сердцу розовое платье. Дотянувшись до очередной из самых трудных пуговиц, расположенных между лопатками и талией, и расстегнув ее, она заботливо прикладывала к мокрым глазам свернутый в твердый комочек носовой платок, с тем чтобы ни одна капля соленой влаги не упала на наряд, обошедшийся ей так дорого. Она осторожно расправила лиф и юбку, разгладила пришитую к воротничку белую рюшечку и убрала платье в ящик комода, всхлипнув еще раз по поводу суровости жизни. Ее увядшая роза упала на пол. Ребекка взглянула на нее и подумала: "Совсем как мой счастливый день!" Ничто не могло бы яснее показать, каким именно ребенком

была Ребекка, чем то, что девочка мгновенно постигла значение розы как символа и положила ее в ящик вместе с платьем, словно хороня весь этот эпизод своей жизни с его печальными воспоминаниями. Это было поэтическое чутье ребенка с зарождающимся в нем намеком на женское чувство.

Она заплела волосы в две привычные косы, сняла свои лучшие туфли (которые, к счастью для нее, остались не замеченными теткой), и все это время в душе ее росла и крепла решимость - решимость покинуть кирпичный дом и вернуться на родную ферму. Ее не встретят там с распростертыми объятиями - на это нечего было и надеяться, - но она будет помогать матери по хозяйству, а Ханну они пошлют к теткам в Риверборо. "Надеюсь, ей здесь понравится!" - подумала она в минутном приступе мстительного чувства. Она села у окна, пытаясь придумать что-то вроде плана действий и рассеянно следя, как над вершинами холмов играет молния, а струи дождя гонятся друг за другом вниз по громоотводу. И это день, который начинался так радостно! Был пурпурный рассвет, и она склонялась над подоконником, повторяя урок и думая о том, как прекрасен мир. И какое счастливое утро! Превращение голый и некрасивой классной комнаты в настоящий цветник, почетное право украсить рисунком классную доску, счастливая мысль скопировать с сигарной коробки аллегорическую фигуру Америки, пьянящая радостью минута, когда вся школа аплодировала ей, Ребекке Рэндл. А затем - какой чудесный день! Восторг за восторгом, начиная со слов Эммы-Джейн: "Ты просто загляденье!"

Она заново пережила в памяти все выступления учеников, особенно свой диалог с Эммой-Джейн. Удачная идея сделать закрытую зелеными ветками печь мшистым берегом, где сидела сельская девочка, пасущая свои стада, позволила Эмме-Джейн обрести чувство такой свободы, что она декламировала как никогда прежде. А какой щедростью с ее стороны было одолжить свое гранатовое кольцо городской девочке, ярко представив, как сверкнет оно, когда та сложит зонтик и приблизится к пораженной всем этим великолепием пастушке!

Возвращаясь домой, Ребекка думала, что тетя Миранда, вероятно, будет довольна таким успехом племянницы, приглашенной в кирпичный дом с далекой фермы, но теперь стало ясно, что нет никакой надежды угодить ей ни таким, ни любым иным способом. Итак, решено, завтра она едет в Мейплвуд в почтовом дилижансе мистера Кобба, а потом уж как-нибудь доберется домой от кузины Энн. Но тетки могут не позволить ей уехать. Очень хорошо, она потихоньку ускользнет прямо сейчас; быть может, удастся провести ночь у Коббов и уехать утром еще до завтрака.

К сожалению, Ребекка никогда долго не раздумывала, прежде чем начать действовать. Она надела свои самые старые платье, шляпу и жакет, увязала в узелок ночную рубашку, расческу и зубную щетку и осторожно выбросила его из окна. Ее комната была угловой, а окно располагалось на не слишком опасной высоте от земли, хотя даже если бы было иначе, это не смогло бы остановить ее в тот момент. Кто-то - вероятно, рабочие, влезавшие на крышу дома, чтобы чистить водосточные желоба, - оставил прибитую к стене планку, которая располагалась как раз на полпути от окна до крыши заднего крыльца. Ребекка слышала жужжание швейной машины в столовой и звук отбиваемого мяса в кухне и, зная таким образом о местонахождении обеих теток, выкарабкалась из окна, ухватила за громоотвод, соскользнула на пришедшуюся так кстати планку, спрыгнула на крышу крыльца, воспользовалась решеткой, по которой вилась жимолость, вместо лестницы - и уже летела по дороге в грозу, прежде чем успела обдумать подробности своих дальнейших действий.

Мистер Джеримайя Кобб сидел в одиночестве за столом у кухонного окна и ужинал. "Мать", как он по привычке называл свою жену, ухаживала за больной соседкой. Миссис Кобб приходилась матерью только маленькому надгробию в церковном дворе, где покоилась "Сара-Энн, любимая дочь Джеримайи и Сары Кобб, скончавшаяся в возрасте семнадцати месяцев", но название "мать" было все же лучше, чем совсем ничего, и, по

крайней мере, служило миссис Кобб напоминанием о вершине ее женского счастья.

Дождь лил не переставая, небеса были темны, хотя едва пробило пять часов. Оторвавшись на мгновение от чаепития и подняв глаза, старик увидел в открытую дверь вызывающую сострадание фигуру. Лицо Ребекки было таким распухшим от слез, выражало такое горе, что в первое мгновение мистер Кобб не узнал ее. Но затем, услышав ее голос: "К вам можно, мистер Кобб?", он воскликнул:

- Ну и ну! Да это же моя пассажирка! Заходи, заходи к старому дяде Джерри. Пережди у меня грозу. Ты же вымокла до нитки. Садись поближе к печке. Я развел огонь, хоть и было жарко: думал, что захочу что-нибудь горяченькое к ужину, а то как-то вроде грустно одному. Мать сидит сегодня с Сис Страут. Ну вот, давай повесим твою мокрую шляпу на гвоздь, жакет - на спинку стула, а сама повернись спиной к печке и высушись хорошенько.

Дядя Джерри никогда прежде не произносил так много слов подряд, но он заметил покрасневшие глаза девочки и распухшие от слез щеки, и его большое доброе сердце раскрылось навстречу ей в ее горе, совершенно независимо от причин, которые могли это горе вызвать.

Ребекка стояла неподвижно, пока дядя Джерри снова усаживался на свое место за столом, а затем, не в силах больше сдерживаться, воскликнула:

- О, мистер Кобб, я убежала из кирпичного дома и хочу назад, на ферму. Вы позволите мне остаться у вас на ночь и возьмете меня с собой в Мейплвуд в вашем дилижансе? У меня нет денег на дорогу, но я потом как-нибудь заработаю и верну долг.

- Хм, думаю, из-за денег мы с тобой не поссоримся, - сказал старик. - Мы же давно собирались прокатиться вместе, правда не вверх по реке, а вниз.

- Теперь я уже никогда не увижу Милтаун! - воскликнула Ребекка.

- Сядь здесь, рядом со мной, и все мне расскажи. Вот сюда, на эту деревянную скамеечку. Сядь и выложи мне всю твою историю, - упрашивал дядя Джерри.

Ребекка опустила отяжелевшую голову на домотканое колено мистера Кобба и поведала о своем горе. Но какими бы трагическими ни представлялись события ее пылкой душе и неразвитому уму, она рассказала обо всем правдиво, ничего не преувеличивая.

Глава 10 Радужный мост

Во время повествования Ребекки дядя Джерри немало кашлял и ерзал на стуле, но постарался не выражать чрезмерного сочувствия, а только бормотал:

- Бедняжка! Подумаем, чем ей помочь!

- Возьмите меня в Мейплвуд, пожалуйста, мистер Кобб, - попросила Ребекка жалобно.

- Ни капельки не волнуйся, - ответил он не без хитрой задней мысли. - Уж я выручу из беды мою пассажирку. А сейчас съешь что-нибудь, детка. Намажь себе томатной пастой кусок хлеба. Придвигайся к столу. Может, займешь место матери и нальешь мне еще чашечку горяченького чайку?

Мыслительный механизм мистера Джеримайи Кобба был прост и работал не слишком гладко, за исключением тех случаев, когда его приводили в движение любовь или сочувствие. В данных обстоятельствах и то и другое было в наличии, действуя на мистера Кобба самым благоприятным образом, и, печалась о своей глупости и молясь о проблеске вдохновения, дабы осветить его нелегкий путь, он побрел ощупью, положившись на Провидение.

Ребекка, ободренная словами и тоном старика и робко радуясь чести сидеть на месте миссис Кобб и разливать чай из голубого фарфорового чайника, слабо улыбнулась, пригладила волосы и вытерла глаза.

- Я думаю, твоя мама будет страшно рада снова увидеть тебя дома, - не совсем уверенно заметил мистер Кобб.

Маленький страх - нечто совсем крошечное - шевельнулся в глубине души Ребекки и мгновенно вырос, как только его коснулись этим вопросом.

- Ей, наверное, не понравится, что я убежала, и она огорчится, что я не сумела понравиться тете Миранде. Но я ей все объясню, так же как объяснила вам.

- Она, вероятно, думала о твоём обучении, когда отправляла тебя сюда. Ну что же такого! Ты ведь можешь ходить в школу и в Темперансе, как я полагаю?

- Сейчас в Темперансе только летняя школа, а от всех других школ наша ферма слишком далеко.

- Ну, ничего, есть и другие вещи на свете кроме образования. - И дядя Джерри энергично взялся за яблочный пирог.

- Да-а, хотя мама надеялась, что образование сделает из меня человека, - печально возразила Ребекка и, судорожно вздохнув, попыталась хлебнуть чаю.

- Как это будет приятно - снова всем вместе жить на ферме! Полон дом ребятишек! - заметил милый старый притворщик, который ничего не жаждал так горячо, как только крепко обнять и нежно утешить это бедное маленькое создание.

- Чересчур полон, вот в чем беда. Но я уговорю Ханну приехать в Риверборо на мое место.

- Ты думаешь, Миранда и Джейн возьмут ее? Боюсь, они не захотят. Знаешь, они, пожалуй, рассердятся, что ты уехала домой, и едва ли ты можешь их за это винить.

Это была совершенно новая мысль: кирпичный дом может оказаться закрытым для Ханны из-за того, что она, Ребекка, пренебрегла его холодным гостеприимством.

- А как школа здесь, в Риверборо, неплохая? - спросил дядя Джерри, чей ум работал с совершенно непривычной быстротой, почти пугавшей его самого.

- Замечательная школа! А мисс Дирборн - замечательная учительница!

- Она тебе нравится, да? Ну, так поверь, что она отвечает похвалой на похвалу. Мать ходила сегодня в магазин покупать мазь для Сис Страут и встретила на мосту мисс Дирборн. Они поговорили о школе - мать часто сдает на лето комнату учительницам и очень их любит. "Как там эта девочка из Темперанса?" - спрашивает мать. "О, она лучшая из всех моих учениц, - говорит мисс Дирборн. - Я могла бы учить в школе от рассвета до заката, если бы все ученики были такими, как Ребекка Рэндл", - говорит она.

- Ах, мистер Кобб, неужели она так и сказала? - оживилась Ребекка, лицо ее просияло, и на щеках мгновенно появились ямочки. - Я все время очень старалась, но теперь буду учиться так, что все учебники до дыр изотру.

- Ты хочешь сказать, стала бы учиться, если бы собиралась остаться здесь, - вставил дядя Джерри. - Ну разве не жаль, что тебе приходится покинуть все это только из-за твоей тети Миранды? Но я тебя не виню. Она такая капризная и вечно недовольная; можно подумать, что ее вырастили на кислом молоке и зеленых яблоках. С ней нужна выдержка, а как я догадываюсь, ты не очень-то терпелива, не так ли?

- Не очень, - согласилась Ребекка печально.

- Если бы мы с тобой говорили вчера, - продолжил мистер Кобб, - я, вероятно, посоветовал бы тебе совсем другое. Теперь слишком поздно, и я не хочу сказать, что ты поступила неправильно, но если бы можно было начать сначала, я сказал бы так: твоя тетя Миранда дает тебе крышу над головой, кормит, одевает, посылает в школу и собирается отправить тебя учиться в Уэйрхем за большие деньги. Поладить с ней ужасно трудно - она швыряет свои благодеяния тебе на голову, как если бы это были кирпичи. Но все равно это благодеяния, и, может быть, твоя задача отплатить за них хорошим поведением. Джейн немного добрее, чем Миранда, а? Или ей так же трудно угодить?

- О, мы с тетей Джейн отлично поладили! - воскликнула Ребекка. - Она такая милая и добрая, мне она всегда нравилась, и я ей, кажется, тоже. Она однажды погладила меня по голове. Ей я позволила бы ругать меня весь день, потому что она все понимает. Но она не может защитить меня от тети Миранды, она боится ее почти так же, как и я.

- Думаю, что Джейн будет по-настоящему огорчена завтра, когда обнаружится,

что ты убежала. Но ничего не поделаешь... Ей было несладко с Мирандой, из-за того что та такая раздражительная, и ничего удивительного в том, что для нее так много значило твое общество. Мать говорила с ней на днях после молитвенного собрания. "Ты не узнала бы теперь наш кирпичный дом, Сара, - говорит Джейн. - Я даю уроки шитья, и моя ученица сшила уже три платья. Каково, - говорит она, - для ребенка старой девы? Я взялась вести класс в воскресной школе, - говорит Джейн, - хочу вспомнить молодость и пойти на пикник с Ребеккой", - говорит она. И мать уверяет, что никогда не видела ее такой молодой и счастливой.

В маленькой кухне воцарилось глубокое молчание - молчание, нарушаемое лишь тиканьем больших часов и биением сердца Ребекки, которое, как казалось ей, почти заглушало звук часов. Дождь прекратился, комнату неожиданно наполнил розовый свет, а в окно была видна радуга, перекрывшая все небо, словно сверкающий мост. Мосты помогают человеку перебраться через трудные места, думала Ребекка, и вот, кажется, дядя Джерри тоже построил мост над ее бедами и дал ей силы пройти по этому мосту.

- Дождь кончился, - сказал старик, набивая свою трубку. - Воздух чист, все кругом свежее и умытое и будет сиять завтра как новенькое... когда мы с тобой поедем вверх по реке.

Ребекка отодвинула свою чашку, поднялась из-за стола и спокойно надела шляпу и жакет.

- Я не поеду в Мейплвуд, мистер Кобб, - сказала она. - Я останусь здесь и... буду ловить кирпичи; буду ловить их и не буду бросать назад. Не знаю, возьмет ли меня к себе тетя Миранда, после того как я убежала, но я собираюсь вернуться, пока у меня достаточно храбрости. Вы не откажетесь пойти со мной, мистер Кобб?

- Поверь, милая, твой дядя Джерри не предложил бы тебе вернуться, если бы не придумал, как устроить это дело! - обрадованно воскликнул старик. - Ты уже столько перенесла за этот день, бедняжка; еще немного - и захвораешь, а Миранда, конечно, будет сердита и недовольна, и трудно будет нам с ней спорить. Так что вот мой план: я подвезу тебя к кирпичному дому в моей крытой двуколке. Ты спрячешься в уголок, а я выйду, подойду к боковой двери и вызову на крыльцо твоих теток поговорить насчет дров, которые я собираюсь доставить сюда на этой неделе. А тем временем ты выскользнешь из двуколки и проберешься наверх в кровать. Ведь парадная дверь будет открыта?

- Да, - кивнула Ребекка, - тетя Миранда закрывает ее позднее, перед тем как ложиться спать. Но - ах! - что, если дверь будет закрыта?

- Не будет. А если будет, нам придется встретить это мужественно. Хотя, на мой взгляд, есть вещи, которые совсем ни к чему встречать мужественно, и лучше уладить дело спокойно и тихо. Видишь ли, ты еще не убежала, а только пришла сюда посоветоваться со мной насчет того, чтобы убежать, и мы пришли к выводу, что дело это нестоящее. Единственный настоящий проступок, какой ты совершила, - это, как я понимаю, то, что ты прибежала сюда сломя голову, когда тебя послали в постель. Это не так страшно, и ты можешь рассказать об этом своей тете Джейн в ближайшее воскресенье, когда она будет битком набита религией, а она может посоветовать тебе, когда лучше всего рассказать обо всем тете Миранде. Я против того, чтобы кого-то обманывать, но, если у тебя были нехорошие мысли, ты не обязана в этом откровенно признаваться. Поведай о них Богу в молитве, как сказано в псалме, и больше к ним не возвращайся. Ну, пойдем. Лошади уже запряжены: я собирался ехать на почту. Не забудь свой узелок. "Это всегда путешествие, мама, когда берут с собой ночную рубашку" - вот первые слова, которые слышал от тебя твой дядя Джерри. Не думал он тогда, что ты принесешь свою ночную рубашку в его дом. Влезай и спрячься в уголок. Нам ни к чему, чтобы люди видели беглых маленьких девочек, которые возвращаются, чтобы начать все сначала!

Когда Ребекка пробралась наверх и, раздевшись в темноте, очутилась наконец в постели, у нее болел и пульсировал каждый нерв, но вместе с тем она чувствовала, как ею

незаметно овладевает нечто вроде умиротворения. Она была спасена от безрассудного поступка; она не доставит неприятностей своей бедной матери, не рассердит и не огорчит своих теток.

Сердце ее смягчилось, и она решила, что приложит отчаянные усилия, чтобы заслужить одобрение тети Миранды, и постарается забыть о том, что мучило ее больше всего, - полные презрения слова, сказанные о ее отце, о котором сама она всегда вспоминала с величайшей любовью и которого еще никто не осуждал в ее присутствии, ибо какие бы горести и разочарования ни постигли Орилию в браке, она никогда не говорила об этом своим детям.

Для несчастной маленькой души было бы, вероятно, некоторым утешением узнать, что Миранда Сойер провела тревожную ночь, втайне сожалея о своей грубости, отчасти потому, что Джейн заняла такую благородную и добродетельную позицию в этом деле. Неодобрение Джейн было невыносимо для Миранды, хотя она никогда не призналась бы в подобной слабости.

Когда дядя Джерри, вполне довольный своими усилиями по сохранению мира, ехал домой под звездным небом, он с грустью вспоминал о прикосновении головы Ребекки к его колену и ее слезах, оросивших его руку; о милой рассудительности, проявленной ею, когда все обстоятельства дела были представлены ей в правильном свете; о быстром решении, которое приняла она, как только увидела, в чем заключается ее долг; о трогательной жажде любви и понимания, которая была так характерна для нее. "Господь Всемогущий! - воскликнул он шепотом. - Запугивать и жестоко обращаться с таким ребенком! Я знаю, что, строго говоря, это не было жестоким обращением или, скорее, не было бы таковым для некоторых из ваших толстокожих юнцов, но для этого маленького и нежного Блуждающего Огонька суровое слово - как удар бича. Миранда Сойер была бы в тысячу раз более доброй женщиной, если бы у нее было такое маленькое надгробие в церковном дворе, как у нас с матерью".

- Никогда не видела, чтобы ребенок так быстро и так заметно исправился, как Ребекка сегодня, - заметила Миранда Сойер, обращаясь к Джейн в субботу вечером. - Нагоняй, который я ей дала, был именно тем, что нужно, и смею думать, его хватит на месяц.

- Я рада, что ты удовлетворена, - ответила Джейн. - Жалкого червя - вот кого тебе хочется видеть, а не живого, улыбчивого ребенка. У Ребекки, на мой взгляд, такой вид, словно она пережила Семилетнюю войну¹⁸. Когда она спустилась вниз сегодня утром, мне показалось, что она постарела за ночь. Если бы ты прислушалась к моему совету, что ты редко делаешь, то позволила бы мне завтра после обеда взять ее вместе с Эммой-Джейн проехать вниз по реке и привести Эмму-Джейн к нам на хороший воскресный ужин. А если бы ты еще и разрешила ей съездить в Милтаун с Коббами в среду, это немного развеселило бы ее и вернуло ей аппетит. В среду в школе нет занятий, так как мисс Дирборн едет домой на свадьбу своей сестры, а Коббы и Перкинсы хотят поехать в Милтаун на сельскохозяйственную выставку.

Глава 11 "Движение сил"

Визит Ребекки в Милтаун стал именно тем, что рисовало ей прежде ее пламенное воображение, хотя, прочитав незадолго до этого о Риме и Венеции, она была склонна поверить, что в отношении чисто живописных красот те города Милтаун все же превосходят. Так быстро становятся тесны душе ее обители, что стоило Ребекке своими глазами увидеть Милтаун, как ее фантазия устремилась к видениям будущего посещения Портленда, который, имея острова, гавань и два памятника, должен был оказаться гораздо

¹⁸ Семилетняя война (1756 - 1763) - война между Пруссией и другими европейскими государствами.

красивее Милтауна. Впрочем, как чувствовала она, и Милтаун мог занять достойное место среди крупных городов земли, хотя, скорее, по причине своей громадной деловой активности, чем по причине какой-либо неотразимой пленительности для воображения.

Было совершенно невозможно для двух детей увидеть, пройти пешком, наговорить, съесть или спросить больше, чем сделали это Ребекка и Эмма-Джейн в ту богатую событиями среду.

- Лучшей компании, чем Ребекка, я не имела за всю мою жизнь, - сказала в тот вечер своему мужу миссис Кобб. - Мы сегодня ни минуты не скучали. К тому же у нее хорошие манеры: она ни о чем не просит и благодарна за то, что получает. Ты обратил внимание на ее лицо, когда мы вошли в павильон, где шло представление "Хижины дяди Тома"? И ты помнишь, что она говорила нам про эту книгу, когда мы сели есть мороженое? Поверь мне, сама Гарриет Бичер-Стоу не сумела бы лучше отдать должное своей книге.

- Я все заметил, - отозвался мистер Кобб, довольный, что "мать" разделяет его мнение о Ребекке. - Я уверен, что она станет знаменитостью - певицей, или писательницей, или врачом, как мисс Паркс из Корниша.

- Женщины-врачи всегда гомеопаты, разве не так? - заметила миссис Кобб, которая была сторонницей старой школы в медицине.

- Ну что ты, мать! Конечно, нет. В мисс Паркс нет ничего гомеопатического. Она разъезжает по всей округе¹⁹.

- Почему-то я не могу представить Ребекку врачом, - задумчиво сказала миссис Кобб. - Ее способность говорить без умолку - вот что обеспечит ей успех. Может быть, она будет выступать с лекциями или декламировать стихи, как та чтица из Портленда, которая выступала у нас на празднике урожая.

- Я думаю, она сама будет писать, - уверенно сказал мистер Кобб. - Она сочиняет свои стихи быстрее, чем читает чужие в книжке.

- Жаль, что она такая некрасивая, - заметила миссис Кобб, задувая свечу.

- Некрасивая, да что ты, мать! - воскликнул ее муж в изумлении. - Ты только посмотри на ее глаза, посмотри на ее волосы и улыбку и ямочки на щеках! И посмотри на Элис Робинсон, которую называют самым красивым ребенком на нашей реке, и ты увидишь, что Ребекка затмевает ее совершенно! Я надеюсь, Миранда согласится на то, чтобы Ребекка почаще заходила к нам. Тут у нас она немного выпустит пар, и кирпичный дом станет заметно безопаснее для всех, кто в нем живет. Мы-то знаем, что значит иметь детей, пусть даже это было более тридцати лет назад. Поэтому мы можем понять ребенка.

Несмотря на панегирики мистера и миссис Кобб, Ребекка в то время еще плохо писала сочинения. Мисс Дирборн давала ей всевозможные темы из числа тех, которые в прошлом обычно задавали ей самой: "Картины облаков", "Авраам Линкольн", "Природа", "Филантропия", "Рабство", "Невыдержанность", "Веселье и долг", "Одиночество", но ни с одной из них Ребекка, кажется, так и не справилась удовлетворительно.

- Пиши так, как ты говоришь, Ребекка, - настаивала бедная мисс Дирборн, втайне зная, что сама никогда не сумела бы написать хорошее сочинение.

- Но, Боже мой, мисс Дирборн! Я не говорю о природе и рабстве. Как же я могу что-то написать, если мне нечего сказать?

- Для этого и существуют сочинения, - ответила мисс Дирборн не совсем уверенно, - чтобы у человека появилось, что сказать. Кстати, у тебя слишком много личных местоимений в сочинениях, следует говорить "человек", чтобы было больше похоже на настоящую литературу. "Человек открывает любимую книгу", "Мысли - большое утешение для человека в одиночестве" и так далее. В этом последнем сочинении на тему об одиночестве ты не сказала ничего интересного и написала о слишком обыденных вещах.

¹⁹ Английское слово "гомеопат" (homeopath) созвучно сочетанию слов "дом" (home) и "путь" (path).

- Но я ничуть не больше знаю об одиночестве на этой неделе, чем знала о веселье и долге на прошлой, - пожаловалась Ребекка.

- Ты стремилась позабавить класс, когда писала о веселье и долге, - с упреком сказала мисс Дирборн, - поэтому ничего хорошего не вышло.

- Я не знала, что вы заставите нас читать наши сочинения вслух, - смущенно улынулась Ребекка.

Тему "Веселье и долг", предложенную ученикам в качестве источника вдохновения, нужно было раскрыть прямо на уроке за пять минут. Ребекка ломала голову, пыталась, потела, но, когда настала ее очередь прочитать сочинение вслух, ей пришлось признаться, что она ничего не написала.

- По меньшей мере, две строчки на твоей дощечке были, - настаивала учительница, - я видела.

- Мне бы не хотелось их читать, - взмолилась Ребекка. - У меня плохо получилось.

- Читай, что получилось - хорошо или плохо, мало или много. Я ни для кого не делаю исключения.

Ребекка, охваченная тайным смехом, страхом и стыдом, поднялась и негромко прочитала двустиишие:

*Долг с весельем не в ладах,
Пусть всегда он терпит крах.*

Голова Дика Картера исчезла под партой, а Ливинг Перкинс задохнулся от смеха.

Мисс Дирборн тоже засмеялась; она сама была еще почти девочкой, а обучение детей так редко вызывает к чувству юмора учителя.

- Придется тебе, Ребекка, остаться после уроков и сделать новую попытку, - сказала она, но сказала с улыбкой. - Идея, заложенная в твоём стихотворении, не очень-то хороша для положительной девочки, которая должна находить удовлетворение в исполнении своего долга.

- Это не моя идея, - сказала Ребекка извиняющимся тоном. - Я успела написать только первую строчку, когда увидела, что вы собираетесь позвонить в колокольчик и сказать, что время истекло. У меня было написано "не в ладах", и я не смогла придумать ничего другого, кроме "трах", "страх" и "крах". Но я переделаю этот стишок так:

*Веселье с долгом не в ладах,
И пусть оно потерпит крах.*

- Так, пожалуй, лучше, - ответила мисс Дирборн, - хотя, я думаю, что "не в ладах" не слишком красивое выражение, чтобы употреблять его в поэзии.

Получив указания по использованию слова "человек", придающего изящество и утонченность литературному произведению, Ребекка старательно переписала свое сочинение об одиночестве в соответствии с рекомендацией мисс Дирборн. В результате оно приобрело следующий вид, который вряд ли удовлетворил как учительницу, так и ученицу.

Одиночество

Нельзя сказать, что человек одинок, если у человека есть чудесные мысли, которые всегда могут принести утешение. Человек сидит в одиночестве, это правда, но ведь человек думает. Человек открывает любимую книгу и читает любимый рассказ. Человек разговаривает с тетей или братом, ласкает кошку или разглядывает альбом с фотографиями. Есть также и работа: какая это радость для человека, если оказалось так, что человек любит работу! Маленькие домашние обязанности не дают человеку скучать. Чувствует ли человек себя осиротелым, когда собирает щепки на растопку перед вечерней трапезой? Или когда человек моет ведро, перед тем как идти доить корову? Конечно же, нет.

Р. Р. Р.

- Звучит просто ужасно, - вздохнула Ребекка, когда прочитала это вслух после уроков, оставшись наедине с мисс Дирборн. - От того, что пишешь везде "человек", ничуть не

становится больше похоже на книжку, и к тому же выглядит глупо.

- Ты пишешь такие странные вещи, - заметила мисс Дирборн. - Не понимаю, зачем тебе понадобилось упоминать о щепках для растопки.

- Но ведь я говорила о домашних обязанностях в предыдущем предложении, а собирать щепки и есть одна из моих домашних обязанностей. Вам не кажется, что очень красиво называть ужин "вечерней трапезой"? А какое прелестное слово "осиротелый"!

- Да, эта часть сочинения очень хороша. Но вот кошка, щепки и ведро мне не нравятся.

- Хорошо! Вычеркну! - сказала Ребекка. - И корову тоже?

- Да, и корову. Мне не нравятся коровы в сочинениях, - ответила привередливая мисс Дирборн.

Поездка в Милтаун не обошлась и без прискорбных последствий малого масштаба. На следующей неделе мать Минни Липучки сказала Миранде Соьер, что той необходимо обратить внимание на поведение Ребекки, которая склонна к "ругательствам и богохульствам" и не далее как в этот самый день произнесла нечто совершенно ужасное в присутствии Эммы-Джейн и Ливинга Перкинса, которые, правда, только засмеялись в ответ и погнались за ней по дороге.

Ребекка с негодованием отвергла предъявленные ей обвинения, и тетя Джейн поверила ей.

- Но все же покопайся в памяти, Ребекка, и попробуй догадаться, какие твои слова подслушала Минни, - попросила она. - Не злись и не упрямысь, но хорошенько подумай. Когда они погнались за тобой по дороге? Что вы делали?

Неожиданная догадка озарила ум Ребекки.

- О! Теперь понимаю! - воскликнула она. - Сегодня все утро шел сильный дождь, вы ведь помните, и на дороге было полно луж. Мы шли все вместе - Эмма-Джейн, Ливинг и я; я была впереди. В одном месте вода ручьем текла через дорогу к сточной канаве, и это напомнило мне постановку "Хижины дяди Тома", которую мы видели в Милтауне. Там Элиза хватает своего малыша и бежит, прыгая с льдины на льдину, через Миссисипи, а за ней гонятся собаки. Мы не могли удержаться от смеха, когда вышли из павильона, где шло представление, потому что там была такая маленькая сцена, что Элизе приходилось бегать кругами, и то собака гналась за ней, то она за собакой. Я знала, что Ливинг тоже вспомнит про Элизу, поэтому сняла плащ и завернула в него мои книжки, как ребенка, а потом закричала: "Боже мой! Река!" - именно это кричит Элиза в пьесе - и запрыгала через лужи, а Ливинг и Эмма-Джейн погнались за мной, изображая собак. Но эта глупая Минни Липучка ничего не понимает в играх. Элиза совсем не ругалась, когда выкрикнула: "Боже мой! Река!" Это было больше похоже на молитву.

- Ну, у тебя не было необходимости ни молиться, ни ругаться посреди дороги, - сказала в ответ Миранда. - Но я рада: я боялась, что дело обстоит хуже. Боюсь, тебе на роду написано причинять неприятности себе и другим, пока ты не укоротишь свой непокорный язык.

- Иногда мне хочется укоротить язык Минни, - пробормотала Ребекка, направляясь в столовую, чтобы накрыть стол к ужину.

- Ну и ребенок! - сказала Миранда, снимая очки и откладывая чулок, который штопала. - Тебе не кажется, что она чуточку сумасшедшая, а, Джейн?

- Я думаю, что она не похожа на других, - ответила Джейн задумчиво, и чуть заметная тревога отразилась на ее милом лице, - но к лучшему это или к худшему, трудно сказать, пока она не вырастет. В ней есть самые разнообразные задатки, но иногда мне кажется, что мы не способны справиться с ней.

- Что за вздор! - сказала Миранда. - Говори за себя. Я чувствую, что способна справиться с любым ребенком, какой только родился на свет!

- То, что ты так считаешь, не значит, что так оно и есть на самом деле, - с улыбкой возразила Джейн.

Открытое выражение своего мнения стало до совершенно пугающей степени входить у нее в привычку.

Глава 12 "Вот бледный мученик, взгляни"

Примерно в это же время у Ребекки, прочитавшей рассказ о спартанском мальчике, зародилась идея о необходимости какой-либо мягкой формы самонаказания, которую можно было бы применять тогда, когда она будет вполне уверена в том, что это окажется для нее полезным. Непосредственной причиной такого решения послужил случай несколько более печальный, чем те, что обычно имеют место на жизненном пути, изобилующем печальными событиями.

Облаченная в свое лучшее платье, Ребекка отправилась на чай к Коббам, но, проходя по мосту, была внезапно очарована красотой реки и оперлась о свежевыкрашенные перила, чтобы полюбоваться мощным потоком, стремительно несущимся с плотины. Опустив локти на верхнюю перекладину и склонившись вперед с восхитительной непринужденностью, она стояла там, мечтая.

Река за плотиной казалась зеркальным озером, пленяющим прелестью отраженных на его поверхности зеленых берегов и голубого неба. С другой стороны плотины было вечно кружащееся чудо воды, льющейся неистощимыми сияющими золотистыми потоками, которые терялись внизу в снежных глубинах пышной пены. То сверкающий на солнце, то мерцающий в свете летней луны, то холодный и седой под хмурым ноябрьским небом, то пробирающийся через плотину тонкой струйкой во время июльской засухи, то вздувшийся с бурной силой в апрельский паводок - сколько юных глаз вглядывалось в тайну и величие этого водопада, сколько юных сердец мечтало о будущем, опершись о перила моста и рисуя в воображении прекрасные картины на поверхности воды, исчезающие затем в "свете обычного дня".

Ребекка никогда не проходила по мосту без того, чтобы, повиснув на перилах, не удивиться и не задуматься. В данный момент она заканчивала следующее стихотворение:

*Однажды в тихом штате Мэн
В час утра золотой
Ребекка Рэндл и Эмма-Джейн
Стояли над рекой.
И Эмма-Джейн сказала вдруг:
"О, как хотела б я,
Чтоб тихой, ясною, как пруд,
Была вся жизнь моя".
"Мне водопада шум милей!
Удел пусть будет мой -
Нестись стремительно с высот
Иль бурной бить струей!"
(Сказала это та из них,
Чьи волосы черны.
Подруги не похожи,
Заметить мы должны.)
Но ах, увь! Не знаем мы,
Что нам судьба пошлет:
Быть может, бури - Эмме-Джейн,
А мне - наоборот.*

- "А мне - наоборот", пожалуй, не очень хорошо, но не могу придумать ничего другого. О, как пахнет краской! О, она на мне! О, я измазала все мое лучшее платье! О, что скажет тетя Миранда!

Заливаясь слезами горьких сожалений, Ребекка бросилась на вершину холма, где стоял дом Коббов, в полной уверенности, что найдет там сочувствие, и надеясь вопреки всему на какую-то помощь.

Миссис Кобб разобралась в ситуации с первого взгляда и заверила, что может удалить почти любое пятно с почти любой ткани. Это ее заявление торжественно подтвердил дядя Джерри. Он поклялся, что "мать" может удалить что угодно, иногда она удаляет ткань вместе с пятном, но рука у нее, у "матери", твердая.

Испорченное платье было снято и частично погружено в скипидар, а Ребекка, облачившись в голубой ситцевый капот миссис Кобб, украсила своей особой праздничный стол.

- Пусть это не лишает тебя аппетита, - ворковала миссис Кобб. - Тут для тебя печенье с кремом и мед. Если скипидар не поможет, я попробую мыльный камень, жженую магнезию, теплый мыльный раствор. Если и это не подействует, то отец сбегает к Страутам и попросит немного того состава, который Марта купила в Милтауне, чтобы вывести пятно от смородинного пирога со своего подвенечного платья.

- Не пойму, как могло произойти такое ужасное несчастье, - шутливо сказал дядя Джерри, передавая Ребекке вазочку с медом. - Надписи "Осторожно, окрашено" висят вдоль всего моста, так что и слепой не мог бы проглядеть, и я никак не могу придумать объяснения такому досадному происшествию.

- Я не заметила надписей, - печально сказала Ребекка. - Наверное, потому, что я смотрела на водопад.

- Водопад там с сотворения мира и до конца мира, как я предполагаю, на том же месте останется, так что тебе не было нужды рваться взглянуть на него... Дети иногда обходятся ужасно дорого, мать, но я полагаю, нам без них не обойтись, - сказал он, подмигивая жене.

После ужина Ребекка настояла на том, чтобы ей было позволено вымыть и вытереть посуду, пока миссис Кобб трудилась над платьем с энергией, свидетельствовавшей о трудности поставленной задачи. Ребекка то и дело покидала свой пост у раковины и, с тревогой склонившись над тазом, наблюдала за положительными изменениями, а дядя Джерри время от времени подавал советы.

- Ты, должно быть, лежала на мосту, дорогая, - заметила миссис Кобб, - так как краска не только на локтях, кокетке и лифе, но почти сплошь покрывает переднее полотнище юбки.

Так как платье стало выглядеть немного лучше, и настроение Ребекки начало улучшаться. Наконец, оставив платье сохнуть на открытом воздухе, она вошла в гостиную.

- Не дадите ли вы мне листик бумаги? - попросила она. - Я запишу стихи, которые сочинила, пока лежала в краске.

Миссис Кобб села возле своей рабочей корзинки, а дядя Джерри снял с гвоздя холщовый мешок с обрывками сетей и приступил к своему любимому вечернему развлечению - расплетанию узлов.

Вскоре перед Ребеккой лежали написанные ее аккуратным круглым почерком строки, в которые она внесла некоторые исправления, представившиеся необходимыми по зрелом размышлении.

ДВА ЖЕЛАНИЯ

(стихотворение Ребекки Рэндл)

Стояли вместе над рекой

(То было в штате Мэн)

Ребекка - с черною косой,

Со светлой - Эмма-Джейн.

И Эмма-Джейн сказала вдруг:

"О, как хотела б я,

Чтоб тихой, ясною, как пруд,

*Была вся жизнь моя".
"Мне водопада шум милей!
Удел пусть будет мой -
Нестись стремительно с высот
Иль бурной бить струей!"
(Сказала это та из них,
Чьи волосы черны.
Не сестры эти девы,
Заметить мы должны.)
Но ах, увы! Не знаем мы,
Что нам судьба пошлет:
Быть может, бури - Эмме-Джейн,
А мне - наоборот.*

Она прочитала стихотворение вслух, и Кобббы нашли, что это не только исключительно красивое, но и совершенно необыкновенное произведение.

- Я думаю, что если бы тот писатель, который живет на Конгресс-стрит в Портленде, мог слышать твои стихи, он был бы изумлен, - сказала миссис Кобб. - Если меня спросят, я скажу, что твоё стихотворение ничуть не хуже, чем это его "Не говори мне в скорбных числах", и гораздо понятнее.

- Я никогда не мог сообразить, что это за "скорбные числа", - заметил мистер Кобб критически.

- Значит, вы никогда не изучали дробей! - мгновенно догадалась Ребекка. - Послушайте, дядя Джерри и тетя Сара, может быть, вы напишете ещё одно четверостишие, заключительное - такое, чтобы в нём были "мысли" - как это обычно бывает у поэтов.

- Если ты можешь выдавливать из себя стихи, просто поворачивая какую-то ручку, ну, тогда я скажу - чем больше, тем лучше; но едва ли тут можно приделать конец красивее этого, - заметил мистер Кобб.

- Нет, конец ужасный! - недовольно проворчала Ребекка. - Нельзя было вставлять "мне". Я просто пишу стихи, и никто не знает, что это я стояла у реки. Здесь должно быть написано "Ребекка" или "та, чьи волосы черны". И это "наоборот" просто отвратительно. Иногда я говорю себе, что никогда больше не буду писать стихи: так трудно сделать, чтобы все вышло правильно; но в другое время они получаются у меня сами собой. Может быть, так будет лучше:

*Но ах, увы! Не знаем мы,
Что нам судьба пошлет,
И может дать она покой
Тому, кто бури ждет.*

Не знаю, хуже так или лучше. Теперь возьмемся за заключительный стих!

Через несколько минут поэтесса подняла глаза, сияющая и торжествующая.

- Оказалось - легче легкого! Вот, послушайте! - И она прочитала медленно, приятным, проникновенным голосом:

*Но что б ни ждало в жизни нас,
Уверенные в том,
Что воля Бога такова,
Мы счастье найдем.*

Мистер и миссис Кобб молча обменялись восхищенными взглядами; дяде Джерри даже пришлось отвернуться к окну, чтобы украдкой вытереть глаза мешком с бечевками.

- Да как тебе это удастся? - воскликнула миссис Кобб.

- О, это легко, - ответила Ребекка, - все псалмы, которые поют на молитвенных собраниях, очень похожи на эти стихи. В Уэйрхеме есть школьная газета, которую печатают раз в месяц в учительской семинарии. Дик Картер говорит, что редактор там,

разумеется, всегда мальчик, но он разрешает и девочкам попробовать что-нибудь написать, а потом выбирает лучшее. Дик думает, что кое-что из моих стихов могут в ней напечатать.

- Кое-что! - воскликнул дядя Джерри. - Я ни капельки не удивился бы, если бы ты написала всю газету целиком, а что до этого мальчишки-редактора, так, бьюсь об заклад, ты могла бы взять над ним верх в сочинительстве одной левой.

- Нельзя ли нам получить копию этого стихотворения, чтобы хранить ее в семейной Библии? - почтительно спросила миссис Кобб.

- О, конечно! - воскликнула Ребекка. - Я сделаю для вас чистую, хорошую копию фиолетовыми чернилами и тонким пером... Но я должна пойти и взглянуть на мое бедное платье.

Старики последовали за Ребеккой. Платье совершенно высохло, и ему действительно немного помогли усилия тети Сары, но ткань, там, где ее усердно терли, полиняла, узор расплылся, а кое-где виднелись грязные потеки. В качестве последнего средства прибегли к тщательному глажению горячим утюгом, и наконец Ребекку убедили облачиться в платье, чтобы можно было посмотреть, очень ли заметны пятна, когда оно облегает фигуру. Они были заметны и весьма бескомпромиссно бросались в самые подслеповатые глаза. Ребекка окинула платье одним испытующим взглядом и, взяв свою шляпу с гвоздя, сказала:

- Пожалуй, я пойду. Если я должна получить нагоняй, я хочу получить его поскорее и покончить с этим делом.

- Бедная, несчастная невезучая крошка! - вздохнул дядя Джерри, следя глазами за тоненькой фигуркой, спускающейся с холма. - Я хотел бы, чтобы она все-таки немного обращала внимание на то, что у нее под ногами. Но, клянусь, если бы она была наша, я позволил бы ей собрать краску со всего дома, прежде чем решил бы ее отругать. Вот стихи, которые она оставила. Прочитай их еще раз вслух, мать. Боже! - продолжил он со сдавленным смешком, зажигая свою трубку. - Так и вижу этого мальчишку-редактора, как он удирает в кусты и последний раз хлопает на ветру хвост его рубахи, а Ребекка в это время усаживается поудобнее в его вращающемся кресле! Для меня загадка, что это за работа - редактирование. Но она, Ребекка, разберется. И редактировать будет на славу!

*Уверенные в том,
Что воля Бога такова,
Мы счастье найдем.*

Боже, мать! Как верно схвачено, прямо Евангелие. Как она до этого додумалась?

- Она не могла додуматься до этого сама в ее годы, - сказала миссис Кобб. - Она, должно быть, просто угадала, что это так. Есть вещи, Джеримайя, которые мы знаем, хоть никто нам о них не говорил.

Ребекка выслушала выговор (которого вполне заслуживала), как солдат. Гневных слов прозвучало множество, и среди прочего мисс Миранда заметила, что такой рассеянный ребенок непременно вырастет слюнявым идиотом. Ребекке не было разрешено пойти на день рождения к Элис Робинсон, и она была обречена на то, чтобы ходить в своем платье, как оно было, со всеми пятнами и потеками, пока окончательно его не износит. (Шесть месяцев спустя тетя Джейн смягчила это наказание, сшив присборенный канифасовый передничек, искусно выкроенный так, чтобы закрыть все пятна.)

Выслушав приговор, Ребекка направилась в свою спальню и, сев там, задумалась. Уж кем она никак не хотела вырасти, так это идиотом любой разновидности, в особенности слюнявым. Она решила наказывать себя всякий раз, когда ей случится вызвать то, что она сочтет справедливым негодованием своей достойной родственницы. Конечно, тетка уже запретила ей пойти на день рождения к Элис Робинсон, но это вряд ли могло рассматриваться как наказание. Ребекка еще раньше в разговоре с Эммой-Джейн сравнивала предстоящую вечеринку с пикником на кладбище, так как более

похожего на склеп дома, чем дом Робинсонов, нельзя было и представить. Детей обычно вводили через заднюю дверь и просили стоять на газетах все время визита, так что друзья обычно просили Элис, если можно, "принять" их на крыльце или в сарае. Миссис Робинсон была не только "страшно аккуратная", но и "страшно скупая", так что, по всей вероятности, гостей ожидало угощение, состоящее из стаканов с минеральной водой и мятных леденцов.

После сравнения преимуществ таких способов наказания, как кусочек волосяной ткани в чулке и камешек в туфле, она отвергла их оба. Раздобыть волосяную ткань было невозможно, а камешек, несомненно, привлек бы внимание бдительной тетки и к тому же оказался бы глупым препятствием для деятельности человека, который должен выполнять домашние обязанности и ходить пешком в школу, расположенную за полторы мили от дома.

Ее первая попытка мученичества имела место еще раньше и оказалась не слишком удачной. Тогда она осталась дома и не пошла на концерт воскресной школы - удовольствие, которое по причине незнакомства с более заманчивыми развлечениями очень любила. В результате ее дезертирства выступление двух малышей, надеявшихся на ее подсказку (она знала стихи всех детей лучше, чем они сами), позорно провалилось. Ученики ее класса должны были в этот день читать по очереди вслух трудную главу из Библии; многие из них провели субботний вечер в напряженных трудах: каждый высчитывал, какой стих неизбежно выпадет на его долю с учетом его места на скамье, и упражнялся в чтении именно этого стиха. Они были слишком несообразительны, чтобы догадаться, что отсутствие Ребекки нарушает весь предполагавшийся порядок, и удар обрушился неожиданно и с сокрушительной силой, когда такие слова, как Иевусеи, Аморреи, Гегесеи, Евеи и Ферезеи, пришлось произносить особам, менее всего способным с этим справиться.

Следовательно, чтобы быть надлежащим и справедливым, самонаказание должно, подобно благотворительности, начинаться дома и в отличие от благотворительности там же кончаться²⁰. Ребекка, сидевшая у окна, рассеянно оглядела комнату. Она должна от чего-то отказаться, но, по правде говоря, у нее почти ничего нет, только... да, это подойдет - ее любимый розовый зонтик. Спрятать его на чердаке недостаточно, так как в минуту слабости она непременно опять достанет его. Взгляд ее скользнул от зонтика к яблоням за окном, а затем упал на сруб колодца. Это подойдет: она бросит свою величайшую драгоценность в глубины вод. Решение, как всегда, было быстро претворено в жизнь. В темноте она тихонько спустилась по лестнице, выскользнула из дома через парадную дверь, приблизилась к месту жертвоприношения, подняла крышку колодца, с содроганием взглянула в воду и швырнула зонтик вниз что было силы. В решающий момент ей существенно помогла мысль о том, что она очень похожа на языческих матерей, бросающих своих младенцев крокодилам в Ганге.

Она спала хорошо и проснулась освеженная, как это всегда должно быть и иногда бывает с посвященной душой. Но после завтрака, когда Ребекка, понесшая заслуженную кару и испытывающая духовный подъем, уже ушла в школу, возникли большие трудности с подъемом воды из колодца. На помощь был призван Эбайджа Флэг, который поднял крышку колодца, внимательно обследовал его, нашел первопричину неприятностей и с помощью смекалки, присущей янки, умудрился устранить ее. Дело было в том, что загнутая крючком ручка зонтика попала в звено колодезной цепи, и, когда была сделана первая попытка поднять ведро с водой, маленькое приношение сокрушенного раскаянием сердца дернулось вверх, изогнулось, а крепкие спицы впились в стенку колодца. Не нужно говорить, что самый ловкий жонглер без помощи могущественных сил тьмы не сумел бы проделать подобный фокус, но незадачливому ребенку в его

²⁰ Намек на английскую пословицу: "Благотворительность должна начинаться с собственного дома".

стремлении к добродетели удалось добиться этого одним поворотом запястья.

Мы обойдем молчанием сцену, имевшую место после возвращения Ребекки из школы. Быть может, вы, читатель, прожили на свете немало лет; быть может, вы талантливый оратор и искусны в споре, но и вы, вероятно, пали бы духом, столкнувшись с необходимостью объяснить, какой запутанный мыслительный процесс привел вас к тому, чтобы бросить ваш любимый розовый зонтик в колодец Миранды Сойер. Или вы почувствуете себя способным обсуждать действенность духовного самонаказания с особой, которая поджимает губы и смотрит на вас невыразительными, непонимающими глазами? Когда бедная Ребекка, припертая к стенке, была вынуждена признаться в мотивах принесения в жертву розового зонтика, тетка сказала:

- Вот что, Ребекка, ты слишком большая, чтобы тебя сечь, да я никогда и не стала бы бить тебя, но если когда-нибудь ты сочтешь, что недостаточно наказана, - только скажи, и уж я сумею что-нибудь придумать. Я не так изобретательна, как некоторые, но что бы я ни предложила, это не заставит целую семью глотать крошки слоновой кости, деревянные щепки и обрывки розового шелка вместе с питьевой водой.

Глава 13 "Белоснежное" и "Пунцовое"

Накануне Дня Благодарения положение Симпсонов достигло того, что можно было назвать кризисом даже для их семьи, члены которой родились и росли в условиях полной приключений бедности и рискованной неопределенности.

В Риверборо делали все что могли, чтобы вернуть племя Симпсонов на, так сказать, землю их отцов, справедливо полагая, что тот городок, который произвел их на свет, и должен кормить их и давать им крышу над головой, пока дети не подрастут и не станут самостоятельными. В доме почти нечего было поесть, а надеть - и того меньше, хотя миссис Симпсон, как всегда, старалась в полную меру своих немногих сил. Дети умудрялись наедаться благодаря тому, что скромно присаживались возле кухонных дверей своих соседей, когда там собирались накрывать на стол. Они не были всеобщими любимцами, но все же получали кое-какие, далеко не лучшие, куски от наиболее сострадательных хозяек.

Жизнь, однако, была довольно тоскливой и безотрадной, и в промозглую осеннюю погоду, преследуемые видениями лопающихся от жира чужих индеек, чужих золотистых тыков, чужого зерна, заполнившего амбары, юные Симпсоны, рыскавшие по округе в поисках какой-нибудь недорогой формы развлечения, остановили свой выбор на продаже мыла за вознаграждение. В первые осенние месяцы они сумели продать своим непосредственным соседям достаточно мыла, чтобы приобрести детскую ручную тележку, которую, хоть колеса ее и были не очень надежны, все же можно было катить по проселочным дорогам. Проявив большую практичность и организаторские способности, вероятно унаследованные ими от отца, они теперь намеревались охватить своей деятельностью более обширную территорию и распространять мыло в близлежащих деревнях, если только там удастся найти покупателей. Мыловаренная компания "Эксельсиор" платила очень маленький процент своим несовершеннолетним коммивояжерам, разбросанным по всему штату, но зато воспламеняла их воображение, выпуская рекламные проспекты с приукрашенными изображениями призов, присуждаемых за продажу определенного числа кусков. Таково было положение дел, когда Клара-Белла и Сюзан Симпсон обратились за содействием к Ребекке, которая горячо и энергично поддержала их предприятие, пообещав свою и Эммы-Джейн Перкинс помощь. Призов, на которые могли рассчитывать Симпсоны, было три - книжный шкаф, обитое плюшем кресло с откидной спинкой и банкетная лампа. Шкаф не прельщал Симпсонов, так как книг у них, разумеется, не было. Без раздумий и сожалений отвергли они и плюшевое кресло, хотя, возможно, оно и пригодились бы семье из семи человек (не считая мистера Симпсона, который обычно сидел в другом месте за счет Риверборо). И лишь

видение банкетной лампы воодушевляло их сердца. Вскоре она стала для них более желанной, чем еда, питье или одежда. В том, что Симпсоны так хотят получить банкетную лампу, ни Эмма-Джейн, ни Ребекка не видели ничего несообразного. Они тоже ежедневно смотрели на картинку в рекламном проспекте и знали, что будь они сами свободными торговыми агентами, то усердно трудились бы, мучились и потели за счастье и честь проводить в предстоящую зиму долгие вечера в одной комнате с этой лампой. Судя по картинке, она была не меньше восьми футов высотой, и Эмма-Джейн посоветовала Кларе-Белле на всякий случай измерить высоту симпсоновских потолков. Но из краткого текста на полях рекламного проспекта выяснилось, что высота лампы достигает двух с половиной футов, когда она водружена во всем своем блеске и великолепии на соответствующий столик, предоставляемый за дополнительную плату в размере трех долларов. Хотя перед вами всего лишь полированная латунь, говорилось в проспекте, ее неизменно ошибочно принимают за чистое золото; что же касается абажура, который прилагается (то есть прилагается в том случае, если агент продаст еще сто кусков мыла сверх количества, необходимого для получения приза), то он изготовлен из гофрированной бумаги, цвет которой ослепленный радостью торговый агент может выбрать из полдюжины предлагаемых восхитительных оттенков.

Маятник Симпсон не входил в число участников синдиката. Клара-Белла была довольно удачливым агентом, но Сюзан, которая не могла сказать ничего, кроме: "Жамечательное мыло", никогда не делала большой выручки, а близнецы были слишком юны, чтобы заслуживать полного доверия, и получали только полдюжины кусков за один раз, причем были обязаны, отправляясь в деловое путешествие, брать с собой краткий документ с указанием цены за кусок, дюжину и коробку. Ребекка и Эмма-Джейн вызвались пройти две или три мили в каком-либо направлении и посмотреть, не удастся ли им сделать что-либо для оживления покупательского спроса на такие сорта, как "Белоснежное" и "Пунцовое": первое - предназначенное для стирки, второе - предлагаемое в качестве туалетного.

Приготовления к этому событию состояли в продолжительных совещаниях на чердаке у Эммы-Джейн и сопровождались бурным весельем. У девочек был рекламный текст мыловаренной компании, из которого следовало составить убедительную речь, и, что было еще лучше, глубокие впечатления от выступления на сельскохозяйственной выставке в Милтауне продавца некоего патентованного лекарства. Метод этого человека, если пронаблюдать за ним хоть раз, невозможно было забыть, так же как и его манеры и лексикон. Эмма-Джейн практиковалась на Ребекке, а Ребекка - на Эмме-Джейн.

- Не могу ли я продать вам сегодня немного мыла? Имеются два сорта: "Белоснежное" и "Пунцовое". Шесть кусков в красивой упаковке. Всего лишь двадцать центов за белое и двадцать пять за красное. Мыло изготовлено из самого высококачественного сырья и при желании даже может быть съедено больным с удовольствием и пользой.

- О, Ребекка, давай не будем это говорить! - истерически перебила ее Эмма-Джейн. - Когда я говорю такое, я чувствую себя дурой.

- Тебе так мало нужно, чтобы почувствовать себя дурой, Эмма-Джейн, - сурово заявила Ребекка, - что иногда мне кажется, ты она самая и есть. Мне не так ужасно легко почувствовать себя дурой. Ну, хорошо, пропустим про больного, если тебе не нравится, и давай дальше.

- "Белоснежное", вероятно, самое удивительное мыло, какое когда-либо производилось. Положите белье в таз с водой, слегка потрите мылом наиболее загрязненные места, оставьте белье погруженным в мыльный раствор от заката до рассвета - и тогда даже ребенок сможет выстирать его без малейших усилий.

- Младенец, не ребенок, - поправила Ребекка, заглянув в рекламу.

- Это одно и то же, - возразила Эмма-Джейн.

- Конечно, одно и то же, но в рекламе, как и в стихах, следует называть ребенка

"дитя" или "младенец"! Не хочешь "младенец", скажи "дитя".

- Нет, - проворчала Эмма-Джейн, - "дитя" даже хуже, чем "младенец". Слушай, Ребекка, как ты думаешь, мы можем говорить все, что сказано в рекламе, или пусть лучше Илайджа и Илайша попробуют это мыло, прежде чем мы пойдем торговать?

- Я не могу представить, чтобы младенец обстирывал семью каким бы то ни было мылом, - ответила Ребекка, - но, должно быть, это правда, иначе они не осмелились бы печатать такое. Так что не будем волноваться. Ах, Эмма-Джейн, это будет отличная забава! В тех домах, где меня не знают, я не буду стесняться и выпалю единым духом всю эту чепуху - и про больного, и про младенца, и остальное. Может быть, я даже скажу последнее предложение, если только смогу запомнить: "Мы играем на всех струнах великого макрокосма удовлетворения".

Разговор происходил в пятницу после обеда в доме Эммы-Джейн, где Ребекке, к ее безграничной радости, предстояло остаться на субботу и воскресенье, так как обе ее тетки уехали в Портленд на похороны подруги. Занятий в школе в субботу не было, и девочки собирались с утра отправиться в бричке, запряженной старой белой лошадью, за три мили, в Северный Риверборо, пообедать там в двенадцать часов у кузин Эммы-Джейн и вернуться домой ровно в четыре.

Когда они спросили миссис Перкинс, нельзя ли им завернуть по дороге в несколько домов, чтобы продать немного мыла для Симпсонов, та сначала решительно воспротивилась. Она была очень снисходительной и любящей родительницей и имела мало возражений против того, чтобы Эмма-Джейн развлекалась таким необычным способом; сомнения возникли у нее исключительно из-за Ребекки, как племянницы привередливой Миранды Сойер. Но когда ее заверили, что предприятие целиком и полностью благотворительное, она неохотно, но все же согласилась.

Девочки подъехали к магазинчику мистера Уотсона и договорились о нескольких больших ящиках мыла, которые предстояло записать на счет Клары-Беллы Симпсон. Ящики были подняты на задок брички - и никогда не катила по проселочной дороге пара счастливее, чем Ребекка и ее спутница!

Это был великолепный день - настоящая золотая осень, и ничто не напоминало о ноябре, как бы ни был он близок. Листья все еще густо покрывала дубы и клены, она шумела на ветру, пленяла буйством красок - алое и коричневое, желтое и пурпурное, бронзовое и малиновое волновалось и сливалось, создавая прекрасное зрелище. Воздух был подобен искрящемуся сидру, а на каждом поле золотился урожай и просился в амбары, на мельницы и рынки. Лошадь забыла свои двадцать лет и, радостно втягивая сладкий бодрящий воздух, бежала резво, словно жеребенок. Вдали голубели отчетливые очертания горы Нокомис. Ребекка, внезапно охваченная радостью бытия, встала в бричке и в полный голос обратилась к пейзажу:

*О Мир, как ты чудесен и велик,
Рек кудри обрамляют светлый лик,
На грудь твою накинута бархат трав,
Как ты в своем наряде величав!*

Скучная и заурядная Эмма-Джейн никогда не казалась Ребекке такой близкой, такой дорогой, такой испытанной и надежной; и Ребекка никогда не была для верного сердца Эммы-Джейн такой восхитительной, такой удивительной, такой обворожительной, как во время этой поездки, дарившей им дружескую близость, свободу и все волнующие прелести смелого делового предприятия.

Ярко окрашенный лист залетел в бричку.

- У тебя немного кружится голова от этих красок? - спросила Ребекка.

- Нет, - ответила Эмма-Джейн после продолжительной паузы. - Нет, не кружится. Ничуть.

- Может быть, "кружится" не совсем точное слово, но очень близкое по смыслу. Я хотела бы есть цвет, и пить его, и спать в нем. Если бы ты могла превратиться в дерево,

каким бы ты стала?

Эмма-Джейн уже обладала значительным опытом такого рода: Ребекка успешно откупорила ее уши, разлепила ее глаза и развязала ее язык - так что она до некоторой степени могла "играть в игру".

- Я стала бы яблоней в цвету - той, что цветет розовым цветом у нашего свиного загона.

Ребекка засмеялась. В ответах Эммы-Джейн всегда было что-нибудь неожиданное.

- А я стала бы этим алым кленом, который стоит у самого пруда. - И она указала кнутом. - Там я увидела бы куда больше, чем твоя розовая яблоня у свиного загона. Я могла бы смотреть на весь остальной лес, разглядывать мое алое платье в моем красивом зеркале и наблюдать за желтыми и бурыми деревьями, которые растут вверх ногами в воде. Когда я стану взрослой и начну зарабатывать, я сошью себе платье как этот лист - рубинового цвета, из тонкой ткани, с длинным шлейфом и зубчатыми краями, а еще, я думаю, у меня будет коричневый пояс, словно ствол дерева. А что могло бы у меня быть зеленое? Интересно, делают зеленые нижние юбочки? Я хотела бы зеленую юбочку, которая выглядывала бы кое-где из-под платья, чтобы было видно, какими были мои листья, прежде чем я стала алым кленом.

- Я думаю, это было бы ужасно некрасиво, - сказала Эмма-Джейн. - У меня, когда я вырасту, будет белое платье с розовым поясом, розовые чулки, золотисто-коричневые туфельки и веер, расшитый блестками.

Глава 14 Мистер Аладдин

Одночасовой опыт взлетов и падений, сопровождающих карьеру делового человека, омрачил настроение девочек лишь в самой малой степени. Они не сопровождали друг друга к дверям выбранных ими жертв, чувствуя, что вдвоем им не удастся подойти к делу серьезно: одна оставалась у ворот и держала лошадь, другая брала образцы мыла и беседовала с кем-нибудь, кого казалось возможным убедить. Эмма-Джейн продала три куска, Ребекка - три маленькие коробки. Разница в их способности убеждать публику ясно проявилась с самого начала, хотя ни одна из них не приписывала ни успех, ни неудачу ничему, кроме всевластия обстоятельств. Домохозяйки смотрели на Эмму-Джейн и не выражали никакого желания покупать мыло, выслушивали описание его достоинств и по-прежнему ничего не хотели. Иные звезды определяли действия Ребекки. Люди, к которым она обращалась, либо вспоминали, что им нужно мыло, либо напоминали себе, что оно обязательно понадобится им в будущем. И самым удивительным было то, что удачливая Ребекка почти без всяких усилий достигала результатов, которых бедная Эмма-Джейн не могла добиться тяжелым и добросовестным трудом.

- Твоя очередь, Ребекка, и я очень этому рада, - сказала Эмма-Джейн, останавливая лошадь у очередных ворот и указывая на дом, расположенный довольно далеко от дороги. - Я еще дрожу после прошлого дома. - (Хозяйка высунула голову из окна второго этажа и крикнула: "Уходи, девочка, со своей коробкой! Нам ничего не надо!") - Я не знаю, кто живет здесь, и все ставни спереди закрыты. Если окажется, что никого нет дома, это не будет считаться, и следующий дом тоже твой.

Ребекка прошла по дорожке и приблизилась к боковой двери. Там на крыльце в кресле-качалке сидел и чистил початок кукурузы красивый молодой человек. Или он был средних лет? Ребекка не могла решить. Но в любом случае вид у него был городской - хорошо выбритое лицо, хорошо подстриженные усы, хорошо подогнанная по фигуре одежда.

Ребекку немного смутила эта неожиданная встреча, но не оставалось ничего другого, как только объяснить свое присутствие, и она спросила:

- Могу я видеть хозяйку этого дома?

- В данный момент я - хозяйка этого дома, - ответил незнакомец со странной улыбкой. - Чем могу быть полезен?

- Вы когда-нибудь слышали о... вы не хотели бы, то есть я имею в виду... вам нужно мыло? - осведомилась Ребекка.

- Неужели я так выгляжу? - неожиданно спросил он. На щеках Ребекки появились ямочки.

- Я не это хотела сказать. У меня есть мыло на продажу, то есть я хотела бы познакомить вас с самым удивительным мылом, лучшим на рынке в настоящее время. Оно называется...

- О, я, должно быть, знаю это мыло, - сказал молодой человек приветливо. - Изготовлено из чистейших растительных жиров, не так ли?

- Наичистейших, - подтвердила Ребекка.

- Не содержит никаких кислот?

- Ни капли.

- И даже ребенок может стирать белье, не прилагая никакой силы?

- Младенец, - поправила Ребекка.

- О, младенец, вот как? Этот ребенок становится все младше с каждым годом вместо того, чтобы расти, - очень разумный ребенок!

Это было огромной удачей - найти покупателя, которому заранее известны все достоинства товара. Ямочки на щеках Ребекки становились все глубже и глубже, и по приглашению своего нового друга она присела рядом с ним на табурет, стоявший на краю крыльца. Сначала были продемонстрированы красоты упаковки "Пунцового", а затем куски его, а также "Белоснежного" - развернуты. Через минуту она так увлеклась разговором, что совсем забыла о второй участнице предприятия, терпеливо ожидавшей ее у ворот. Ребекке казалось, что она знает этого замечательного человека всю жизнь.

- Сегодня я веду хозяйство в этом доме, но живу я в другом месте, - объяснил очаровательный джентльмен. - Здесь я в гостях у моей тетки, которая уехала по делам в Портленд. Я жил здесь, когда был мальчиком, и очень люблю эти места.

- Я думаю, ничто не заменит человеку фермы, где он жил в детстве, - заметила Ребекка, сияя от гордости: наконец-то она успешно употребила фразу со словом "человек" в обычном разговоре.

Мужчина бросил на нее взгляд и отложил свой початок кукурузы.

- Вы считаете, что ваше детство позади, юная леди?

- Я еще помню его, - ответила Ребекка серьезно, - хотя кажется, что это было так давно.

- Я тоже неплохо помню свое детство, и было оно на редкость неприятным, - сказал незнакомец.

- Мое тоже, - вздохнула Ребекка. - А что было для вас хуже всего?

- Недостаток еды и одежды, главным образом.

- О! - воскликнула Ребекка сочувственно. - А для меня - отсутствие туфель, избыток младенцев и недостаток книг. Но теперь у вас все в порядке и вы счастливы, правда? - спросила она с некоторым сомнением, так как хотя он и выглядел красивым, сытым и преуспевающим, даже ребенок мог видеть, что глаза у него усталые, а когда он умолкает, возле рта обозначаются печальные складки.

- Дела мои идут весьма неплохо, спасибо, - сказал мужчина с чарующей улыбкой. - Ну, а теперь посоветуйте, сколько мыла мне следует купить сегодня?

- Сколько мыла уже есть у вашей тети? - спросил очень скромный и неопытный торговый агент. - И сколько ей понадобится?

- О, я не знаю. Но ведь мыло не портится?

- Я не уверена, - сказала Ребекка честно, - но я погляжу в рекламном листке - там наверняка сказано. - И она извлекла документ из кармана.

- И что вы собираетесь делать с потрясающими прибылями, которые принесет вам

это дело?

- Прибыли пойдут не нам, - сообщила Ребекка доверительно. - Моя подруга, которая держит лошадь у ворот, - дочь очень богатого кузнеца и не нуждается в деньгах. Я бедна, но живу у моих теток в кирпичном доме, и, разумеется, им не понравилось бы, если бы я стала разносчиком. Мы пытаемся помочь нашим друзьям получить приз.

Ребекка даже и не думала упоминать об этих подробностях в беседах с предыдущими покупателями, но теперь совершенно неожиданно для себя обнаружила, что описывает мистера Симпсона, миссис Симпсон и все семейство Симпсонов и рассказывает о их бедности, их безрадостной жизни и о том, как отчаянно нуждаются они в банкетной лампе, чтобы украсить свое существование.

- Последнее нет необходимости доказывать, - засмеялся мужчина, привстав, чтобы бросить взгляд на стоящую у ворот "дочь очень богатого кузнеца". - Мне ясно, что они должны получить лампу, если они этого хотят, и особенно если вы хотите, чтобы она у них была. Я по собственному опыту знаю, каково это - жить без банкетной лампы. Дайте мне ваш рекламный листок, и мы произведем некоторые подсчеты. Сколько еще кусков должны продать Симпсоны?

- Если они продадут еще две сотни в ближайшие два месяца, то смогут получить лампу к Рождеству, - ответила Ребекка, - а к лету, вероятно, сумеют получить и абажур. Но, боюсь, я не смогу заметно помочь им, потому что тетя Миранда может не разрешить мне торговать мылом.

- Понимаю. Ничего, все будет в порядке. Я возьму триста кусков - это обеспечит им и абажур.

Услышав эти слова, Ребекка, которая сидела на табурете очень близко к краю крыльца, сделала неожиданное движение, опрокинулась и исчезла в кустах сирени. К счастью, крыльцо было очень низким, и развеселившийся капиталист извлек ее из кустов, поставил на ноги и отряхнул.

- Не следует показывать свое удивление при получении большого заказа, - сказал он. - Вместо того чтобы опрокидываться таким неделовым образом, вы должны были ответить: "А не возьмете ли вы, скажем, триста пятьдесят?"

- О, я никогда бы не смогла сказать такое! - воскликнула смущенная своим падением Ребекка; щеки ее были залиты малиновым румянцем. - Но хорошо ли, что вы покупаете столько мыла сразу? Вы уверены, что можете позволить себе такой расход?

- Не мог бы - оставил бы деньги на что-нибудь другое, - ответил игривый филантроп.

- А что, если вашей тете не понравится этот сорт мыла? - спросила Ребекка с тревогой.

- Моей тете всегда нравится то, что нравится мне, - ответил он.

- Моей - никогда! - воскликнула Ребекка.

- Тогда что-то не в порядке с вашей тетей.

- Или со мной, - засмеялась Ребекка.

- Как вас зовут, юная леди?

- Ребекка Ровена Рэндл, сэр.

- Что? - Он улыбнулся. - Обе?²¹ Ваша мама была щедрa.

- Она говорит, что не могла отказаться ни от одного из двух имен.

- Хотите узнать мое имя?

- Мне кажется, я уже знаю, - ответила Ребекка, бросив на него веселый взгляд. - Вы, должно быть, мистер Аладдин из сказок "Тысяча и одна ночь". Простите, Эмма-Джейн, наверное, устала ждать. Могу я сбежать и сказать ей новость? Она будет так рада!

²¹ Ребекка и леди Ровена - две героини романа "Айвенго" английского писателя Вальтера Скотта (1771 - 1832).

Мужчина кивнул в знак согласия, и Ребекка бросилась бегом по дорожке, ведущей к воротам. Приблизившись к бричке, она с безудержной радостью закричала:

- Эмма-Джейн! Ах, Эмма-Джейн! Мы всё распродали!

Следом за ней, чтобы подтвердить это поразительное, невероятное известие, подошел улыбающийся мистер Аладдин. Он снял все ящики с задка брички и взял себе рекламный проспект, пообещав в тот же вечер написать представителю компании "Эксельсиор" относительно приза.

- Теперь только ухитритесь сохранить все в тайне, мои маленькие девочки. Это будет замечательный сюрприз, если лампа прибудет к Симпсонам в День Благодарения²², не правда ли? - спросил он, заботливо подтыкая им под ноги старый кожаный фартук брички.

Они охотно согласились с ним и разразились восклицаниями благодарности. В глазах Ребекки стояли слезы радости.

- О, пустяки! - засмеялся мистер Аладдин, приподнимая шляпу. - Я сам был когда-то коммивояжером - много лет назад, - и мне приятно видеть успех вашего предприятия. До свидания, мисс Ребекка Ровена! Как только у вас появится еще что-нибудь на продажу, дайте мне знать. Я заранее уверен, что мне это потребуется,

- До свидания, мистер Аладдин! Я непременно дам вам знать! - воскликнула Ребекка с восторгом, откинув назад свои черные косы и помахав на прощание рукой.

- Ах, Ребекка! - благоговейным шепотом сказала Эмма-Джейн. - Он приподнял шляпу перед нами, а нам еще нет и тринадцати. Еще лет пять пройдет, прежде чем мы сможем называться "юные леди".

- Ничего, - ответила Ребекка. - Мы - зачатки юных леди уже сейчас.

- И фартук он вокруг наших ног подоткнул, - продолжила Эмма-Джейн, предавшись воспоминаниям. - И какой он поразительно элегантный! И как это мило с его стороны все у нас купить! И подумать только - заработать и лампу, и абажур за один день! Разве ты теперь не рада, что все-таки надела свое розовое платье, хоть моя мама и заставила тебя надеть вниз фланелевое? Ты такая хорошенькая в розовом и красном, Ребекка, и такая некрасивая в желтом и коричневом!

- Я знаю, - вздохнула Ребекка. - Я хотела бы быть такой, как ты - хорошенькой в любом цвете! - И она с завистью взглянула на пухлые, розовые щечки Эммы-Джейн, на ее голубые глаза, ничего не выражавшие, на ее аккуратный носик, в котором не было ничего характерного, на ее яркие губы, с которых никогда не слетало слова, заслуживающего того, чтобы к нему прислушаться.

- Ничего, - попыталась утешить Ребекку Эмма-Джейн. - Зато все говорят, что ты ужасно способная и сообразительная, а моя мама думает, что с каждым годом ты будешь хорошееть. Не поверишь, но я была отвратительно некрасивым младенцем и оставалась некрасивой очень долго, пока год или два назад мои рыжие волосы не начали темнеть. А как зовут этого славного человека?

- А я даже и не подумала спросить! - воскликнула Ребекка. - Тетя Миранда сказала бы, что это так на меня похоже, и она была бы права. Но я назвала его мистером Аладдином, потому что благодаря ему мы получим лампу. Ты читала сказку о волшебной лампе Аладдина?

- Ох, Ребекка! Как ты могла, впервые увидев его, сразу дать ему прозвище?

- Аладдин - это не совсем прозвище. Во всяком случае, он засмеялся и, похоже, ему это понравилось.

Со сверхчеловеческими усилиями, наложив на свои уста такую печать молчания, какой не налагал до той поры ни один смертный, девочки сумели сохранить в тайне

²² День Благодарения - официальный праздник США в память первых колонистов Массачусетса. Обычно отмечается в последний четверг ноября.

чудесную новость, хотя всем наблюдавшим за ними было очевидно, что пребывали они в странном и необычном душевном состоянии.

В День Благодарения в дом Симпсонов была доставлена лампа. Маятник извлек ее из большой коробки и немедленно проникся уважением к деловым способностям своих сестер. О прибытии лампы Ребекка узнала быстро, но ждала почти до наступления темноты, прежде чем попросить разрешения посетить Симпсонов. Ей хотелось увидеть, как великолепный трофей будет зажжен и как он польет через гофрированный бумажный абажур свое восхитительное пурпурное сияние.

Глава 15 Банкетная лампа

В кирпичном доме в этот день были гости - сестры Бернем, которые жили на дороге между Северным Риверборо и Шейкер-Вилиджем и которые каждый год вот уже более четверти века приезжали к Соьерам на День Благодарения. В час дня был подан праздничный обед, а после него, вымыв посуду, Ребекка молча сидела у окна с книгой в руках. Когда было уже почти пять часов, она спросила, нельзя ли ей сходить к Симпсонам.

- Да зачем они тебе понадобились в День Благодарения? - спросила мисс Миранда. - Неужели ты не можешь хоть раз посидеть спокойно и послушать с пользой для себя разговоры старших? Никак не можешь уговориться, вечно тебе надо куда-то бежать.

- У Симпсонов новая лампа, и мы с Эммой-Джейн обещали прийти и посмотреть, как они будут зажигать ее в первый раз. Это будет что-то вроде вечеринки.

- Да с чего это, скажи на милость, они вдруг захотели лампу и где они взяли на нее деньги? Если бы Эбнер был дома, он сразу же взялся бы ее на что-нибудь менять, - сказала мисс Миранда.

- Дети получили ее как приз за продажу мыла, - ответила Ребекка. - Они работали целый год, и, я вам говорила, мы с Эммой-Джейн тоже помогли им один раз, в ту субботу, когда вы были в Портленде.

- Я, наверное, не обратила внимания, когда ты об этом говорила, так как впервые слышу об этой лампе. Ну что ж, сходи на час, но не больше. Сейчас уже в шесть часов темно, как в полночь. Хочешь, возьми с собой яблок. Что это у тебя в кармане нового платья? Почему он так отвис?

- Это мои орехи и изюм от обеда, - сказала Ребекка, которой никогда не удавалось скрыть от тети Миранды даже самый маленький и невинный проступок. - Это только то, что вы положили мне на тарелку.

- Почему ты это не съела?

- Я наелась за обедом и решила оставить изюм и орехи, чтобы угостить Симпсонов на их вечеринке, - с запинкой пробормотала Ребекка, которая терпеть не могла, когда ее допрашивали и отчитывали в присутствии гостей.

- Изюм и орехи были твои, Ребекка, - вмешалась тетя Джейн, - и если ты решила сохранить их, чтобы кому-то отдать, в этом нет ничего плохого. Вместо того чтобы проводить весь этот день в размышлениях о дарованных нам благах, мы должны вспомнить о наших ближних и дать им что-то, за что они тоже смогут благодарить Бога.

Когда Ребекка вышла из комнаты, сестры Бернем одобрительно кивнули и заметили, что никогда не видели, чтобы ребенок так повзрослел и стал настолько лучше за такое короткое время.

- Живи она в одном доме с вами, вы бы знали, что поле для дальнейших улучшений огромное, - ответила Миранда. - Какое бы дело ни затевалось по соседству, она не только тут как тут, но обычно его возглавляет, особенно если это какое-нибудь озорство. О многих глупостях я слышала, но эта лампа - дальше ехать некуда. Впрочем, чего еще ждать от этих Симпсонов? Хотя я не думала, что у этих детей хватит ума, чтобы суметь что-либо продать.

- По крайней мере, у одной из них хватило, - сказала мисс Элен Бернем. - Эта девочка продавала мыло Ладдам в Северном Риверборо, и Адам Ладд отозвался о ней как о самом необыкновенном и обаятельном ребенке, какого он когда-либо видел.

- Вероятно, это была Клара-Белла, но я никак не назвала бы ее необыкновенной, - ответила мисс Миранда. - А что, Адам опять дома?

- Да, остановился на несколько дней у своей тетки. Доходы у него, говорят, баснословные, и он всегда делает подарки всем соседям. А самой миссис Ладд он в этот раз привез шубу. И подумать только, что мы помним то время, когда он был босоногим мальчишкой, у которого даже рубахи на смену не было! Странно, что он не женат, при таких деньгах и любви к детям. За ним по пятам вечно бежит стайка ребятишек.

- Для него еще не все потеряно, - улыбнулась мисс Джейн. - Ведь ему, я думаю, не больше тридцати.

- Он мог бы найти жену в Риверборо, если б ему было и больше ста тридцати, - заметила мисс Миранда.

- Миссис Ладд говорит, что Адаму так понравилась девочка, продававшая мыло, - Клара-Белла, так вы, кажется, ее назвали? - что он собирается сделать ей подарок на Рождество, - продолжила мисс Элен.

- О вкусах не спорят, - сказала мисс Миранда. - Хоть Клара-Белла косая и рыжая, я никак не против того, чтобы она получила рождественский подарок. Чем больше ей даст Адам Ладд, тем меньше придется тратить на нее Риверборо.

- Нет ли другой девочки у Симпсонов? - спросила мисс Лидия Бернем. - Та никак не могла быть косой. Я хорошо помню, миссис Ладд говорила, что Адам обратил внимание на чудесные глаза ребенка. Он сказал, что ради этих глаз он и купил триста кусков. Миссис Ладд сложила их штабелями в кладовой.

- Триста кусков! - воскликнула Миранда. - Ну, есть урожай, который никогда не бывает плохим в Риверборо!

- Какой же это? - поинтересовалась мисс Лидия вежливо.

- Урожай на дураков! - ответила Миранда кратко и переменяла тему разговора, к невыразимому облегчению Джейн, которая нервничала и чувствовала себя очень неловко последние пятнадцать минут. Какого еще ребенка в Риверборо можно было назвать "необыкновенным и обаятельным", кроме Ребекки? Какой еще ребенок имел "чудесные" глаза, кроме той же Ребекки? наконец, был ли еще ребенок на свете, который мог бы заставить человека покупать мыло сотнями кусков, кроме Ребекки?

Тем временем "необыкновенная и обаятельная" бежала по дороге в сгущающихся сумерках. Вскоре она услышала звук других торопливых шагов и увидела приближающуюся к ней хорошо знакомую фигурку. Через мгновение они с Эммой-Джейн встретились и, запыхавшиеся, обнялись.

- Ужасно! - тяжело выдохнула Эмма-Джейн.

- Неужели разбита? - воскликнула Ребекка.

- Нет, нет! Она была упакована в солому, и все части целы. Я была там, но ни словечка не сказала о том, что это ты продала те триста кусков, за которые дали лампу. Так что ты сама скажешь, когда мы придем туда вместе.

- Это мы продали те триста кусков, - поправила Ребекка. - Твоя заслуга ничуть не меньше моей.

- Нет, Ребекка. Я ничего не делала, я только ждала у ворот и держала лошадь.

- Да, но чья лошадь привезла нас в Северный Риверборо? А кроме того, это была чистая случайность, что именно я зашла в дом мистера Аладдина. Если бы была твоя очередь, ты встретила бы его и получила волшебную лампу. Но что за беда стряслась?

- У Симпсонов нет керосина и фитилей. Как я догадываюсь, они думали, что банкетная лампа - это что-то такое, что горит само по себе и зажигается без всякой посторонней помощи. Маятник пошел к доктору: попробует занять фитиль. А мне мама разрешила взять пинту масла, но сказала, что больше не даст. Мы не подумали, Ребекка,

во что будет обходиться содержание лампы.

- Не подумали... Но давай не будем расстраиваться из-за этого, пока не кончится вечеринка. У меня есть горсть орехов и изюма и несколько яблок.

- А у меня мятные леденцы и кленовый сахар, - сказала Эмма-Джейн. - У них был сегодня настоящий праздничный обед: доктор дал им бататов, репы и клюквы, мой папа послал свиные ребра, а миссис Кобб - курицу и банку рубленого миндаля с сахаром.

Заглянув в половине шестого в окна Симпсонов, можно было увидеть "вечеринку" в полном разгаре. Миссис Симпсон оставила кухонный очаг догорать и вместе с младенцем украсила своим присутствием сцену празднества. Казалось, что лампа была хозяйкой и принимала гостей. Дети принесли маленький стол - единственный, какой был в доме, - и поставили в дальнем углу комнаты. На этом пьедестале возвышался священный предмет, предмет поклонения и столь долгих вожделений, почти такой же красивый и почти вполнину такой большой, как в рекламном проспекте. Латунь блестела, как золото, а красный абажур сиял, словно гигантский рубин. На полу в большом круге света сидели Симпсоны в торжественном и благоговейном молчании, а за ними стояли рука об руку Эмма-Джейн и Ребекка. Никому не хотелось говорить: слишком серьезным и волнующим было событие. Лампа, как без слов понимал каждый, своим присутствием оправдывала название "вечеринка", обеспечивая вполне достаточное развлечение, не хуже, чем пианола или струнный оркестр.

- Вот бы папа поглядел, - сказала верная Клара- Белла.

- Он шражу бы ее шменял, - пробормотала дальновидная Сюзан.

В назначенный час Ребекка неохотно оторвалась от зачаровывающего зрелища.

- Я поверну лампу к окну через несколько минут, когда вы с Эммой-Джейн доберетесь домой, - сказала Клара-Белла. - Ах! Я так рада, что из ваших окон можно видеть, как она светит! Интересно, на сколько дней хватит масла, если я буду зажигать ее только на один час каждый вечер.

- Тебе не придется гасить ее раньше времени: керосина хватит надолго, - сказал возвратившийся из сарая Маятник. - Там, во дворе, большая бочка. Мистер Таббс привез ее из Северного Риверборо и сказал, что кто-то сделал заказ по почте на наш адрес.

Ребекка стиснула руку Эммы-Джейн, и та ответила восторженным пожатием.

- Это мистер Аладдин, - шепнула Ребекка, когда они побежали по дорожке к воротам.

Маятник последовал за ними и любезно вызвался "немного" проводить их, но Ребекка отклонила его предложение с такой твердостью, что он не решился настаивать и вместо этого отправился в постель, чтобы помечтать о ней. Во сне она явилась ему, держа в каждой руке по огненному мечу, а глаза ее метали молнии.

Ребекка весело вбежала в столовую кирпичного дома. Сестры Берном уже уехали, а обе тетки сидели с вязаньем.

- Это была великолепная вечеринка! - воскликнула она, снимая шляпу и плащ.

- Вернись и посмотри, плотно ли ты закрыла дверь, а затем запри ее на замок, - сказала мисс Миранда, как всегда сурово.

- Это была великолепная вечеринка! - повторила Ребекка, снова появляясь в столовой, слишком взволнованная, чтобы ее можно было так легко осадить. - Ах, тетя Джейн, тетя Миранда, если бы только вы пошли в кухню и выглянули в окно над раковиной, вы увидели бы банкетную лампу, всю сверкающую красным пламенем, словно в доме Симпсонов пожар.

- Этого, вероятно, недолго ждать, - заметила Миранда. - Меня просто бесят такие дурацкие выходки.

Джейн отправилась в кухню вместе с Ребеккой. Хотя слабое мерцание, которое удалось увидеть на таком расстоянии, не показалось ей поразительным зрелищем, она, как могла, постаралась изобразить восторг.

- Ребекка, кто продал триста кусков мыла мистеру Ладду в Северном Риверборо?

- Мистеру... кому? - воскликнула Ребекка.

- Мистеру Ладду в Северном Риверборо.
- Это его настоящее имя? - пробормотала изумленная Ребекка. - Я неплохо угадала! - И она негромко рассмеялась.
- Я спросила тебя, кто продал мыло Адаму Ладду, - снова начала мисс Джейн.
- Адаму Ладду! Значит, он вдобавок А. Ладд! Забавно!
- Ответь же мне, Ребекка!
- О, простите, тетя Джейн, я задумалась. Это мы с Эммой-Джейн продали мыло мистеру Ладду.
- Вы приставали к нему с просьбами или заставляли купить мыло?
- Что вы, тетя Джейн! Как я могу заставить взрослого человека купить что-нибудь, если он не хочет? Просто ему ужасно нужно было мыло, чтобы сделать подарок его тете. Казалось, что убедить тетю Джейн так и не удалось, хотя она сказала лишь:
- Надеюсь, твоя тетя Миранда не будет недовольна, но ты знаешь, Ребекка, как она щепетильна в таких вопросах, и я, право же, хотела бы, чтобы ты не делала ничего из ряда вон выходящего, не спросив предварительно ее согласия. Твои поступки очень необычны.
- На этот раз в моем поступке не было ничего дурного, - сказала Ребекка доверительно. - Эмма-Джейн продала мыло своим родственникам и дяде Джерри Коббу, а я сначала зашла к новым арендаторам возле лесопилки, а потом к Ладдам. Мистер Ладд купил все, что у нас было, и взял с нас обещание хранить это в тайне, пока не будет получен приз. И с тех пор я ходила с таким чувством, словно это внутри меня зажгли банкетную лампу и она сияет так, что всем видно.
- Волосы Ребекки растрепались и завитками спадали на лоб, глаза сияли, щеки горели; все в этом лице говорило о впечатлительности и чуткости, так же как и о пылкости. В ней была и прелесть майского цветка, и сила молодого дуба, и можно было легко угадать, что она одна из душ,
*Природой вознесенных высоко,
Но ввергнутых страданием в пучину.*
- И сейчас у тебя такой вид, словно внутри тебя горит лампа, - вздохнула тетя Джейн. - Ребекка! Ребекка! Как я хочу, чтобы ты не принимала все так близко к сердцу! Мне страшно за тебя иногда.

Глава 16 Пора роста

Дни пролетали; подобно тому как лето незаметно перешло в осень, так и осень уступила место зиме. Жизнь в кирпичном доме текла более спокойно в последнее время, так как Ребекка всей душой стремилась быть более внимательной при исполнении своих обязанностей, так же как и более сдержанной в своих забавах, и постепенно училась искусству отвращать гнев кротким ответом. Миранде теперь представлялось, вероятно, не так уж много удобных случаев выйти из себя, но справедливости ради нужно сказать, что из тех, которые так или иначе представлялись, она использовала не все. Был, впрочем, один взрыв праведного гнева, вызванный присущим Ребекке чрезмерным гостеприимством, которое позднее проявилось еще более поразительным и неожиданным образом.

Однажды в пятницу, ближе к вечеру, она попросила у тети Миранды позволения отнести половину своего хлеба с молоком наверх - гостье.

- Помилуй, какая такая гостья? - потребовала ответа тетя Миранда.
- Малышка Симпсонов. Она погостит у нас до понедельника, если вы согласны. Миссис Симпсон уже сказала, что согласна. Могу я принести девочку вниз и показать вам? Она просто прелесть и одета в старое платье Эммы-Джейн.
- Ты можешь принести ее вниз, но я ее видеть не желаю! Ты вполне можешь тайно вынести ее отсюда, точно так же как внесла, и вернуть ее матери. Да как тебе такое

взбрело в голову - одолжить младенца на воскресенье?

- Вы так привыкли жить без младенцев, что не понимаете, как это скучно, - вздохнула Ребекка, покорно направляясь к двери. - А у нас на ферме всегда был хорошенький новенький младенец, и можно было поиграть с ним и потискать его. Конечно, их было слишком много, но это все же лучше, чем совсем без них. Хорошо, я отнесу ее назад. Она будет ужасно разочарована, и миссис Симпсон тоже. Она планировала съездить в Милтаун.

- Придется ей отпланировать, - заметила мисс Миранда.

- А может быть, мне пойти к ним и там заняться малышкой? - предложила Ребекка. - Я принесла ее домой только с тем, чтобы я могла и приглядывать за ней, и делать свою обычную субботнюю работу.

- У тебя достаточно дел и без чужих младенцев, и ни к чему устраивать беготню. Все, без разговоров! Дай ребенку поесть и отнеси его туда, откуда взяла.

- Но ведь вы не хотите, чтобы я унесла ее по парадной лестнице? Может быть, мне лучше пройти через эту комнату и показать девочку вам? У нее золотистые волосы и большие голубые глаза. Миссис Симпсон говорит, что девочка унаследовала их от отца.

В ответ мисс Миранда кисло улыбнулась и сказала, что от такого отца ничего унаследовать нельзя: он у собственных детей украдет и выменяет!

Тетя Джейн была наверху - доставала из шкафа с бельем чистые простыни и наволочки к субботе, и в поисках утешения Ребекка обратилась к ней:

- Тетя Джейн, я принесла домой малышку Симпсонов: думала, что она поможет нам скоротать скучное воскресенье, но тетя Миранда не позволила ей остаться. На следующее воскресенье она обещана Эмме-Джейн, а еще на следующее - Элис Робинсон. Миссис Симпсон хотела, чтобы я взяла ее первая, потому что у меня больше опыта в обращении с младенцами. Зайдите ко мне, тетя Джейн, и поглядите на нее - она сидит на моей кровати. Ну не прелесть ли? Такая толстенькая и гукает, совсем не худая и не беспокойная, как некоторые дети. Я думала, что буду раздевать и одевать ее по два раза в день. Ах! Хорошо бы иметь печатный список всего, что мне нельзя делать, тогда у меня не было бы столько разочарований!

- Для тебя, Ребекка, невозможно составить такой список, - ответила тетя Джейн, - потому что никто не в состоянии предвидеть все, что тебе захочется сделать. Неужели ты собираешься нести этого тяжелого ребенка домой на руках?

- Нет, я отвезу ее на тележке для мыла. Ну-ка, крошка! Вынь палец изо рта и пойдем прокатиться с Бекки в твоей колясочке! - Она подхватила гукающую малышку своими сильными руками, села с ней на стул, бесцеремонно перевернула ее вверх ногами, сняла с нее пояс и с презрением отбросила в сторону скреплявшую его загнутую булавку, затем прошла, по-прежнему держа младенца в перевернутом положении, к столу, выбрала большую английскую булавку и ловко прикрепила короткую красную юбочку ребенка к его распашонке. Лежа ли на животе, повиснув ли вниз головой, малышка Симпсонов неизменно чувствовала, что она в опытных руках, и продолжала безмятежно ворковать, в то время как ошеломленная тетя Джейн взирала на эту пантомиму с чем-то вроде благоговейного страха.

- Боже мой, Ребекка! - воскликнула она. - Как ты умело обращаешься с младенцем! Да тебе в этом равной нет!

- Ничего удивительного, ведь я вырастила трех с половиной, - ответила Ребекка бодро, натягивая чулки малышке Симпсонов.

- Странно, что ты не очень любишь кукол, - заметила Джейн.

- Я люблю их, но жаль, что кукла никогда не меняется; это всегда одна и та же старая кукла, и вам приходится только воображать, что она сердита или больна, любит вас или терпеть не может. С детьми больше хлопот, но они все же приятнее.

Мисс Джейн протянула младенцу худую руку, и он тут же крепко ухватился пухлыми пальчиками за ее скромное потертое золотое колечко.

- У вас кольцо на руке, тетя Джейн. Вы когда-то собирались замуж?
- Да, дорогая, очень давно.
- И что же случилось, тетя Джейн?
- Он умер - незадолго до того.
- О! - Глаза Ребекки затуманились слезами.
- Он был солдатом и умер в госпитале от ран.
- О, тетя Джейн! - нежно произнесла Ребекка. - Вдали от вас?
- Нет, я была с ним.
- Он был молодой?
- Да, молодой, и храбрый, и красивый, Ребекка. Брат мистера Картера - Том.
- О! Я так рада, что вы были с ним! Он был рад, тетя Джейн?

Джейн оглянулась на полузабытые годы, и в памяти вспыхнуло видение: Том, радостная улыбка на его измученном лице, слезы в его усталых глазах, его раскрытые объятия, его слабый голос: "О, Дженни! Дорогая! Я так хотел, чтобы ты была здесь, Дженни!" О, это было слишком! Она еще ни разу не говорила об этом ни с одним человеческим существом, так как не было никого, кто бы понял. И теперь застенчиво, пытаясь спрятать полные слез глаза, она прижалась головой к юному плечу, что было рядом с ней, и сказала:

- Это было тяжело, Ребекка!

Малышка Симпсонов сонно гукала на коленях у Ребекки, откинув назад голову и с довольным видом посасывая свой большой палец. Ребекка склонила голову и, коснувшись щекой седых волос тетки, сказала тихо:

- Как мне жаль вас, тетя Джейн!

Глаза девочки смотрели кротко и ласково, а сердце в ее груди чуть заметно напряглось и росло - росло, становясь более добрым, чутким, обретая глубину чувств. Оно росло, вглядываясь в другое сердце, чувствуя его биение, слыша его вздохи - именно так растут сердца.

Эпизоды, подобные этому, оживляли тихое течение повседневного существования, ставшее еще более тихим в связи с отъездом в уэйрхемскую семинарию Дика Картера, Ливинга Перкинса и Хальды Мизерв, а также плохой посещаемостью школы в зимние месяцы, так как младшие ученики обычно оставались дома в холодную погоду.

Однако для ребенка с характером Ребекки жизнь не могла быть беспросветной или лишенной приключений. Ее натура отличалась способностью приспосабливаться к обстоятельствам, изменчивостью, восприимчивостью. Она везде находила друзей и заводила знакомства на каждом углу.

Это она выбегала на крыльцо, чтобы поприветствовать мясника или торговца рыбой; это она знала семейные истории разносчиков фруктов и бродячих жестянщиков; это ее просили отнести ужин больному или провести ночь с детьми в соседней деревне - с детьми, о чьих родителях ее тетки никогда даже и не слышали. На взгляд поверхностного наблюдателя казалось, что друзей у нее много, но природа этих дружеских отношений была очень разной, и хотя девочка охотно поддерживала свои знакомства, они не удовлетворяли ее и никогда не были того рода близостью, к какой так склонны неглубокие натуры. Она любила Эмму-Джейн, но это была дружба, обязанная своим рождением лишь близости домов и обстоятельствам, а не подлинному духовному родству. Приветливость, постоянство и преданность - вот что ценила она в Эмме-Джейн, но, ценя, всегда искала за этим интеллектуальные сокровища - искала и не находила, так как хотя Эмма-Джейн и была старше, она все еще оставалась незрелой. Хальда Мизерв была веселого нрава, что нравилось Ребекке; Хальда также приводила в восхищение своим знанием мира, так как уже не раз посещала своих замужних сестер в Милтауне и Портленде. Но, с другой стороны, в ней была некоторая резкость и нечуткость, которые вызывали неприязнь. С Диком Картером можно было с ощутимой пользой беседовать об уроках. Это

был очень честолобивый мальчик, строивший немало планов на будущее и довольно откровенно обсуждавший их с Ребеккой. Однако когда она затрагивала вопрос о своем будущем, интерес Дика заметно падал. В мир воображения ни Эмма-Джейн, ни Хальда, ни Дик никогда не заглядывали, и это создавало непреодолимую пропасть между ними и Ребеккой.

"Дядя Джерри" и "тетя Сара" Кобб были для нее дорогими Друзьями совсем иного рода, очень полезными и нужными, но, возможно, и несколько опасными. Визит Ребекки всегда приводил их в радостное возбуждение. Ее веселый разговор и забавные высказывания о жизни в целом явно восхищали стариков, которые цеплялись за самое незначительное ее слово так, словно это было великое пророчество. Ребекка, хотя у нее и не было никакого опыта, не раз признавалась себе в опасном удовольствии быть "ослепляющей" даже для таких милых и простых стариков, как мистер и миссис Кобб. Когда бы ни появился на гребне холма стройный силуэт Ребекки, в тот же миг тетя Сара летела в кладовую или погреб, и пирог с вареньем или глазированный торт непременно должны были украсить стол. Вид худощавой фигуры старого дяди Джерри, в неизменной белой рубашке, всегда согревал душу Ребекки, когда она издали замечала, как выглядывает он из кухонного окна. Прежде чем выпал снег, дядя Джерри часто выходил посидеть на сложенных у ворот досках и поглядеть, не взбирается ли она на холм по дороге, ведущей к их дому. Осенью Ребекка не раз составляла старику компанию, когда он копал картофель или лущил горох, а теперь, зимой, когда почту возил человек помоложе, она иногда оставалась с дядей Джерри на время вечерней дойки. Можно с уверенностью сказать, что он был единственным человеком в Риверборо, пользовавшимся полным доверием Ребекки, - единственным человеком, которому изливала она свою душу, со всем богатством надежд, мечтаний, смутных честолобивых желаний. За фортепьяно в кирпичном доме она занималась гаммами и упражнениями для пальцев, но у Коббов она пела, как птица, подбирая на их маленькой кабинетной фисгармонии несложный аккомпанемент, казавшийся ее несведущим слушателям почти чудом. Здесь она была счастлива, здесь ее любили, здесь ее вызывали на откровенность, ею восхищались, ее высоко ценили. Но как хотелось ей, чтобы был кто-то, кто не только любил бы, но и понимал, кто говорил бы ее языком, мог бы постигнуть ее желания, откликнуться на ее таинственные горячие стремления. Быть может, в большом мире Уэйрхема есть люди, которые думают, задают себе вопросы, мечтают так же, как она?

Что касается Джейн, то она понимала свою племянницу не намного лучше, чем Миранда. Но если Джейн и пребывала в замешательстве, она вместе с тем была и очарована, и даже если не могла найти объяснения очередному странному или необычному поступку, с сочувствием думала о его возможных мотивах и верила в лучшее. Перемена, происшедшая в Джейн, была самой большой среди всех обитателей кирпичного дома, но происходила она исподволь и утаивалась столь благоговейно, что едва ли была заметна для обычного наблюдателя. Жизнь обрела побудительную причину, которой крайне не хватало прежде. Завтракали уже не в кухне, а в столовой, так как казалось, что теперь, когда в доме три человека, есть смысл накрывать большой стол. Да и сама еда стала более обильной, чем раньше, когда не было ребенка, которого нужно было принимать во внимание. Каждое утро казалось Джейн бодрым и радостным, ведь теперь она отправляла Ребекку в школу, упаковывала корзинку с завтраком, принимала окончательное решение относительно зонтика, плаща и галош, давала прощальные наставления и невольно задерживалась у окна, чтобы в последний раз помахать рукой. Ребекка стала лучше выглядеть, у нее округлились шея и щеки, на лице появился румянец - и Джейн заметила, что гордится этим. Она приобрела обыкновение упоминать о длине волос Ребекки и добавлять несколько слов об их замечательной гладкости и блеске каждый раз, когда миссис Перкинс начинала уж слишком распространяться о прелестном цвете лица Эммы-Джейн. Когда возник вопрос о выборе между красным и коричневым полушерстяным платьем, Джейн решительно встала на сторону племянницы, она также выдержала памятную схватку с сестрой по

поводу покупки красного пера для черной фетровой шляпы Ребекки. Никто не догадывался о тихой радости, наполнявшей душу Джейн, когда она смотрела на темную головку, склонившуюся над уроками. Никто не подозревал, сколько удовольствий приносили ей те вечера, когда Миранда уходила на какое-нибудь собрание, - вечера, когда Ребекка читала вслух "Песнь о Гайавате", "Барбару Фритчи", "Песнь рожка" или "Ручей"²³. Ее замкнутое, однообразное существование расцветало под росами, выпадавшими от этого свежего духа, ее уныние и равнодушие исчезали под воспламеняющим прикосновением юного ума, ее душа загоралась от "искры божественного пламени", которую несло в себе само присутствие Ребекки.

Желание Ребекки стать художницей, подобно ее давней знакомой - мисс Росс, постепенно шло на убыль по причине явно непреодолимых трудностей - негде было брать уроки. К тому же тетя Миранда не видела смысла в развитии такого таланта и даже не представляла, что его применение может когда-либо принести деньги. "Рисованные картинки" мало ценились в Риверборо, где пользовались уважением лишь яркие хромофотографии и внушительные гравюры на стали. Была слабая, очень слабая надежда, что Ребекка сможет брать уроки музыки у мисс Мортон, которая играла на органе в церкви, но это целиком зависело от того, согласится ли миссис Мортон принять ясли²⁴ в уплату за уроки, которые ее дочь будет давать Ребекке в течение года. Миссис Мортон уже рассматривала некоторое время этот вопрос, но сомневалась в том, сможет ли она продать или сдать в аренду свои покосы, и это удерживало ее от принятия окончательного решения. Музыка, наряду со всеми прочими искусствами, рассматривалась мисс Мирандой как пустое, бесполезное и глупое занятие, но она была согласна позволить Ребекке заниматься на старом фортепьяно час в день и даже немного больше, если Джейн сможет найти учителя, которому не нужно платить наличными.

Новости с Солнечного Ручья были обнадеживающими. Джон, любимый брат Ребекки, переехал в дом овдовевшей кузины Энн, и ему предстояло получить образование в виде платы за работу на скотном дворе и, что еще больше захватывало дух, пользоваться библиотекой старого доктора, состоявшей из двух-трех десятков книг по медицине. Джон всей душой желал стать сельским доктором и надеялся, что Ребекка будет вести его домашнее хозяйство. Осуществление мечты казалось теперь таким реальным, таким близким, что он легко мог вообразить себя на лошади, с трудом прокладывающим путь через снежные заносы по велению долга милосердия, или - менее драматично, но ничуть не менее привлекательно - щегольскую докторскую упряжку на тенистой сельской дороге, в ней себя, доктора Рэндла, рядом с мисс Ребеккой Рэндл, одетой в черное шелковое платье, а на полу у их ног - ящичек с лекарствами.

Ханна теперь носила волосы свернутыми в узел на затылке, а платья чуть ниже колен, что было вызвано ее большим ростом. Марк сломал ключицу, но кость срасталась быстро. Маленькая Мира становилась очень красивой. Прошел слух, что новая железная дорога из Темперанса в Плавиль окажется вблизи фермы Рэндлов, и в этом случае за землю, которая почти ничего не стоила прежде, будут давать что-то по меньшей мере похожее на цену. Но миссис Рэндл отказывалась верить в близкую возможность улучшения финансового положения семьи. Трудясь от восхода до захода солнца, чтобы добыть скромные средства к существованию для своих детей, она жила их будущим, а не своим настоящим, как это всегда делает мать, когда ее собственный удел тяжел и безрадостен.

²³ "Песнь о Гайавате" (1855) - поэма американского поэта Г. Лонгфелло (1807 - 1882); "Барбара Фритчи" - стихотворение американского поэта Дж. Уитьера (1807 - 1892); "Песнь рожка", "Ручей" - стихотворения английского поэта А. Теннисона (1809 - 1892).

²⁴ Решетчатая кормушка, из которой кормят сеном скотину.

Глава 17 Дни серые и золотые

Оглядываясь назад, на год или два, прошедшие после памятного Дня Благодарения у Симпсонов, Ребекка различала лишь отдельные вехи на тихом пути месяцев.

Первой такой вехой было Рождество. Утро наступило свежее, хрустально-прозрачное, сосульки украшали деревья, словно ослепительные подвески, на поверхности снега был бледно-голубой ледяной покров, красный амбар Симпсонов пламенел на фоне белого пейзажа. Ребекка была очень занята в последние недели, пытаясь обеспечить подарок каждому из семи человек на Солнечном Ручье, - довольно трудная задача при капитале в пятьдесят центов, накопленном с невероятными усилиями. Ей, однако, удалось достичь успеха, и драгоценная посылка была отправлена по почте за два дня до праздника. Мисс Миранда Соьер купила своей племяннице серую беличью муфту и такой же капюшон, который был еще более не к лицу - если это вообще возможно, - чем прочие предметы одежды Ребекки, но зато тетя Джейн сшила ей прелестнейшее платье из зеленого кашемира, нежно-нежно-зеленого, как молодой лист. Сшито оно было очень просто, но цвет радовал глаз. А еще был красивый вязаный воротничок от мамы, красные варежки от миссис Кобб и носовой платочек от Эммы-Джейн. Ребекка же сшила замысловатый стеганый чехольчик на заварной чайник с вышитой декоративным швом буквой "М" и хорошенькую подушечку для булавок с оборочкой и вышитой буквой "Д" для своих двух теток. Все это, вместе взятое, позволяло считать, что праздник удался на славу, даже если бы ничего больше не произошло; но случилось еще кое-что.

Во время завтрака раздался стук в дверь, и мальчик-посыльный спросил вышедшую на крыльцо Ребекку, здесь ли живет мисс Ребекка Рэндел. Услышав в ответ, что это она, мальчик вручил ей пакет, на котором было написано ее имя и который она взяла как во сне.

- Это подарок. Наверняка подарок, - сказала она, входя в столовую и глядя на пакет в каком-то оцепенении, - только не могу догадаться от кого.

- Чтобы это выяснить, лучше всего его открыть, - заметила мисс Миранда.

В пакете, как оказалось, находились два меньших пакетика, и Ребекка дрожащими пальцами открыла тот, который был адресован ей. В таких обстоятельствах у любого задрожали бы пальцы. Из пакетика появилась коробочка, и, когда крышка ее была поднята, взглядам открылась длинная нить нежно-розовых коралловых бусин, на которой висел крест из вырезанных из такого же коралла бутонов розы. На дне лежала открытка с надписью: "Веселого Рождества! Мистер Аладдин".

- Ну и ну! - воскликнули обе тетки, приподнявшись со стульев. - От кого это?

- От мистера Ладда, - сказала Ребекка чуть слышно.

- От Адама Ладда! Впервые в жизни такое вижу! Миранда, помнишь, Элен Бернем говорила, что он собирается прислать Ребекке подарок к Рождеству? Но я никак не предполагала, что он это сделает, - сказала Джейн. - А что в другом пакетике?

В другом пакетике, адресованном Эмме-Джейн, лежала серебряная цепочка с голубым эмалевым медальоном. Радость переполнила сердце Ребекки - он вспомнил их обеих! К пакету было приложено письмо, в котором говорилось:

Дорогая мисс Ребекка Ровена!

По моим представлениям, рождественским подарком должно быть нечто совершенно ненужное и бесполезное. Я всегда замечал, что людям нравится, когда я дарю им такого рода вещи, так что, надеюсь, я сумел угодить вам и вашей подруге. Прошу вас. наденьте это украшение сегодня после обеда: мне очень хочется увидеть его на вас, когда я приеду на моих новых санях, чтобы взять вас обеих прокатиться. Моя тетя в восторге от мыла.

Ваш преданный друг

Адам Ладд.

- Как это мило с его стороны! - воскликнула мисс Джейн. - Лидия Бернем говорит, что он очень любит детей. Теперь садись и позавтракай, Ребекка, а когда мы вымоем посуду, ты сбегашь к Эмме и отнесешь ей цепочку. Что с тобой, дорогая?

Казалось, что разные чувства Ребекки всегда хранились, так сказать, в смежных отделениях и постоянно смешивались. В этот момент, хотя у нее не хватало слов, чтобы выразить радость, хлеб с маслом почти застревал у нее в горле, а иногда по щеке украдкой скатывалась слеза.

Мистер Ладд заехал после обеда, как и обещал, и познакомился с тетками, получив о них обеих в пять минут такое же полное представление, как если бы знал их долгие годы. На низенькой скамеечке возле огня сидела Ребекка, молчаливая и робкая. Она ни на мгновение не забывала о своем великолепном наряде и присутствии тети Миранды и потому не могла вымолвить ни слова. Это был один из "прекрасных дней" ее жизни. Радость, волнение, цвет ее зеленого платья, прелестное коралловое ожерелье на время превратили маленького бурого воробышка в райскую птицу, и Адам Ладд смотрел на нее с явным удовлетворением. А затем было катание на санях - тогда-то к ней вернулся дар речи, и болтала она как сорока! Так завершился этот чудесный день. И много-много ночей после этого Ребекка засыпала, засунув руку под подушку и крепко держа драгоценную коралловую нить, чтобы быть уверенной, что ее сокровищу ничто не грозит.

Другой вехой был отъезд из Риверборо семейства Симпсонов со всем их имуществом, в котором самым заметным предметом была банкетная лампа. Было замечательно избавиться от ненавистного присутствия Маятника, но, с другой стороны, потеря разом нескольких активных участников игр оставила заметную брешь в "юных кругах" Риверборо, а Ребекка была вынуждена подружиться с малышом Робинсонов, так как он был единственным в деревне в ту зиму грудным младенцем. Вечером накануне отъезда верный Маятник подошел к боковой двери кирпичного дома и, когда Ребекка открыла дверь в ответ на его стук, запинаясь, торжественно произнес:

- Б-будем встречаться с т-тобой, когда т-ты вырастешь?

- Разумеется, нет, - отвечала Ребекка, закрывая, слишком уж поспешно, дверь перед своим скороспелым обожателем.

Мистер Симпсон вернулся домой как раз вовремя, чтобы перевезти жену и детей в тот городок, где все они появились на свет, - городок, никак не ожидавший их с распростертыми объятиями. Переезд Симпсонов проходил под бдительным надзором деревенских властей, и за ним с тревогой следили все соседи, но, несмотря на принятые меры предосторожности, стул с кафедры священника, несколько керосиновых ламп и маленькая печь исчезли из церкви и были успешно обменены мистером Симпсоном на пути из его старого дома в новый. Ребекка и Эмма-Джейн пережили несколько часов настоящего горя, узнав о том, что одна деревня на том же пути приобрела благодаря посредничеству честолобивого молодого священника великолепную банкетную лампу Симпсонов для своей новой церкви. Деньги во время этой сделки из рук в руки не переходили, так как священник сумел получить лампу в обмен на старый велосипед. Единственным приятным обстоятельством во всем этом деле было то, что мистер Симпсон, оказавшись не в состоянии утешить своих отпрысков в связи с утратой столь дорогого для них предмета, сел на велосипед и уехал на нем с тем, чтобы его снова не видели и не слышали в течение долгого времени.

Этот год был примечателен еще и тем, что Ребекка росла не по дням, а по часам. С тех пор как ей исполнилось десять лет, она, казалось, не вытянулась ни на дюйм, но затем, однажды взявшись расти, отнеслась к этому делу точно так же, как относилась ко всякому другому, - с такой энергией, что тетя Джейн месяцами не делала ничего другого, как только удлиняла юбки, лифы и рукава. Но наконец, несмотря на все хитрости, известные бережливой новоанглийской женщине, ни отпустить, ни надставить больше уже было нельзя, и платья пришлось отправить на Солнечный Ручей, где их предстояло

перешить для Дженни.

Была и еще одна вежа, печальная, - маленькая могилка под ивой на Солнечном Ручье. Мира, младшая в семье, умерла, и в связи с этим Ребекка ездила домой на две недели. Вид маленького неподвижного тела, того, что прежде было Мирой - особенной любимицей Ребекки с самого дня рождения, - пробудил целый сонм новых мыслей и вопросов: тайна смерти приводит человека к осознанию еще большей тайны жизни.

На этот раз пребывание в родном доме было грустным для Ребекки. Смерть Миры, горе матери, отсутствие Джона - лучшего друга Ребекки, обособленность маленького домика и суровая экономия, как всегда соблюдавшаяся в нем, - все складывалось так, чтобы привести в уныние ребенка, который был так восприимчив к красоте и гармонии, как Ребекка.

Ханна за время отсутствия Ребекки превратилась во взрослую женщину. У нее всегда был странный, недетский вид, но теперь в некоторых отношениях она казалась старше даже тети Джейн - более сдержанной, более уравновешенной. Она была хорошенькой, хотя немного бесцветной, - хорошенькой и умелой.

Ребекка гуляла по тем местам, где так любила играть в раннем детстве. Все это были хорошо знакомые, заветные места, некоторые из них были известны Джону, некоторые - только ей одной. Здесь было место, где росли "индейские трубки"²⁵, был и кусочек болотистой почвы, где бахромчатые горечавки всегда были необыкновенно большими и синими, и горный клен, где она однажды нашла гнездо иволги, и живая изгородь, в которой обитали полевые мыши, и покрытый мхом пенёк, где бледные поганки имели обыкновение вырастать как по мановению волшебной палочки, и ямка у корней старой сосны, где устроила свой домик почтенная жаба, - это тоже были вежи ее детства, и она смотрела на них словно с неизмеримого расстояния. Любимый маленький солнечный ручей - ее второй главный собеседник после Джона - был невеселым обществом в это время года. Не было смеющейся воды, вспыхивающей в солнечных блестках. Летом радостный поток, пританцовывая, бежал по белой гальке к глубоким заводям, чтобы там остановиться и задуматься. Теперь, как Мира, он был холодным и неподвижным, закутанным в снежный саван. Но Ребекка опустила на колени возле того места, где он был самым глубоким, и, приложив ухо к блестящей ледяной корке, услышала слабый звенящий звук. Все было в порядке. Солнечный ручей снова запоет весной; быть может, к Мире тоже придет время песен - и она спрашивала себя, где и как. Во время этих прогулок она непрестанно думала - думала об одном. Ханне никогда не предоставлялась возможность хоть на время освободиться от повседневных забот и работы на ферме. До сих пор она (Ребекка) наслаждалась всеми преимуществами жизни в кирпичном доме. И хотя жизнь эта отнюдь не была путем, усеянным розами, в ней были удобства и общество других детей, так же как и возможность учиться и читать. Сам по себе Риверборо не был широким миром, но он был крошечной щелочкой, позволявшей взглянуть на мир, и это было бесконечно лучше, чем совсем ничего. Ребекка пролила не одну тихую слезу, прежде чем почувствовала в себе достаточно твердости, чтобы отказаться в пользу сестры от того, к чему так сильно стремилась сама. Однажды утром, когда ее пребывание на ферме подходило к концу, она решительно приступила к делу и сказала:

- Ханна, я собираюсь, когда закончится этот учебный год, остаться дома и отпустить тебя в кирпичный дом. Тетя Миранда с самого начала хотела, чтобы приехала ты, так что это будет только справедливо, если настанет твой черед.

Ханна штопала чулок и, прежде чем ответить, продела в иголку нитку и отрезала конец.

- Нет, спасибо, Бекки. Мама не справится без меня, и к тому же я терпеть не могу ходить в школу. Я умею читать, писать и считать не хуже любого, и для меня этого

²⁵ См. сноску к с. 50.

достаточно. По мне лучше умереть, чем зарабатывать на жизнь учительским трудом. Зима пройдет быстро, Уилл Мелвилл собирается одолжить мне швейную машину его матери, и я сошью белые юбки из муслина, который прислала тетя Джейн. Ну, а еще после Нового года здесь будет школа пения и благотворительное общество в Темперансе. Я буду отлично проводить время теперь, когда я взрослая. Я не из тех, кто скучает в одиночестве, Бекки, - заключила Ханна, покраснев. - Я люблю эти места.

Ребекка видела, что сестра говорит правду, но о причине неожиданного румянца догадалась лишь год или два спустя.

Глава 18 Ребекка "представляет семью"

Была и еще одна вежа, и даже больше чем вежа, это было "событие" - событие, оставившее глубокий след в нескольких домах и повлекшее за собой другие, меньшие по значению события.

Этим крупным событием было прибытие в Риверборо преподобного Эймоса Берча и его жены - миссионеров, возвратившихся из Сирии.

Риверборское отделение миссионерского общества созывало свое собрание в одну из сред марта того года, когда Ребекка завершила свою учебу в деревенской школе и начала занятия в Уэйрхеме. Погода в тот день была промозглой и ветреной, на земле лежал снег и вид неба предвещал новый снегопад. Миранда и Джейн были простужены и решили, что не следует выходить из дома в такую погоду. Но такое уклонение от стези долга беспокоило Миранду, которая была членом руководства общества. И, в достаточной мере испортив завтрак горькими сожалениями и сетованиями на то, что Джейн упорно старается болеть одновременно с ней, она решила, что на собрание вместо них должна пойти Ребекка.

- Всё лучше, чем никого, - таково было ее лестное замечание. - Твоя тетя Джейн напишет записку, чтобы тебя отпустили из школы после обеда. Наденешь резиновые боты и пойдешь домой по дороге, которая идет мимо молитвенного дома. Этот мистер Берч, если я не ошибаюсь, знал твоего дедушку Сойера и даже останавливался у нас однажды, когда приезжал в Риверборо по делам общества. Он, вероятно, будет спрашивать о нас там, поэтому ты должна пойти - будешь представлять семью, передашь привет и засвидетельствуешь ему наше почтение. Последи за своим поведением. Склони голову, когда будут читать молитву; пой все гимны, но не слишком громко и нахально; спроси о здоровье сыночка миссис Страут; скажи всем, как ужасно мы простужены; если представится удобный случай, вынь носовой платок и вытри пыль с мелодии перед началом собрания и возьми с собой двадцать пять центов из спичечной коробки, которая стоит на столе в гостиной, - это на случай, если будут собирать пожертвования.

Ребекка с готовностью согласилась. Все интересовало ее, даже деревенское собрание, а мысль о том, что она будет "представлять на нем семью", была весьма волнующей.

Собрание проводилось в комнате, где обычно проходили занятия воскресной школы, и хотя, когда Ребекка вошла туда, преподобный мистер Берч уже был на кафедре, присутствовало лишь около десятка человек. Немного оробев и чувствуя себя слишком юной для подобного собрания, Ребекка попыталась найти прибежище в каком-нибудь дружеском лице и, увидев на одном из боковых сиденьев переднего ряда миссис Робинсон, пересекла проход между скамьями и села рядом с ней.

- Обе мои тети сильно простужены, - сказала она тихо, - и прислали меня представлять семью.

- Это миссис Берч на кафедре рядом со своим мужем, - зашептала миссис Робинсон. - Она ужасно загорелая, правда? Похоже, что если хочешь спасти души язычников, так распростиись с хорошим цветом лица. Юдокси Мортон еще не пришла. Боже мой, хоть бы пришла! Иначе, когда запоем, жена дьякона Милликена возьмет так высоко, что нам за

ней и с лестницей не добраться. А может быть, ты запоешь, прежде чем она наберет воздуха и прочистит горло?

Миссис Берч была худенькой, хрупкой маленькой женщиной с темными волосами, широким открытым лбом и кротким выражением лица. Одета она была в поношенное черное шелковое платье, и вид у нее был такой усталый, что Ребекка от души ей посочувствовала.

- Они бедны как церковные мыши, - снова зашептала миссис Робинсон, - но если и дашь им что-нибудь, они мигом отдадут все язычникам. Его прихожане в Парсонсфилде сложились и подарили ему золотые часы. Он их носит, но я полагаю, он и их отдал бы, да только язычники всегда узнают время по солнцу, и часы им ни к чему. Юдокси не пришла. Ребекка, ради всего святого, начни раньше миссис Милликен и возьми пониже.

Собрание началось с молитвы, а затем преподобный мистер Берч объявил псалом на музыку Мендона:

*О, церковь наша, воссияй
Лучами истины святой
И свет Евангелия дай
Язычникам в земле чужой.
Им тьму неведенья рассей,
И пусть на свет прекрасный твой
Летят, как стаи голубей,
Что дом завидели родной.*

- Есть здесь кто-нибудь, кто может нам аккомпанировать? - спросил мистер Берч неожиданно.

Все переглядывались, но никто не двинулся с места. Вдруг из дальнего угла послышался голос, сказавший просто:

- Ребекка, а может, ты?

Это был голос миссис Кобб. Ребекка могла бы сыграть Мендона с закрытыми глазами, поэтому она подошла к мелодиону и сделала это без всяких затруднений, так как в отсутствие членов семьи некому было привести ее в смущение.

Последовавшая проповедь ничем не отличалась от обычно произносимых в подобных случаях. Мистер Берч обратился со страстным призывом к распространению Евангелия и прибавил к этому свои настоятельные просьбы, чтобы все, кто не может лично посетить людей, блуждающих во тьме, сделали щедрый вклад в поддержку тех, кто может. Но мистер Берч не ограничился этим. Он был красноречивым и искренним оратором и умело вплел в свое обращение к прихожанам рассказы о чужой стране - об обычаях и нравах, о языке и воззрениях ее жителей и даже дал слушателям некоторое представление о повседневной жизни своей собственной семьи, о заботах и трудах своей верной помощницы и их детей, рожденных под небесами Сирии.

Ребекка слушала как завороженная, - ей подарили ключ от другого мира. Риверборо поблекло; комната воскресной школы, красная клетчатая шаль миссис Робинсон, парик дьякона Милликена, криво надетый, голые скамьи, потрепанные книжки с псалмами, висящие на стенах тексты из Библии и карты - все это исчезло, и она видела голубое небо и ярко горящие звезды, белые тюрбаны и пестрые одежды. Мистер Берч не говорил этого, но, вероятно, там были мечети и минареты и финиковые пальмы. Какие истории, должно быть, известны им, этим детям, рожденным под небесами Сирии! Затем ее попросили сыграть "Вся земля да поклонится Иисусу".

Ящик для пожертвований пошел по рядам, а мистер Берч читал в это время молитву. Произнеся последние слова и открыв глаза, он взглянул на горстку людей, на набросанные в ящик центы и десятицентовики и подумал, что его миссия - не только собирать средства для церкви, но и поддерживать в жителях всех этих отдаленных, заброшенных городков и деревень ту любовь к общему делу, которая будет единственной надеждой этой церкви в предстоящие годы.

- Если кто-нибудь из сестер согласится принять нас в своем доме, - сказал он, - мы с миссис Берч останемся с вами на этот вечер и весь завтрашний день. В этом случае мы могли бы устроить большое неофициальное собрание. Моя жена и кто-нибудь из детей надели бы национальные сирийские костюмы, мы показали бы образцы сирийской ручной работы, познакомили бы вас с нашими методами обучения детей. Такие собрания, где можно задавать вопросы и свободно разговаривать, часто помогают заинтересовать тех, кто обычно не посещает формальные церковные службы. Так что, повторяю, если кто-либо из прихожан желает этого и предложит свое гостеприимство, мы охотно останемся и расскажем вам больше о трудах во славу Божию в далеких странах.

Тишина опустилась на маленькое собрание. У каждой присутствующей "сестры" была какая-нибудь уважительная причина, по которой она была несклонна принять гостей. У одних не было свободной комнаты, у других в кладовой было меньше запасов, чем обычно, у некоторых были больные в семье, некоторые были "неподходящим образом соединены узами брака с неверующими", не любившими заезжих священников. Худые пальцы миссис Берч нервно теребили складку на черном шелке. "Неужели никто не заговорит?" - подумала Ребекка, сердце ее трепетало от сочувствия. Миссис Робинсон склонилась к ее уху и шепнула значительно:

- В прежнее время миссионеров всегда принимали в кирпичном доме. Когда был жив твой дедушка, он не допускал, чтобы они ночевали в другом месте.

Говоря это, миссис Робинсон желала лишь осудить мисс Миранду за ее скупость, хорошо помня о том, что в кирпичном доме круглый год закрыты четыре комнаты для гостей. Однако Ребекка решила, что ей был дан совет. Если такова была традиция, вероятно, ее тетки захотели бы, чтобы она поддержала ее; зачем же еще представляет она здесь семью? И вот, обрадованная тем, что путь долга ведет в таком приятном направлении, она поднялась со своего места и чарующим голосом, с присущей ей необычной манерой говорить, которая так отличала ее от всех остальных детей в Риверборо, произнесла:

- Мои тети, мисс Миранда и мисс Джейн Сойер, будут очень рады, если вы остановитесь у них в кирпичном доме, как это всегда делали приезжие священники, когда был жив мой дедушка. Они просили меня передать вам привет и засвидетельствовать их почтение.

Слово "привет" было произнесено таким тоном, словно оно означало нечто не менее внушительное, чем конная статуя или статус вольного города, и тетки содрогнулись бы, если бы предвидели, как именно он будет передан. Прозвучавшее приглашение произвело огромное впечатление на присутствующих, которые вывели из него заключение, что Миранда Сойер, должно быть, начала необычно быстро продвигаться к небесной обители, - что же кроме этого могла означать столь внезапная перемена во взглядах?

Мистер Берч учтиво поклонился, принял приглашение "с тем же чувством, с каким оно было сделано", и попросил брата Милликена начать молитву.

Если бы Ухо Предвечного можно было когда-либо утомить, оно давно перестало бы внимать дякону Милликену, который вот уже сорок лет нес к Престолу Господа одну и ту же молитву с очень небольшими вариациями. Его сменила миссис Перкинс. У нее было несколько просьб к Богу, вполне искренних, разумеется, но несколько шаблонных, составленных из искусно соединенных вместе библейских текстов. Ребекка удивлялась, почему миссис Перкинс неизменно кончает, в самое мирное время, формулой: "Пребуди с нами. Господь Битв, когда мы идем вперед, как христианское воинство идет в бой". Но в этот день все казалось ей естественным; она была в набожном расположении духа, и многое из того, что сказал мистер Берч, необычно тронуло ее. Когда она подняла голову, священник взглянул прямо на нее и сказал:

- Пусть наша юная сестра завершит службу молитвой.

Кровь, казалось, застыла в жилах Ребекки, а сердце почти перестало биться. В тишине можно было отчетливо слышать взволнованное дыхание миссис Кобб. Ничего необычного в просьбе мистера Берча не было: во время своих путешествий по сельским

приходам он постоянно встречал молодых "верующих со стажем", которые стали членами церкви в возрасте девяти или десяти лет. Ребекке было тринадцать; она играла на мелодийоне, вела хор, передала, с видом большой житейской мудрости, приглашение своих теток - и священник, заключив, что, должно быть, видит перед собой юную опору церкви, воззвал к ней с величайшим простодушием.

Положение Ребекки было отчаянным. Как может она отказаться? Как объяснить, что она не "принадлежит"? Как станет она молиться перед всеми этими пожилыми женщинами? Едва ли Джон Роджерс²⁶ страдал на костре больше, чем бедная девочка в тот момент, когда она поднялась на ноги, забыв, что дамы молятся сидя, в то время как священники стоят во время молитвы. Что могла она сказать? Ум ее был в этот момент нагромождением картин, которые развернул в своей беседе преподобный мистер Берч. Ей, разумеется, был знаком общепринятый в подобных случаях язык. Какому ребенку Новой Англии, привычному к вечерним молитвенным собраниям по средам, он не знаком? Но ее внутренние молитвы были совсем иными. И все же она начала, медленно и с трепетом:

- Отче наш, сущий на Небесах... Ты Бог в Сирии так же, как и в штате Мэн... Там сегодня голубые небеса, и золотые звезды, и палящее солнце... большие деревья покачиваются в теплом воздухе, в то время как здесь снег лежит под ногами толстым слоем... но никакое расстояние - не препятствие для Бога... и потому Он с нами здесь, как Он с ними там... и наши молитвы поднимаются к Нему, "как стаи голубей, что дом завидели родной"... Мы не можем все стать миссионерами и учить людей быть хорошими... некоторые из нас сами еще не научились быть хорошими... но да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе... и все должны стараться, и все должны помогать... и тот, кто старый и усталый, и тот, кто молодой и сильный... Маленьким детям, о которых мы слышали, тем, что рождены под небом Сирии, поручена необычная и интересная работа во имя Твое. Некоторые из нас тоже хотели бы путешествовать в далеких землях, совершать чудеса храбрости ради язычников и осторожно удалять их идолов из дерева и камня. Но, возможно, мы должны оставаться дома и делать то, что поручено нам... иногда даже то, что нам не нравится... но что должно быть тем утренним жертвоприношением, с которым возносятся ароматы и о котором мы сегодня пели в псалме. Таким путем Бог учит нас кротости и терпению, и мысль о том, что Он желает этого, должна избавить нас от наших страхов и помочь нам нести бремя грядущих лет. Аминь.

Бедный невежественный, эксцентричный ребенок! Ее обращение к Богу было простым набором строк из разных гимнов и молитв, а также образов, которые использовал священник в своей проповеди, но она нашла свой способ употребить их и связать по-новому, так что создавалось любопытное впечатление, что это ее собственные мысли. Слова некоторых людей могут быть записаны со знаком минус - знаком того, что личность говорящего скорее вычитает что-либо из их значения, чем прибавляет к нему; но слова Ребекки всегда несли на себе знак плюс.

Сказав "Аминь", она села, или предположила, что села, на то, что, как она думала, было скамьей, - и это было благом. Через минуту или две, когда комната перестала кружиться перед ее глазами, она подошла к миссис Берч. Та нежно поцеловала ее и сказала:

- Дорогая моя, как я рада, что мы остановимся у вас! Если мы приедем в половине шестого, это не будет поздно? Сейчас три, а нам нужно съездить на станцию за нашим чемоданом и детьми. Мы оставили их там, так как не были уверены, вернемся ли мы или остановимся здесь.

Ребекка ответила, что в половине шестого они сядут ужинать, а затем приняла

²⁶ Джон Роджерс (1500 - 1555) - английский протестантский священник, казнен после возвращения в Англию Марии Стюарт.

приглашение миссис Кобб доехать до дома вместе с ней. Лицо девочки пылало, а губы дрожали; это о многом говорило тете Саре, и потому поездка проходила почти в полном молчании. Впрочем, холодный ветер и успокаивающее присутствие тети Сары помогли Ребекке прийти в себя, и в кирпичный дом она вбежала весело. Слишком переполненная новостями, она не стала задерживаться в передней и снимать боты, но предусмотрительно внесла в гостиную плетеный коврик, чтобы, стоя на нем, рассказать все с самого начала и по порядку.

- Твои домашние туфли у огня; я положила их туда, чтобы они согрелись к твоему приходу, - сказала тетя Джейн. - Переобуйся, пока будешь рассказывать.

Глава 19 Преемница дьякона Сойера

- Народу на собрании было очень мало, тетя Миранда, - начала Ребекка, - а миссионер и его жена - замечательные люди, и они едут сюда и проведут у вас сегодняшний вечер и завтрашний день. Я надеюсь, вы не будете возражать.

- Едут сюда! - воскликнула Миранда, роняя вязанье на колени и снимая очки, что она всегда делала в моменты особого волнения. - Они, что же - сами себя пригласили?

- Нет, - ответила Ребекка. - Я их пригласила. Мне пришлось сделать это за вас. Но я была уверена, что вы захотите принять таких интересных гостей. Все произошло так...

- Подожди, скажи сначала, когда они будут здесь. С минуты на минуту?

- Нет, через два часа... Примерно в половине шестого.

- Тогда ты можешь объяснить - если тебе это удастся, - кто дал тебе право приглашать сюда ночевать целую компанию чужих людей, когда ты прекрасно знаешь, что никакие гости не останавливались у нас уже двадцать лет и мы не намерены принимать никого и в следующие двадцать или, во всяком случае, пока я хозяйка в этом доме.

- Не вини ее раньше времени, Миранда, - сказала Джейн, - сначала послушай ее. Я с самого начала думала, что, если бы мы пошли на собрание, вполне могло случиться что-нибудь подобное, ведь мистер Берч был знаком с нашим отцом.

- Людей на собрание пришло мало, - начала Ребекка. - Я передала все, что вы велели, и все были огорчены, что вы не можете прийти, так как председателя общества тоже не было, и в его кресло села миссис Мэтьюс. И это было очень печально, потому что сиденье было гораздо меньше, чем ей нужно, - мне вспомнилась строка из гимна, который мы пели: "Широко, как языческие племена раскинулись", - и на ней была большая меховая шляпа, из тех, что всегда сбиваются набок. А мистер Берч очень красиво говорил о сирийских небесах, и пение прошло хорошо, и, похоже, в ящике для пожертвований, когда его передали на нашу сторону, было около сорока центов. Но этого не хватит даже на то, чтобы спасти душу языческого младенца, правда? А потом мистер Берч сказал, что, если какая-нибудь из сестер предложит свое гостеприимство, он и его жена останутся в Риверборо на ночь и завтра проведут неофициальное собрание, на котором миссис Берч будет в сирийском костюме и они покажут красивые чужеземные вещи. И он ждал и ждал, но никто не сказал ни слова. Мне было так стыдно, и я не знала, что делать. А он снова повторил все, что сказал, и объяснил, почему хочет остаться: понимаете, он считал это своим долгом. И вот тогда-то миссис Робинсон и шепнула мне, что раньше миссионеры всегда останавливались в кирпичном доме и что, когда был жив дедушка, он не допускал, чтобы они ночевали в другом месте. А о том, что вы давно перестали приглашать их, я не знала, ведь за то время, пока я живу в Риверборо, здесь не было ни одного приезжего миссионера, кроме тех, что читают проповеди в воскресенье утром и потом сразу уезжают. Поэтому-то я и решила, что мне следует пригласить мистера и миссис Берч, так как вы не можете сделать это лично и велели мне представлять семью.

- И как ты это сделала - подошла и представилась, когда все уходили с собрания?

- Нет, я встала прямо посреди собрания. Мне пришлось это сделать, потому что

мистер Берч был бы обижен, если бы никто не откликнулся. Поэтому я сказала: "Мои тети, мисс Миранда и мисс Джейн Сойер, будут рады принять вас в своем кирпичном доме, где всегда останавливались миссионеры, когда был жив мой дедушка. Они поручили мне передать вам привет и засвидетельствовать их почтение". Потом я села, а мистер Берч стал молиться за дедушку, и назвал его святым, и возблагодарил нашего Небесного Отца за то, что дух дедушки жив в его потомках (то есть в вас), и за то, что милый старый дом, где столько братьев получили помощь и поддержку и откуда вышли на борьбу, укрепившись духом, по-прежнему гостеприимно открыт для странника и незнакомца.

Иногда при благоприятном расположении небесных тел Вселенная кажется совершенной. Слово или деяние идет прямо от сердца; не предваренное никакой мыслью, оно кажется внушенным свыше.

Много лет некие врата в душе Миранды Сойер были наглухо закрыты. Не сразу закрылись они, но постепенно, и потому она не вполне отдавала себе в этом отчет. Даже если бы Ребекка в течение многих дней, и притом с исключительным коварством, плела интриги, чтобы войти в ту запретную страну, ей это не удалось бы, но теперь неведомые им обоим ворота повернулись на своих тугих заржавевших петлях, а благоприятный ветер удобного случая постепенно открывал их все шире и шире. Все обстоятельства сложились на удивление благоприятно. В душе Миранды пробудились воспоминания о прошедших днях, о повседневной жизни набожного и боготворимого отца; имени Сойеров были публично возданы почести и расточались похвалы; Ребекка повела себя как внучка дьякона Сойера и убедительно доказала, что она не "целиком Рэндл", как это предполагалось прежде. Пожалуй, Миранда была умиротворена и довольна таким оборотом событий, хотя и не собиралась показывать это или давать кому-либо основания в будущем рассматривать проявленное гостеприимство как прецедент.

- Хорошо. Как я вижу, Ребекка, ты сделала именно то, что должна была сделать, - сказала она, - и не хуже любого другого подобрала выражения для своего приглашения. Жаль, конечно, что твоя тетя Джейн и я никуда не годимся со своей простудой, но это только доказывает, как хорошо, когда каждая комната в доме, открыта она или закрыта, содержится в чистоте и порядке и когда наготовлено вдоволь еды, так что никто не застанет врасплох и не заставит краснеть, что бы ни случилось. Там, на собрании, было с полдюжины таких, что могли бы принять Берчей, не будь эти хозяйки такими жадными или ленивыми. Почему твои миссионеры не пришли вместе с тобой?

- Они должны были поехать на станцию за чемоданом и детьми.

- Еще и дети? - простонала Миранда.

- Да, тетя, все рождены под сирийскими небесами.

- Бабушка-сирийка! - воскликнула Миранда (и это не соответствовало действительности). - Сколько?

- Я забыла спросить, но я приготовлю две комнаты, а если их окажется больше, то возьму их к себе в постель, - сказала Ребекка, втайне надеясь, что так оно и будет. - Послушайте, раз вы обе больны, не могли бы вы доверить мне, только на этот раз, приготовить все для гостей? А сами подниметесь наверх, только когда я позову. Хорошо?

- Ну, пожалуй, - вздохнув, неохотно сказала Миранда. - Мы с Джейн полежим в нашей спальне. Может быть, я наберусь сил, чтобы приготовить ужин. Сейчас половина четвертого - позови меня ровно в пять. Я сегодня весь день поддерживала большой огонь в кухонной плите... Сама не знаю, зачем это я испекла целый горшок бобов в середине недели, но они придутся очень кстати. Отец говаривал, что для миссионеров, вернувшихся на родину, нет ничего лучше свинины с бобами и черного хлеба. Приготовь две спальни с южной стороны, Ребекка.

Ребекка, в первый раз в жизни получив свободу действий, вихрем понеслась наверх. Каждая комната кирпичного дома была в образцовом порядке, и ей пришлось только поднять шторы, пройти по полам мягким веничком и стереть пыль с мебели. Теткам в их спальне было слышно, как она бежит туда и сюда, взбивает подушки и

перини, хлопая встряхивает и расправляет полотенца, звенит глиняными кувшинами и одновременно напевает звучным чистым голосом:

*Напрасно щедрою рукой
Язычнику Бог блага шлет,
Тот, безрассудный и слепой,
Пред идолом поклоны бьет.*

Она была умелым маленьким созданием, и если уж работа была ей под силу, она делала ее в мгновение ока. Так что к пяти часам, когда она позвала теток наверх, чтобы выслушать их суждение, она умудрилась совершить чудеса. На комодах и умывальниках лежали чистые полотенца, кровати были аккуратно застелены, кувшины наполнены водой, мыло и спички на своих местах, дрова и щепки для растопки в ящике у двери, а в закрытой печи медленно горело большое полено.

- Я подумала, что лучше протопить, чтобы было потеплее, - объяснила она. - Ведь они прямо из Сирии. Кстати, я должна успеть заглянуть в мою географию до их прихода.

Не было ничего такого, к чему можно было бы отнестись неодобрительно, и сестры направились вниз, чтобы внести некоторые изменения в свои туалеты. Проходя мимо парадной гостиной, Миранда услышала доносящееся оттуда потрескивание и заглянула в дверь. Шторы были подняты, в камине сверкало радостное пламя, и в задней комнате тоже горел огонь. Собственная лампа Ребекки - второй рождественский подарок мистера Ладда - стояла на мраморном столике в углу. Свет, мягко струившийся через ее розовый абажур, превращал чопорную, мрачную, некрасивую комнату в место, где человек может сидеть и с любовью думать о близких.

- Господи помилуй! Ребекка! - воскликнула мисс Миранда, обернувшись к лестнице и глядя вверх. - Ты думаешь, что следует открыть парадную гостиную?

Ребекка выскочила на лестничную площадку второго этажа, заплетая косу.

- Мы открывали ее в День Благодарения и на Рождество, и я подумала, что приезд миссионеров почти такое же важное событие, - сказала она. - Я убрала восковые цветы с каминной полки, так что они не растают, и положила раковины, кораллы и чучело зеленой птички на верхнюю полку этажерки, чтобы дети не просили поиграть. Брат Милликен придет поговорить с мистером Берчем о делах, и вполне возможно, что брат и сестра Кобб тоже заглянут к нам. Не ходите в подвал: я через минуту спущусь и тогда сбегаю и принесу все, что нужно.

Миранда и Джейн переглянулись.

- Второй такой не найдешь! - воскликнула Миранда. - Справится с делом, когда захочет!

Около четверти шестого все было готово, и соседи, по крайней мере те, кому был виден кирпичный дом (заметный фрагмент пейзажа в отсутствие листьев на деревьях), почти умирали от любопытства. Шторы подняты в обеих гостиных! Шторы подняты в двух спальнях с южной стороны! И огонь - если человеческому зрению можно доверять, - огонь разведен почти во всех комнатах. Если бы не доброта одной леди, которая присутствовала на собрании и затем снизошла до того, чтобы зайти в один или два дома и объяснить причину всех этих приготовлений, во многих семьях ночь прошла бы без сна.

Миссионеры приехали довольно быстро. С ними было всего двое детей, семи или восьми лет, которых оставляли у братьев в Портленде, чтобы сократить дорожные расходы. Пока Миранда занималась приготовлением ужина, Джейн предложила гостям пройти наверх, но Ребекка немедленно увела от матери обеих девочек, раскутала их, пригладила им волосы и отправилась вместе с ними вниз, в кухню, понюхать, как пахнет бобами.

Ужин был великолепный, а присутствие детей лишило его всякой принужденности. Тетя Джейн помогла убрать со стола и унести оставшуюся еду, в то время как Миранда беседовала с гостями, а Ребекка и младшие Берчи вымыли посуду и устроили в кухне настоящий карнавал, причинив при этом минимальный ущерб -

разбили чашку и тарелку, на которых до этого уже были трещины, выплеснули серебряную ложку вместе с мыльной водой из задних дверей (вольность, никогда не допускавшаяся в кирпичном доме) и вылили в раковину кофейную гущу. Все свидетельства преступления были убраны Ребеккой, и, исправив все, что только можно было исправить, трое вошли в гостиную, где к тому времени уже появились мистер и миссис Кобб и дьякон Милликен с супругой.

Какой это был приятный вечер! Время от времени собеседники оставляли в покое безрассудного и слепого язычника, бьющего поклоны перед идолом, не надолго, а так только, чтобы дать себе (и ему) перевести дух, и тогда Берчи рассказывали необычные и прекрасные истории, а их дочери пели дуэтом. Ребекка в ответ на настоятельные просьбы миссис Берч села за старое дребезжащее фортепьяно и исполнила с замечательным чувством песню об индейской девушке, прекрасной Алфарате.

В восемь часов Ребекка приблизилась к тете Миранде и вручила ей веер якобы для того, чтобы та могла прикрыть глаза от света лампы, но на самом деле это был стратегический маневр, давший ей возможность шепнуть:

- Как насчет печенья?

- Ты думаешь, есть смысл? - с присвистом прошипела в ответ Миранда.

- Перкинсы всегда так делают.

- Хорошо. Ты знаешь, где оно.

Ребекка бесшумно направилась к двери, но маленькие гости ринулись за ней, словно не могли вынести и секундной разлуки. Через пять минут они вернулись: младшие несли тарелки с тонкими тминными вафлями, на изготовлении которых специализировалась мисс Джейн, - сердечки, ромбы и кружочки, обсыпанные сахаром и семечками тмина, который рос в саду позади дома, а Ребекка держала в руках поднос с шестью малюсенькими хрустальными стаканчиками, наполненными вином из одуванчиков, изготовлением которого славилась в прошедшие годы мисс Миранда. Старый дьякон Сойер всегда угощал посетителей этим вином и сам купил эти стаканчики в Бостоне. Миранда очень их любила, не за красоту, а за то, что в них так мало входило; до их появления вино из одуванчиков подавалось в стаканах для хереса.

Как только это угощение - - обычно называемое в Риверборо "закуской" - было весьма благовоспитанно отведано, Ребекка взглянула на часы, поднялась со своего стула в детском углу и весело объявила:

- Маленьким миссионерам пора в постель!

Все засмеялись - особенно большие миссионеры, - а маленькие попрощались и исчезли вместе с Ребеккой.

Глава 20 Перемена во взглядах

- Ваша племянница - самая замечательная девочка из всех, каких я видел за многие годы, - сказал мистер Берч, когда дверь за детьми закрылась.

- Пожалуй, она стала довольно сообразительной в последнее время, только очень беспечна, - ответила Миранда, - и слишком уж живая.

- Мы должны помнить, что именно недостаток, а не избыток энергии создает самые большие неприятности на свете, - возразил мистер Берч.

- Из нее мог бы выйти замечательный миссионер, - сказала миссис Берч, - с ее голосом, ее обаянием, ее даром речи.

- Если бы меня спросили, на какую из двух ролей она больше годится, я сказала бы, что язычница из нее вышла бы лучше, - заметила Миранда грубовато.

- Моя сестра против того, чтобы чрезмерно хвалить детей, - торопливо вставила Джейн, бросив взгляд на миссис Берч, которая, казалось, была возмущена и уже открыла было рот, чтобы спросить, неужели Ребекка не принадлежит к церкви.

Миссис Кобб весь вечер ждала и боялась этого вопроса и похвал ее любимице в

связи с произнесенной ею на собрании молитвой. Она мгновенно и совершенно нелогично прониклась неприязнью к преподобному мистеру Берчу, когда он обратился на собрании к Ребекке с просьбой сказать молитву. Миссис Кобб видела мертвенную бледность, покрывшую лицо девочки, ее затравленный взгляд, а затем Дрожание ресниц на щеках и почувствовала всю тяжесть испытания, через которое той пришлось пройти. Ее предубеждение против священника несколько ослабло под влиянием его приятной беседы и наружности, но, почувствовав, что миссис Берч собирается затронуть опасную тему, она торопливо спросила ее, сколько раз нужно делать пересадку на пути из Риверборо в Сирию. Вопрос был не совсем уместен, но цель была достигнута.

Тем временем дьякон Милликен говорил, обращаясь к мисс Миранде:

- Знаете, кого напоминает мне Ребекка?

- Догадываюсь, - ответила она сухо.

- Значит, вы тоже заметили. Сначала я думал, судя по тому, как похожа она внешне на своего отца, что она вся в него. Но это не так - она очень напоминает вашего отца, дьякона Сойера.

- С чего вы это взяли? - сказала Миранда, совершенно изумленная.

- Это бросилось мне в глаза сегодня на собрании, когда она поднялась, чтобы передать ваше приглашение. Это было, пожалуй, любопытное совпадение, но она сидела на том самом месте, где обычно сидел во время собраний он. И потом, вы помните эту его манеру приподнимать подбородок и немного откидывать назад голову, когда он вставал, чтобы сказать что-нибудь? Так вот, она сделала тот же самый жест, и не я один говорил об этом после собрания.

Посетители ушли около девяти вечера, и в этот час (до невозможности поздний для кирпичного дома) семья удалилась на покой. Ребекка со свечой в руках провожала вверх миссис Берч и, оказавшись таким образом на минуту наедине с ней, робко сказала:

- Пожалуйста, передайте мистеру Берчу, что я не член церкви. Я не знала, что делать, когда он попросил меня помолиться сегодня на собрании. У меня не хватило смелости сказать, что я никогда не молилась вслух и не знаю, как это делается. У меня не было времени подумать, и я была так испугана, мне хотелось провалиться сквозь землю. Наверное, это было дерзостью и дурным поступком - молиться перед всеми старыми членами церкви и делать вид, что я лучше, чем на самом деле. Но, с другой стороны. Бог, вероятно, мог подумать, что я очень нехорошая, раз не хочу прочесть молитву, когда об этом меня просит священник?

Пламя свечи озарило пылающее румянцем, выразительное лицо Ребекки. Миссис Берч наклонилась и поцеловала ее.

- Не тревожься, - сказала она. - Я скажу мистеру Берчу, и Бог, я думаю, тоже все поймет.

Когда на следующее утро Ребекка проснулась, еще не было шести. Предстояло столько хлопот, что спать было невозможно. Она подошла к окну и выглянула во двор: было еще темно, а день обещал быть на редкость холодным и ветреным. "Тетя Джейн сказала вчера, что встанет в половине седьмого и приготовит завтрак к половине восьмого, - подумала она. - Но они обе простужены, а тетя Миранда будет нервничать из-за того, что столько народу в доме. Попроюсь-ка я в кухню и начну готовить завтрак сама. Это будет для них приятной неожиданностью".

Она надела ватный халат и домашние туфли, тихонько прокралась вниз по запретной парадной лестнице, осторожно закрыла за собой дверь кухни, чтобы никакой шум не разбудил остальных в доме, и полчаса занималась обычной утренней работой, которую так хорошо знала, а затем вернулась в свою комнату, чтобы одеться, перед тем как разбудить детей.

Вопреки ожиданиям, тете Джейн, которая накануне вечером чувствовала себя лучше, чем сестра, ночью стало хуже, и утром она была не в состоянии встать с постели. Миранда ворчала не переставая все время, пока совершала свой торопливый туалет,

возлагая на весь свет вину за те несчастья, какие она перенесла и какие ей предстоит перенести в этот день. Она даже обрушилась с критикой на миссионерский совет за то, что он направил Берчей в Сирию, и сообщила, что, по ее беспристрастному мнению, тем, кто едет в чужие земли с целью спасти язычников, следовало бы оставаться там, а не слоняться без дела по свету с кучей ребятишек, посещая людей, которые не желают принимать их у себя и никогда не приглашали.

Джейн, огорченная и обеспокоенная, лежала в постели с жаром и головной болью, с тревогой думая о том, как сумеет сестра справиться без нее.

Миранда прошаркала через столовую, на ходу повязывая голову платком из страха перед сквозняками. Она намеревалась развести огонь и затем позвать вниз Ребекку, заставить ее работать и попутно сообщить несколько прописных истин относительно того, как правильно представлять семью на собраниях миссионерского общества.

Она открыла дверь кухни и остановилась в изумлении, озираясь и спрашивая себя, не забрела ли она по ошибке в чужой дом.

Шторы были подняты, в плите гудел огонь, чайник пел и булькал, выпуская клубы пара, а в его внушительных размеров носик была вставлена половинка листика почтовой бумаги с нацарапанным "Поклон от Ребекки". Вода в кофейнике кипела, чашка с отмеренным молотым кофе и тарелка с битой яичной скорлупой²⁷ стояли рядом. На деревянном подносе лежали холодный вареный картофель и кусок солонины, а на ручку ножа была нацеплена вторая записка со словами "Привет от Ребекки". Черный и белый хлеб были выложены на стол, а также подставка для гренок и пончики, с молока сняты пенки, и масло принесено из молочни.

Миранда стянула с головы платок и упала в кресло, чуть слышно восклицая:

- Второго такого ребенка не сыщешь! Клянусь, она целиком Сойер!

И хозяева, и гости показали себя с лучшей стороны и замечательно провели день и вечер, и даже у Джейн хватило благоразумия поправиться, вместо того чтобы почувствовать себя хуже и портить общую радость. Берчи уезжали, выражая искренние сожаления, а "маленькие миссионеры" утопали в слезах и клялись Ребекке в вечной дружбе. Прощаясь, она вручила им стихотворение, сочиненное ею перед завтраком.

К МЭРИ И МАРТЕ БЕРЧ

Нет, не средь льдов гренландских,

Не в Африки песках,

Вы родились на чудных

Сирийских берегах.

Там ярко солнце светит,

Полно все красоты,

И вы росли там, дети,

Как южные цветы.

Жить можно б без печали,

Но есть одна беда:

О Боге не слышали

Там люди никогда.

И нужно поскорей нам,

За совесть, не за страх,

Помочь миссионерам

В их праведных трудах.

Ребекка Ровена Рэндл

Легко догадаться, что визит миссионеров в Риверборо не остался без довольно далеко идущих последствий. Сами мистер и миссис Берч вспоминали о нем как об одном

²⁷ Битую яичную скорлупу использовали для быстрого осаждения кофейной гущи.

из наиболее приятных событий их полугодового пребывания на родине. Для жителей Риверборо он послужил темой очень оживленных дискуссий, с доводами, опровержениями, предположениями, убеждениями, воспоминаниями и пророчествами. Дьякон Милликен пожертвовал десять долларов на обращение сирийцев в конгрегационализм²⁸, и миссис Милликен даже захворала ненадолго из-за такой необдуманной щедрости своего мужа.

Было бы приятно утверждать, что начиная с этого дня Миранда Сойер стала совершенно другой женщиной, но этого не случилось. Дерево, которое росло криво двадцать лет, нельзя выпрямить в мгновение ока. Не подлежит, впрочем, сомнению, что хотя внешняя перемена была незначительна, она тем не менее существовала, и Миранда была менее сурова в своем отношении к Ребекке, менее критична в своих суждениях о ней и питала больше надежд на то, что та в конце концов получит спасение души. Причиной тому главным образом было неожиданно открывшееся ей обстоятельство: Ребекка все же унаследовала кое-что и от Сойеров, вместо того чтобы принадлежать умом, телом и душой к презираемой породе Рэндлов. Все, что было интересного в Ребекке, все, что свидетельствовало о силе, способности или таланте, впоследствии проявившихся в ней, Миранда приписывала воспитанию, полученному в кирпичном доме, и это наполняло ее честной гордостью - гордостью мастера своего дела, который добился успеха, несмотря на то что исходный материал совершенно не позволял надеяться на хорошие результаты. Но никогда, до самого конца, даже тогда, когда с угасающими телесными силами ослабла ее железная хватка и способность сдерживать свои чувства, никогда, ни разу не проявила она открыто эту гордость и ничем не обнаружила своей любви.

Бедный, пришедшийся не к месту Лоренцо де Медичи Рэндл, чьи способности принижались, кого знакомые считали смешным и никчемным из-за того, что он ничем не походил на них! Но если бы Риверборо вдруг влилось в более широкое общество, с более разнообразными и гибкими воззрениями, он был бы, возможно, единственным из всех, кто привлек бы к себе хоть какое-то внимание. К счастью для его дочери, она была наделена и некоторыми практическими талантами благодаря семье матери, но даже если бы Лоренцо никогда в жизни не сделал ничего другого, он мог бы поставить себе в заслугу то, что помешал Ребекке стать "целиком Сойер". Каким бы полным и абсолютным неудачником он ни был, он сумел щедро передать ей все, что было в нем лучшего, и осмотрительно воздержаться от передачи того, что не имело никакой ценности. Немногие отцы способны провести такое тонкое различие.

Кирпичный дом отнюдь не превратился немедленно в придорожную гостиницу, место невинных развлечений и радостного гостеприимства, но посещение его миссионерами было началом перемен: Миранда позволила держать одну кровать застеленной "на всякий случай", а хрустальные стаканчики переместились в буфете с самой верхней полки на вторую сверху. До этого Ребекке пришлось встать на стул, чтобы достать их, но теперь она могла сделать это просто потянувшись, что было очень символично - точно так же, сама о том не зная, взбиралась она на стены догматизма и предубеждения мисс Миранды.

Миранда заявила даже, что не возражала бы против того, чтобы Берчи заезжали иногда ненадолго, но побоялась, что они распространят за границей известие о своем визите, и тогда миссионерские семейства будут вертеться в доме круглый год. В качестве подходящего примера она приводила тот общеизвестный факт, что если бродяга получит хорошее угощение у чьей-либо задней двери, он непременно оставит там какой-нибудь знак, чтобы другие бродяги знали, что, вполне вероятно, их ждет там такой же прием.

Можно предположить, что есть какая-то доля истины в этой непритязательной иллюстрации, и страх мисс Миранды перед грозившими ей тяжелыми обязанностями

²⁸ Форма церковной организации, при которой каждая местная церковь действует независимо, поддерживая отношения на равных с другими подобными церквями.

имел под собой некоторые основания, хотя и не совсем того рода, который она имела в виду. Душа приобретает самые прекрасные привычки так же легко, как и самые отвратительные, и как только жизнь начинает расцветать красивыми словами и делами, в тот же момент устанавливается новый образец поведения, он признается всеми, и ваши соседи с нетерпением ожидают от вас непрерывного проявления оптимизма, сочувствия, находчивости, духа товарищества или вдохновения, на которые вы однажды показали себя способным.

Описать воздействие визита Берчей на Ребекку непросто. Тем не менее когда она, умудренная опытом последующих лет, оглядывалась на него, то чувствовала, что минута, когда мистер Берч обратился к ней с просьбой "сказать молитву", стала переломным моментом в ее жизни.

Если вы когда-нибудь замечали, каким любезным, обходительным, благовоспитанным чувствуете себя, надев красивую новую одежду; если когда-нибудь ощущали, как благоговение охватывает вас, стоит закрыть глаза, сложить руки и склонить голову; если вы когда-нибудь наблюдали, как чувство отвращения к ближнему постепенно слабеет под влиянием ежедневного упражнения в вежливости - тогда вы можете понять, каким образом усвоение внешнего, видимого признака оказывает некоторое странное воздействие на формирование внутреннего, духовного состояния, о котором свидетельствует этот признак.

Только когда человек становится старым и мрачным, душа тяжелеет и отказывается подняться. Юная душа всегда крылата, легкое дуновение побуждает ее взлететь. Ребекку попросили засвидетельствовать то состояние души, или чувство, о существовании которого она имела лишь самое смутное представление. Она повиновалась, и по мере того, как она произносила слова, они становились истиной - по мере того как она выражала желания, они превращались в нечто реальное.

Как "стаи голубей, что дом завидели родной", дух ее воспарил к великому свету, сначала лишь смутно различаемому, но становившемуся все ярче по мере того, как она приближалась к нему. Почувствовать свое единство с Божественным сердцем, прежде чем возникло ощущение какой-либо разобщенности, - это, несомненно, самый прекрасный путь к Богу для любого ребенка.

Глава 21 Горизонты раздвигаются

Время, которого так долго и с нетерпением ожидали, наступило, и Ребекка стала ученицей семинарии в Уэйрхеме. Те, кто наслаждался светской суетой и прелестями иноземных дворов или свободно вращался в интеллектуальных кругах крупнейших университетов, возможно, не сочли бы Уэйрхем чем-то из ряда вон выходящим. Но для Ребекки Уэйрхем был таким же продвижением вперед по сравнению с Риверборо, каким эта деревня была по сравнению с фермой на Солнечном Ручье. Намерением Ребекки было пройти четырехгодичный курс за три года, так как все заинтересованные стороны полагали, что по достижении зрелого семнадцатилетнего возраста она должна быть в состоянии заработать себе на жизнь и помочь получить образование младшим детям. Пока она размышляла, как успешно осуществить этот план, некоторые другие девочки обдумывали, как бы им провести без дела эти четыре года и прийти к концу обучения, зная не больше, чем в начале. Это казалось трудной, почти невыполнимой задачей, которая, однако, могла быть решена и вполне благополучно решалась даже и не в таких скромных и маленьких учебных заведениях, как в Уэйрхеме.

Ребекке предстояло ездить на поездах из Риверборо в Уэйрхем и обратно с сентября и до самого Рождества, а затем три самых холодных месяца жить в пансионе в Уэйрхеме. Родители Эммы-Джейн всегда считали, что год или два, проведенные в средней школе в Эджвуде (в трех милях от Риверборо), во всех отношениях подойдут их дочери и позволят ей вступить в жизнь с тем великолепием интеллектуального лоска, какой она

только может выдержать. До сих пор Эмма-Джейн всей душой разделяла это мнение, ибо если было на свете что-то, к чему она питала отвращение, так это к учебе. Все книги были одинаково плохи, на ее взгляд, и она могла бы наблюдать, как глубины океана поглощают все библиотеки мира, и одновременно с аппетитом обедать. Однако все стало выглядеть иначе, когда ее послали в Эджвуд, а Ребекку - в Уэйрхем. Она терпела неделю - семь бесконечных дней вдали от предмета своего обожания, который могла видеть только по вечерам, когда обеим нужно было учить уроки. В воскресенье представилась удобная возможность изложить дело отцу. Но тот проявил черствость, ибо не был убежден в необходимости образования и считал, что дочь уже вполне образованна. Он не собирался навсегда становиться кузнецом, когда сдал в аренду свою ферму и переехал в Риверборо, и теперь предложил вернуться на нее к тому времени, когда Эмма-Джейн кончит учиться и будет готова помогать матери заниматься их молочней.

Прошла еще неделя. Эмма-Джейн явно изнывала и роптала вслух. Румянец ее поблек, аппетит почти сошел на нет.

Ее мать с грустью упоминала о том, что Перкинсы имели обыкновение подхватывать чахотку; что цвет лица дочери всегда казался ей слишком красивым, чтобы быть здоровым; что другие мужчины гордились бы такой честолюбивой дочерью и были бы рады во всем ей способствовать; что она боится, как бы ежедневные поездки в Эджвуд не отразились плохо на ее собственном здоровье, и потому мистеру Перкинсу, вероятно, придется нанять батрака, чтобы возить Эмму-Джейн, и, наконец, что когда у девочки такая жажда знаний, как у Эммы-Джейн, почти злодеяние - перечить ее воле.

Мистер Перкинс выносил все это в течение нескольких дней, пока не оказались ощутимо затронуты его настроение, аппетит и пищеварение. Тогда он примирился с неизбежным, и Эмма-Джейн устремилась в Уэйрхем, как освобожденный пленник к любимому приюту. Решимость ее не уменьшилась даже несмотря на то, что, прежде чем вступить под сень академических рощ, ей пришлось пройти через ужасающие испытания. Она успешно сдала экзамены только по двум предметам, но с радостью отправилась на подготовительное отделение со своими пятью "условно" с намерением позволить потоку образования легко играть на поверхности ее ума, не проникая внутрь глубже, чем это совершенно неизбежно. Невозможно игнорировать ту истину, что Эмма-Джейн была туповата, но упорная, непоколебимая верность и способность к преданной, бескорыстной любви - это, в конце концов, тоже таланты и, очевидно, представляют в жизни такую же ценность, как и чувство ритма или способность к языкам.

Уэйрхем был красивым городком с широкой и тенистой главной улицей, обсаженной большими кленами и вязами. Там были заведения аптекаря, кузнеца, паяльщика, несколько магазинов, две церкви и множество пансионатов, но все интересы городка сосредоточивались вокруг семинарии и академии. Эти научные центры были не лучше и не хуже других такого же рода, где заметное различие в уровне и эффективности обучения зависело от того, случалось ли ректору быть человеком, обладающим энергией и вдохновением, или наоборот. Здесь учились мальчики и девочки со всех концов округа и штата, и были они самыми разными по происхождению, общественному положению, степени богатства или бедности. Уэйрхем предоставлял немало возможностей для самых глупых и опрометчивых поступков, но в целом пользовались ими на удивление редко. Среди учащихся третьего и четвертого курсов были случаи, когда парочки шли пешком на поезд или с поезда или когда представители сильного пола несли тяжелые книжки своих соучениц по дороге, ведущей на холм, так же как и редкие случаи возмущения всеобщего спокойствия беспечными и скороспелыми девицами, одной из которых была Хальда Мизерв. Она была довольно дружна с Эммой-Джейн и Ребеккой, но становилась с течением времени все менее и менее близка им. Хальда была чрезвычайно красива, с буйными каштановыми волосами и несколькими совсем крошечными веснушками, о которых она постоянно упоминала, так как никто не мог обнаружить их, не заметив попутно ее напоминающей фарфор кожи и длинных загнутых ресниц. У нее были

веселые глаза, красивая, но, пожалуй, слишком полная для ее лет фигура и очаровательные, по всеобщему мнению, манеры. Риверборо был беден кавалерами, и потому она намеревалась провести свои четыре года в Уэйрхеме так весело, как только позволят обстоятельства. Развлечения она представляла себе как вечно меняющийся круг обожателей, которые были у нее на побегушках, и чем более публично, тем лучше, а также как постоянные шутки, смех и веселую болтовню, красноречивость и действенность которой обеспечивались с помощью лукавых и выразительных взглядов. Она имела обыкновение признаваться другим, пользуясь меньшим успехом, девочкам в своих победах и сокрушаться по поводу тех непрерывных опустошений, которые производила в сердцах и в которых, по ее клятвенным заверениям, была - если речь идет о намерениях - не виновата ни сном ни духом. Подобного рода поведение легко разрушает обыкновенную дружбу, и вскоре, отправляясь из Риверборо в Уэйрхем или из Уэйрхема в Риверборо, Ребекка и Эмма-Джейн сидели в одном конце поезда, а Хальда со своей свитой - в другом. Иногда эта свита была невыразимо великолепна и включала какого-нибудь юного Монте-Кристо, тратившего по пятницам тридцать центов на билет туда и обратно и ехавшего из Уэйрхема в Риверборо лишь для того, чтобы побыть рядом с Хальдой; иногда же круг поклонников сокращался до заурядного мальчика-попутчика, который, казалось, вполне устраивал ее за неимением другой добычи.

Для Ребекки, что вполне естественно в таком возрасте, мальчики были хорошими товарищами, но не более того. Ей нравилось учиться вместе с ними, но от вульгарного флирта она была надежно защищена своими идеалами. В мальчиках, которых она встречала до сих пор, было мало такого, что могло пробудить ее воображение, ибо оно обычно находило для себя гораздо лучшую пищу. Школьные романы Хальды, изобилующие банальностями, были не из того материала, из которого были мечты Ребекки, когда мечтам случалось оставлять свой трепетный след на чувствительной фотопластинке ее ума.

Среди преподавателей и преподавательниц уэйрхемской семинарии была одна, оказавшая глубокое влияние на Ребекку, - мисс Эмили Максвелл, которая вела занятия по английскому языку и литературе. Мисс Максвелл, племянница одного из бывших губернаторов штата Мэн и дочь одного из профессоров Боудойнского колледжа, была в высшей степени замечательной личностью, и то, что годы ее преподавательской работы в Уэйрхеме пришлось как раз на время пребывания там Ребекки, было счастливейшей из всех случайностей. Близкие отношения между ними установились сразу и без всяких колебаний. Сердце Ребекки полетело, как стрела к своей цели, а ум ее, встретив превосходящий его по качествам, сразу занял прочную позицию почтительного преклонения.

Ходили слухи, что мисс Максвелл "пишет". Это слово, когда его произносили определенным тоном, означало не то, что человек обладает каким-либо стилем, но что его произведения появлялись в печати.

- Она тебе понравится. Она пишет, - шепнула Хальда Ребекке во время молитвы в первое утро занятий, когда расположившиеся на передних сиденьях преподаватели образовали внушительный ряд. - Она пишет; и я считаю ее воображалой.

Никто, однако, не располагал точными сведениями, которые могли бы удовлетворить жадный ум, хотя говорили, что существует по крайней мере один человек, который собственными глазами видел очерк, принадлежащий перу мисс Максвелл, в каком-то журнале. Столь выдающиеся достижения мисс Максвелл заставляли Ребекку несколько робеть перед ней, но взглядом она неизменно выражала свое восхищение - нечто, совершенно невозможное для большинства учеников класса при тех несовершенных органах зрения, какими наделила их мать-природа. Любой бегло брошенный взгляд мисс Максвелл всегда встречали нетерпеливые темные глаза, и всякий раз, когда она говорила что-нибудь замечательное, ее взоры в поисках одобрения обращались к тому концу второй скамьи, где каждый оттенок чувства, которое она желала

пробудить в своих слушателях, отражался на некоем выразительном лице.

Однажды, когда в классе обсуждалась тема предстоящего первого сочинения, мисс Максвелл попросила каждого нового ученика принести ей несколько сочинений, написанных в предыдущем году, с тем чтобы она могла оценить их работы и точно знать, каков уровень их подготовки. Ребекка задержалась, после того как остальные ушли, и робко приблизилась к столу учительницы.

- У меня нет с собой никаких сочинений, мисс Максвелл, но я могу найти их, когда поеду домой в пятницу. Они лежат в ящике на чердаке.

- Аккуратно перевязанные розовыми и голубыми ленточками? - с лукавой улыбкой спросила мисс Максвелл.

- Нет. - Ребекка решительно покачала головой. - Я хотела бы взять для этого ленточки, потому что все остальные девочки так делают и это очень красиво. Но я обычно перевязывала свои сочинения бечевкой, нарочно, а одно, на тему "Одиночество", даже перевязала старым шнурком от ботинок, чтобы было ясно, что я о нем думаю.

- "Одиночество"! - засмеялась мисс Максвелл, удивленно приподняв брови. - Вы сами выбирали темы для своих сочинений?

- Нет. Мисс Дирборн считала, что мы еще маленькие, чтобы самим выбрать хорошую тему.

- Какие же другие темы она предлагала?

- "Мечты у камина", "Грант как воин"²⁹, "Размышления о жизни П. Т. Барнума"³⁰, "Разрушенные города", других уже не помню. Все мои сочинения были плохи, и мне неприятно их показывать; у меня легче и лучше получаются стихи.

- Стихи! Мисс Дирборн требовала от вас писать стихи?

- О нет. Просто я всегда их писала, даже на ферме. Может быть, принести вам все, что у меня есть? Их не очень много.

Вечером того же дня Ребекка взяла толстую тетрадь, в которую записывала свои душевные излияния, и отправилась к мисс Максвелл. Она надеялась, что ее, возможно, пригласят зайти и состоится личная беседа, но на звонок вышла служанка, и, оставив ей свою тетрадь, Ребекка ушла разочарованная.

Несколько дней спустя, увидев знакомую черную обложку на столе мисс Максвелл, она поняла, что ужасный момент критического разбора ее творений приближается, и не удивилась, когда ее попросили остаться после занятий.

В комнате было тихо; красные листья кленов шелестели на легком ветру и влетали в открытое окно, принося первые приветы осени. Мисс Максвелл подошла и села рядом с Ребеккой.

- По-твоему, это хорошие стихи? - спросила она, возвращая тетрадь.

- Не очень, - призналась Ребекка, - но трудно судить самой. Перкинсы и Коббы всегда говорили, что стихи чудесные, но когда миссис Кобб сказала мне, что, на ее взгляд, они лучше, чем у Лонгфелло³¹, я забеспокоилась, так как знала, что такого быть не может.

Этот чистосердечный ответ подтвердил представление мисс Максвелл о Ребекке как о девочке, которая может выслушать правду и извлечь из этого пользу.

- Так вот, дитя мое, - сказала она, улыбаясь, - твои друзья ошибались, а ты была права. Если подвергнуть твои стихи надлежащему анализу, они довольно плохи.

- Значит, я должна бросить всякую надежду стать когда-нибудь писательницей! - вздохнула Ребекка. Она пила горькую чашу и с испугом думала, сможет ли удержаться

²⁹ У. С. Грант (1822 - 1885) - американский генерал, восемнадцатый президент США.

³⁰ П. Т. Барнум (1810 - 1891) - известный американский организатор публичных зрелищ и развлечений.

³¹ Г. Лонгфелло (1807 - 1882) - знаменитый американский поэт.

от слез, пока не кончится беседа.

- Не торопись, - перебила ее мисс Максвелл. - Хотя твои произведения и не могут считаться настоящей поэзией, они показывают, что в будущем можно надеяться на успех. Ты почти нигде не ошибаешься в том, что касается рифмы или размера, и это свидетельствует, что у тебя есть природное чувство - "чувство формы", как сказали бы поэты. Я думаю, что когда ты станешь старше, приобретешь больше опыта - иными словами, когда у тебя появится, что сказать, - ты, возможно, станешь писать очень хорошие стихи. Поэзия требует знаний, проницательности, опыта и воображения. Первых трех достоинств у тебя еще нет, но, на мой взгляд, есть признаки последнего.

- И я не должна никогда больше пытаться писать стихи, даже для собственного развлечения?

- Конечно, ты можешь сочинять стихи, и это только поможет тебе лучше писать прозой. Теперь поговорим о первом сочинении. Я собираюсь предложить всем новым студентам написать письмо, в котором содержались бы их впечатления от Уэйрхема и краткий очерк школьной жизни.

- Я должна быть сама собой? - спросила Ребекка.

- Что ты имеешь в виду?

- Письмо Ребекки Рэндл ее сестре Ханне на ферму Солнечный Ручей или ее тете Джейн в кирпичный дом в Риверборо - это так скучно и глупо, если это настоящее письмо. Вот если бы я могла предположить, что я не я, а совсем другая девочка и пишу кому-нибудь, кто непременно поймет все, что бы я ни написала, тогда у меня вышло бы гораздо лучше.

- Очень хорошо. Я думаю, это замечательная идея, - сказала мисс Максвелл. - И кем же ты предполагаешь сделать себя?

- Мне очень нравятся наследницы, - сказала Ребекка задумчиво. - Конечно, я никогда ни одной не видела, но с наследницами всегда случается что-нибудь интересное, особенно с теми, у которых золотистые волосы. Моя наследница не была бы тщеславной и надменной, как плохие сестры в "Золушке", она была бы благородной и щедрой. Она бросила великолепную школу в Бостоне, потому что захотела приехать сюда, в те места, где жил в детстве ее отец, задолго до того как разбогател. Сейчас ее отец уже умер, но у нее есть опекун, милейший и добрейший человек на свете. Он, конечно, довольно старый и часто бывает молчалив и серьезен, но иногда, когда счастлив, любит пошутить и посмеяться, и тогда Эвелина не боится его. Да, девочку зовут Эвелина Эберкромби, а ее опекуна - мистер Адам Ладд.

- Ты знаешь мистера Ладда? - с удивлением спросила мисс Максвелл.

- Да, он мой лучший друг! - воскликнула Ребекка с восторгом. - Вы тоже его знаете?

- О да. Он один из попечителей учебных заведений Уэйрхема и часто сюда приезжает. Но если я позволю тебе "предполагать" и дальше, ты расскажешь мне все свое письмо, и тогда для меня пропадет прелесть сюрприза.

Что думала Ребекка о мисс Максвелл, мы уже знаем; о том, как относилась учительница к ученице, можно сделать вывод из следующего письма, написанного два или три месяца спустя.

Уэйрхем,

1 декабря

Дорогой отец!

Как тебе хорошо известно, я никогда не была в восторге от преподавательской работы. Пичкать знаниями самодовольных и тупых подростков обоего пола - задача, порой приводящая меня в совершенное уныние. И чем глупее они, тем меньше это сознают. Если бы я учила их географии или математике, то, возможно, чувствовала бы иногда, что чего-то достигаю, так как в этих отраслях знания усердие и трудолюбие творят чудеса. Но преподаватель такого предмета, как английский язык и литература, ищет в учениках интеллекта, тонкости восприятия, воображения. Из месяца в месяц я прилежно

тружусь, открывая устрицу за устрицей, и так редко нахожу жемчужину. Вообрази же мою радость, когда в этом семестре, даже не приложив никаких отчаянных усилий, чтобы открыть раковину, я наткнулась на редкостную жемчужину - черную, но с атласной поверхностью и прекрасным блеском! Ее имя - Ребекка, и она очень похожа на Ревекку у источника на картинке в нашей семейной Библии. У нее такие темные глаза и волосы, что можно заподозрить в ней примесь итальянской или испанской крови. Она ничем особенно не выделяется. Человек ничего не сделал для нее: у нее нет ни семьи, о которой стоило бы упоминать, ни денег, ни образования, заслуживающего этого названия, - никаких благоприятных обстоятельств, но мать-природа вмешалась, пришла на помощь и сказала:

*Дитя, прелестнейший цветок!
Счастливой быть тебе уж срок!
Избранница моя!*

Непревзойденный Вордсворт! Какая глубина мысли! А эта жемчужина до сих пор даже не слышала о нем! Представь, ты читаешь "Люси"³² вслух целому классу и, когда кончаешь, видишь лицо четырнадцатилетней девочки с губами, дрожащими от восторга, и полными слез, понимающими глазами!

Мой бедный друг! Ты тоже знаешь, каким обескураженным чувствует себя тот, кто сеет прекрасные семена в каменистую почву, в песок, в воду или (так иногда кажется) просто в грязь, зная, что если что-либо и взойдет, то будет это жалкий росток. Вообрази же, как радостно найти настоящий ум - уронить семя в почву, такую теплую, такую плодородную, что знаешь - здесь непременно будет и листва, и цветы, и плоды - все в срок! Я только не хотела бы быть такой нетерпеливой, так жадно стремиться к результатам. Я не гожусь в учителя, да и никто из тех, что так презируют тупость, как я... Жемчужина пишет странные, в деревенской манере, стихи - довольно скверные, но, так или иначе, она всегда ухитряется вставить одну строчку, одну мысль, один образ, который говорит о том, что, сама того не зная, она владеет секретом... До свидания. Как-нибудь в пятницу я привезу Ребекку с собой к нам, и тогда ты и мама сможете сами увидеть ее.

Твоя любящая дочь
Эмили

Глава 22 Цветы клевера и подсолнухи

- Привет, девочки, - сказала Хальда Мизерв, заглядывая в дверь. - Может быть, отложите уроки на минуточку и покажете мне вашу комнату? Слушайте, я только что была в магазине и купила эти перчатки. Я решила, что не буду носить варежки этой зимой, а то это ну просто ужасно по-деревенски. Вы здесь первый год, и к тому же младше меня, так что вам, наверное, все равно, но я ну просто страдаю, если хоть немного не придерживаюсь моды. Слушайте, какая прелесть ваша комната, ну просто не хватает слов! Ни одна другая с ней не сравнится, я уверена! Не знаю, что придает ей такой ну просто великолепный вид - то ли пышные занавески, то ли эта изящная ширма, то ли лампа Ребекки, - но хорошо устроиться вы точно умеете. Я тоже люблю, чтобы в моей комнате было красиво, но у меня нет и минуты свободной, чтобы об этом позаботиться. Я всегда так занята моими нарядами, что кровать часто стоит незастеленной до полудня. Впрочем, если в гости заходят только девочки, это не имеет большого значения. Как только кончу учиться, непременно займусь парадной гостиной в нашем доме - сделаю ее ну просто королевской. Я уже выучилась декалькомании³³, а когда освою еще и роспись

³² "Люси" - стихотворение Вордсворта (см. сноску к с. 14).

³³ Изготовление переводных изображений на бумаге, дереве, ткани, металле, фарфоре.

стекла, я устрою гостиную ну просто по всем правилам - с портьерами и салфеточками на мебели, и декоративными тарелками на стенах, и подушечками на диванах - и добьюсь от мамы, чтобы она позволила мне каждый вечер зажигать там камин и принимать моих друзей. Можно, я посушу ноги у вашей печки? Я терпеть не могу носить галоши и надеваю их, только если грязь ну просто по колено. В галошах ноги кажутся такими ужасно большими. Мне пришлось немало поволноваться, прежде чем я получила эту пару ботинок с французскими каблуками, и я не собираюсь портить их вид галошами чаще, чем это совершенно неизбежно. Я думаю, мальчики замечают ножки быстрее, чем что-либо другое. Элмер Уэбстер наступил мне вчера на ногу, когда я случайно выставила ее в проход между рядами, и когда он извинялся после занятий, то сказал, что не так уж сильно виноват, потому что ножка такая маленькая, что, право же, трудно ее разглядеть! Бесподобно! Конечно, это всего лишь его манера выражаться, потому что я все-таки ношу только второй номер, но из-за французских каблук и острых носков ножка действительно кажется меньше, и обычно говорят, что высокий подъем тоже помогает. Я прежде думала, что мой высокий подъем - почти уродство, но все говорят, что он очень красив. Только поставьте ваши ноги рядом с моей, девочки, и посмотрите, какая разница! Не то чтобы я хотела похвастаться, а просто так, для смеха.

- Моим ногам хорошо и там, где они находятся, - отозвалась Ребекка сухо. - Я не могу отвлекаться на измерение подъемов в дни, когда нужно учить алгебру. Я заметила у тебя привычку выставлять ногу в проход, с тех пор как у тебя появились эти новые ботинки, поэтому меня не удивляет, что на нее наступили.

- Может быть, это потому, что я капельку чувствую их на ноге. Они не то чтобы уж очень удобны, пока их не разносишь. Слушайте, да у вас куча новых вещей!

- Ты, наверное, имеешь в виду наши рождественские подарки, - сказала Эмма-Джейн. - Наволочки - от миссис Кобб, коврик - от кухни Мэри из Северного Риверборо, рабочая корзинка - от Ливинга и Дика. Мы подарили друг другу салфетки на комод и на подушки, а ширма - подарок мне от мистера Ладда.

- О, вам повезло, что вы с ним познакомились. Ах! Хотела бы я тоже встретить кого-нибудь такого! И как он продолжает заваливать вас подарками! Ширма совершенно скрывает твою кровать, правда? А я всегда говорю, что кровать портит вид любой комнаты, особенно когда не застелена. Впрочем, у вас тут альков, единственный во всем здании. Не понимаю, как вам удалось заполучить такую хорошую комнату, когда вы совсем новые ученицы, - закончила она недовольно.

- Мы не получили бы ее, если бы Рут Берри не пришлось неожиданно уехать, когда у нее умер отец. Эта комната освободилась, и мисс Максвелл узнала, что мы можем поселиться здесь, - ответила Эмма-Джейн.

- В этом году великая и несравненная Мак еще надутее и высокомернее, чем прежде, - сказала Хальда. - Я бросила и пытаюсь угодить ей, потому что она никогда не бывает справедливой. Она добра только к своим любимчикам, а ни на кого другого не обращает ни малейшего внимания, если не считать этих ее язвительных замечаний насчет таких вещей, которые ее совершенно не касаются. Я даже хотела сказать ей вчера, что ее дело - учить меня языку, а не хорошим манерам.

- Я не хочу, чтобы ты плохо отзывалась о мисс Максвелл в моем присутствии, - горячо заявила Ребекка. - Ты знаешь мои чувства к ней.

- Знаю, но не могу понять, как ты ее выносишь.

- Я не только выношу, я ее люблю! - воскликнула Ребекка. - Я бы не позволила солнцу печь ее слишком горячо и ветру дуть на нее слишком сильно. Я хотела бы поставить мраморное возвышение в ее классе и посадить ее на бархатный стул за золоченый стол.

- Ну-ну, нечего впадать в ярость. Она может сидеть где хочет, мне все равно. У меня есть кое-что поинтереснее, о чем подумать. - И Хальда вскинула голову.

- Разве ты не должна сейчас учить уроки? - спросила Эмма-Джейн, чтобы предотвратить назревающую ссору.

- Да, но я вчера потеряла мою латинскую грамматику. Я оставила ее в холле на те полчаса, пока у меня было бурное объяснение с Хербертом Даном. Я с ним неделю не разговаривала и вернула ему значок его класса. Он был ну просто в бешенстве. А потом, когда я вернулась в холл, книжки не было. Мне пришлось пойти в город за перчатками и в приемную ректора, чтобы посмотреть, не сдали ли туда книжку. По этому-то случаю я так приоделась.

На Хальде было шерстяное платье, некогда серое, но теперь перекрашенное в ярко-голубой цвет. К своему серому жакету она пришила три ряда белого шнура и большие белые перламутровые пуговицы, чтобы сделать его немного "помоднее". На ее серой фетровой шляпе было белое перо и тонкая белая вуаль с большими черными точками, благодаря которым ее нежная кожа казалась ослепительной. Ребекка подумала о том, как прелестно выглядит узел рыжих волос, торчащий сзади из-под шляпы, и каким тусклым стал цвет челки от постоянного подкручивания ее горячими щипцами. Распахнутый жакет Хальды открывал взору целое созвездие сувениров на ярко-голубом фоне - маленький американский флажок, пуговица Уэйрхемского гребного клуба и один или два значка студенческих обществ. Эти знаки отличия были свидетельством ее популярности, точно так же как котильонные розетки на стенах спальни светской красавицы. Она то расправляла, то сминала свою шаль, то вынимала из нее булавку, то закалывала ее снова, и занималась этим с тех самых пор, как вошла в комнату в надежде, что девочки спросят ее, чье кольцо носит она на руке на этой неделе. Но хотя обе сразу же заметили новое украшение, вопроса из них нельзя было бы вытянуть клещами - слишком уж очевидным было желание Хальды услышать его. Своим ярким оперением, оживленной жестикуляцией, кивками, широкими улыбками и веселой болтовней Хальда весьма напоминала попугая из стихотворения Вордсворта:

*Болтлив, капризен и лукав,
Весельем общим возбужден,
И хочет, всех очаровав,
Добиться восхищенья он.*

- Мистер Моррисон думает, что грамматику вернут, а пока дал мне другую, - продолжила Хальда. - Он, правда, поворчал из-за того, что я оставила книжку в холле. А еще там, в приемной, был потрясающе элегантный джентльмен, незнакомый мне. Хорошо бы, он оказался новым преподавателем, но такого счастья, верно, не дождешься. Он слишком молодой, чтобы быть отцом какой-нибудь ученицы, и слишком старый, чтобы быть братом, но красив - загляденье и одет ужасно модно. Он глаз с меня не сводил все время, пока я была в приемной. Меня это так смущало, что я едва могла отвечать на вопросы мистера Моррисона.

- Скоро тебе придется носить маску, Хальда, чтобы чувствовать себя удобно, - сказала Ребекка. - Он предложил дать тебе значок своего класса или он так давно закончил учебу, что уже перестал его носить? И скажи же нам скорее, попросил ли он у тебя прядь волос, чтобы носить в корпусе своих часов?

Все это было сказано весело и со смехом, но бывали такие моменты, когда Хальде трудно было решить, пытается ли Ребекка острить или просто завидует; обычно она склонялась к тому мнению, что это всего лишь зависть, вполне естественное чувство для девочки, которая привлекает к себе мало внимания.

- У него не было никаких украшений, кроме булавки с камеей в галстук и совершенно великолепного кольца - забавное такое, несколько раз обвивает палец. О Боже, я должна бежать! И куда девался целый час? Это звонок на занятия!

Слушая Хальду, Ребекка наострила уши. Она хорошо помнила подобное странное кольцо, и принадлежало оно единственному человеку в мире (если не считать мисс Максвелл), волновавшему ее воображение, - мистеру Аладдину. Чувства, которые она и Эмма-Джейн питали к нему, были смесью романтического и почтительного восхищения самим этим человеком и живейшей благодарности за его прекрасные подарки. С тех пор как

они впервые встретили его, ни одно Рождество не обходилось без сувениров, присылаемых им обоим, - сувениров, выбранных с редчайшим вкусом и предусмотрительностью. Эмма-Джейн встречала его лишь дважды, но он несколько раз заходил в кирпичный дом, и Ребекка смогла познакомиться с ним ближе. И это именно она всегда писала ответы с выражением признательности и благодарности, всячески стараясь сделать записки Эммы-Джейн совершенно не похожими на свои собственные. Иногда он писал ей из Бостона и спрашивал о новостях Риверборо, и она посылала ему страницы, заполненные забавной ребяческой болтовней, а в двух случаях даже украшенные стихами, которые он читал и перечитывал с безмерным удовольствием. Если незнакомцем, о котором говорила Хальда, был мистер Аладдин, не зайдет ли он повидать их? И смогут ли они с Эммой-Джейн показать ему свою красивую комнату, где на виду столько его подарков?

Когда девочки обосновались в Уэйрхеме в качестве настоящих пансионеров, им показалось, что более радостным существование быть не может. Эта первая зима стала самым спокойным и счастливым периодом школьной жизни Ребекки - зимой, о которой она еще долго вспоминала. Она и Эмма-Джейн поселились в одной комнате и, объединив свое скромное имущество, сделали обстановку приятной и домашней. Начать с того, что в комнате был радостный красный ковер из крашеной пряжи и кленовая мебель. Что же касается остального, Ребекка выдвигала идеи, а Эмма-Джейн предоставляла материалы и труд - разделение обязанностей, как нельзя лучше подходившее к обстоятельствам. Отец миссис Перкинс был владельцем магазина и после смерти оставил своей замужней дочери все запасы товаров, какими располагал. Черной патоки, уксуса и керосина семье хватило на пять лет, а чердак Перкинсов по-прежнему оставался сокровищницей, с залежами хлопчатых тканей и мелочного товара. Так что, вдохновленная Ребеккой, миссис Перкинс сделала пышные занавеси и ламбрекены³⁴ из небеленой кисеи, которую обшила ярко-красными лентами. Были и две такие же скатерти, и каждая из девочек имела свой стол и уголок для учебы. После долгих упрашиваний Ребекке удалось получить позволение перевезти в Уэйрхем ее драгоценную лампу, которая могла сделать роскошными любые апартаменты, а когда к этому были прибавлены последние рождественские подарки мистера Аладдина - японская ширма для Эммы-Джейн и полочка книг английских поэтов для Ребекки, - они объявили, что это так же весело, как выйти замуж и собираться вести свое хозяйство.

День, когда к ним зашла Хальда, был пятницей. По пятницам с трех до половины пятого Ребекка была свободна и могла доставить себе удовольствие, которое предвкушала целую неделю. Она бежала по заснеженной тропинке через сосновый лесок позади семинарии и выходила на тихую улочку, которая вела прямо к большому белому дому, где жила мисс Максвелл. На ее стук отвечала горничная. Ребекка снимала шляпу и плащ, вешала их в передней, аккуратно ставила в угол свои галоши и зонтик - и открывала двери рая. В гостиной мисс Максвелл с двух сторон тянулись полки с книгами, и Ребекке было позволено час или больше сидеть у камина и листать книги сколько душе угодно. Затем мисс Максвелл возвращалась из семинарии, и следовали драгоценные полчаса дружеской беседы, прежде чем Ребекка должна была спешить на станцию, чтобы присоединиться там к Эмме-Джейн и сесть на поезд, идущий в Риверборо, где она проводила каждую субботу и воскресенье и где ее обстирывали, наглаживали, заштопывали, экзаменовали, ободряли и упрекали, предостерегали и снабжали советами в количестве, вполне достаточном на всю следующую неделю.

В эту пятницу она на мгновение опустила лицо в цветущую герань на подставке для цветов, выбрала в одном из книжных шкафов "Ромолу"³⁵ и опустилась на сиденье у

³⁴ Украшения из ткани для дверных и оконных проемов.

³⁵ "Ромола" (1862) - исторический роман Джордж Элиот.

окна со вздохом безмерного удовлетворения. Иногда она все же взглядывала на часы, хорошо помня тот день, когда она настолько увлеклась "Давидом Копперфильдом", что всякая мысль о поезде в Риверборо совсем вылетела у нее из головы. Встревоженная Эмма-Джейн не решилась уехать без нее и прибежала со станции искать ее у мисс Максвелл. Был еще только один вечерний поезд, и шел он до городка, расположенного в трех милях от Риверборо, так что девочки явились, каждая в свой дом, когда уже давно стемнело, после утомительной прогулки в метель.

Ребекка читала уже полчаса, когда, взглянув в окно, увидела две фигуры, которые появились на тропинке, ведущей к дому от леса. Узел ярких волос и кокетливая шляпка могли принадлежать единственной особе, и ее спутником, когда пара приблизилась, оказался не кто иной, как мистер Аладдин. Хальда изящным движением приподнимала юбки и выбирала безопасное место для своих ботинок на высоких каблуках, щеки ее пылали, глаза под черно-белой вуалью сверкали.

Ребекка соскользнула со своего наблюдательного пункта у окна на коврик перед ярким камином и опустила голову на сиденье большого кресла. Она была испугана бурей, поднявшейся в ее душе, той неожиданностью, с которой налетела эта буря, так же как и необычностью совершенно нового чувства. Она вдруг ощутила, что для нее невыносимо уступить свою долю дружбы мистера Аладдина Хальде - Хальде, такой живой, бойкой и хорошенькой, такой веселой и находчивой, такой общительной. Ребекка всегда с радостью соглашалась на то, чтобы Эмма-Джейн была участницей этих дорогих ей, Ребекке, отношений. Но, возможно, сама того не сознавая, она чувствовала, что Эмма-Джейн всегда являлась лишь второстепенным объектом внимания мистера Аладдина. Однако кто была она сама, в конце концов, чтобы надеяться всегда быть первой?

Неожиданно дверь бесшумно отворилась, и кто-то, заглянув в комнату, произнес:

- Мисс Максвелл сказала мне, что я найду здесь мисс Ребекку Рэндел.

Ребекка вздрогнула при звуке этого голоса и, вскочив на ноги, радостно воскликнула:

- Мистер Аладдин! Я знала, что вы в Уэйрхеме, но боялась, что вы не найдете времени, чтобы зайти повидать нас.

- Кого это "нас"? Теток здесь нет, не правда ли? А, ты имеешь в виду дочь богатого кузнеца, чье имя я никак не могу запомнить. Она тоже в Уэйрхеме?

- Да, мы живем с ней в одной комнате, - ответила Ребекка, решив, что прозвучало дурное предзнаменование и для нее самой, если он забыл имя Эммы-Джейн.

Комнату окутывал мягкий сумрак, в камине весело потрескивал огонь, и они долго беседовали, пока прежнее сладкое ощущение дружбы и близкого знакомства не вернулось незаметно в душу Ребекки. Адам не видел ее несколько месяцев и хотел узнать от нее о школьных делах, как они выглядят с ее точки зрения; до этого он уже поинтересовался ее успехами у мистера Моррисона.

- Ну, моя маленькая мисс Ребекка, - сказал он наконец, поднимаясь с кресла. - Мне пора думать о поездке в Портленд. Завтра там состоится собрание директоров железной дороги, и я всегда пользуюсь этим удобным случаем, чтобы посетить здешнюю семинарию и дать свои ценные советы по финансовым и учебным вопросам.

- Как это странно, что вы попечитель, - сказала Ребекка задумчиво. - Почему-то я не могу это совместить.

- Вы на редкость умная юная особа, и я совершенно с вами согласен, - ответил он. - Дело в том, - добавил он серьезно, - что я принял на себя обязанности попечителя в память о моей бедной матери, чьи последние счастливые годы прошли здесь.

- Это, наверное, было очень давно!

- Дай подумать... Мне тридцать два - только тридцать два, хотя кое-где уже седина в волосах. Моя мать вышла замуж через месяц после окончания семинарии, а умерла, когда мне было десять. Да, моя мать была здесь давно, самой семинарии было тогда лет

пятнадцать или двадцать. Хотите взглянуть на мою маму, мисс Ребекка?

Девочка осторожно взяла кожаный футляр и открыла его. Перед ней было простодушное, свежее бело-розовое лицо, такое выразительное, с такой доверчивостью во взгляде, что Ребекка была тронута до глубины души. Она показала себе старой и опытной и смотрела на портрет с чувством, похожим на материнское. Ей сразу же захотелось утешить и поддержать это нежное юное существо.

- О, какое милое, милое, как цветок лицо! - прошептала она.

- Этому цветку пришлось вынести немало бурь, - сказал Адам печально. - Суровая погода этого мира согнула его тонкий стебелек, пригнула к земле его головку. Я был еще ребенком и не мог беречь и лелеять его, и не было никого другого, кто мог бы защитить ее от горя. Теперь я добился успеха, денег, влияния - всего, что могло бы тогда сохранить ее в живых и сделать счастливой, но уже слишком поздно. Она умерла, так как была лишена любви и внимания, нежности и ухода, и я никогда не смогу забыть об этом. Все, чего я добился, порой кажется мне таким ненужным, потому что я не могу разделить это с ней!

Это был новый мистер Аладдин, и сердце Ребекки трепетало сочувствием и пониманием. Теперь она знала, откуда этот усталый взгляд его глаз - взгляд, который он бросал иногда среди веселых речей и смеха.

- Я рада, что теперь знаю о ней, - сказала она, - и рада, что смогла увидеть ее именно такой, какой она была в тот день, когда завязывала под подбородком ленты этой белой шляпки и видела в зеркале свои золотистые локоны и небесно-голубые глаза. Разве не была она счастлива? Как бы я хотела, чтобы она могла остаться такой и дожить до того, чтобы увидеть, каким сильным и добрым вы выросли. Моя мама всегда печальна и занята, но однажды я услышала, как она, глядя на Джона, сказала: "В нем моя награда за все". И ваша мама подумала бы то же о вас, если бы была жива, и, быть может, думает там, где она сейчас.

- Вы умеете утешать, моя маленькая Ребекка, - сказал Адам, поднявшись с кресла.

Когда Ребекка встала, слезы еще дрожали на ее ресницах, и ему показалось, что он смотрит на нее новыми глазами.

- До свидания! - сказал он, взяв ее худые смуглые руки в свои, и добавил, так, словно увидел ее впервые: - Маленькая пунцово-белоснежная уступила место новой девочке! Если допоздна сидеть за уроками и стараться сделать работу четырех лет за три, то, вероятно, от этого должны потускнеть глаза и стать бледным лицо, но глаза Ребекки яркие, а на щеках розовый румянец! Ее длинные косы положены одна на другую так, что образуют сзади большую черную подкову, и завязаны наверху бантами! Она такая высокая, почти до плеча мне! Да куда же это годится! Как будет мистер Аладдин обходиться без своего доброго маленького друга? Он не любит взрослых юных леди в прекрасных изысканных нарядах и с длинными шлейфами: они пугают его и наводят на него скуку!

- О, мистер Аладдин! - с живостью воскликнула Ребекка, всерьез принимая его шуточные слова. - Мне еще нет пятнадцати, и я стану юной леди только года через три. Пожалуйста, не покидайте меня, пока не будете вынуждены это сделать!

- Хорошо, обещаю, - сказал Адам. - Ребекка, - продолжил он после недолгой паузы, - кто эта девушка с копной рыжих волос и очень светскими манерами? Она спускалась вместе со мной с холма. Ты знаешь, о ком я говорю?

- Это, должно быть, Хальда Мизерв. Она из Риверборо.

Адам приподнял лицо Ребекки, положив палец под ее подбородок и взглянул ей в глаза - глаза, такие же ласковые, ясные, по-детски простодушные, какими были они, когда ей было десять. Он вспомнил другие, дерзкие голубые глаза, бросавшие кокетливые взоры из-под полуопущенных ресниц, посылавшие быстрые, как молния, лучи из-под игриво приподнятых бровей, и сказал серьезно:

- Не становись такой, как она, Ребекка. Нежные цветы клевера, что растут в полях за Солнечным Ручьем, так сладки, ароматны и чисты; не стоит связывать их в один букет с

яркими и броскими подсолнухами.

Глава 23 Новые трудности

Первый счастливый год в Уэйрхеме, когда так раздвинулись горизонты и появилось столько новых возможностей, завершился и ушел в прошлое. Ребекка продолжала заниматься и во время летних каникул, а осенью, по возвращении в семинарию, сдала несколько экзаменов, что должно было позволить ей, если она проделает то же самое в следующем году, пройти полный курс обучения за три года вместо четырех лет. Она вышла из этого испытания без особого триумфа - да он был бы и невозможен, если принять во внимание ее недостаточную подготовку, - но все же сумела показать себя удивительно хорошо по некоторым предметам программы и даже блестяще по другим, так что средний балл оказался вполне приемлемым. Вероятно, она не стала бы лучшей ученицей ни при каких обстоятельствах: ее легко опережали по математике и естественным наукам около десятка других девочек. Но по какой-то необъяснимой причине спустя некоторое время она стала заметной фигурой среди учащихся семинарии. Когда ей случалось совершенно забыть факты, необходимые для ответа на вопрос экзаменатора, она выдвигала свою оригинальную теорию, которая не всегда была верной, но обычно неповторимой, а иногда забавной. Латинскую и французскую грамматику она знала лишь сносно, но, когда дело доходило до перевода, ее свобода выражения, выбор слов, глубокое проникновение в самый дух текста восхищали ее учителей и приводили в отчаяние соперников.

- Она может ничего не знать о предмете, - говорила Адаму Ладду мисс Максвелл, - но понимает все в тот момент, когда получает ключ к разгадке. Большинство девочек напичканы всевозможной информацией, но при этом глупы, как овцы.

В первый год учебы, когда Ребекка просто приспосабливалась к новой обстановке, таланты ее, за исключением лишь немногих, остались незамеченными. Она была, несомненно, одной из бедных девочек: у нее не было красивых платьев, которые могли бы привлечь к ней внимание, к ней не приезжали гости, она не имела друзей в городке. У нее было больше уроков, чем у других, а потому меньше времени для общения с другими девочками, хотя, будь у нее такая возможность, она охотно уделила бы внимание этой радостной стороне школьной жизни. И все же человек всегда займет подобающее ему место, и к весне второго года учебы она, не прилагая к тому особых усилий, захватила такое же лидерство, какое прежде принадлежало ей в узком школьном кругу Риверборо. Она была единогласно избрана помощником редактора газеты "Уэйрхемский школьный кормчий", став таким образом первой девочкой, занявшей этот завидный, хотя и довольно обременительный и неблагодарный, пост, и когда первый номер, выпущенный под ее руководством, пришел к Коббам, дядя Джерри и тетя Сара не могли ни есть, ни спать от волнения и гордости.

- За нее всегда будут голосовать, - сказала Хальда Мизерв, когда обсуждали состоявшиеся выборы, - потому что, знает она что-то или нет, вид у нее такой, будто знает, и, способна она исполнять какие-то обязанности или нет, вид у нее такой, будто способна. Мне остается только желать, чтобы я тоже была высокой и смуглой и имела дар заставлять людей верить, будто я невеста что. Только вот мальчики хоть и называют ее красивой, но - вы заметили? - не докучают ей своим вниманием.

Это правда, что отношение Ребекки к другому полу оставалось довольно равнодушным и невнимательным даже для ее возраста - пятнадцати с половиной лет. Но, глядя на нее, никто не мог бы усомниться, что где-то внутри ее дремала скрытая способность привлекать и очаровывать, но та сторона ее натуры благополучно ожидала подходящего момента. Человеческое существо способно только на определенный объем деятельности в заданный момент, и оно неизбежно удовлетворяет прежде всего свои самые насущные нужды, свои самые горячие желания, свои главные амбиции. Ребекка была

полна самых разных маленьких тревог и страхов, так как дела шли не совсем хорошо в кирпичном доме и далеко не обнадеживающе на Солнечном Ручье. Она была перегружена занятиями и иными обязанностями, и мысли ее вполне естественно вращались вокруг трудностей повседневной жизни.

Когда осенью и зимой этого года она приезжала на выходные дни в кирпичный дом, ей казалось, что тетя Миранда никогда не была - быть может, только в самом начале - такой строгой и придирчивой. Однажды в субботу Ребекка бегом поднялась наверх и, разразившись потоками слез, воскликнула:

- Тетя Джейн, мне кажется, я больше не вынесу ее постоянных выговоров. Никогда я не смогу угодить ей! Только что она сказала, что мне потребуется вся жизнь, чтобы вытравить из себя Рэндлов, а я не уверена, что хочу этого! И вот мои с ней отношения!

Тетя Джейн, всегда сдержанная, заплакала вместе с Ребеккой, когда попыталась успокоить ее.

- Ты должна быть терпеливой, - сказала она, сначала вытирая глаза себе, а затем Ребекке. - Я не хотела говорить тебе - думала, что не стоит беспокоить тебя, когда ты так напряженно учишься, - но тетя Миранда нездорова. Примерно месяц назад у нее был обморок, не очень тяжелый, но доктор боится, что это был удар, а если так, то это начало конца. Мне кажется, что с тех пор она теряет силы и от этого такая капризная и так легко раздражается. Есть у нее и другие неприятности, о которых ты не знаешь, но если ты не будешь добра и терпелива с тетей Мирандой сейчас, дитя мое, когда-нибудь ты очень пожалеешь об этом.

Весь гнев исчез с лица Ребекки, она перестала плакать и сказала с раскаянием:

- О, бедная, милая тетя Миранда! Меня теперь ничуть не обижает, что она говорит. Она попросила меня приготовить ей молочный гренок, а я боялась ей его нести, но теперь все по-другому. Не тревожьтесь прежде времени, тетя Джейн, может быть, все еще не так плохо, как вы думаете.

Поэтому, когда чуть позже она принесла гренок тете Миранде, он лежал в лучшей фарфоровой миске с золотым ободком, поставленной на поднос. Поднос был накрыт красивой, отделанной бахромой салфеточкой, а поперек солонки лежала веточка герани.

- Вот, тетя Миранда, - сказала она весело, - я надеюсь, вы причмокнете и скажете, что вышло хорошо. Это не рэндловский, а сойеровский молочный гренок.

- Ты уже перепробовала на мне все разновидности, - ответила Миранда. - Этот действительно неплох на вкус, но я не хотела бы, чтобы ты обрывала попусту эту красивую герань.

- Нельзя сказать, что это было зря, - заметила Ребекка философски. - Может быть, эта герань давно надеялась, что сможет украсить чей-нибудь ужин, так что не разочаровывайте ее, делая вид, будто ее присутствие вам не нравится. Я видела, как герани плачут - каждый день рано утром.

Таинственные "другие неприятности", о которых упомянула Джейн, были весьма существенными, но держались в глубоком секрете. Две с половиной тысячи долларов из маленького состояния девочек Сойер были вложены в дело друга их отца и приносили сотню долларов ежегодного дохода. Около пяти лет назад этот друг семьи умер, но дело перешло к его сыну, и все было как прежде. Но совершенно неожиданно было получено письмо, извещавшее о том, что компания обанкротилась, дело ликвидировано, и деньги девочек Сойер пропали, так же как и все остальное, чем располагала компания. Потеря сотни долларов в год - мелочь, но для двух пожилых женщин это означав осязаемый переход от комфорта к отказу себе во многом. Их образ жизни отличался таким благоразумием и суровостью к себе, что навести более значительную экономию в их маленьком хозяйстве было трудно, и удар обрушился тогда, когда был особенно чувствителен, так как плату за обучение и проживание Ребекки в пансионе, как бы она ни была мала, необходимо было вносить быстро и наличными.

- Сможем ли мы вообще продолжать платить за ее учебу? Не придется ли нам

отказаться от этого и объяснить ей почему? - со слезами спрашивала Джейн старшую сестру.

- Раз уж взялись за дело, надо довести его до конца, - отвечала Миранда самым мрачным тоном. - Мы забрали ее у матери и предложили ей образование. Мы должны сдержать слово. Она, на мой взгляд, единственная надежда Орилии в предстоящие годы. Жених Ханны занимает все ее время и мысли, а когда она выйдет замуж, ей и совсем до матери дела не будет. Джон вместо того, чтобы работать на ферме, метит в доктора - как будто люди еще не сделались достаточно нездоровыми в наши дни и нужно все больше молодых докторов, чтобы помогать им отправляться в могилу. Нет, Джейн, будем экономить на всем, отказывать себе во всем, постараемся придумать, как прожить на наши доходы, - но от своих принципов не откажемся, что бы ни случилось.

"Отказаться от принципов" было, по мнению в высшей степени бережливых женщин Новой Англии, грехом, уступающим по тяжести только поджогу, краже и убийству; и хотя это правило иногда уводило их слишком далеко от здравого смысла - как в этом случае, когда две шестидесятилетние женщины вполне могли взять кое-что из своих небольших сбережений на текущие нужды, - это без сомнения приносило обществу больше пользы, чем вреда.

Ребекка, которая ничего не знала о денежных делах теток, просто видела, что те становятся все более и более экономными, урезая расходы тут и там, неумолимо отказываясь от того и другого. Стали покупать меньше мяса и рыбы; женщину, приходившую в последнее время два раза в неделю, чтобы стирать, гладить и мыть полы, пришлось рассчитать; прошлогодние шляпки чистили и отделявали по-новому; не было ни поездок в Модерейшен, ни путешествий в Портленд. Экономия была доведена до крайности, но хотя быть более мрачной и бескомпромиссной в манерах и речах, чем Миранда, казалось невозможным, она по крайней мере никогда не упрекала племянницу за то, что та стала для них обузой. Так что неудачи Сойеров коснулись Ребекки только таким образом, что она носила свои старые платья, шляпки и жакеты без какой-либо видимой надежды на перемену.

Никто, однако, не скрывал положения дел на ферме у Солнечного Ручья, где главы отдельных несчастных случаев разворачивались в нечто похожее на периодическое издание, выходящее круглый год. Картофель не уродился, о яблоках тоже нечего было и говорить, сено оказалось бедным, у Орилии были приступы головокружения, Марк сломал лодыжку. Это был уже четвертый его проступок такого рода, и Миранда поинтересовалась, сколько всего костей в теле человека, "чтобы знать, когда Марк кончит их ломать". Срок уплаты процентов по закладной - этому кошмару, отравлявшему всю радость в доме Рэндлов, - пришел и прошел, и в первый раз за четырнадцать лет не было никакой возможности внести требуемые сорок восемь долларов. Единственным светлым пятном на горизонте была помолвка Ханны с Уиллом Мелвиллом, молодым соседом-фермером, который имел хороший дом и который был один как перст и сам себе голова. Ханна была так захвачена своими собственными неожиданно радужными надеждами, что совсем не думала о тревогах матери, ибо есть натуры, которые цветут среди превратностей судьбы и портятся, едва начав преуспевать. Неделю она гостила в кирпичном доме, и впечатление, сложившееся у Миранды и поведенное по секрету Джейн, заключалось в том, что Ханна скупая и к тому же явная эгоистка и что как только она вскарабкается повыше по лестнице успеха, так сразу и навсегда эту лестницу за собой отшвырнет - это ясно как день, ведь когда ее осторожно спросили, сможет ли она помогать в будущем младшим детям, она сказала, что, по ее мнению, свою долю работы уже сделала и не хочет обременять Уилла своими бедными родственниками.

- Она - Сюзан Рэндл целиком и полностью! - воскликнула Миранда. - Если эта закладная когда-нибудь будет выкуплена, это сделает не Ханна - это сделает Ребекка или я!

Глава 24 Аладдин трет свою лампу

- Мисс Перкинс, ваше произведение под заглавием "Полевые цветы Уэйрхема" получило высокую оценку и было принято редакцией "Кормчего", - сказала Ребекка, входя в комнату, где Эмма-Джейн, сидя у окна, штопала чулки. - Я задержалась у мисс Максвелл - она предложила мне чаю, - но я все же постаралась вернуться домой пораньше, чтобы сообщить тебе радостную новость.

- Ты шутишь, Бекки! - с запинкой вымолвила Эмма-Джейн, поднимая глаза от своей работы.

- Ничуть. Старший редактор читал твоё произведение и нашел его в высшей степени поучительным. Оно появится в следующем номере.

- В том же номере, где и твои стихи о золотых воротах, которые закроются за нами, когда мы покинем школу? - И Эмма-Джейн затаила дыхание в ожидании ответа.

- Именно так, мисс Перкинс.

- Ребекка, - сказала Эмма-Джейн тоном настолько близким к трагическому, насколько позволяла ее натура, - не знаю, переживу ли я это. Я серьезно прошу тебя, если со мной что-нибудь случится, похоронить меня с этим номером "Кормчего".

Ребекка, казалось, не сочла это преувеличенным выражением душевного состояния, так как ответила:

- Я знаю. Именно такое чувство и у меня было сначала. И даже сейчас, когда я одна и вынимаю старые номера "Кормчего", чтобы перечитать мои произведения, я сияю от удовольствия. И это совсем не потому, что они хороши; они даже кажутся мне все хуже каждый раз, как я их перечитываю.

- Если бы ты только поселилась со мной в каком-нибудь маленьком домике, - задумчиво говорила Эмма-Джейн. Конец штопальной иглы был устремлен в пространство, а глаза мечтательно остановились на стене напротив. - Я занималась бы хозяйством и готовила, и переписывала бы все твои стихи и рассказы, и носила бы их на почту, а тебе не пришлось бы ничего делать, только писать. Это было бы совершенно прелестно!

- Я ничего лучше и не желала бы, но я обещала вести хозяйство Джона, - ответила Ребекка.

- Но у него еще долго не будет своего дома, правда?

- Не будет, - вздохнула Ребекка удрученно, садясь за стол и подпирая голову рукой. - Не будет, пока мы не ухитримся выкупить эту мерзкую закладную. А теперь, когда мы не заплатили проценты за прошлый год, этот день отдалается, вместо того чтобы приближаться.

Она придвинула к себе лежавший на столе листок бумаги и, лениво нацарапав несколько строк, через минуту-две прочла вслух:

- Эй, платите побыстрее! - закладная говорит. -

Скучно мне на вашей ферме, здесь такой унылый вид".

"Ты нам тоже надоела, - ей Ребекка Рэндл в ответ, -

Твоего лица противней ничего на свете нет".

- У ткани есть "лицо", - заметила Эмма-Джейн, обладавшая большими практическими способностями, - но я не знала, что оно есть у закладной.

- У нашей закладной есть, - сказала Ребекка с жадной мстительностью в глазах. - Я узнала бы ее, даже если бы встретилась с ней в темноте. Подожди, я ее нарисую. Тебе будет полезно узнать, как она выглядит, чтобы, когда у тебя будет муж и семеро детей, ты и на милую не подпустила бы ее к своей ферме.

Набросок, когда был завершен, являл собой нечто такое, от чего содрогнулся бы робкий человек в полудреме. Справа бы изображен крошечный домик, перед которым собралась плачущая семья. Слева стояла закладная, представленная в виде помеси ведьмы с великаном-людоедом. В занесенной красной руке она держала топор. Фигура с

развевающимися черными волосами пыталась отвести удар, и это, как любезно объяснила Ребекка, был ее собственный портрет, хотя каким способом достичь поставленной цели, она пока представляла смутно.

- Она страшная, - сказала Эмма-Джейн, - но ужасно тощая и маленькая.

- Она всего на тысячу двести долларов, - объяснила Ребекка, - такие считаются маленькими. Джон однажды видел человека, у которого была закладная на двенадцать тысяч.

- Ты будешь писателем или редактором? - помолчав, спросила Эмма-Джейн, как будто для того, чтобы стать тем или другим, требовалось только выбрать.

- Я полагаю, мне придется делать ту работу, которая подвернется первой.

- Почему бы тебе не отправиться миссионером в Сирию, как тебя всегда уговаривают в письмах Берчи? Совет миссионерского общества оплатит все расходы.

- Я не могу на это решиться, - ответила Ребекка. - Прежде всего, я недостаточно добродетельна и не "чувствую призвания", а мистер Берч говорит, что это необходимо. Я хотела бы сделать что-нибудь для кого-нибудь, привести что-нибудь в движение где-нибудь. Но я не хочу ехать за тысячи миль учить людей жить, когда сама еще этому не научилась. Другое дело, если бы язычники действительно нуждались во мне. Я уверена, что у них и так все будет хорошо в конце концов.

- Не понимаю, как это произойдет, если все люди, которые должны ехать спасать их, останутся дома, как мы, - возразила Эмма-Джейн.

- Ну, чем бы Бог ни был и где бы ни находился, Он всегда должен быть на своем месте, наготове и в ожидании. Он не может бродить с места на место и не замечать при этом людей. Может быть, язычникам потребуется немного больше времени, чем нам, чтобы найти Его там, где Он есть, но я думаю. Бог сделает им скидку. Ведь Он знает, что в таком жарком климате, в каком живут они, нельзя не стать ленивым и медлительным; к тому же попугаи, тигры, змеи и хлебные деревья очень отвлекают внимание язычников, а не имея книг, они не могут также и думать. Но так или иначе, когда-нибудь они найдут Бога.

- А что, если они умрут раньше? - спросила Эмма-Джейн.

- Ну что ж, их нельзя винить за это. Они ведь не нарочно умирают, - сказала Ребекка, завершая построение своей утешительной теологической системы.

В эти дни Адам Ладд иногда приезжал в Темперанс по делам, связанным с предполагаемым строительством новой железнодорожной ветки, и, находясь там, получил некоторое представление о делах на Солнечном Ручье. Пока еще не было окончательно решено, где именно пройдет новая железная дорога, и мнения относительно того, какой путь из Темперанса в Плавиль предпочтительнее, расходились. В одном случае дорога прошла бы прямо через Солнечный Ручей, и тогда миссис Рэндел получила бы денежную компенсацию за свой участок; в другом - ее доходы не изменились бы ни к лучшему, ни к худшему, если не считать того, что вся земля в непосредственной близости от железной дороги немного поднялась бы в цене.

Во время одной из своих поездок в Темперанс Адам посетил Уэйрхем и долго гулял и беседовал с Ребеккой, которая показалась ему бледной и худой. На ней было черное кашемировое платье, прежде бывшее выходным нарядом тети Джейн. Все мы знакомы с героиней одной романтической истории, чья ножка была столь совершенной формы, что никакой, даже самый грубый, башмак не мог скрыть ее прелести от взоров окружающих, и не один из нас питает сомнения относительно справедливости этого утверждения. Однако истинная правда то, что своеобразное и оригинальное очарование Ребекки казалось совершенно независимым от принадлежностей ее туалета. Очертания ее фигуры, редкий цвет кожи, волос и глаз торжествовали над поношенной одеждой, хотя будь на ее стороне еще и преимущество со вкусом подобранного наряда, маленький мир Уэйрхема, вероятно, тут же провозгласил бы ее красавицей. Длинные черные косы были теперь уложены в необычную, изобретенную самой Ребеккой прическу. Они были перекрещены на затылке, перекинуты вперед и снова перекрещены, а более тонкие концы спрятаны сзади

на шее под более толстые части кос. Особую женственность придавали этой прическе маленькие завитки и волны вокруг лица, ускользнувшие от оков, чтобы обрести на солнце новый оттенок. Адам Ладд смотрел на нее так, что она закрыла лицо руками и, смущенно засмеявшись, сказала:

- Я знаю, о чем вы думаете, мистер Аладдин: мое платье на дюйм длиннее, чем в прошлом году, и косы уложены по-другому. Но я еще не юная леди - совсем нет, честное слово. Шестнадцать мне будет только через месяц, и вы обещали не покидать меня, пока мои платья не будут до самого пола. Но если вам не нравится, что я делаюсь старше, почему бы вам не стать моложе? Тогда мы могли бы встретиться на полпути и хорошо провести время. Сейчас, когда я думаю об этом, - продолжила она, - мне кажется, что именно это вы все время делаете. Когда вы купили у нас мыло, я думала, что вы в возрасте дедушки Сойера; когда вы танцевали со мной на школьном празднике, вы были словно мой отец, но когда вы показывали мне портрет вашей матери, у меня было такое чувство, как будто вы мой Джон, потому что мне было так жаль вас.

- Это меня вполне устраивает, - улыбнулся Адам. - Только бы вы не начали продвигаться слишком быстро и не стали моей бабушкой, прежде чем она мне понадобится. Вы слишком напряженно учитесь, мисс Ребекка Ровена!

- Да, пожалуй, - согласилась она. - Но ведь скоро каникулы.

- И вы собираетесь хорошо отдохнуть и вернуть себе ямочки на щеках? Они, право, стоят того, чтобы их беречь.

Тень пробежала по лицу Ребекки, а глаза наполнились слезами.

- Не будьте так ласковы, мистер Аладдин: я не вынесу этого. Этот... этот мой день не из тех, что с ямочками! - Она вбежала в ворота семинарии и исчезла, помахав на прощание рукой.

Адам Ладд в задумчивости направился в приемную ректора. Он приехал в Уэйрхем, чтобы предложить план, который обдумывал несколько дней. В этом году предстояло отмечать пятидесятиую годовщину основания учебных заведений Уэйрхема, и он намеревался сказать мистеру Моррисону, что в дополнение к своему дару - сто томов для справочной библиотеки - он намерен отметить этот юбилей, предложив награды за сочинение по английской литературе, предмету, который очень интересовал его. Он хотел, чтобы в конкурсе приняли участие мальчики и девочки двух старших курсов. Награды предстояло получить авторам двух лучших сочинений. Что же до самих призов, он еще не решил, какими они будут, но это должно быть что-то значительное, будь то деньги или книги.

Закончив беседу с ректором, он отправился к мисс Максвелл и, шагая по дорожке в лесу, думал: "Пунцово-белоснежной нужна помощь, и, так как у меня нет способа оказать ее без того, чтобы вызвать нарекания, она должна заработать ее, бедняжка! Неужели мои деньги вечно будут непригодны там, где я больше всего хочу их потратить?"

Едва поздоровавшись с хозяйкой, он сказал:

- Мисс Максвелл, вам не бросается в глаза, что наш друг Ребекка выглядит крайне усталой?

- Да, это так, и я как раз думаю о том, не смогу ли я взять ее с собой отдохнуть. В весенние каникулы я всегда еду морем на юг и останавливаюсь там в какой-нибудь тихой прибрежной деревне. И больше всего на свете мне хотелось бы взять с собой Ребекку.

- Да, это именно то, что ей нужно! - от души согласился Адам. - Но зачем вам брать на себя все расходы? Почему бы не позволить мне помочь? Меня очень интересует этот ребенок, и притом уже несколько лет.

- Только не делайте вид, что это вы открыли ее, - прервала его мисс Максвелл дружески, - так как я сделала это сама.

- Она была моим близким другом задолго до того, как вы вообще приехали в Уэйрхем, - засмеялся Адам и рассказал мисс Максвелл об обстоятельствах своей первой встречи с Ребеккой. - С самого начала я старался придумать способ, который позволил бы мне

помочь ее развитию, но никакого разумного решения не нашлось.

- К счастью, она сама позаботилась о своем развитии, - ответила мисс Максвелл. - В определенном смысле она независима ни от чего и ни от кого; она следует за своим святым, сама о том не ведая. Но ей нужно множество практических вещей, которые могли бы доставить деньги, но - увы! - у меня слишком тощий кошелек.

- Возьмите мой, умоляю, и позвольте мне действовать через вас, - попросил Адам. - Мне тяжело видеть даже молодое деревце, отчаянно старающееся вырасти без света или воздуха, - что же говорить о талантливом ребенке! Я беседовал с ее тетками около года назад в надежде, что мне позволят дать ей музыкальное образование. Я уверял их, что это самое обычное дело и что если они настаивают, я согласен, чтобы потом мне вернули деньги, - но все бесполезно. Старшая мисс Соьер заметила в ответ, что никто из членов ее семьи никогда не пользовался ничьей благотворительностью, и она думает, что они не начнут делать это и теперь.

- Пожалуй, мне даже нравятся эти твердость и бескомпромиссность, присущие жителям Новой Англии, - воскликнула мисс Максвелл, - и пока я не сожалею ни об одной ноше, которую пришлось нести Ребекке, ни об одном горе, которое она разделила! Нужда лишь придала ей стойкости, бедность сделала ее смелой и приучила полагаться только на свои силы. Что же до ее нынешних потребностей, то, разумеется, есть некоторые вещи, которые может сделать для девушки только женщина, и я не хотела бы, чтобы вы делали их для Ребекки. Я чувствовала бы, что это ранит ее гордость и задевает самоуважение, даже если бы она не знала об этом. Но нет причины, почему бы я не могла позволить вам оплатить ее дорожные расходы. Я приняла бы их для нее без малейшего смущения, хотя согласна, что лучше, чтобы это осталось между нами.

- Вы настоящая добрая фея! - воскликнул Адам, с теплотой пожимая ей руку. - Не будет ли проще для вас пригласить с собой и ее подругу по комнате - эту бело-розовую неразлучницу?

- Нет, спасибо. Я не хочу делить Ребекку ни с кем, - сказала мисс Максвелл.

- Понимаю, - отозвался Адам рассеянно. - То есть я, конечно, имею в виду, что с одним ребенком меньше хлопот, чем с двумя. А вот и она.

И они увидели Ребекку, которая шла по тихой улочке с юношей лет шестнадцати. Оба оживленно разговаривали и, очевидно, что-то читали друг другу вслух, так как черная и кудрявая каштановая головы склонились над листком почтовой бумаги. Ребекка то и дело поднимала глаза на своего спутника, и они вспыхивали признательностью.

- Мисс Максвелл, - сказал Адам, - я попечитель этого учебного заведения, но, честное слово, я не сторонник совместного обучения!

- Иногда у меня самой возникают сомнения, - ответила она, - но его недостатки сведены до минимума в случае с... детьми.

Зрелище, свидетелем которого вы, мистер Ладд, имеете честь быть, очень впечатляет. Люди в Кембридже часто с восхищением смотрели на Лонгфелло, прогуливающегося рука об руку с Лоуэллом³⁶. Маленький школьный мир Уэйрхема так же трепещет от волнения, когда видит идущих вместе старшего и младшего редакторов "Кормчего".

Глава 25 Розы радости

Накануне того дня, когда Ребекка должна была отправиться на юг вместе с мисс Максвелл, она с Эммой-Джейн и Хальдой была в библиотеке, где наводила справки в разных словарях и энциклопедиях. Покидая библиотеку, они прошли мимо закрытых на ключ книжных шкафов, содержимое которых предназначалось для преподавателей семинарии и жителей городка, но было запретным для учащихся.

³⁶ Дж. Р. Лоуэлл (1819 - 1891) - американский поэт.

Они бросали жадные взгляды за стеклянные дверцы, черпая некоторое утешение в названиях томов, подобно тому как голодные дети извлекают пищу для эмоций из пирогов и пирожных, выставленных в витрине кондитера. На глаза Ребекке попала новая книга в углу одной из полок, и она с восторгом прочитала вслух ее название:

- "Роза радости". Послушайте, девочки! Разве не прелесть? "Роза радости". И выглядит красиво, и звучит красиво. Интересно, что это значит?

- Я думаю, что у каждого своя роза, - заметила Хальда весьма проницательно. - Я знаю, какова моя, и не стыжусь признаться в этом. Я хотела бы провести год в городе, имея столько денег, сколько мне захочется потратить, и лошадей, и великолепные наряды, и развлечения с утра до вечера. А больше всего я хотела бы бывать в таком обществе, где носят платья с низким вырезом. - (Бедная Хальда никогда не могла снять платья без того, чтобы не посетовать по тому поводу, что судьба забросила ее в Риверборо, где ее красивые белые плечи никогда никому не видны.)

- Это было бы интересно... на время, во всяком случае, - откликнулась Эмма-Джейн. - Но это было бы скорее удовольствием, чем радостью. О, у меня идея!

- Ну что ты визжишь? - вздрогнув, сказала Хальда. - Я думала,мышь.

- У меня они нечасто бывают, - поспешила извиниться Эмма-Джейн, - идеи, я имею в виду. А эта поразила меня, как удар молнии. Ребекка, а не может "Розой радости" быть успех?

- Неплохо, - задумчиво сказала Ребекка. - Я могу представить, что успех - это радость,но он не кажется мне похожим на розу. А яподумала, не может ли это быть любовь.

- Хорошо бы заглянуть в эту книгу: она, должно быть, совершенно великолепная, - сказала Эмма-Джейн. - Но теперь, когда ты сказала, что это любовь, я думаю, что твоя догадка пока лучшая из всех.

Весь день эти два слова преследовали Ребекку, она постоянно повторяла их про себя. И даже прозаичная Эмма-Джейн, как оказалось, была под их очарованием, так как вечером она сказала:

- Я думаю, ты не поверишь, но у меня есть еще одна идея - вторая за день! Она появилась у меня, когда я обрызгивала одеколоном твою голову. Розой радости может быть полезность.

- Если это так, она всегда цветет в твоём дорогом сердце, милая, добрая Эмми. Как хорошо ты заботаешься о твоей причиняющей столько хлопот Бекки!

- Не смей говорить, что ты причиняешь хлопоты! Ты... ты... ты моя роза радости, вот ты кто! - И девочки крепко, с любовью обнялись.

Посреди ночи Ребекка нежно коснулась плеча Эммы-Джейн.

- Ты очень крепко спишь, Эмми? - шепнула она.

- Не очень, - ответила Эмма-Джейн сонно.

- У меня новая мысль. Если бы ты пела, или рисовала, или писала - не так, немного, а хорошо и красиво - и если бы ты могла посвятить этому занятию столько времени, сколько хочешь, разве не принесло бы оно тебе розу радости?

- Возможно, если бы это был настоящий талант, - ответила Эмма-Джейн, - хотя эта догадка мне не так нравится, как любовь. Если у тебя есть еще мысли, Бекки, пожалуйста, оставь их до утра.

- У меня была еще одна вдохновенная мысль, - сказала Ребекка, когда они одевались на следующее утро, - но я не стала тебя будить. Я подумала, не может ли быть розой радости принесение жертвы. Хотя это, скорее, было бы лилией, а не розой, как ты думаешь?

Путешествие на юг, первое знакомство с океаном, необычные новые пейзажи, досуг и восхитительная свобода, близкое общение с мисс Максвелл - все это почти опьяняло Ребекку. Через три дня она была не просто прежней Ребеккой, она была другим, новым "я", трепещущим от восторга, от предвкушения и осуществления надежд. У нее всегда была такая жажда знаний, такая жажда любви, такое страстное

стремление к музыке, красоте, поэзии существования. Она всегда старалась сделать так, чтобы внешний мир отвечал ее глубинным мечтам, и теперь жизнь стала вдруг богатой и приятной, широкой и полной. Она использовала все свои природные, данные ей Богом способности, и мисс Максвелл лишь поражалась ежедневно тому, с какой неутомимостью девочка впитывала и изливала сокровища мысли и опыта, которыми делилась с ней учительница. Ребекка была животворной силой, меняющей весь замысел любой картины, частью которой становилась, привнося в нее с собой новые ценности. Разве вы никогда не видели, как тусклые синие и зеленые цвета комнаты мгновенно преобразуются, неожиданно озаренные солнечным светом? Мисс Максвелл казалось, что именно так действует Ребекка на тех людей, в общество которых они иногда попадали. Но чаще учительница и ученица были вдвоем - читали друг другу вслух или беседовали. Ребекку очень занимало предстоящее конкурсное сочинение. В глубине души она была уверена, что никогда не будет счастлива, если не завоюет этой награды. Ценность приза не имела для нее никакого значения, да и почести в данном случае мало интересовали ее. Ей хотелось доставить удовольствие мистеру Аладдину, оправдать его веру в нее.

- Если бы я сумела удачно выбрать тему, то я должна бы была сначала спросить вас, смогу ли я, на ваш взгляд, хорошо раскрыть ее. А потом, я думаю, нужно работать, сохраняя все в тайне, и даже никогда не читать сочинение вам и не говорить о нем.

Мисс Максвелл и Ребекка сидели возле маленького ручья солнечным весенним днем. С самого завтрака они гуляли в лесочке, протянувшемся вдоль берега моря, - прохаживались по нагретому солнцем песку, наслаждаясь теплом, - и возвращались в уединенное тенистое место, устав от слепящего блеска солнечных лучей.

- Очень важно правильно выбрать тему, - сказала мисс Максвелл, - но я не возьмусь сделать это за тебя. Ты уже на чем-нибудь остановилась?

- Нет, - ответила Ребекка. - Я придумываю новую тему каждую ночь. Я начала с "Что такое поражение?", а потом - "Он и она". Это был бы диалог между мальчиком и девочкой, кончающими школу, и говорилось бы в нем об их жизненных идеалах. Потом, помните, вы сказали мне однажды: "Следуй за своим святым"? Я очень хотела бы написать об этом. В Уэйрхеме у меня не было ни единой мысли, а здесь - новая каждую минуту, так что думаю, я должна постараться и написать сочинение здесь, обдумать его, во всяком случае, пока я такая счастливая, свободная, отдохнувшая... Посмотрите на гальку на дне этой бухты, мисс Эмили, какая она круглая, гладкая, блестящая.

- Да, но где получили эти камешки свой красивый блеск, атласную поверхность, прелестную форму? Не в этой спокойной заводи, лежа на песке. Здесь их углы никогда не были бы сглажены, их грубая поверхность отшлифована. Они обрели свою красоту в борьбе и схватке бурных вод. Они наталкивались на другие камни, их бросало на острые скалы, а теперь мы смотрим на них и называем их красивыми.

- Не выпади вам доля педагога,

Могли б нести вы людям слово Бога, -

сказала Ребекка в рифму. - О, если бы я могла мыслить и говорить, как вы! - вздохнула она. - Я так боюсь, что никогда не буду достаточно образованной, чтобы из меня вышел хороший писатель.

- С большей пользой ты могла бы тревожиться о множестве других важных вещей, - заметила мисс Максвелл с некоторым пренебрежением. - Бояться, например, что ты не постигнешь человеческую натуру, что ты не осознаешь красоту окружающего мира, что тебе может не хватить сочувствия к людям и потому ты никогда не сможешь читать в их душах, что твоя способность выражать мысли может от самих этих мыслей отставать, - тысяча проблем, каждая из которых важнее для писателя, чем знание всего того, что может быть найдено в книгах. Эзоп был греческим рабом и даже не умел писать, однако весь мир читает его чудесные басни.

- Я не знала этого, - сказала Ребекка почти с рыданием. - Я ничего не знала, пока не встретила вас!

- Ты пройдешь только курс средней школы в Уэйрхеме, но даже самые знаменитые университеты не всегда делают настоящими людьми мужчин и женщин. Когда у меня появляется страстное желание поехать за границу, чтобы учиться, я всегда напоминаю себе о том, что были три великие школы в Афинах и две в Иерусалиме, но Учитель всех учителей вышел из Назарета, маленькой деревушки, скрытой вдали от большого шумного мира.

- Мистер Ладд говорит, что в Уэйрхеме все ваши таланты пропадают даром, - сказала Ребекка задумчиво.

- Он не прав. Мои таланты невелики, но ни один талант не будет растрочен зря, если только его обладатель не предпочтет держать его под спудом. Помни это, когда речь идет о твоих собственных талантах, Ребекка. Быть может, люди не оценят их по достоинству, но таланты могут поддерживать, утешать, вдохновлять там и тогда, где и когда ты меньше всего этого ожидаешь. Наполненный доверху стакан, содержимое которого переливается через край, увлажняет землю вокруг себя.

- Вы слышали о "Розе радости"? - спросила Ребекка после долгого молчания.

- Да, конечно; откуда ты знаешь о ней?

- Я видела ее на обложке книги в библиотеке.

- Я видела ее и под обложкой книги в библиотеке, - улыбнулась мисс Максвелл. - Это из Эмерсона³⁷, но боюсь, ты еще недостаточно взрослая для такой книги, Ребекка, а "Роза радости" - одна из тех вещей, которые не поддаются объяснению.

- О, попробуйте объяснить, дорогая мисс Максвелл! - умоляла Ребекка. - Может быть, если я хорошенько подумаю, я смогу угадать, что это значит.

- "В реальности - этом мучительном царстве времени и случая - существуют Забота, Бедствие и Печаль; с мыслью об Идеале появляется в ней неугасимое бурное веселье - Роза радости, вокруг которой поют все музы", - процитировала мисс Максвелл.

Ребекка повторяла эти слова снова и снова, пока не выучила наизусть. Потом она сказала:

- Я не хочу показаться самоуверенной, но я почти убеждена, что понимаю это, мисс Максвелл. Быть может, не совсем, потому что это запутанно и сложно, но немного, вполне достаточно, чтобы развить эту мысль. Так бывает, когда прекрасная фигура галопом промчится мимо вас на лошади: вы так удивлены, ваши глаза движутся так медленно, что вы не можете как следует разглядеть ее, но вы поймали мельком ее очертания, когда она пронеслась мимо, и знаете, что она прекрасна. Все решено: мое сочинение будет называться "Роза радости". Я сейчас решила. У меня еще нет ни начала, ни середины, но конец, я знаю, будет волнующим. Что-нибудь такое... дайте подумать:

*Пусть счастье впереди иль ждет беда,
(Ведь даже золоту без примесей не быть),
Ты не увянешь в сердце никогда,
О, Роза радости! Ты вечно будешь жить!*

А теперь я хочу укутать вас шалью, подложить вам под голову хвойную подушку, и, пока вы спите, я спущусь на берег и напишу для вас сказку. Я буду "предполагать" разные вещи, как мы это с вами всегда делаем. Моя история летит далеко-далеко, в будущее, и в ней случается то прекрасное, что, возможно, никогда не происходит в действительности. И все же кое-что из этого прекрасного произойдет, вот увидите. И тогда вы достанете из вашего стола эту сказку и вспомните Ребекку.

"Интересно, почему они, эти юные, всегда выбирают темы, которые потребовали бы максимального напряжения сил от самого великого писателя? - думала мисс Максвелл, пытаясь уснуть. - Их ослепляет, увлекает, захватывает величие темы или они воображают, что могут справиться с ней? Бедные, наивные создания, впрягающие звезды в свои

³⁷ Ральф Уолдо Эмерсон (1803 - 1882) - американский поэт и философ.

игрушечные повозки!³⁸ А как прелестно это наивное создание выглядит под своим новым зонтиком!"

Зонтик был подарком Адама Ладда. Он ехал по улицам Бостона в один из холодных весенних дней, когда природа и модницы обнадеживают, но надежды кажутся далекими от осуществления. Неожиданно его поразил вид розового зонтика в витрине одного из магазинов, весело сигналившего прохожему и заставляющего его помечтать о сиянии летнего солнца. Он напомнил Адаму яблоню в цвету - глубокого розового цвета ткань, белая подкладка и пушистый, обшитый бахромой край из розовых и кремовых нитей, нависающий над зеленой ручкой. Он сразу вспомнил одно из ранних признаний Ребекки - маленький розовый зонтик, позволивший ей единственный раз заглянуть в веселый мир моды и красоты, которого ее детство почти не знало, и ее поклонение этому хрупкому предмету, и его трагический и жертвенный конец. Он зашел в магазин, купил эту дорогую безделушку и тут же отправил ее с нарочным в Уэйрхем, и ни единое сомнение в уместности такого поступка не зародилось в его мужском уме. Он представлял только выражение радости в глазах Ребекки и красивую посадку ее головы под этим нежно-розовым балдахином. Было, пожалуй, немного затруднительно вернуться час спустя и купить голубой зонтик для Эммы-Джейн Перкинс; ему казалось все более трудным, по мере того как шли годы, вспоминать о ее существовании в каждом надлежащем случае.

Вот сказка Ребекки, записанная на следующий день и отданная Эмили Максвелл, когда та собиралась идти в свою комнату спать. Она прочла ее со слезами на глазах и затем послала Адаму Ладду с мыслью о том, что и ему причитается его доля и что он заслуживает возможности бросить мимолетный взгляд на создание расцветающей фантазии девочки и узнать о ее благодарном юном сердце.

СКАЗКА

Жила-была одна очень усталая и довольно бедная Принцесса. Ее маленький домик стоял у большой дороги, соединявшей два города. Она была не так несчастна, как тысячи других, - у нее было многое, за что она могла благодарить судьбу, но жизнь, которую она вела, и работа, которую она делала, были слишком тяжелы для того, кто создан изящным и хрупким.

Домик ее стоял возле опушки большого леса, где в ветвях всегда пел ветер и сквозь листву струился солнечный свет.

И вот однажды, когда Принцесса сидела у обочины, совсем измученная работой на полях, она вдруг увидела золотую карету, мчащуюся по Королевской Дороге, а в ней особу, которая не могла быть не кем иным, как только чьей-нибудь феей-крестной, направляющейся в Королевский Дворец. Карета остановилась прямо перед домиком, и хотя принцесса читала прежде о таких великодушных особах, но и мечтать не смела, что одна из них когда-нибудь посетит ее.

- Ты устала, бедная маленькая Принцесса. Почему ты не пойдешь в прохладный зеленый лес и не отдохнешь? - спросила Фея.

- Потому что мне некогда, - ответила та. - Я должна вернуться к моему плугу.

- Это твой плуг прислонен к дереву? Не слишком ли он тяжел для тебя?

- Он тяжел, - ответила Принцесса, - но я люблю превращать твердую землю в мягкие борозды, и мне приятно знать, что я готовлю хорошую почву, где смогут расти те семена, которые я посажу. Когда я слишком сильно ощущаю его тяжесть, я стараюсь думать о будущем урожае.

Золотая карета проследовала дальше, и Фея с Принцессой больше не говорили в тот день; но тем не менее посланцы Короля не дремали: они успели шепнуть одно словечко на ухо Фее, другое на ухо Принцессе, хотя так слабо, что ни та, ни другая не осознали, что

³⁸ Выражение "Впряги звезду в свою повозку" (поставь себе высокую цель, задайся честолюбивой мечтой) создано Р. У. Эмерсоном.

это говорил сам Король.

На следующее утро высокий, сильный человек постучал в зверь домика и, сняв шляпу перед принцессой, сказал:

- Золотая карета проехала мимо меня вчера, и кто-то бросил мне из нее кошельки с дукатами и сказал: "Выйди на Королевскую Дорогу и отыщи маленький домик и тяжелый плуг, прислоненный к дереву поблизости. Войди и скажи Принцессе, которую ты найдешь там: "Я буду пахать, а ты должна пойти. отдохнуть или погулять в прохладном зеленом лесу, так как это приказание твоей доброй Феи-крестной"".

И то же самое происходило каждый день, и каждый день усталая Принцесса шла в прохладный зеленый лес. Много раз замечала она на дороге блеск и сияние золотой кареты и бежала к ней, чтобы поблагодарить Фею, но ей никогда не удавалось сделать это. Она могла только стоять у дороги с жадными глазами и тоскующим сердцем, когда карета проносилась мимо. Однако она всегда успевала уловить улыбку, а иногда до нее долетало и несколько слов - это были слова, которые звучали так:

- Не благодари меня. Мы все дети одного Короля, и я всего лишь у него на службе.

Теперь, когда Принцесса каждый день гуляла в зеленом лесу, слушая, как поет в ветвях ветер, и глядя, как пробивается сквозь листву солнечный свет, к ней стали приходить мысли, которые прежде спали из-за духоты в маленьком домике и оттого, что Принцесса слишком уставала после пахоты. И вскоре она вынула булавку из своего пояса, наколола эти мысли на зеленые листья деревьев и послала их лететь по воздуху. И люди начали подбирать эти листья и глядеть сквозь них на солнце, чтобы прочесть, что на них написано. И все это было потому, что простые слова на этих листьях были всего лишь частью одного из посланий Короля, того послания, которое Фея-крестная всегда произносила, пролетая в своей золотой карете по Дороге Короля.

Но главное чудо было еще впереди.

Каждый раз, когда Принцесса накалывала на лист слова, она добавляла к ним и мысли о своей доброй Фее, а затем, сложив лист, посылая его по ветру порхать туда и сюда и падать, где упадет. И многие другие маленькие принцессы ощущали тот же порыв и делали то же самое. И так как никогда и ничто не пропадало во владениях Короля, все эти мысли, желания, надежды, которые были исполнены любви и благодарности, не могли умереть, но принимали иные формы и жили вечно. Их нельзя ни увидеть - наше зрение слишком слабо, ни услышать - мы слишком туги на ухо, но их можно иногда почувствовать, хотя мы и не знаем, какая сила побуждает наши сердца стремиться к благородным целям.

Конец этой истории еще не наступил, но, может быть, однажды, когда Фея получит предписание лично явиться к Королю, он скажет ей:

- Я знаю твое лицо, твой голос, твои мысли и твое сердце. Я слышал стук колес твоей золотой кареты на Великой Дороге и знал, что ты на службе Короля. Здесь у меня в руке целая пачка посланий со всех уголков моего Королевства. Усталые путники со стертymi ногами доставив их сюда и сказали, что они никогда не смогли бы благополучно добраться до этих ворот, если бы не твоя помощь и поддержка. Прочти эти послания, чтобы ты знала, когда, где и как исполняла ты Королевскую службу.

И когда Фея будет читать их, сладкий аромат, быть может, поднимется со страниц, и воспоминания о давно минувшем взволнуют воздух, но самым прекрасным в эти радостные минуты будет для нее голос Короля, сказавшего:

- Прочти и знай, как исполняла ты Королевскую службу.

Ребекка Ровена Рэндл

Глава 26 За чашкой чая

Летний семестр в Уэйрхеме закончился, и Хальда Мизерв, Дик Картер и Лизинг Перкинс завершили учебу, оставив Ребекку и Эмму-Джейн представлять в семинарии

Риверборо в следующем году.

Из Льюистона домой с коротким визитом приехала Делия Уикс, и миссис Робинсон решила отметить это радостное событие небольшой вечеринкой в узком кругу. День для этого был выбран не случайно - и земляника созрела, и нашелся петушок, которого пора было зарезать. Миссис Робинсон объяснила все это своему мужу и попросила его пообедать на верстаке в сарае, так как вечеринка предполагалась чисто женская.

- Хорошо. Я ничего не потеряю, - сказал мистер Робинсон. - Дай мне бобов - это все, о чем я прошу. Когда петушка "пора зарезать", я предпочитаю, чтобы его ел кто-нибудь другой - не я!

Миссис Робинсон принимала гостей только раз или два в году и обычно чувствовала себя совершенно обессиленной в течение нескольких дней после этого - борьба между гордостью и скупостью требовала слишком большого напряжения сил. Чтобы поддержать ее репутацию в обществе, необходимо было "хорошо накрыть на стол", но мысль о разорительности этой затеи мучила ее с того момента, когда она начинала замешивать "мраморный" торт, и до момента, когда угощение появлялось на столе.

Петух с самого утра кипел на медленном огне, но такова была сила его сопротивления, что его формы оставались такими же красивыми и твердыми, какими были они, когда его опускали в кастрюлю.

- Он не собирается сдаваться, - сказала Элис, с беспокойством заглядывая под крышку, - и выглядит как пугало!

- Посмотрим, сдастся он или нет, когда я подойду к нему с острым ножом, - ответила ей мать, - а что до его вида, тарелка подливки придает старым петухам совсем другой вид, и я положу клецки вокруг по краю блюда: они ужасно сытные, хотя и не очень хороши с вареной курицей.

Петух действительно выглядел очень внушительно в своем бордюре из клецок, когда Элис внесла его в столовую, и по этому поводу было высказано много комплиментов. Впрочем, хор восхищения тут же умолк, когда дамы начали есть птицу.

- Я рада, Делия, что ты поправилась как раз к выпускному вечеру Хальды, - сказала миссис Мизерв, которая сидела в конце стола и накладывала на тарелки курицу, в то время как миссис Робинсон разливала кофе на другом конце.

Миссис Мизерв была наиболее подходящей матерью для Хальды, так как считалась самой модной особой в Риверборо. Плохое здоровье и наряды были для нее излюбленной темой разговоров. Ходили слухи, что ее искусно завитая фальшивая челка-накладка стоила пять долларов и что ее дважды в год отправляли к мастеру в Портленд, чтобы завить и уложить заново; хотя в подобных случаях крайне трудно установить точные факты, и добросовестный историк всегда предпочитает предупредить слишком доверчивого читателя не принимать за святую истину то, что может быть ее самым низменным извращением. Если же обратиться к внешности миссис Мизерв, то не искали ли вы когда-нибудь, в более ранние годы, приятного общества кухарки и не вертели ли вы вокруг кухонного стола, пока она раскатывала сахарную имбирную коврижку? Быть может, тогда, в какой-нибудь редкий момент дружеского расположения, она сделала для вас из теста портрет некоей леди, ловко вырезав овал своим кондитерским ножом и затем придав ему сходство с человеком тем, что воткнула две черные смородины вместо глаз. Только вызовите в памяти лицо этой леди из имбирной коврижки, и вы получите точный портрет матери Хальды - миссис Питер Мизерв, как ее обычно называли, ибо в Риверборо было и несколько других миссис Мизерв.

- Как тебе понравилось платье Хальды, Делия? - спросила она, шелкая резинкой своего черного гагатового браслета, что было ее неприятной привычкой.

- Мое мнение - что оно было красивее всех, - ответила Делия, - а ее сочинение - просто превосходное. Единственное занятное из всех, и читала она так громко и отчетливо, что мы ни слова не пропустили; большинство девочек мямлили так, словно у них каша во рту.

- Это сочинение она написала на конкурс Адама Ладда, - объяснила миссис Мизерв, - и говорят, она вышла бы первой, а не четвертой, если бы выбрала другую тему. Там, в комиссии, были три священника и три дьякона, и вполне естественно, что они предпочитали серьезные сочинения, а ее было слишком веселым, чтобы им понравиться.

Темой, вдохновившей Хальду, была "Мальчики", и она несомненно обладала запасом знаний и опытом, которые позволили ей писать в высшей степени умно о выбранном предмете. Сочинение имело огромный успех у публики, которая получила удовольствие от довольно плоских шуток и каламбуров, какими оно блистало; однако, судя с чисто литературной точки зрения, оно оставляло желать лучшего.

- Сочинение Ребекки не читали вслух, а то, которое получило премию на конкурсе среди мальчиков, читали. Почему это? - спросила миссис Робинсон.

- Потому что она не выпускница, - объяснила миссис Кобб, - и не принимала участия в церемонии. Оно будет напечатано вместе с сочинением Херберта Данна в школьной газете.

- Это хорошо, потому что я ни за что не поверю, что оно было лучше, чем у Хальды, пока не прочту его собственными глазами. Я считаю, что приз должна была получить одна из выпускниц.

- Ну нет, Марта, нет, ведь Ладд предложил участвовать в конкурсе всем учащимся двух старших курсов, - возразила миссис Робинсон. - Говорят, что его просили вручить призы, но он наотрез отказался. Странно. Такой богатый и ездит по всей стране, и оказался слишком застенчивым, чтобы выйти на сцену.

- Моя Хальда сделала бы это и глазом бы не моргнула, - самодовольно заметила миссис Мизерв, и это утверждение никто из присутствующих не был склонен оспорить.

- Все, впрочем, вышло отлично, так как там оказался губернатор: его племянница была среди выпускниц, - сказала Делия Уикс. - Какой элегантный мужчина! Говорят, что он всего шесть футов ростом, но выглядит на все шестнадцать, и речь он произнес отличную.

- Вы обратили внимание на Ребекку, какая бледная она была и как вся дрожала, когда она и Херберт Данн стояли там, а губернатор хвалил их? Он прочитал ее сочинение перед этим и написал девочкам Соьер письмо о нем. - Это замечание прозвучало из уст полной сочувствия и благожелательности миссис Кобб.

- Я думаю, было глупо уделять ей столько внимания, если она не выпускница, - возразила миссис Мизерв, - да еще и положил ей руку на голову и все такое, прямо папа римский, произносящий благословение. Ну да ладно! Я рада уже тому, что премия попала в Риверборо, и более щедрая награда еще не вручалась в уэйрхемской семинарии. Видно, у Адама Ладда денег куры не клюют. Пятьдесят долларов - и так было бы очень хорошо, а он еще взял да и положил деньги в шикарные кошельки.

- Я сидела так далеко, что не смогла разглядеть их как следует, - пожаловалась Делия, - а теперь Ребекка увезла свой домой, чтобы показать матери.

- Он из золотой пряжи, с цепочкой, - сказала миссис Перкинс, - и в нем пять десятидолларовых золотых монет. А Херберт Данн получил свой приз в изящном кожаном бумажнике.

- Как долго Ребекка собирается оставаться на ферме? - спросила Делия.

- Пока они не справят свадьбу Ханны и не пустят хозяйство без нее, - ответила миссис Перкинс. - Ханна, я думаю, могла бы и подождать. Орилия была против того, чтобы она покинула дом, прежде чем Ребекка кончит учиться, но она, то есть Ханна, упряма как осел и сделала все по-своему, невзирая на мать. Она шила приданое целый год. У нее было ужаснейшее грубое полотно, но она чуть не ослепла, вышивая на нем узоры, делая сборки и складки. Вы слышали, какое стеганое одеяло она сделала? Все белое, а в центре большая виноградная гроздь. Потом каемка из кружочков, она сделала их размером с катушку. Следующая кайма сделана стаканом для хереса, а последний ряд - стаканом для портвейна, и все вокруг прочно простегано прямыми рядами. Она собирается показать его

на сельскохозяйственной выставке округа.

- Лучше бы она взялась за шитье, чтобы заработать денег, чем портить глаза за такой глупостью, как стеганные одеяла, - сказала миссис Кобб. - А то вы ведь знаете, что, того гляди, миссис Рэндл лишат права выкупа фермы и у нее с детьми не будет крыши над головой.

- Разве не говорили, что железная дорога, скорее всего, пройдет через ее участок? - спросила миссис Робинсон. - Если так, то ей выплатят полную стоимость фермы и даже больше. Адам Ладд один из главных держателей акций, а все, за что он берется, имеет успех. Они еще не решили окончательно и борются там, в Огасте, но я поддержала бы Ладда против всех этих законодателей штата, если он думает, что прав.

- Ребекка, наверное, купит себе новые платья, - сказала Делия, - и видит Бог, как они ей нужны! Мне кажется, что девочки Сойер становятся ужасно скупыми!

- Ребекка не получит никаких новых платьев, - заметила миссис Перкинс. - На следующий же день она отправила свои пятьдесят долларов, чтобы уплатить проценты по закладной.

- Бедняжка! - воскликнула Делия Уикс.

- Уж лучше помочь семье, чем тратить деньги на глупости, - торжественно заявила миссис Робинсон. - Я думаю, ей очень повезло, что она их получила и смогла заплатить проценты. Но она, вероятно, такая же, как все Рэндлы: дешево досталось - легко потерялось, так у них всегда.

- Сойеры не лучше, - возразила миссис Перкинс. - Им, похоже, милей всего на свете копить, и это занятие все больше захватывает Миранду, после того как у нее случился удар.

- Я не верю, что это был удар. Всякому разумному человеку ясно, что после удара она никогда не поднялась бы и не была бы такой прыткой, как сейчас. У нас в семье было три удара - самые тяжелые из всех, что были на реке, - и уж я-то знаю все симптомы лучше любого доктора. - И миссис Мизерв глубокомысленно покачала головой.

- Да, Миранда довольно проворная, - сказала миссис Кобб, - но вы заметили, что она теперь чаще остается дома и стала еще молчаливее, чем прежде, и даже ни капельки не гордится премией Ребекки, как я заметила, хотя мой Джеримайя чуть с ума не сошел от радости. Я думала, умру со стыда, когда он выкрикнул: "Ура!" - и подбросил вверх свою соломенную шляпу, увидев, как губернатор пожимает Ребекке руку. Хорошо хоть, что он не мог зайти далеко в церковь и стоял сзади у дверей, но и то сумел выставить себя на посмешище. У меня есть подозрения, - и здесь все леди перестали есть и выпрямились, - что девочки Сойер потеряли деньги. Они ничего не знают о денежных делах, да и никогда не знали, но Миранда слишком скрытная и упрямая, чтобы попросить у кого-нибудь совета.

- Большая часть того, что у них было, - в государственных облигациях, а на этом денег не потеряешь. У Джейн есть лес на земельном участке, который оставил ей отец, а Миранде принадлежит кирпичный дом. Она, вероятно, была очень раздосадована тем, что пятьдесят долларов Ребекки поглотила эта закладная, вместо того чтобы они пошли на оплату ее школьных расходов. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что когда Адам Ладд придумывал эту премию, он рассчитывал, что ее получит Ребекка. - Мысли матери Хальды упорно вертелись вокруг ущемленных прав ее дочери.

- Боже мой, Марта, что за глупости ты говоришь! - воскликнула миссис Перкинс. - Не думаешь же ты, что он мог заранее сказать, какое сочинение выберет комиссия? И зачем бы он стал предлагать еще пятьдесят долларов в награду за сочинение мальчику, если бы не был заинтересован в том, чтобы помочь школе? Каждое Рождество, вот уже пять лет, он дарит Эмме-Джейн примерно такой же подарок, что и Ребекке.

- Когда-нибудь он забудет одну из них, а другой подарит или забудет обеих и начнет делать подарки какой-нибудь другой девочке, - сказала Делия Уикс на основании опыта, рожденного пятьюдесятью годами жизни старой девы.

- Вполне вероятно, - согласилась миссис Мизерв, - хотя совершенно ясно, что он не из тех, кто женится. Есть мужчины, которые женились бы каждый год, если бы только

их жены успевали умирать, а есть такие, которые, похоже, предпочитают жить одни.

- Будь Ладд мормоном³⁹, я думаю, он мог бы получить в жены всех женщин в Северном Риверборо, если судить по тому, что говорят о нем мои кузины, - заметила миссис Перкинс.

- Не похоже на то, чтобы его могла подцепить какая-нибудь девушка из Северного Риверборо, - засомневалась миссис Робинсон, - если он не женился, хотя, вероятно, имел, из кого выбирать в Бостоне. Я думаю, Марта попала в точку, когда сказала, что он из тех мужчин, которые не женятся.

- Я бы не поручилась ни за одного из них, когда появится суженая! - добродушно засмеялась миссис Кобб. - Как знать, что и кто им понравится? Помните Бастера, упрямого коня Джеримайи? Он готов на все, лишь бы не позволить вложить себе в рот удила. Он сопротивляется Джерри, сопротивляется мне, пока ему не придется уступить. Ребекка ничего не знала о его повадках, когда на днях пошла запрячь его. Я бросилась следом за ней в конюшню, так как знала, что ей придется нелегко, но - поверите ли? - она похлопала Бастера по носу, поговорила с ним, и когда вложила свои пальчики ему в рот, он разинул его так, что я думала, проглотит ее, точно. Но он только взял удила и причмокнул, словно это был кусок сахара. "Помилуй, Ребекка, - говорю я, - да как это ты уговорила его взять удила?" - "А я и не уговаривала, - отвечает она, - он, кажется, сам этого хотел. Может быть, ему надоела конюшня и он хочет прогуляться и подышать свежим воздухом".

Глава 27 "Прекрасное зрелище"

Пролетел год с тех пор, как премия Адама Ладда обсуждалась в Риверборо за чашкой чая. Месяцы приходили и уходили, и наконец забрезжило для Ребекки утро великого дня - дня, которого она с нетерпением ждала пять лет, как первой цели, до которой предстояло добраться в ее маленьком путешествии через мир. Школьные дни были позади, и священнодействие, известное посвященным как "вручение дипломов", вот-вот должно было состояться; теперь это возвещало даже медленно всходящее на востоке солнце. Ребекка тихонько выбралась из постели, подкралась к окну, раздвинула шторы и радостно встретила нежный розовый свет, означавший, что утро будет безоблачным. Даже солнце в этот день выглядело как-то по-иному - больше, краснее, значительнее, чем обычно. И если это действительно было так, не нашлось бы ни одного выпускника, который счел бы это странным или неуместным, принимая во внимание все обстоятельства. Эмма-Джейн пошевелилась на подушке, проснулась и, увидев Ребекку у окна, подошла и тоже опустилась на колени рядом с ней.

- День будет отличный! - вздохнула она с чувством благодарности. - Теперь я спокойна! Ты спала?

- Немного. Слова стихотворения, которое я буду читать, и музыка к песням, которые мы будем петь, все время звучали у меня в ушах; и, что хуже всего, молитва Марии, королевы Шотландии:

Adoro, imploro

Ut liberares me!⁴⁰

Эти слова, кажется, навсегда врезались в мою память.

Ни один из тех, кто незнаком с жизнью сельских жителей, не может вообразить всю важность, значительность, торжественность этого последнего школьного дня. По серьезности приготовлений, обилию условностей и всеобщему возбуждению он

³⁹ Религиозная секта, допускающая многоженство.

⁴⁰ "Прошу, умоляю, чтобы ты освободил меня!" (Лат.)

значительно превосходит свадьбу, ибо свадьба - обычное дело в сельской местности, иногда даже сводящееся к простому посещению дома приходского священника. Ничто, кроме, пожалуй, церемонии вступления в должность нового губернатора в здании законодательного собрания штата, - ничто не может сравниться с выпускными торжествами, по мнению самих выпускников, их семей и младших учеников. В этот величайший из дней Уэйрхем бывал потрясен до основания. Матери и отцы учеников, так же как и их всевозможные родственники, приезжали в городок на поезде или в экипажах после завтрака. Бывшие ученики, женатые и холостые, с семьями и без, потоками вливались в милые сердцу старые улочки. Две платные конюшни были переполнены экипажами всех разновидностей, и ряды двуколок и бричек стояли по обеим сторонам тенистых дорог; лошади помахивали хвостами, наслаждаясь бездельем. Улицы были заполнены нарядными людьми, и фасоны включали не только "последние модели", но и хорошо сохранные реликвии давно минувших дней. Здесь собрались мужчины и женщины всякого рода и звания, так как в Уэйрхеме учились сыновья и дочери владельцев магазинов и юристов, мясников и докторов, сапожников и учителей, фермеров и священников. В самом здании семинарии царило волнение, такое глубокое и напряженное, что выражалось оно в чем-то вроде естественно наступившего безмолвия, кратковременной приостановки жизни для тех, кто ожидал ее решающего момента. Женская половина выпускных классов сидела по собственным спальням, и каждая из девиц была одета с таким совершенством во всех подробностях туалета, что, казалось, вся ее прошлая жизнь была не чем иным, как лишь прелюдией к этому наряду. Так, по крайней мере, обстояло дело с их телами, но головы их были украшены папилотками или десятками тонких косичек, чтобы покрыться позднее всевозможными разновидностями кудрей, известных девушкам того времени. Накручивание волос на папилотки или бумажки было излюбленным способом достижения желаемого результата, и хотя это часто влекло за собой бессонную ночь, немало находилось тех, кто охотно приносил эту жертву. Те же, в чьих жилах не текла кровь мучениц, заменяли папилотки тряпочками под тем предлогом, что тогда локоны получаются менее тугими и более естественными. Жара, однако, способна растопить украшение самой гордой головы и превратить в скрипичные струны любое произведение искусных пальцев и завивочной булавы. И потому встревоженные мамы склонялись над своими девочками, обмахивая их веерами в ожидании того момента, когда городские часы пробьют десять - час, выбранный для избавления заключенных от примененных к самим себе пыток.

Швейцарский муслин, однотонный или в горошек, был излюбленным материалом для выпускных платьев, хотя находились и такие, кто парился в белом кашемире или альпаке, в связи с тем что в некоторых семьях считали, что шерстяное платье больше пригодится в будущем. Голубые и розовые шелковые ленты, которым предстояло украсить талии, висели на спинках стульев, а та девица, у которой был атласный пояс, молилась, дабы избежать греха тщеславия и гордости.

Удастся лишить хоть какое-то платье к выпускной церемонии, оставалось неясным для Ребекки вплоть до прошлого месяца, когда в обществе Эммы-Джейн она посетила чердак Перкинсов и, обнаружив там несколько кусков марли, решила, что, на худой конец, и это сойдет. "Дочь богатого кузнеца", решительно отбросив мысль о швейцарском муслине в крапинку, предпочла последовать примеру Ребекки, что она обычно делала и в более важных вопросах. Обе тут же придумали фасоны, которые включали такие сборочки, такие мережки и складочки, такие вставки из нитяных кружев, что платье Ребекки, чтобы успеть закончить шитье в срок, даже пришлось разделить на части и раздать нескольким швеям: пояс - Ханне, лиф и рукава - миссис Кобб, юбку - тете Джейн. Усердный труд, вложенный в презираемый материал, стоивший всего лишь три или четыре цента за ярд, сделал платья вполне приличными и даже красивыми, а что до линий и фалд, которыми ложилась марля, они могли дать несколько очков вперед атласу и парче.

Девочки сидели вдвоем в своей комнате в ожидании заветного часа, причем Эмма-Джейн в довольно слезливом настроении. Она не могла не думать о том, что это последний день, который они проведут вместе. Начало конца их восхитительно близких отношений, казалось, уже замаячило на горизонте, так как накануне Ребекке были предложены мистером Моррисоном две должности: одна в пансионе в Огасте, где она должна была бы сопровождать на уроках пения и ритмической гимнастики и надзирать за младшими девочками, когда они упражняются в игре на фортепиано; другая - место помощницы учителя в средней школе в Эджвуде. Жалованье и в том, и в другом случае предлагалось очень скромное, но первая из вакансий давала условия для продолжения образования, на взгляд мисс Максвелл, очень ценные.

Возбуждение Ребекки сменилось восторгом, и когда первый звонок разнесся по коридорам, возвещая, что через пять минут выпускной класс в полном составе проследует на торжественную церемонию в здание церкви, она стояла неподвижная и безмолвная, прижав руку к сердцу.

- Он приближается, Эмми, этот момент, - сказала она через минуту, - помнишь в "Мельнице на Флоссе", когда Мэгги Талливер⁴¹ закрыла за собой золотые ворота детства? Мне кажется, я вижу, как они поворачиваются на своих петлях, слышу, как они захлопываются со стуком, - и я не могу сказать, радостно мне или грустно.

- Мне было бы все равно, как там они поворачиваются или хлопают, - сказала Эмма-Джейн, - если бы только мы с тобой остались по одну сторону этих ворот. Но этому не бывать, я знаю, не бывать!

- Эмми, не смей плакать, ведь я сама чуть не плачу. О, если бы ты кончала семинарию вместе со мной! Это мое единственное горе. Ну вот, я уже слышу стук колес! Сейчас люди на улицах увидят, какой сюрприз приготовил наш класс. Обними меня разок на счастье, дорогая Эмми, только осторожно: помни, какая непрочная наша марля.

Десять минут спустя Адам Ладд, только что прибывший из Портленда и державший путь от станции к церкви, вышел на главную дорогу и резко остановился под деревом на обочине, прикованный к месту зрелищем, полным такого живописного очарования, какое ему редко доводилось видеть прежде. Вряд ли класс, во главе которого стояла Ребекка, мог согласиться следовать общепринятым традициям. Вместо того чтобы шагать от семинарии к церкви парами друг за другом, они решили последовать туда на великолепной колеснице. Телега для сена была увешана зелеными ветками и букетами полевых маргариток на длинных стеблях - этими веселыми красавицами лугов Новой Англии. Каждый дюйм бортов, остова и даже спицы колес - все было увито желтым, зеленым, белым. В этой цветочной беседке на кленовых ветках сидели все двенадцать девочек класса, а десять мальчиков маршировали по обе стороны колесницы с маргаритками в бутоньерках.

Ребекка правила двумя белыми лошадьми, держа в руках увитые цветами вожжи и сидя на покрытой зеленью скамье, которая мало чем отличалась от трона. Ни одна девочка, одетая в белый муслин, ни одна счастливая семнадцатилетняя девочка не может быть некрасивой. И эти двенадцать деревенских девочек на выгодном романтическом фоне казались прелестными, когда июньское солнце, пробираясь сквозь листву, падало на их непокрытые головы, делая такими заметными яркие глаза, свежие лица, улыбки и ямочки на щеках.

Ребекка, как подумал Адам, когда снял шляпу и приветствовал великолепную процессию, - Ребекка, высокая и стройная, с задумчивым лицом и пламенеющим радостью взором, с перевязанными лентой черными косами, могла бы быть юной музой или сивиллой⁴², а украшенная цветами телега с грузом цветущей юности могла бы быть

⁴¹ Мэгги Талливер - сестра Тома Талливера (см. сноску к с. 39).

⁴² Музы - богини-покровительницы наук и искусств; сивилла - у древних греков и римлян - пророчица,

изображена на аллегорическом полотне "Утро жизни". Стоя под вязами на старой тихой улочке, где полвека назад прошла другая выпускница - его мать, он проводил глазами колесницу и уже собрался проследовать вместе с толпой к церкви, когда услышал за спиной негромкое рыдание. За оградой сада стояла одинокая особа в белом, чей аккуратный носик, каштановые волосы и голубые глаза были ему знакомы. Он шагнул в ворота сада и сказал:

- Что случилось, мисс Эмма?

- Ах, это вы, мистер Ладд? Ребекка не разрешила бы мне плакать, чтобы глаза не были красные и лицо не распухло. Но я должна хоть разок поплакать, прежде чем войду в церковь. Да и, в конце концов, неважно, что я буду некрасивой, ведь мне придется всего лишь петь в хоре. Я не получаю диплома, я просто кончаю учиться и уезжаю. Но это меня не огорчает, вот только расстаться с Ребеккой - этого я не вынесу.

Они пошли вместе, и Адам всю дорогу пытался утешить несчастную Эмму-Джейн, пока они наконец не добрались до старого молитвенного дома, где всегда происходило вручение дипломов.

Зал в праздничном убранстве желтого, зеленого и белого цветов был переполнен. Воздух казался горячим и душным, а звучавшие сочинения, стихи, песни - точно такими, как и все те, что были с сотворения мира. Всегда кажется, что сцена вот-вот обрушится под тяжестью юношеских банальностей, произносимых по таким случаям, но невозможно заниматься бесстрастным анализом услышанного, ибо вид самих этих мальчиков и девочек - юных и полных надежд созидателей завтрашнего дня - разоружает любого критика. Мы отчаянно зеваем, слушая сочинения, и тем не менее всем сердцем тянемся к их авторам, в глазах которых отблеск "прекрасных картин" будущего и нет страха перед тем "неизбежным ярмом", что столь неумолимо принесут им годы.

Среди присутствующих Ребекка увидела Ханну с мужем, дорогого родного Джона и кузину Энн, но отсутствие матери больно отозвалось в сердце, хотя она знала заранее, что та не сможет приехать, - бедную Орилию удерживали на Солнечном Ручье заботы о детях и ферме и отсутствие денег как на поездку, так и на подходящее платье. Коббов Ребекка заметила в зале почти сразу. Да и никто, вероятно, не мог не обратить внимания на дядю Джерри, ибо тот не раз принимался лить слезы, а в промежутках между звучавшими со сцены сочинениями распространялся перед своими соседями по скамье о чудесных талантах одной из выпускниц, которую знал еще с детства: это он привез ее из Мейплвуда в Риверборо, когда она переехала жить к своим теткам, и сказал "матери" в тот самый вечер, что нет такого препятствия на пути к славе, какого бы этот ребенок не одолел.

Кроме Коббов были и другие знакомые по Риверборо лица, но где же тетя Джейн в ее черном шелковом платье, перешитом для торжественного случая? Тетя Миранда не собиралась приезжать, это Ребекка знала, но где в этот величайший из дней ее любимая тетя Джейн? Однако эта мысль, как и все другие, едва появившись, исчезла, так как все утро было чередой картин, сменяющих друг друга, словно в волшебном фонаре. Она играла на мелодии, она пела, она читала на латыни молитву королевы Марии как во сне и пришла в себя, только встретив глаза мистера Аладдина, когда произносила последнюю строку. Заключительным номером программы было ее стихотворение "Созидатели завтрашнего дня", и здесь, как это много раз бывало прежде, ее личность играла такую огромную роль, что казалось, будто из уст ее исходят мильтоновские⁴³ сентенции, а не стихи семнадцатилетней школьницы. Ее голос, ее глаза, ее фигура дышали убежденностью, серьезностью, волнением, и, когда она покинула сцену, у сидевших в зале было впечатление, что они прослушали настоящий шедевр. Большинство из них ничего не

прорицательница.

⁴³ Дж. Мильтон (1608 - 1674) - великий английский поэт.

знало о Карлейле⁴⁴ или Эмерсоне, в лучшем случае могли припомнить, что один сказал: "Мы все поэты, когда хорошо читаем стихи", а другой: "Хорошей делает книгу хороший читатель".

Все выступления были закончены, началось вручение дипломов, и каждая девочка, украдкой коснувшись волос, ловко поддернув муслиновые юбки и чуть заметным ласкающим движением проверив, не сбился ли пояс, вышла вперед, чтобы с поклоном, который был предметом тревожных мыслей на протяжении многих недель, получить заветный свиток пергамента. Очередная порция аплодисментов приветствовала каждого выпускника и выпускницу в этот волнующий момент, а поведение Джеримайи Кобба, когда вперед шагнула Ребекка, было столь из ряда вон выходящим, что на несколько дней стало предметом разговоров в Уэйрхеме и Риверборо. Старая миссис Уэбб клялась, что он в течение двух часов истер ее скамью в церкви - ковер, подушки и деревянный остов - больше, чем она за те сорок лет, что сидела на ней. Но все было позади, и, когда толпа немного поредела, Адам Ладд сумел подойти к сцене.

Ребекка говорила с несколькими незнакомыми ему людьми, но, увидев его, обернулась и вышла в проход ему навстречу.

- О, мистер Аладдин, как я рада, что вы смогли прийти! Скажите мне, - и она взглянула на него с робостью, ибо его одобрение было для нее дороже, чем одобрение других, и завоевать его было труднее, - скажите мне, мистер Аладдин, вы довольны?

- Более чем доволен! - сказал он. - Я рад, что знал ребенка, горд, что знаком с девушкой, и очень хочу встретить женщину!

Глава 28 "Неизбежное ярмо"

Сердце Ребекки учащенно забилося от этой приятной похвалы, прозвучавшей из уст ее героя, но, прежде чем она сумела найти слова, чтобы поблагодарить его, к ней подошли мистер и миссис Кобб, до этого скромно ожидавшие в уголке своей очереди, и она представила их мистеру Ладду.

- Где, где тетя Джейн? - воскликнула она, держа одной рукой за руку тетю Сару, а другой дядю Джерри.

- Мне жаль, милочка, но у нас плохие новости для тебя.

- Тете Миранде хуже? Ей хуже, я по вашим глазам вижу. - И Ребекка побледнела.

- Вчера утром, когда она помогала Джейн укладывать вещи для поездки сюда, у нее случился второй удар. Джейн просила не говорить тебе ничего, пока церемония не кончится, и мы обещали сохранить все в тайне до этой минуты.

- Я поеду домой прямо сейчас с вами, тетя Сара. Я должна только сбегать и предупредить мисс Максвелл: я собиралась завтра ехать вместе с ней в Брансуик. Бедная тетя Миранда! А мне было так весело, я была такой счастливой весь день. Только очень хотелось увидеть маму и тетю Джейн.

- Нет худого в том, чтобы быть веселой, милочка. Этого и Джейн хотела - чтобы ты веселилась. А Миранде уже лучше, и она снова может говорить - Джейн только что прислала письмо с известием. Я собираюсь сегодня ночью дежурить у постели Миранды, так что ты можешь не спешить. Останься здесь и хорошенько выспись, а завтра спокойно соберешь вещи.

- Я упакую твой чемодан, Бекки, дорогая, и позабочусь обо всех вещах в нашей комнате, - сказала Эмма-Джейн, которая подошла к собеседникам и услышала печальные новости.

Они присели в сторонке на одну из боковых скамей, где к ним присоединились Ханна с мужем и Джон. Время от времени кто-нибудь из задержавшихся в церкви

⁴⁴ Томас Карлейль (1795 - 1881) - шотландский эссеист, историк, писатель.

знакомых подходил, чтобы поздравить Ребекку и спросить, почему она спряталась в углу. То и дело ее окликали одноклассники, напоминая, чтобы она не опоздала на пикник, или умоляя прийти пораньше на вечеринку, которая должна была состояться в этот день. Все происходящее казалось Ребекке не совсем реальным. И в самый разгар счастливых волнений последних двух дней, когда приводящие в смущение почести сыпались на нее одна за другой, и среди восхитительных восторгов этого утра ее не покидало ощущение того, что счастье мимолетно и что бремя, борьба, тревога скоро снова замаячат на ее горизонте. Ей вдруг страстно захотелось убежать в леса вместе с дорогим Джоном, ставшим таким мужественным и красивым, и у него найти утешение и поддержку.

Тем временем Адам Ладд и мистер Кобб вели оживленный разговор.

- В Бостоне таких девушек, должно быть, хоть пруд пруди? - спросил дядя Джерри, кивнув головой в сторону Ребекки.

- Может быть, - улыбнулся Адам, понимая чувства старика, - да только мне не довелось встретить ни одной.

- У меня зрение плоховато, поэтому, наверное, она показалась мне красивее всех девушек на сцене.

- У меня зрение отличное, - ответил Адам, - но и мне так показалось.

- Что вы думаете о ее голосе? Есть в нем что-нибудь особенное?

- В сравнении с ним все другие звучат слабо и кажутся тонкими.

- Ну, рад слышать ваше мнение, ведь вы повидали свет. А то мать говорит, что я глупости болтаю насчет Ребекки и болтал их с самого начала. Мать ругает меня, будто балую девочку, но я замечаю, что сама она, мать, ненамного от меня отстает, когда дело доходит до того, чтобы баловать. Хе-хе! Как подумаю, что все эти родители проехали столько миль, чтобы поглядеть, как их детки будут получать дипломы, а когда добрались сюда, так увидели их рядом с Ребеккой и сравнили... До свидания, мистер Ладд. Загляните к нам как-нибудь, когда будете в Риверборо.

- Непременно, - сказал Адам, сердечно пожимая руку старику, - может быть, даже завтра, если я повезу Ребекку домой, как я собираюсь ей предложить. Насколько серьезно состояние мисс Сойер?

- Доктор, похоже, сам не знает. Но, так или иначе, она парализована и больше не сможет выходить из дома, бедная! Хорошо, что хоть говорить она может; это будет утешением для нее.

Адам вышел из церкви и, пробираясь сквозь толпу, столкнулся с мисс Максвелл, которая переходила от одной группы приезжих к другой, приветствуя гостей семинарии. Зная, что ее глубоко интересуют планы и будущее Ребекки, он отвел ее в сторону, чтобы сказать, что на следующий день девочке придется уехать из Уэйрхема в Риверборо.

- Я не перенесу такого удара! - воскликнула мисс Максвелл, садясь на скамью и вонзая в дерн свой зонтик. - Похоже, что Ребекка никогда не получит передышки. У меня было так много замыслов: я хотела провести с ней следующий месяц, чтобы подготовить ее к новой должности, а теперь она опять вернется к рутинной домашней работе и будет ухаживать за больной и сердитой старой теткой.

- Если бы не эта сердитая старая тетка, Ребекка так и осталась бы на Солнечном Ручье, и с точки зрения преимуществ образования, да и вообще преимуществ любого рода, это было бы равносильно тому, чтобы навсегда похоронить ее в лесной глуши, - возразил Адам.

- Вы правы. Я была раздражена, когда сказала это. Я надеялась, что более легкий и счастливый день забрезжит для моего чуда и жемчужины.

- Нашего чуда и жемчужины, - поправил Адам.

- О да! - засмеялась она. - Я все время забываю о ваших претензиях на то, что это именно вы первым открыли Ребекку.

- И все же я верю, что ее ждут более счастливые дни, - продолжил Адам. - Пока это должно оставаться в секрете, но уже решено, что ферма миссис Рэндл будет куплена

новой железной дорогой и на участке у Солнечного Ручья построят станцию. Миссис Рэндл получит шесть тысяч долларов, что, хотя и не состояние, все же даст ей триста или четыреста долларов годового дохода, если она позволит мне вложить эти деньги в дело. Закладная на землю будет выкуплена, Ребекка сможет заработать себе на жизнь, и, как я полагаю, матери следует способствовать образованию старшего мальчика. Он прекрасный, целеустремленный юноша. Его нужно забрать с фермы и отправить учиться.

- Мы могли бы создать Агентство Покровительства Рэндлам с ограниченной ответственностью, - задумчиво пробормотала мисс Максвелл. - Признаюсь, я хочу, чтобы Ребекка добилась успеха в своей профессии.

- Я - нет, - сказал Адам не задумываясь.

- Конечно, вы не хотите. Мужчины не заинтересованы в том, чтобы женщины имели профессию. Но я знаю Ребекку лучше, чем вы.

- Вы лучше понимаете ее ум, но отнюдь не ее сердце. Сейчас вы смотрите на нее как на чудо-ребенка, я думаю о ней скорее как о жемчужине.

- Ну, - вздохнула мисс Максвелл, тонко улыбнувшись, - чудо или жемчужина, но даже если Агентство Покровительства Рэндлам начнет тянуть ее в противоположных направлениях, она все равно не перестанет следовать за своим святым.

- Это меня устраивает, - сказал Адам серьезно.

- Особенно если святой будет манить в вашем направлении. - И мисс Максвелл, подняв глаза, с вызовом улыбнулась.

Ребекка увидела тетю Миранду лишь спустя несколько дней после того, как вернулась в кирпичный дом. В комнату к Миранде заходила только Джейн, так как больная упорно отказывалась допустить к себе кого бы то ни было, пока ее лицо не приобретет обычный вид. Но дверь спальни всегда была приоткрыта, и Джейн казалось, что сестре приятно слышать легкие, быстрые шаги Ребекки. Сознание Миранды было теперь совершенно ясным, и, если не считать почти полной обездвиженности, она большую часть времени не испытывала никаких страданий и с нервной настороженностью следила за всем, что происходило в доме и за его пределами.

- Собрали ли паданцы в саду для яблочного пюре? Хорошо ли уродился картофель на холмах? Цвела ли уже кукуруза? Скосили ли верхние луга? Вывесили ли везде липкую бумагу от мух? Есть ли муравьи в молочне? Предлагали ли дрова? Прислал ли банк купоны?

Бедная Миранда Сойер! Даже у той великой черты, что разделяет жизнь и смерть, когда тело, пораженное болезнью, более не подчинялось ее железной воле, она оставалась все той же: никакие неземные видения не проносились в ее уме, ничего не было в нем, кроме мелких тревог и низменных забот. Не сразу может душа заговорить с Богом, как бы ни был Он близко. Хотя духовное сознание быстро постигает те истины, в которых нуждается, но если небесному языку так никогда и не научиться, бедной душе приходится пользоваться словами и выражениями, на которых она выросла и которыми пользовалась изо дня в день. Бедная мисс Миранда! Узница в тюремных стенах собственной натуры, слепая перед лицом откровения, ибо никогда не пользовалась духовным зрением, глухая к ангельским голосам, ибо никогда не пользовалась духовным слухом.

Пришло утро, когда она наконец попросила позвать Ребекку. Дверь в затемненную комнату больной открылась, и на фоне солнечного света появилась Ребекка с букетиком душистого горошка в руках. Бледное, с заострившимися чертами лицо Миранды в обрамлении ночного чепца казалось изможденным, а неподвижное тело под покрывалом вызывало жалость и сострадание.

- Входи, - сказала она. - Я еще не умерла. И будь добра, не замусоривай постель этими цветами.

- О нет! Я поставлю их в стеклянный кувшин, - сказала Ребекка и отвернулась к умывальнику, пытаясь овладеть голосом и удержать слезы, наполнившие глаза.

- Дай мне взглянуть на тебя. Подойди ближе! Какое на тебе платье? - спросила тетка слабым, надтреснутым голосом.

- Голубое, ситцевое.

- Твое кашемировое не выцвело?

- Нет, тетя Миранда.

- Ты держишь его в темном шкафу, вывернутым наизнанку, как я тебе говорила?

- Всегда.

- Твоя мать варила варенье?

- Она не написала.

- Она всегда умела писать письма так, чтобы ничего в них не сказать. Что сломал Марк, с тех пор как я заболела?

- Совсем ничего, тетя.

- Что это с ним? Неужели обленился? Каким растет Джон?

- Он будет лучшим из всех нас.

- Надеюсь, ты не стала делать все в кухне кое-как, оттого что меня там нет. Ты обдаешь кипятком кофейник и ставишь его вверх дном на подоконник?

- Да, тетя Миранда.

- Только и слышу, что "да", и от тебя, и от Джейн, - простонала тетка, пытаясь подвинуть свое оцепенелое тело, - но все время, пока я лежу здесь, я знаю, что дела идут не так, как мне хочется.

Последовала долгая пауза. Ребекка присела у постели и робко коснулась теткиной руки, глядя на исхудалое лицо и закрытые глаза. Сердце ее переполняли нежность и жалость.

- Мне ужасно стыдно, Ребекка, что ты была на выпускной церемонии в марлевом платье, но я ничего не могла поделать. Когда-нибудь ты услышишь о причине и узнаешь, что я пыталась сделать для тебя. Боюсь, ты была всеобщим посмешищем.

- Нет, - ответила Ребекка. - Многие говорили, что наши платья были самыми красивыми. Марля выглядела как мягкое кружево. Не тревожьтесь ни о чем. Вот я, совсем взрослая и образованная - третья в классе из двадцати двух учеников, тетя Миранда, - и мне уже предложены хорошие должности. Взгляните на меня! Высокая, сильная, молодая, готовая вступить в жизнь и показать, что сделали для меня вы и тетя Джейн. Если вы хотите, чтобы я оставалась поблизости, я поступлю на место помощника учителя в Эджвуде. Тогда я смогу быть здесь по вечерам и в воскресенье и буду помогать вам. А если вы чувствуете, что поправляетесь, то я поеду в Огасту, так как там на сто долларов больше и к тому же можно учиться дальше.

- Послушай меня, - сказала Миранда дрожащим голосом, - выбирай лучшее место и не думай о моей болезни. Я хотела бы прожить столько, чтобы умереть, зная, что ты выкупила эту закладную. Но думаю, не доживу.

Она замолчала, утомленная, так как уже давно не говорила так много. Ребекка тихонько вышла из комнаты, чтобы поплакать в одиночестве и задуматься: неужели старость должна быть такой мрачной, такой суровой, неужели, даже медленно спускаясь в долину смерти, она остается такой же неумной и никогда не смягчается?

Дни проходили, и Миранда становилась все сильнее и крепче. Ее воля казалась негибимой, и вскоре ее уже можно было подвозить к окну в кресле на колесиках. Ее главным желанием было достичь такого улучшения своего состояния, чтобы доктор мог заходить не чаще чем раз в неделю, и тем самым уменьшить счет, который из-за ежедневных визитов возрастал до такой пугающей суммы, что мысль о ней преследовала Миранду днем и ночью.

Понемногу надежда возвращалась в юное сердце Ребекки. Тетя Джейн накрахмалила для нее воротнички и лиловое муслиновое платье, с тем чтобы, как только доктор объявит, что Миранда на пути к выздоровлению, Ребекка могла отправиться в Брансуик к мисс Максвелл. Все самое прекрасное должно было произойти там, в

Брансуике, если только ей удастся приехать туда к августу, - все, чего может пожелать душа и представить воображение, ибо ей предстояло быть единственной гостьей мисс Максвелл и сидеть за столом с университетскими профессорами и другими великими людьми.

Наконец наступил день, когда несколько простеньких платьев были упакованы в старый сундучок, обитый некрашеной кожей, вместе с ее любимым коралловым ожерельем, марлевым выпускным платьем, значком семинарии, кружевной пелериной тети Джейн и совершенно новой шляпой. Шляпа была из белого лыка с венком из дешевых белых розочек и зеленых листиков и стоила от двух до трех долларов - беспрецедентная сумма в жизни Ребекки. Эту шляпу она примеряла каждый вечер перед тем, как лечь спать. Даже в сочетании с ночной рубашкой этот головной убор ослеплял своим великолепием, но если надеть его с марлевым платьем, то - Ребекка ясно это чувствовала - даже distinguished профессора обратят на него внимание. И право же, можно не сомневаться, что ни один профессорский взор, которому выпал бы счастливый случай встретить эти сверкающие из-под гирлянды белых розочек черные глаза, никогда не перестал бы устремляться в них со вниманием!

И затем, когда все уже было готово и Эбайджа Флэг стоял у дверей, чтобы нести вниз чемодан, пришла телеграмма от Ханны: "Срочно приезжай, с мамой несчастье".

Менее чем через час Ребекка отправилась на Солнечный Ручей. Сердце ее замирало от страха при мысли о том, что может ожидать ее в конце путешествия. Смерть матери, во всяком случае, ее там не ждала, но то, с чем пришлось столкнуться, поначалу показалось лишь немногим легче. Когда мать стояла на стог сена, наблюдая за какими-то работами на скотном дворе, у нее начался один из ее приступов головокружения, она оступилась и упала. Правое колено было сломано, спина повреждена и растянута, но мать была в сознании и непосредственной угрозы ее жизни не было - так написала Ребекка, когда улучила минуту, чтобы сообщить подробности тете Джейн.

- Не знаю, почему это так, - ворчала Миранда, которая в тот день была не в состоянии сестрь, - но с детства я не могла слечь в постель без того, чтобы Орилия тоже не заболела. Не знаю, как она могла упасть, хотя это не слишком подходящее место для женщины - стог сена. Но если бы не это, так что-нибудь другое все равно непременно случилось бы. Орилия уродилась неудачницей. Теперь она, вероятно, будет хромой, и Ребекке придется сидеть на ферме и ухаживать за ней, вместо того чтобы зарабатывать хорошие деньги где-нибудь в другом месте.

- Ее первейший долг - долг по отношению к матери, - сказала Джейн. - Я надеюсь, она всегда будет об этом помнить.

- Никто не помнит ничего, что ему следует помнить, в семнадцать лет, - ответила Миранда. - Теперь, когда я опять окрепла, я хочу обсудить с тобой кое-что, Джейн, - то, что у меня на уме и день, и ночь. Мы уже говорили об этом прежде, но теперь нужно решить все окончательно. Хочешь ли ты, когда я умру, взять Орилию с детьми сюда, в кирпичный дом? Их целая куча - Орилия, Дженни и Фанни, но Марка я брать не хочу. Его может взять Ханна. Я не желаю, чтобы большой мальчишка вытаптывал ковры и ломал мебель, хотя я знаю, что, когда буду мертва, не смогу помешать тебе, если ты решишь иначе.

- Я не хотела бы идти против твоей воли, Миранда, особенно в том, что касается расходования твоих денег, - сказала Джейн.

- Не говори Ребекке, что я завещала ей кирпичный дом. Она не получит его, пока я жива, а я не хочу спешить со смертью и не желаю, чтобы меня торопили те, кто собирается извлечь из этого выгоду. И чтобы меня благодарили, тоже не хочу. Я думаю, она будет пользоваться парадной лестницей так же часто, как и задней, и, вероятно, будет держать воду в кухне, но, может быть, когда я уже несколько лет буду мертвой, мне станет все равно. Она так высоко тебя ценит, что, я думаю, захочет, чтобы ты жила здесь всю жизнь, но на всякий случай я упомянула об этом в завещании. Я не желаю, чтобы какой-нибудь шалопай, за которого Ребекка выскочит замуж, выкинул

тебя за дверь.

Наступила долгая пауза. Джейн молча вязала, время от времени бросая взгляд на худую фигуру, неподвижно лежащую на подушках, и вытирая слезы. Вдруг Миранда сказала медленно и невнятно:

- Пожалуй, можешь взять и Марка. Я думаю, бывают и ручные мальчишки, так же как и дикие. Нет ни капли смысла в том, чтобы заводить так много детей, но это ужасный риск - раскалывать семьи и отдавать ребятишек на воспитание куда-то на сторону. Никогда из них ничего хорошего не выйдет, а все будут помнить, что их мать была Соьер. Ну а теперь, если ты занавесишь окно, я попытаюсь уснуть.

Глава 29 Мать и дочь

Прошло два месяца - два месяца непрерывной утомительной работы: приготовление еды, стирка, глажение, починка одежды, заботы о трех детях; впрочем, Дженни, проворная, старательная, сообразительная, быстро становилась домовитой маленькой хозяйшкой. Было в эти месяцы немало утомительных бессонных ночей у постели Орилии и дней, когда больную нужно было перевязывать, растирать, мыть, подавать в постель еду и читать вслух. Постепенно необходимость в непрерывном уходе за больной отпала, и все вздохнули свободнее, так как стоны матери больше не доносились из душной спальни, где весь жаркий и влажный август, когда каждый вдох был для нее мучением, лежала Орилия. О том, что она сможет ходить, не могло быть и речи еще много месяцев, но казалось счастьем уже и то, что шторы подняли, постель передвинули к окну и мать с подушками за спиной сидит, наблюдает, как идет работа в доме и во дворе, улыбается и может забыть о тех изнуряющих днях, которые завершились нынешним относительным покоем и облегчением страданий.

Ни одна семнадцатилетняя девушка не может пройти через такое испытание и не измениться, ни одна девушка с характером Ребекки не могла пройти через него без некоторого внутреннего ропота и возмущения. Она не могла быть счастлива, делая тяжелую и утомительную работу, в которой, вероятно, никогда не смогла бы добиться полного успеха и которая не приносила удовлетворения. И одновременно нектаром, отторгнутым от жаждущих уст, казались радости, которые ей пришлось отвергнуть ради исполнения однообразных повседневных дел. Каким кратким, каким быстротечным был тот миг, когда рисовались ее воображению прекрасные картины, когда ей казалось, что мир открывается навстречу ее юной силе и ждут ее борьба и победа! Как быстро поблекли эти видения "в свете обычного дня"! Сначала горе и сочувствие были так остры, что она не думала ни о чем, кроме страданий матери. Никакие мысли о себе не вставали между ней и ее дочерним долгом. Но затем, по прошествии недель, маленькие неосуществившиеся надежды начали шевелиться и болью отдаваться в ее груди, сорванные замыслы поднимали голову, словно затем, чтобы ужалить ее, недостижимые радости дразнили ее самой своей близостью - узкой линией раздела, что лежала между ней и их воплощением в жизнь. Легко ненадолго вступить на узкий путь, не глядя ни направо, ни налево, когда поддерживает сознание того, что поступаешь правильно. Но когда первая радость самоотречения - радость, подобная огню в крови, - угасает, тропа кажется еще сумрачнее и безотраднее и шаги становятся неуверенными. Наступило такое время и для Ребекки. Ее бодрому духу был нанесен удар, когда пришло письмо, извещавшее о том, что предлагавшаяся ей вакансия в Огасте занята. И был тогда мятежный прыжок сердца, биение крыльев о стены клетки, жажда свободы и простора большого мира. Это было могучее движение внутренних сил, хотя сама она не давала этому порыву никаких пышных названий. У нее было такое чувство, словно ветер судьбы раздувает, раскачивает туда и сюда пламя в ее душе, оно жжет, пожирает ее, но не поджигает ничего вокруг. Все это продолжалось одну бурную ночь в ее маленькой комнатке в домике на Солнечном Ручье. Но облака унеслись прочь, солнце засияло снова, радуга протянулась через небо, а

надежда улыбалась, глядя в ее приподнятое к небу лицо, и манила за собой, говоря:

*Друг мой, надейся и жди,
Счастье твое впереди.*

Нити радости вплетались в серую паутину повседневной жизни. Были попытки сделать убогий маленький домик не столь убогим, внеся в него что-то из сада, леса или поля и следуя примеру природы в том, как она скрывает уродство везде, где встречается его. Удовлетворение приносило и сознание того, что она хозяйка пусть бедного, но все же поместья, которая строит планы, отдает распоряжения, принимает решения, вносит порядок в хаос, насаждает веселье вместо сонной покорности неизбежному. Утешением была для нее любовь детей, которые тянулись к ней, как цветы к солнцу. Их привлекали ее неистощимые запасы самых разных историй, и они были искренни в своем убеждении, что нет предела способности Ребекки к выдумкам и фантазиям. Хотя она сама и не сознавала этого, действие закона равновесия было здесь в ее пользу, и не только здесь, но и в том, что было еще более важным: в трудные дни мать и дочь нашли и, как никогда прежде, узнали друг друга. Новое чувство рождалось в душе Ребекки, когда она сидела у постели матери в долгие часы боли и страданий, - чувство, которое приходит только с заботой о другом, чувство, которое возникает и растет только тогда, когда сильный склоняется к слабому. Что же до Орилии, то невозможно описать словами счастье, какое нашла она, открыв для себя истинный смысл материнства. В прежние годы, когда ее дети были малы, своими крылами заботы и тревоги наводили мрачную тень на семейный очаг. Затем Ребекка уехала, и без ведома матери за долгие месяцы разлуки ее ум и душа выросли, и теперь, когда у Орилии появились время и возможность, чтобы узнать свою дочь, ей показалось, что такое бывает только в сказках, где эльфы тайно подменяют детей. Орилия и Ханна продолжали жить, не выходя за пределы круга повседневных дел, и привычная работа становилась все скучнее и скучнее, но теперь на определенном этапе жизненного пути должен был появиться не кто иной, как это удивительное существо, которое дает крылья мыслям, что прежде могли лишь ползать, и вносит краски, прелесть, гармонию в тусклую серовато-коричневую ткань существования.

Вы могли бы впрячь Ребекку в тяжелейший плуг, но, пока на ее стороне была молодость и сила, она ни на мгновение не забыла бы о зеленой траве под ногами и о голубом небе над головой. Ее глаза видели тесто, которое она замешивала, и пирог, которому она придавала форму, ее уши слышали, как потрескивает огонь в кухонном очаге и как поет закипающий чайник, но то и дело ее фантазия расправляла крылья и, взмыв в высоту, отдыхала, набиралась сил. Маленький, жалкий фермерский домик был неопровержимым фактом, но она имела много дворцов, куда ускользала порой - дворцов, населенных деятельными и храбрыми героями, принадлежащими миру романтики, дворцов, где их неземные обитатели шепчут душе божественные советы. И каждый раз после отступления в эту крепость мечты она вновь выходила вперед, сияющая и обновленная, как тот, кто видел вечернюю звезду или слышал сладкозвучную музыку или впитал аромат Розы радости.

Орилия могла понять чувства ограниченной и заурядной курицы, которая высидела удивительного, бесстрашного утенка, но ее собственный случай был куда более чудесным, и она могла сравнить свое изумление только с изумлением скромной пеструшки, из яйца которой вылупилась райская птица. Эта мысль не раз приходила к ней в последние две недели и снова мелькнула в это теплое октябрьское утро, когда Ребекка вошла в комнату с охапкой золотарника⁴⁵ и пылающих осенних листьев.

- Один намек на моды осенней природы, - сказала Ребекка, воткнув между матрасом и спинкой в ногах кровати ветку с великолепными красными и желтыми листьями. - Она

⁴⁵ Многолетнее травянистое растение, другое название - "золотая розга".

склонялась над прудом, и я побоялась, что этой красавице грозит сделаться тщеславной, если я позволю ей слишком долго любоваться ее отражением в воде, так что я поскорей унесла бедняжку от опасности! Разве не чудо! Как мне хотелось бы отнести одну из таких ветвей сегодня бедной тете Миранде! В кирпичном доме не бывает цветов, когда я уезжаю.

Это было удивительное утро. Солнце медленно поднялось над миром, хранившим в памяти лишь череду золотых дней и звездных ночей. Воздух был напоен ароматом зреющих фруктов, а на дереве у двери самозабвенно распевала маленькая птичка, почти разрывавшая свое горлышко, изливая радость жизни. Она забыла, что лето прошло, что неотвратимо близится зима, но кто захочет думать о холодных ветрах, голых сучьях, замерзших потоках в такой день? Яркая бабочка влетела в открытое окно и уселась на блестящий лист. Орилия слышала пение птички и, оторвав взгляд от красоты огненной ветки, перевела его на свою высокую, прекрасную дочь, стоящую, словно юная Весна с золотой Осенью в руках.

Вдруг она закрыла глаза и воскликнула:

- Я не вынесу этого! Вот я лежу здесь, прикованная к постели, мешая всем твоим планам. Все пошло прахом - вся моя экономия, все наши лишения, вся твоя упорная учеба, все расходы Миранды - все, что, как мы думали, сделает из тебя человека!

- Мама, мама, не говори так! Не думай так! - воскликнула Ребекка и порывисто опустилась на пол у постели, роняя листья и ветки золотарника. - Что ты, мама, мне чуть больше семнадцати! Эта особа в фиолетовом ситцевом переднике с испачканным мукой носом - только "зачатки" меня. Помнишь то маленькое деревце, которое посадил Джон? Были засушливое лето и холодная зима, и оно совсем не росло, что бы мы ни делали для него, а потом был хороший год, и оно наверстало упущенное время. Просто сейчас мое время "давать корни", но не думай, что мой день кончен, ведь он еще не начался! Столетний клен у колодца и тот покрылся новой листвой в это лето, так что и для меня должна быть надежда в мои семнадцать!

- Можешь храбриться сколько хочешь, - всхлипывала Орилия, - но меня не обманешь. Ты потеряла хорошее место, ты никогда не увидишь здесь своих друзей и ты не что иное, как "рабочая лошадь"!

- С виду я "рабочая лошадь", - сказала Ребекка с таинственным видом и смеющимися глазами, - но на самом деле я принцесса. Никому не говори, но это лишь маскировка. Она необходима по причинам большой государственной важности. Король и королева, которые в настоящее время занимают мой трон, очень стары, и их положение неустойчиво. Они собираются вскоре отречься от власти в мою пользу. Мое будущее королевство довольно маленькое, если сравнивать его с другими существующими королевствами, поэтому за него не ведется борьбы среди королевских родов. Но вы также не должны ожидать для меня золотого трона, выложенного бриллиантами. Он будет всего лишь из слоновой кости с красивой ширмой из павлиньих перьев сзади. Но у вас будет удобный стул совсем рядом с ним и множество слуг, готовых исполнить, как это называют в романах, ваше "малейшее желание".

Орилия против воли улыбнулась, она была утешена, хотя обмануть ее не удалось.

- Надеюсь только, что тебе не придется слишком долго ждать твоих тронов и королевств, Ребекка, - сказала она, - и что я успею увидеть их, прежде чем умру. Но жизнь кажется мне очень суровой и жестокой. Ты связана по рукам и ногам: одна больная в кирпичном доме - Миранда, вторая калека - я здесь, на ферме, не говоря уже о Дженни, Фанни и Марке. В тебе есть что-то от веселого характера твоего отца, иначе такая жизнь тяготила бы тебя так же, как и меня.

- Знаешь, мама, - сказала Ребекка, обхватив колени руками, - радость - уже просто быть здесь, в этом мире, в такой день, как сегодняшний, иметь возможность видеть, чувствовать, делать, быть в гармонии с ним, с этим миром. Когда тебе было семнадцать, мама, разве не было хорошо просто быть живой? Ты ведь не забыла?

- Нет, не забыла, - сказала Орилия, - но я не была такой живой, как ты, никогда.

- Я часто думаю, - продолжила Ребекка, подходя к окну и глядя на деревья, - я часто думаю, как было бы ужасно, если бы меня совсем не было здесь. Если бы была Ханна, а потом сразу Джон, Дженни и остальные, но никакой Ребекки - никогда никакой Ребекки! Быть живым - вот в чем радость. В моем сердце должны быть страхи, но их нет. Что-то более сильное изгоняет их, что-то похожее на ветер. Ах, мама, взгляни! Уилл едет к дому: должно быть, есть письмо из кирпичного дома.

Глава 30 Прощай, Солнечный Ручей!

Уилл Мелвилл подъехал к окну и, бросив письмо на колени Ребекке, пошел в амбар по какому-то делу.

- Ну хорошо! Значит, сестре не стало хуже, - с облегчением вздохнула Орилия, - иначе Джейн послала бы телеграмму. Посмотри, что она пишет.

Ребекка открыла конверт и в один миг прочитала всю короткую записку:

Твоя тетя Миранда скончалась час назад. Приезжай немедленно, если только твоя мать вне опасности. Я не начну приготовлений к похоронам, пока ты не будешь здесь. Она умерла очень неожиданно и без всяких мучений. О, Ребекка, я так хочу тебя видеть!

Тетя Джейн.

Сила привычки была слишком велика, и даже в час смерти сестры Джейн помнила, что телеграмма стоит двадцать пять центов и что Орилии придется платить полдоллара за доставку.

Ребекка разразилась слезами, восклицая:

- Бедная, бедная тетя Миранда! Она умерла, не найдя успокоения и утешения в жизни, и я не смогла сказать ей последнее прости! Бедная тетя Джейн! Как ей одиноко! Что мне делать, мама? Я чувствую, что разрываюсь между тобой и кирпичным домом.

- Ты должна поехать немедленно, - сказала Орилия, приподнимаясь на подушках. - Даже если бы мне грозило умереть, пока тебя не будет здесь, я все равно сказала бы то же самое. Твои тетки сделали для тебя все - больше, чем я смогла бы сделать для тебя, - и теперь твоя очередь проявить любовь и выказать благодарность. Доктор говорит, что мое положение неопасно, и я сама чувствую, что это так. Дженни справится как-нибудь одна, если Ханна будет заходить к нам раз в день.

- Но, мама, я не могу поехать! Кто будет поворачивать тебя в постели? - воскликнула Ребекка. Она ходила взад и вперед по комнате, в смятении ломая руки.

- Не имеет значения, перевернут ли меня, - заявила Орилия стоически. - Если у женщины в моем возрасте и к тому же матери семейства не хватает ума, чтобы не свалиться со стога, она должна страдать. Иди, надень черное платье и собери саквояж. Я многое дала бы, чтобы самой отправиться на похороны сестры и доказать, что я забыла и простила ей все те жестокие слова, которые она говорила мне, пока я была замужем. Ее поступки были лучше ее слов, и она возместила тебе все то, в чем когда-либо согрешила против меня или твоего отца. Ах, Ребекка, - продолжила она дрожащим голосом, - я так хорошо помню то время, когда мы с ней обе были девочками и она гордилась тем, что у меня вьются волосы. А однажды, когда мы были уже девушками, она дала мне надеть свое лучшее голубое муслиновое платье. Это было в тот раз, когда твой отец пригласил меня в первую пару большого марша на рождественских танцах. А потом я узнала, что она думала, будто он собирается пригласить ее.

И Орилия, не выдержав, горько заплакала. Воспоминания смягчили ее сердце и принесли с собой слезы, которых не вызвало само известие о смерти сестры.

На сборы оставался только час. Уилл Мелвилл должен был отвезти Ребекку на поезд в Темперанс и привезти домой из школы Дженни. Он вызвался также нанять какую-нибудь женщину, которая могла бы ночевать на ферме на тот случай, если миссис Рэндл ночью почувствует себя хуже.

Ребекка бегом спустилась вниз с холма, чтобы принести последнее ведро воды из

источника. Поднимая ведро из хрустальных глубин и вглядываясь в пламенеющую красоту осеннего пейзажа, она заметила группу землемеров с инструментами. Они делали замеры и прокладывали свои линии, которые пересекали Солнечный Ручей в ее любимом месте, где лежала Зеркальная Заводь, ясная и безмятежная, с желтыми листьями на поверхности воды, такими же яркими, как и искрящийся песок на дне.

Ребекка затаила дыхание. "Время пришло, - подумала она. - Я прощаюсь с Солнечным Ручьем, и золотые ворота, которые почти сомкнулись в тот последний день в Уэйрхеме, теперь закроются навсегда. Прощайте, дорогой ручей, холмы, луга! Вы тоже увидите настоящую жизнь, поэтому будем надеяться и скажем друг другу на прощание:

*Друг мой, надейся и жди,
Счастье твое впереди.*

Уилл Мелвилл тоже видел землемеров и слышал утром на почте в Темперансе о сумме, которую миссис Рэнделл предположительно получит от железнодорожной компании. Он был в отличном настроении по случаю собственных значительно улучшившихся перспектив, так как его ферма была расположена таким образом, что ее стоимость благодаря новой железной дороге возрастала. У него также было легче на душе оттого, что семья его жены не будет больше пребывать в страшной нищете у самого его, так сказать, порога. Да и Джона можно было теперь поторопить и поставить во главе семьи на несколько лет раньше, чем ожидалось, так что мужу Ханны приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не засвистеть от радости, пока он вез Ребекку на станцию в Темперанс. Он не мог понять печали на ее лице, молчания и слез, время от времени катившихся по щекам. Ханна всегда отзывалась о своей тете Миранде как о сварливой скупой старухе, которая не станет потерей для мира, когда бы ни решила его покинуть.

- Не унывай, Бекки! - сказал он, когда оставлял ее на станции. - Когда вернешься, твоя мать уже будет сидеть. А потом всей семьей переедете в какой-нибудь хорошенький домик, туда, где ты найдешь работу. Дела больше не будут так плохи, как в прошедшем году. Мы с Ханной так думаем. - И он уехал, чтобы сообщить новости жене.

Адам Ладд находился в здании станции и сразу же подошел к Ребекке, как только она появилась в дверях, совсем не похожая на обычно живую и полную бодрости Ребекку.

- Принцесса печальна в это утро, - сказал он, взяв ее за руку. - Аладдин должен потереть свою волшебную лампу, тогда появится джинн и вмиг осушит эти слезы.

Он говорил весело, думая, что ее огорчения связаны с тем, как обстоят дела на Солнечном Ручье, и был уверен, что может быстро вернуть на ее лицо улыбку, сообщив о продаже фермы и о той значительной сумме, которую получит ее мать. Он собирался также сказать, что, хотя ей придется покинуть дом детства, не стоит грустить, так как это слишком глухое и уединенное место, совсем не подходящее для нее или ее одинокой матери с тремя младшими детьми. Ему казалось, он слышит ее слова так же отчетливо, как если бы они прозвучали вчера: "Ничто не заменит человеку фермы, где он жил в детстве". Ему казалось, он видит забавную маленькую фигурку, сидящую на крыльце в Северном Риверборо, а затем исчезающую в кусте сирени после получения памятного заказа на триста кусков "Пунцового" и "Белоснежного".

Но из нескольких слов он быстро понял, что горе ее иного рода. К глазам ее все время подступали слезы, она была такой рассеянной, такой печальной, что он мог только выразить ей свое сочувствие и попросить позволения посетить в ближайшее время кирпичный дом, чтобы самому увидеть, как идут дела.

Посадив девушку в поезд и попрощавшись, мистер Ладд подумал, что Ребекка, печальная и серьезная в своем горе, была красивее, чем когда-либо прежде, - в высшей степени прекрасной и женственной. Но во время этого недолгого разговора ее глаза оставались все теми же глазами ребенка, в их сияющих глубинах не было знания мира и людей, никаких страстей. Адам свернул от маленькой сельской станции к ближайшему лесу - прогуляться в ожидании своего поезда. Время от времени он присаживался под каким-

нибудь деревом - подумать, помечтать, взглянуть вверх на великолепие листвы. У него было с собой купленное для Ребекки новое издание сказок "Тысяча и одна ночь", эта новая книжка должна была заменить потрепанную старую - источник стольких радостей в дни ее детства, но, встретив Ребекку в такой неудачный момент, он по рассеянности унес книгу с собой. Сидя под деревом, Адам лениво переворачивал страницы, пока не дошел до истории о волшебной лампе Аладдина, и неожиданно, несмотря на то что ему было уже тридцать четыре года, старая сказка очаровала его так же, как в те дни детства, когда была прочитана впервые. Были там некоторые абзацы, что особенно привлекли взгляд и приковали внимание, - абзацы эти хотелось читать и перечитывать, в них открылись новые, неизвестные прежде прелесть и значение. Это были странно звучащие теперь отрывки, рассказывавшие о том, как изменилась жизнь некогда бедного Аладдина, ставшего обладателем чудесных сокровищ, и другие, где описывались красота и обаяние дочери султана, принцессы Бадр-аль-Будур.

Не только те, кто знал Аладдина, когда он в лохмотьях играл на улицах с мальчишками, не узнавали его теперь; даже те, кто видел его совсем недавно, едва узнавали, так сильно изменились его черты. Таково было действие лампы, которая постепенно изменяла того, кто обладал ею, и придавала ему совершенства, соответствующие высокому положению, достигнутому им с ее помощью...

Принцесса была прекраснейшей брюнеткой на свете. Глаза ее были большими, живыми, сверкающими, ее внешность - приятной и скромной, нос - правильной формы, рот маленький, губы пунцово-красные и чарующие своей симметрией - словом, все черты ее лица были совершенно безупречны. Неудивительно поэтому, что Аладдин, никогда не видевший подобных прелестей и чуждый им, был ослеплен. Вдобавок ко всем этим совершенствам Принцесса обладала такой стройной фигурой, держалась так величественно, что одного ее вида было достаточно, чтобы внушить уважение.

- Обожаемая Принцесса. - сказал Аладдин, приблизившись и с почтением приветствуя ее, - если я имел несчастье вызвать ваше неудовольствие моим дерзким желанием завладеть таким прелестным существом, то я должен сказать, что вам следует винить в этом ваши яркие глаза и чарующие прелести, а не меня.

- Принц, - ответила Принцесса, - мне достаточно взглянуть на вас, чтобы сказать, что я повинюсь без неохоты.

Глава 31 Оправдание тети Миранды

Ребекка вышла из поезда в Мейплвуде и поспешила на почту, где стоял дилижанс, отправляющийся в Риверборо. И какова же была ее радость, когда она увидела, что держит лошадей под уздцы не кто иной, как дядя Джерри Кобб!

- Постоянный возница заболел, - объяснил он, - и когда послали за мной, я подумал: прошли денечки, когда я влезал на козлы, но ведь Ребекка не станет терять времени даром, когда получит письмо от своей тети Джейн, и я поймаю ее сегодня или если она немного задержится, то уж завтра непременно. И вот я здесь, как тогда, больше шести лет назад. Ну как, будешь "настоящей пассажиркой" или сядешь наверху вместе со мной?

Разные чувства сменяли друг друга на лице старика, и два или три случайных свидетеля были изумлены, увидев, как красивая статная девушка прильнула к запыленному плечу возницы и заплакала как ребенок.

- О, дядя Джерри! - всхлипывала она. - Дорогой дядя Джерри! Все это было так давно, и столько всего случилось за это время, и мы так постарели, и столько еще случится, что мне просто страшно.

- Ну, ну, голубушка! - шепнул старик ласково. - Мы будем совсем одни на козлах и обсудим это, пока едем, и, может быть, все покажется не таким уж плохим.

Каждая миля пути была так же хорошо знакома Ребекке, как и дяде Джерри, - каждая поилка для скота, мельница, амбар, флюгер, пруд, ручей. И все время, пока они

ехали, она вспоминала казавшийся таким далеким день, когда она впервые сидела на козлах с болтающимися в воздухе ногами, не достающими до подножки. Она снова чувствовала запах большого букета сирени, видела украшенный воланами розовый зонтик, ощущала жестко накрахмаленное ситцевое платье и раздражающие уколы черных и желтых иголок дикобраза, украшавших ее шляпку.

Почти вся поездка прошла в молчании, но это было приятное, согревающее душу молчание и для дяди Джерри, и для сидевшей рядом с ним девушки.

Затем они увидели Эбайджу Флэга, лущащего бобы возле сарая, а затем окна чердака Перкинсов, где развевался кусок белой ткани. Ребекка сразу разгадала продиктованный любовью замысел Эммы-Джейн - приветствовать ее с помощью этого маленького реющего на ветру флага, передать ей послание в первую же минуту, когда она увидит трубы Риверборо, чтобы согреть ей душу еще до того, как они встретятся.

Затем появился кирпичный дом, выглядевший точно так же, как и прежде, хотя Ребекке казалось, будто смерть околдовала его своими волшебными чарами: зеленый холм, величавые вязы, все желтые и бурые в эту пору, пылающие клены, садовые клумбы с яркими астрами, штокрозы, вздымающиеся высоко на фоне окон гостиной, - только вместо радостных розовых и красных цветов виднелась в этих окнах полоска траурного крепа, связавшая вместе шторы, и другая такая же - на медном кольце парадной двери.

- Стойте, дядя Джерри! Не поворачивайте к дому. Дайте мне, пожалуйста, мой саквояж. Высадите меня на дороге, я побегу к дому сама, а вы поезжайте дальше.

Как только Ребекка закрыла за собой калитку, дверь дома распахнулась, и по каменным ступеням крыльца спустилась услышавшая шум и стук колес дилижанса тетя Джейн, совсем другая женщина - слабая, подавленная и бледная. Ребекка раскрыла объятия, и тетка, обессиленная, прильнула к ней, так же как в тот день, когда открыла, лишь на мгновение, и показала ребенку могилу своей погребенной любви. Казалось, тепло, и сила, и жизнь лились в старое тело из молодого.

- Ребекка, - сказала она, поднимая голову, - я хочу спросить тебя, прежде чем ты войдешь взглянуть на нее: ты чувствуешь какую-нибудь горечь в душе из-за того, что она говорила тебе, когда была жива?

В глазах Ребекки вспыхнул упрек, почти негодование, и она сказала, задышавшись от волнения:

- О, тетя Джейн! Вы могли подумать такое обо мне? Я вхожу с сердцем, полным благодарности!

- Она была хорошей женщиной, Ребекка. Да, она была вспыльчива и остра на язык, но всегда стремилась поступать честно и справедливо и делала это как могла. Она никогда не говорила об этом, но я уверена, она сожалела о каждом суровом слове, которое сказала тебе. Она не взяла этих слов назад при жизни, но она сделала все, чтобы ты узнала о ее чувствах, когда ее не будет.

- Я сказала ей перед отъездом, что она сделала из меня человека, именно так, как говорит мама, - всхлипывала Ребекка.

- Это сделала не она, - сказала Джейн. - Прежде всего это сделал Бог, и ты сама немало потрудились, чтобы помочь Ему. Но она обеспечила тебе необходимые условия и предоставила средства, и этого нельзя не принять во внимание, особенно потому, что, поступая так, она отказывалась от собственных удовольствий и удобств. И позволь мне сказать тебе еще кое-что, Ребекка. Твоя тетя Миранда завещала тебе все это - кирпичный дом, постройки, мебель, всю землю, которая ей принадлежала.

Ребекка сбросила шляпу и прижала руку к сердцу, как она делала всегда в минуты крайнего волнения. После недолгого молчания она сказала:

- Позвольте мне войти одной. Я хочу поговорить с ней, я хочу поблагодарить ее. У меня такое чувство, словно я могу сказать так, чтобы она услышала и поняла!

Джейн вернулась в кухню к тем неумолимым заботам, которые и смерть не имеет власти даже на день вычеркнуть из существования. Она может шествовать, оставляя за

собой скорбь и отчаяние в одном жилище за другим, но стол должен быть накрыт, посуда вымыта, кровати застелены - кем-нибудь.

Десять минут спустя Ребекка покинула комнату, где теперь торжествовала смерть, и, бледная, усталая, но с умиротворением и возвышенным чувством в душе, села на тихом пороге, скрытом от маленького мира Риверборо раскинувшими свои ветви вязами. Глубокое счастье и покой овладели ею, когда она смотрела на осенний пейзаж, слушала стук телеги на мосту и зов реки, медленно катящей свои воды к морю. Она подняла руку и коснулась сначала блестящего дверного молотка, а затем красных кирпичей, таких ярких в лучах октябрьского солнца.

Это был ее дом: ее крыша, ее сад, ее зеленые поляны, ее милые деревья. Это был приют для маленькой семьи с Солнечного Ручья. Ее мать снова окажется в обществе сестры и друзей юности, у детей будут учителя и товарищи для игр.

А она? Ее собственное будущее было все еще плотно окутано и скрыто от глаз прекрасной дымкой. Она прижалась головой к нагретой солнцем двери и, закрыв глаза, шепнула, словно ребенок, читающий молитву:

- Боже, благослови тетю Миранду! Благослови кирпичный дом, что был! Благослови кирпичный дом, что будет!

Новые рассказы о Ребекке Рассказ первый Джек-тыковка I

В солнечное июльское утро старый сад мисс Миранды Соьер был самым приятным местом в Риверборо.

Яркие стены кирпичного дома рдели и мерцали, выглядывая в просветы между тенистыми ветвями вязов и кленов. Буйно разросшийся хмель взбирался вверх по громоотводам и водосточным трубам, свешивая отовсюду в чарующем изобилии свои изящные веточки. Вьющиеся растения превратили в чудо красоты и старый амбар, и сарайчик с инструментами, а цветочные клумбы были самыми красивыми и душистыми во всей округе. Часть сада, отведенную под цветник, окаймлял ровный ряд георгинов - алых, золотых, пестрых. В самом центре располагалась круглая клумба, где поднятые личики множества трехцветных фиалок улыбались солнцу, выглядывая из-под своих листиков, а по углам над треугольными клумбами пахучих флоксов неустанно порхали бабочки. На свободных местах между клумбами буйно разрослись портулак и настурции, а на более правильной формы, обложенных ракушками участках росли спирея, левкой, резеда, бархатцы и гвоздики.

Позади скотного двора повсюду, захватывая и край сенокоса, белел донник, чьи перистые головки клонились, атакуемые жужжащими пчелами, а рядом склоны, поросшие душистой мятой и тимьяном, впитывали солнечный свет и затем вновь посылали его в теплый и восхитительно ароматный летний воздух.

Штокрозы, густо усеянные нарядными атласными цветками ярко-розового, бледно-лилового или малинового цвета, были гордостью мисс Миранды, и внушительный ряд их протянулся вдоль всех четырех окон кухни.

"Они немного напоминают шпильки домов, - думала двенадцатилетняя Ребекка Рэнделл, пропалывавшая клумбы, - а их плоские круглые цветки похожи на розетки из атласной ленты. Но ведь колокольни не украшают розетками, так что, если бы пришлось писать о них в сочинении, надо было бы отказаться от одного из сравнений. Думаю, я отказалась бы от шпилей.

*Ах, сколько прекрасных
Малюток штокроз
В розетках атласных
С алмазами рос!*

Жаль, что штокрозы на самом деле не малютки, а такие большие - закрывают все окна, до самого верха. Но я не могу сказать: "Большие штокрозы"... Пожалуй, я могла бы оставить стишок как есть, а назвать его "Строки, обращенные к штокрозам в мае", ведь в мае они еще маленькие... Нет, я забыла, что в мае они еще не цветут, а это так красиво: "В розетках атласных с алмазами рос". Хорошо бы, тут сейчас была учительница, ей бы это понравилось. И еще она послушала бы, как я декламирую отрывок из Байрона, который нашла в книжке у тети Джейн: "Ревь, могучий синий океан, ревь". Эти "реви" выходят из стиха с рокотом, словно волны, набегающие на берег. Я могла бы написать очень хорошее сочинение сейчас, когда все цветет, когда так тепло, солнечно и весело в саду. Мисс Дирборн велела мне каждый день записывать что-нибудь в мою Книгу Мыслей, и я начну сегодня же вечером, перед тем как пойти спать".

Ребекка Ровена Рэндл, маленькая племянница хозяек кирпичного дома, взятая ими в Риверборо с целью обеспечить ей питание, жилье, возможности для получения образования, а попутно и такое суровое воспитание, которое могло бы в конечном счете создать моральное совершенство, - Ребекка Рэндл увлекалась поэзией - рифмой и ритмом стихов. С раннего детства слова были для нее тем же, чем куклы и игрушки для других детей, и теперь, в свои двенадцать лет, она развлекала себя фразами, оборотами и фигурами речи, подобно тому как ее ровесники коротали время, складывая картинки из кусочков разрезных картонных головоломок. Если героиня какого-нибудь рассказа "окидывала беглым взглядом" свои "апартаменты", то, прочитав его, Ребекка вскоре уже просила тетю Джейн "окинуть беглым взглядом" только что выполненный подрубочный или обтачной шов. А если злодей "оказывал пособничество" в совершении преступления, то спустя некоторое время и она просила тетку не отказать ей в удовольствии "оказать пособничество", когда нужно было вымыть посуду или застелить постели. Иногда она употребляла эти позаимствованные из книг фразы неосознанно, иногда же вводила их в свою речь с глубоким чувством удовлетворения, восхищенная их благозвучием или меткостью. Красивое слово или фраза действовали на ее воображение так же, как душистый букет, мелодичная музыка или яркий закат.

- Как там у тебя дела, Ребекка? - окликнул ее властный голос из окна кухни.

- Неплохо, тетя Миранда. Только хорошо бы, цветы росли так же густо, как подорожник и сурепка. Почему сорняки растут так густо, а цветы так редко? Я как раз остановилась на минутку, чтобы подумать об этом, когда вы выглянули.

- Судя по виду клумбы, ты думаешь гораздо больше, чем пропалываешь. Сколько раз ты заглядывала в то птичье гнездо? Почему ты сначала не поработаешь хорошенько, чтобы потом уже только развлекаться, как делают все другие люди?

- Не знаю, - ответила девочка, смущенная этим вопросом, а еще больше очевидной логикой, лежащей в его основе. - Не знаю, тетя Миранда, но, когда я работаю в саду в такое чудесное субботнее утро, как это, мне кажется, что весь мир взывает ко мне, чтобы я оставила работу и пошла поиграть.

- Ну, если он и взывает, это не значит, что ты должна откликаться! - резко заявила тетка. - Ко мне он не взывает, когда я раскатываю здесь тесто, и к тебе не взывал бы, если бы ты думала о том, чем должна заниматься.

Маленькие смуглые руки Ребекки снова замелькали среди сорняков, при этом она с возмущением думала: "Мир не стал бы взывать к тете Миранде, ему и так было бы ясно, что она не придет.

*Кричи, взывай, о мир, что вечно нов!
Но не Миранда твой услышит зов!*

Ах, какие необычные и хорошие мысли приходят мне в голову, когда я здесь одна.

Хорошо бы побегать наверх, в мою комнату, и записать их в Книгу Мыслей, пока я их не забыла. Но тете Миранде не понравилось бы, если бы я вдруг бросила прополку.

*Полола однажды Ребекка штокрозы,
Ее посетили чудесные грезы.
А тетя ее была занята скалкой
И мыслью одной, заурядной и жалкой.*

Так не пойдет, потому что это нехорошо по отношению к тете Миранде, да и вообще некрасиво. Но мне нужно заползти под сирень, чтобы немного отдохнуть в тени. Ведь любому человеку приходится иногда прервать работу, просто чтобы перевести дух, даже если он не сочиняет при этом стихи.

*Полола однажды Ребекка штокрозы,
Ее посетили волшебные грезы.
Миранда же тесто катала со рвением,
Ей мысли казались тогда прегрешеньем.*

Как на удивленье красиво выглядят розетки штокроз, когда смотришь на них снизу, с прохладной душистой земли!

Ну-ка, подумаю, какие слова подойдут к "на удивленье". Ограбленье, умиление, поздравленье, стремленье, позволение, утомленье - ничего хорошего; но, пожалуй, я могу вставить "утомленье".

*Цветы на удивленье,
Ровена в умиление,
Но тети утомленье
Всем омрачает день".*

Внезапно тишину нарушил стук колес, а вслед за ним послышался голос Эммы-Джейн - голос, который не мог ждать, пока принадлежащие ему ноги доставят его на место:

- Мисс Сойер! Отец едет по делам в Северный Риверборо. Можно Ребекке поехать со мной? Пожалуйста, ведь сегодня суббота, да еще и каникулы?

Ребекка выскочила из-под куста сирени, глаза ее сияли восторгом так, как могли сиять только глаза Ребекки, а все лицо светилось радостным нетерпением. Она захлопала грязными руками и, подпрыгивая на месте, закричала:

- Можно, тетя Миранда? Можно, тетя Джейн? Можно, тетя Миранда-Джейн? Я прополола больше половины клумбы.

- Если ты думаешь, что сумеешь кончить прополку сегодня вечером до заката, то, пожалуй, можешь поехать, раз уж мистер Перкинс так любезен, что приглашает тебя, - неохотно дала свое разрешение мисс Сойер. - Сними передник и как следует вымой руки. Уже два часа, как ты встала с постели, а голова всклокочена, будто тебя только что разбудили. Это все оттого, что валяешься на земле, как гусеница. Пригладь пока волосы руками, а потом, когда поедете, может быть, Эмма-Джейн заплетет тебе косы заново. Сбегай наверх, возьми ленту из верхнего ящика комода и повяжи на твою соломенную шляпу. Нет, коралловые бусы надевать нельзя - по утрам украшения не носят. Когда вы рассчитываете вернуться, Эмма-Джейн?

- Не знаю. Папу попросили позаботиться о бедной больной женщине. Ее нужно забрать на ферму, где устроена богадельня.

Эта новость заставила мисс Миранду и ее сестру Джейн поспешить к парадной двери, откуда они увидели мистера Перкинса и его бричку. Мистер Перкинс, отец душевной подруги Ребекки, был в первую очередь кузнецом, а во вторую - членом городского управления и приходским попечителем по призрению бедных, в силу чего обладал обширной и разнообразной информацией.

- Кто это болен? - спросила Миранда.
- Да одна женщина в Северном Риверборо.
- Что с ней?

- Точно не знаю.
- Чужая?
- И да, и нет; это та сумасбродная дочка старого Найта Перри, что жил где-то там, на дороге в Модерейшен. Помните, она убежала из дома и устроилась на фабрику в Милтауне, а потом вышла замуж за лоботряса по имени Джон Уинслоу?
- Помню; ну и где же он? Почему он о ней не заботится?
- Не получилось у них, видно, ходить в одной упряжке. Скитались по поселкам, жили месяц здесь, месяц там, везде, где только удавалось получить работу и комнатку. А несколько месяцев назад поссорились совсем, и он ее бросил. Она поселилась с маленькой сынишкой в старой бревенчатой хибарке в лесу; одно время подрабатывала стиркой, а теперь очень тяжело заболела, даже не надеются, что выживет.
- А кто за ней ухаживает? - спросила мисс Джейн.
- Лайзи Деннет; она ближе всех живет к этой хибарке. Но я думаю, и она устала быть доброй самаритянкой⁴⁶. Во всяком случае, она прислала сегодня записку. Говорит, что, похоже Джона Уинслоу нигде не найти, родственников никаких нет, так что городок должен взять заботу о больной на себя. Вот я и еду посмотреть, как обстоят дела. Влезай, Ребекка. Вы с Эммой-Джейн поместитесь сзади на подушках, а я сяду впереди. Ну вот так! Поехали!
- Боже, Боже! - вздохнула Джейн, когда сестры снова вошли в дом. - Помню, я однажды видела Салли Перри на церковном собрании. Красивая была девушка; жаль, что она попала в такую беду.
- Если бы она продолжала ходить на собрания, а на мужчин не глядела, так, может быть, сейчас честно зарабатывала бы себе на жизнь, - заявила Миранда и добавила, неосознанно заменяя вердикт истории на прямо противоположный: - От мужчин все зло в этом мире.
- Тогда мы все здесь должны быть счастливы и довольны, - отвечала Джейн, - ведь в Риверборо на одного мужчину приходится шесть женщин.
- Будь их шестнадцать на одного, было бы еще спокойнее, - мрачно отозвалась Миранда, поставив коричневый глиняный горшок с пончиками в стенной шкаф и захлопнув дверцу.

II

Бричка Перкинсов гроыхала по пыльной проселочной дороге, и, благоразумно помолчав - так долго, как только может вынести смертный, - Ребекка рассудительно заметила:

- Печальное это поручение, не правда ли, мистер Перкинс, для такого хорошего солнечного дня?
- Много горя на свете, Ребекка, хоть и дни солнечные, и все такое, - отвечал этот добрый человек. - Коли хочешь иметь постель, крышу над головой и кусок хлеба, приходится работать. Если б я не трудился от зари до зари, не учился своему ремеслу и не отказывал себе во всем, чтобы скопить денег, когда был молодой, я, может быть, сам был бы сейчас бедняком и лежал бы больной в какой-нибудь лачуге, вместо того чтобы быть попечителем бедных, который едет забрать такого вот бедняка в богадельню.
- А тем, у кого закладная, не приходится идти в богадельню, нет, мистер Перкинс? - спросила Ребекка, содрагаясь от страха и думая о своей родной ферме на Солнечном Ручье и о закладной на нее - закладной, мрачная тень которой лежала на всем детстве Ребекки.
- Господь с тобой, нет! Разве только если они не смогут ее выкупить. Но Салли и ее

⁴⁶ "Добрый самаритянин" - милосердный человек (см.: Библия, Евангелие от Луки, гл. 10, стихи 30 - 37).

муж не нажили столько добра, чтобы обзавестись закладной. Нужно чем-то владеть, прежде чем сможешь это что-то заложить.

Сердце Ребекки радостно забилося: оказалось, что закладная - свидетельство определенного уровня семейного благосостояния.

- Что ж, - сказала она, вдыхая аромат свежескошенной травы и взирая на будущее с большей надеждой, - может быть, этой больной женщине станет лучше в такой хороший день. А может быть, ее муж вернется, чтобы извиниться и помириться, и тогда сладкое согласие воцарится в смиренном жилище, которое некогда было свидетелем бедности, горя и отчаяния. Именно так произошло в книжке, которую я сейчас читаю.

- Что-то я не замечал, чтобы в жизни часто происходило так, как в книжках, - отвечал пессимистично настроенный кузнец, прочитавший, как и подозревала Ребекка, не больше полудюжины книг за все свое долгое и зажиточное существование.

Еще три или четыре мили пути - и маленькая компания оказалась близ лесного участка, где прошлой зимой было срублено много высоких сосен. На фоне молодых берез отчетливо виднелась крыша полуразвалившейся хибарки. К дверям вела неровная дорожка, оставшаяся в том месте, где бревна волочили к большой дороге.

Когда мистер Перкинс и девочки подъехали ближе, возле домика появилась фигура женщины в холщовом клетчатом платье и ситцевом переднике. Это была, выглядевшая усталой и раздраженной, миссис Лайза-Энн Деннет.

- Доброе утро, мистер Перкинс, - сказала она. - Очень рада, что вы приехали. После того как я отправила вам записку, ей стало хуже. Она мертва.

Мертва! Это слово, тяжелое и полное тайны, поразило детский слух. Мертва! А их юные жизни, только начавшиеся, тянулись и тянулись к солнцу, убранные, подобно неумирающей надежде, в живую зелень. Мертва! А весь остальной мир упивается своей силой. Мертва! Когда качаются в полях все эти маргаритки и лютики, а мужчины сгребают в душистые стога скошенную траву или бросают сено в тяжело нагруженные телеги. Мертва! Когда весело звенят после летних ливней ручьи, цветут картофель и овес, радостно поют птицы и каждое маленькое насекомое жужжит и стрекочет, внося свою ноту в блаженный хор теплой, пульсирующей жизни.

- Я была одна с ней. Она скончалась неожиданно, на рассвете, - сказала миссис Деннет.

И к Богу вознеслась ее душа

В минуты первые рассвета.

Эти слова пришли вдруг на ум Ребекке. Она не могла припомнить, слышала ли она их на похоронах, или прочла в сборнике церковных гимнов, или сочинила "в собственной голове", но мысль о смерти, пришедшей вместе с рассветом, так взволновала ее, что она почти не слышала дальнейших речей миссис Деннет.

- Я посылала за тетушкой Бьюлой Дэй, и она была здесь сегодня, убрала и положила покойницу на стол, - продолжила многострадальная миссис Деннет. - Родных у нее, у Салли, не было, да и у Джона Уинслоу тоже, сколько я могу припомнить. Она из вашего поселка, так что вам придется похоронить ее и позаботиться о Джекки - это ее сынишка. Ему семнадцать месяцев, веселый мальчуган, вылитый отец, но я больше ни дня не могу держать его у себя. Я вконец измучилась; мой собственный малыш болен, мать опять ревматизм прихватил, а муж возвращается сегодня вечером домой после рабочей недели, и если он застанет под своим кровом ребенка Джона Уинслоу, не знаю, что будет! Вам придется забрать малыша в богадельню.

- Я не могу отвезти его туда прямо сейчас, - возразил мистер Перкинс.

- Ну тогда поддержите его денек у себя; он как котенок. Джон Уинслоу все равно рано или поздно услышит от кого-нибудь, что Салли умерла, - если только совсем не уехал из штата. А когда он узнает, что мальчик в богадельне, так, я думаю, приедет и заберет его. Не съездите ли вы со мной в деревню - договориться насчет гроба? А вы, девочки, не побойтесь остаться здесь одни ненадолго? - спросила она, обернувшись к Ребекке и Эмме-

Джейн.

- Побоймся? - отозвались обе, не понимая, что она имеет в виду.

Миссис Деннет и мистеру Перкинсу стало ясно, что страх присутствия смерти еще не проник в души девочек. Посоветовав детям не забредать далеко от хижины и пообещав вернуться через час, взрослые уехали.

Вдоль тенистой дороги нигде не было видно ни единого дома, и девочки стояли, держась за руки, и следили, как бричка исчезает из виду. Затем они молча сели под деревом, внезапно ощутив, как что-то невыразимо гнетущее нависло над их веселым утренне-летним настроением.

В лесу было очень тихо, лишь иногда слышалось стрекотание кузнечика, или птичий щебет, или - откуда-то издалека - щелканье сенокосилки.

- Мы бодрствуем! - прошептала Эмма-Джейн. - Так бодрствовали у гроба дедушки Перкинса, только там были пышные похороны и два священника. Он оставил две тысячи долларов в банке и магазин, битком набитый товарами, и еще такую бумажку, от которой можно два раза в год отрезать билетки, и они все равно что деньги.

- И возле моей маленькой сестры Миры тоже бодрствовали, - сказала Ребекка. - Помнишь, когда она умерла, я ездила на Солнечный Ручей? Это было зимой, но ее покрыли еловыми ветками и белыми гвоздиками и пели.

- А здесь не будет ни похорон, ни священников, ни пения, да? Разве это не ужасно?

- Наверное, не будет. И никаких цветов тоже!.. Пожалуй, мы могли бы принести ей цветы, если больше некому это сделать.

- И ты не побоялась бы положить их на нее? - спросила Эмма-Джейн приглушенным голосом.

- Не знаю. Не могу сказать. Как подумаю, дрожь пробирает. Но мы, конечно же, могли бы это сделать, если бы были ее единственными друзьями. Давай сначала заглянем в домик, чтобы точно знать, что никто еще не принес ей цветы. Ты боишься?

- Н-нет; думаю, что нет. Я смотрела на дедушку Перкинса, и он был такой же, как всегда.

Но у дверей домика смелость неожиданно покинула Эмму-Джейн. Она шагнула назад, содрогнувшись, и отказалась не только войти, но и заглянуть в дверь. Ребекка тоже содрогнулась, но не отступила - ее влекли неутолимый интерес к жизни и к смерти, всепоглощающее желание чувствовать и понимать тайны бытия, жажда обрести знания и опыт, чего бы это ни стоило.

Эмма-Джейн поспешила тихонько отойти от пугающей хижины. Две-три минуты прошло в полной тишине, а затем из открытой двери появилась Ребекка. Ее выразительное лицо было бледным и скорбным; слезы, которые никогда не заставляли долго себя ждать, бежали по щекам. Она бросилась к Эмме-Джейн, опустилась на траву рядом с ней и, прикрыв глаза рукой, взволнованно всхлипнула:

- Ох, Эмма-Джейн! Там ни цветочка нет. И вид у нее такой измученный и печальный, будто ее только обижали и обижали и никогда-то ей не было хорошо! А рядом с ней крошечный ребеночек... Ох, лучше бы я туда не ходила!

На мгновение Эмма-Джейн побелела от ужаса:

- Миссис Деннет ни словом не обмолвилась, что там двое мертвых! Какой кошмар! Но, - продолжила она, призвав на помощь свою практичность и здравый смысл, - ты была там один раз, и ничего. Тебе не будет так тяжело, когда ты внесешь туда цветы, так как ты уже освоилась. Золотарник еще не цветет, так что, кроме маргариток, собирать нечего. Может быть, сплести из них длинную гирлянду, такую, как я сплела для классной комнаты в школе?

- Да, сплети, - сказала Ребекка, вытирая глаза и все еще всхлипывая. - Да, это будет красивее всего, и, если мы положим гирлянду вокруг нее, точно раму, гробовщик не будет так жесток, чтобы выбросить цветы, пусть даже Салли и нищая, - ведь это будет очень красиво! Если вспомнить то, что нам говорили в воскресной школе, она сейчас всего лишь

спит, а когда проснется, будет в раю.

- Есть и другое место, - возразила набожным и замогильным шепотом Эмма-Джейн, извлекая из кармана клубок толстых хлопчатых ниток, который всегда был при ней, и начала связывать в гирлянду белые цветы.

- Ну что ты! - отозвалась Ребекка, прибегнув к той удобной теологии, которой она придерживалась. - Ее просто не могли отправить туда, вниз, с этим крошечным ребенком. Кто стал бы там о нем заботиться? Ты же знаешь, на шестой странице Катехизиса говорится, что после смерти дурных людей их единственные спутники - это отец их дьявол и прочие ангелы мрака. Там совсем неподходящее место для воспитания ребенка.

- Ну, где бы и когда бы она ни проснулась, надеюсь, ей не станет известно, что старший мальчик попадет в богадельню. Интересно, где он сейчас?

- В доме миссис Деннет, наверное. Она, кажется, ничуть не огорчилась, правда?

- Правда, но я думаю, она просто устала сидеть по ночам и ухаживать за чужой. Мама тоже не огорчилась, когда дедушка Перкинс умер; как она могла огорчиться, если он все время был такой сердитый, да и кормить его приходилось с ложки, как ребенка?.. Почему ты снова плачешь, Ребекка?

- Ах, я не знаю, не могу сказать, Эмма-Джейн! Но только я не хотела бы умереть вот так - чтобы не было никаких похорон и никто не жалел обо мне! Я просто не вынесла бы этого!

- Я тоже, - сочувственно кивнула Эмма-Джейн. - Но, может быть, если мы будем действительно хорошими и умрем молодыми, прежде чем нас придется кормить с ложки, то люди будут огорчены... Хорошо бы, ты сочинила для нее какой-нибудь стишок, как тогда, когда умерла канарейка Элис Робинсон, - только, конечно, еще лучше, чем тот. Что-нибудь вроде тех, что ты читаешь мне иногда из твоей Книги Мыслей.

- Я могла бы сочинить, и довольно легко! - воскликнула Ребекка, отчасти утешенная мыслью о том, что ее стихотворческий дар может как-то пригодиться в таких чрезвычайных обстоятельствах. - Хотя не знаю, не будет ли это дерзостью. Меня всегда смущает вопрос, как именно попадают люди на Небеса, когда их похоронят. Я этого совершенно не понимаю. Но ведь мы хотим положить листок со стихами на нее, и что, если этот листок тоже пойдет с ней на Небеса? И как я могу написать что-нибудь настолько хорошее, чтобы это можно было прочесть вслух на Небесах?

- Маленький листок бумаги не сможет попасть на Небеса, - уверенно заявила Эмма-Джейн. - Он был бы весь разорван в клочья и сгорел бы. Да и никто не знает, умеют ли ангелы читать написанное от руки.

- Ну, они, должно быть, образованные, как мы, а то и больше, - возразила Ребекка. - Я думаю, что они не просто мертвые люди, а иначе почему они с крыльями? Но я все-таки пойду и напишу что-нибудь, пока ты доделываешь гирлянду. Как это хорошо, что ты всегда носишь с собой нитки, а я карандаш.

Через пятнадцать или двадцать минут она вернулась с несколькими строчками, написанными на клочке оберточной бумаги, и, остановившись возле Эммы-Джейн, приготовилась прочесть их вслух.

- Вышло не очень хорошо. Я боялась, что не успею закончить раньше, чем вернется твой отец. А первые строки звучат точь-в-точь как погребальные гимны в церковной книжке. Я не могла назвать ее в стихе прямо - Салли Уинслоу, ведь я не знала ее при жизни, так что я решила написать так, будто у нее есть друзья и это они горюют о ней.

*Земной ее закончен путь,
И скорбь в сердцах друзей.
Господь наш, милосерден будь!
Грехи прости Ты ей!
Дай об утрате мужу знать
В далекой стороне.*

*Пришли его, Господь, отдать
Последний долг жене.
И не забудь, Господь, сирот.
Яви любовь Твою
Тому, что на земле живет,
Тому, что с ней в раю.*

- Совершенно великолепные стихи! - воскликнула Эмма-Джейн, с жаром целуя Ребекку. - Девочки умнее тебя не найти во всем штате Мэн! Звучит прямо как молитва священника. Вот бы нам с тобой скопить денег и купить печатный станок. Тогда я научилась бы печатать и печатала все, что ты пишешь, и мы стали бы компаньонами, как папа и Билл Мозес. Ты напишешь под ним свое имя, так же как мы подписываем наши школьные сочинения?

- Нет, - сдержанно отозвалась Ребекка, - конечно, не подпишу, не зная, ни куда оно пойдет, ни кто его прочитает. Я просто спрячу его в цветах гирлянды, и кто бы его ни нашел, догадается, что здесь не было ни священника, ни пения, ни надгробного камня - ничего и кто-то просто сделал что мог.

III

Усталая мать с "крошечным ребеночком" на руке лежала на длинном верстаке, завершив свое земное странствие, и, когда Ребекка тихонько вошла и положила гирлянду цветов вдоль края грубой доски, смерть вдруг приняла более кроткий и милосердный вид. То были лишь сочувствие и интуиция ребенка, но они помогли смягчить суровость горестного момента, и бедная, "сумасбродная" Салли Уинслоу в обрамлении маргариток выглядела так, словно недружелюбному миру все же ее немного не хватает, а крошечный ребеночек, чье сердце замерло, едва научившись биться, крошечный ребеночек с букетиком лютиков Эммы-Джейн в маленьком сморщенном кулачке, улыбался так, словно его любили, и ждали, и оплакивали.

- Мы сделали все, что можно было сделать без священника, - прошептала Ребекка. - Мы могли бы еще спеть "Бог вечно благ" из нашего сборника песен для воскресной школы, но я боюсь, кто-нибудь услышит, как мы поем, и подумает, что нам хорошо и весело... Что это?

Странные звуки нарушили тишину: гуканье, зевок, веселый короткий крик. Девочки побежали туда, откуда доносились звуки. Там, в зарослях золотарника, на старом пальто лежал малыш, только что пробудившийся от освежающей дремы.

- Это другой ребенок - тот, о котором говорила миссис Деннет! - догадалась Эмма-Джейн.

- Ну не прелесть ли? - воскликнула Ребекка. - Иди скорее ко мне! - И она раскрыла объятия.

Ребенок с трудом встал на ножки и, покачиваясь, заковылял в сторону тепло приветствующих его голоса и глаз. Ребекка чувствовала себя матерью; ее материнский инстинкт развился в большой семье, где она была второй по старшинству, и хотя она всегда соглашалась с тем, что на Солнечном Ручье детишек было, пожалуй, многовато, но тем не менее - слышала она эту японскую пословицу или нет - с готовностью поддержала бы выраженное в ней мнение: "Где пришел на свет - в горах или в поле, ничего не значит; более чем сокровище в тысячу гуо⁴⁷ ценен ребенок".

- Милый! - заворковала она, схватив и подняв ребенка. - Ты прямо настоящий Джек-тыковка⁴⁸.

Мальчик был одет в очень свободное и пышное платьице из желтого полотна.

⁴⁷ "Джек-тыква", "Джек-фонарь" - фонарь из тыквы с прорезанными отверстиями в виде глаз, носа и рта.

Волосы у него были такие золотистые, глянцевитые, блестящие, что он действительно напоминал хорошую гладкую тыкву. К тому же у него были большие смеющиеся голубые глаза, аккуратный прямой маленький носик и аккуратный прямой маленький ротик с несколькими аккуратными маленькими зубками, которые были очень хорошо видны в улыбке, и в целом сравнение, предложенное Ребеккой, было не так уж неуместно.

- Ах, Эмма-Джейн! Разве он не слишком милый, чтобы везти его в богадельню? Если бы мы только были замужем, то могли бы оставить его у себя и никому ничего не говорить, и никто не знал бы, что он не наш! Теперь, когда Симпсоны уехали, в Риверборо нет ни одного ребеночка, а в Эджвуде только один. Так досадно, но я ничего не могу поделать; помнишь, тетя Миранда не позволила мне взять малышку Симпсонов даже только на одно дождливое воскресенье?

- Моя мама тоже не возьмет его - бесполезно и просить. Она почти каждый день говорит, как она рада, что мы с братом выросли, и благодарит Бога за то, что нас у нее только двое.

- Миссис Мизерв слишком нервная, - продолжила Ребекка, перебирая по очереди дома поселка, - а миссис Робинсон слишком любит порядок.

- Люди, как кажется, любят только своих собственных малышей, - заметила Эмма-Джейн.

- Ну, мне этого не понять, - ответила Ребекка. - Я считаю, что ребенок есть ребенок, чей бы он ни был!.. В понедельник возвращается мисс Дирборн; не захочет ли она взять его? Ей все равно нечего делать, пока каникулы, а мы могли бы все время одалживать его у нее!

- Я думаю, это показалось бы всем не очень учтивым, если бы молодая леди, которая, как мисс Дирборн, "обедает по кругу"⁴⁸, носила с собой еще и ребенка, - с неодобрением отозвалась Эмма-Джейн.

- Наверное, ты права, - уныло согласилась Ребекка, - но мне кажется, что, если у нас в Риверборо нет никаких... никаких... личных младенцев, нам следовало бы завести одного для всего поселка, и все участвовали бы в его воспитании. Есть же у нас для всех здание управления, фонарные столбы и водопровод... Все распределено так неравномерно! Один дом, как мой на Солнечном Ручье, переполнен детьми, а в другом - пусто! Единственным способом распределить их правильно было бы разрешить, чтобы все дети, какие есть, принадлежали всем взрослым, какие есть, - ну, просто поделить их на всех - понимаешь? - если хватит... Ах, идея! Как ты думаешь, не возьмет ли его тетя Сара Кобб? Она часто носит цветы на кладбище и однажды брала меня с собой. Там стоит мраморный крест, а на нем надпись: "Священной памяти Сары-Эллен, любимой дочери Джеримайи и Сары Кобб, скончавшейся в возрасте семнадцати месяцев". Да ведь это еще одна причина, чтобы тетя Сара взяла этого малыша! Миссис Деннет говорит, что ему семнадцать месяцев... На Солнечном Ручье без меня осталось пятеро, но, если бы только наша ферма была поближе к Риверборо, как охотно мама взяла бы еще одного!

- Мы могли бы выяснить, что папа думает, и это решило бы дело, - сказала Эмма-Джейн. - Папа думает медленно, но ужасно глубоко. Если мы не будем приставать к нему, а найдем место для ребеночка сами, то, возможно, он и согласится. Вот он едет, я слышу стук колес.

Миссис Деннет вызвалась остаться с гробовщиком, чтобы исполнить последние обряды, а Джек-тыковка, вместе с его скудным гардеробом, завернутым в пестрый платок, был с неохотой поднят в бричку мистером Перкинсом и с ликованием принят на колени Ребеккой. Мистер Перкинс поспешил отъехать от хибарки, так как чувствовал себя невыразимо уставшим от всего этого неприятного дела и считал, не без оснований, что

⁴⁸ Распространенный в американских поселках прошлого века порядок, когда учитель местной школы питался по очереди во всех домах селения.

девочки и так уже видели и слышали в это утро более чем достаточно такого, что называют мрачной стороной жизни.

Обсуждение будущего Джека-тыковки было предусмотрительно отложено на четверть часа, а затем мистера Перкинса безжалостно атаковали аргументами против выбора богадельни в качестве места пребывания малыша.

- Его отец непременно когда-нибудь вернется, мистер Перкинс, - убеждала Ребекка. - Не мог он навсегда покинуть такого красавца сына. А если мы с Эммой-Джейн сумеем уговорить миссис Кобб поддержать его немного у себя, то вам ведь все равно?

Да, по размышлении мистер Перкинс нашел, что ему все равно. Он просто хотел жить спокойно и чтобы у него оставалось достаточно времени от общественных дел для работы в собственной кузнице. А потому, вместо того чтобы вернуться домой той же дорогой, какой они ехали утром, он перевез девочек по мосту в Эджвуд и высадил у длинной тропинки, которая вела к дому Коббов.

Миссис Кобб - "тетя Сара", как называл ее весь поселок, - сидела у окна, поджидая дядю Джерри, дилижанс которого скоро должен был появиться на дороге, ведущей через холм в сторону почты. Поглядывала миссис Кобб и на тропинку, так как с тех пор как Ребекка в качестве пассажирки почтовой кареты совершила в обществе мистера Кобба памятную поездку с родной фермы в кирпичный дом в Риверборо, она стала постоянной посетительницей тихого дома Коббов и утехой его обитателей. Эмма-Джейн тоже была фигурой, часто появлявшейся на тропинке, но чужой ребенок - это был, пожалуй, сюрприз, хотя и не такой уж большой, поскольку Ребекка была яркой личностью и ее чаще, чем обычного риверборского ребенка, можно было увидеть в обществе необычных знакомых, приятелей или сопровождающих. Однажды она даже убежала из кирпичного дома, от его слишком суровых порядков, но дядя Джерри уговорил ее вернуться. А в другой раз она привела к их дверям бродячего шарманщика и умоляла приютить его на ночь, так как шел дождь. Так что в целом приближающаяся процессия не показалась миссис Кобб особенно странной.

Маленькая компания добралась до гостеприимной двери, и миссис Кобб вышла навстречу посетителям.

Речь держала Ребекка. Красноречие не принадлежало к числу талантов Эммы-Джейн, да и поистине храбрым и говорливым должен был оказаться тот ребенок, которому удалось бы узурпировать привилегии Ребекки, - язык был для нее родной стихией, и слова, подобранные одно к другому, сами поднимались к ее устами.

- Тетя Сара, дорогая, - начала она, когда, расправив платице Джека-тыковки и пригладив ему волосики, посадила его на траву, - пожалуйста, не говорите ни слова, пока я не кончу, так как очень важно, чтобы вы знали все, прежде чем ответите "да" или "нет". Этого малютку зовут Джекки Уинслоу, и я думаю, что он очень похож на Джека-тыковку. Его мать умерла сегодня на рассвете в Северном Риверборо, в полном одиночестве, если не считать миссис Лайзы-Энн Деннет, и еще там был другой крошечный ребеночек, который умер вместе с ней, и мы с Эммой-Джейн положили вокруг них цветы и сделали все, что могли. Отец, то есть Джон Уинслоу, поссорился с матерью, то есть с Салли Перри, на дороге в Модерейшен и бросил ее и убежал. Так что он не знает, что его жена и крошечный ребеночек умерли. И поселок должен их похоронить, так как отца невозможно найти сразу, а Джекки должен сегодня вечером ехать в богадельню. И так ужасно жалко отдавать его туда, где тоскливо и где одни старики, которые не смогут поиграть с ним, и мы подумали, что если Эмма-Джейн, Элис Робинсон и я возьмем на себя почти всю заботу о нем, то, возможно, вы и дядя Джерри согласитесь поддержать его у себя - совсем недолго. Ведь у вас есть корова и складная детская кроватка, - торопливо и вкрадчиво продолжила она, - и едва ли есть другое такое дешевое удовольствие, как дети, для тех, у кого они когда-нибудь были, ведь детские колясочки, колыбельки и кровати на колесиках не снашиваются и одежда от прежнего ребеночка всегда остается, так что можно одеть нового. И мы, конечно же, сможем собрать достаточно всяких

вещей, чтобы начать выращивать Джекки, так что не будет больших хлопот или расходов. К тому же он уже вышел из самого трудного возраста, и вам не придется сидеть возле него по ночам. И он никого и ничего не боится, как вы можете судить по тому, что вот он сидит здесь и сосет большой палец, хотя не знает, что будет с ним дальше. И ему как раз семнадцать месяцев - столько же, сколько дорогой маленькой Саре-Эллен на кладбище, и мы подумали, что должны дать вам право выбрать первой, прежде чем он поедет в богадельню, и что вы об этом думаете? Потому что мне уже пора обедать, и тетя Миранда оставит меня дома на весь вечер, если я опоздаю, и еще я должна успеть до заката прополоть грядку штокроз.

IV

Миссис Кобб имела возможность поразмыслить, пока звучал этот монолог, и Джекки не терял времени даром, предложив ей, сам о том не зная, несколько дополнительных аргументов и указаний по обсуждаемому вопросу. Он ковылял по траве, раскачиваясь и выпрямляясь со смехом; с восторгом дрыгал на солнце босыми ножками, пытался дотянуться до своих стоп пухлыми ручками, слишком короткими для этого, - телодвижение, сопровождавшееся полной потерей равновесия и новым взрывом смеха.

Спустившись с последней из каменных ступеней крыльца, мать Сары-Эллен с интересом и сочувствием смотрела на ребенка.

- Бедный малютка! - сказала она. - И не знает, что потерял и что его ждет. Думаю, мы могли бы немного подержать его у себя - пока не убедимся, что отец совсем его бросил. - Хочешь к тете Саре, крошка?

Джек-тыковка обернулся и, серьезно посмотрев на ее доброе лицо, протянул к ней обе ручки, и миссис Кобб, склонившись, взяла его в охапку, точно сноп. Оказавшись у нее на руках, он тут же сорвал с ее носа очки и звонко засмеялся. Она ласково отобрала их и снова надела, а затем, усадив его в подушки стоявшего под сиренью кресла-качалки, взяла одну из его мягких ручек в свои, погладила ее, быстро задвигала пальцами перед его глазами, изображая птичку, и пощелкала ими, словно кастаньетами, вспоминая все те многочисленные уловки, к которым прибегала много лет назад, когда развлекала Сару-Эллен, семнадцати месяцев от роду.

Сиротка-младенец, без дитятка мать -

На счастье и радость друг другу их дать.

Ребекка не знала этого двустишия, но ясно видела, что сумела добиться своего.

- Мальчик, должно быть, голоден. Когда его кормили в последний раз? - спросила миссис Кобб. - Подождите минутку, я принесу ему утреннего молока, а потом вы побежите домой обедать. Вечером я поговорю с мужем. Думаю, мы можем подержать ребенка недельку-две у себя, пока не увидим, как обстоят дела. Боже мой! Да конечно же с ним будет не больше хлопот, чем с восковой куклой! Он, кажется, не привык, чтобы ему уделяли много внимания, а за такими детьми проще всего ухаживать.

В тот же вечер около шести часов Ребекка и Эмма-Джейн снова взбежали на холм и, бросившись по тропинке к домику, издали замахали руками добрым старикам, ожидавшим их на своем обычном месте - задней веранде, где они столько лет проводили вечера в счастливом дружеском общении, никогда не омраченном ни одним неласковым словом.

- Где Джекки? - спросила запыхавшаяся Ребекка, ее голос всегда обгонял ноги.

- Поднимитесь в мою спальню, если хотите посмотреть, - улыбнулась миссис Кобб, - только не разбудите его.

Девочки тихонько поднялись по лестнице в комнату тети Сары. Там в складной детской кровати, так долго пустовавшей, спал Джек-тыковка в блаженном неведении о горькой участи, которой совсем недавно избежал. Его ночная рубашечка и наволочка на подушке были чистыми и пахли лавандой, но и та и другая пожелтели от времени, ибо

раньше принадлежали Саре-Эллен.

- Жаль, что его мама не может увидеть его сейчас! - прошептала Эмма-Джейн, когда, с сожалением оторвавшись от созерцания пленительной картины, они, стараясь не шуметь, спускались на веранду.

- Кто знает? С этими Небесами все так запутано, что, может быть, она и видит, - отозвалась Ребекка.

Это было хорошее и счастливое лето, и каждый день его был заполнен восхитительными обязанностями. В первый же понедельник после прибытия Джека-тыковки в Эджвуд Ребекка основала Риверборскую ассоциацию тетушек. "Тетушками" были Ребекка, Эмма-Джейн, Элис Робинсон и Минни Липучка; каждая из первых трех обещала работать на гостящего ребенка и развлекать его два дня в неделю, а Минни, которая жила далеко от Коббов, взяла на себя обязательство проводить с ним субботние вечера.

Минни отнюдь не была общей любимицей риверборских девочек, и то, что ее допустили в новую ассоциацию, оказалось следствием беспрецедентного порыва великодушия, хотя втайне Ребекку все же радовала мысль о том, что поскольку Минни посвящает свое свободное время ребенку лишь раз в неделю, то не имеет права называться полной тетушкой. В первое лето пребывания Ребекки в Риверборо эти две девочки долго и ожесточенно враждовали, но, с тех пор как мать сказала Минни, что еще одна стычка повлечет за собой наказание столь ужасное, что на него можно лишь туманно намекнуть, а Миранда Сойер высказалась в том духе, что если ее племянница не может ужиться с соседями, то ей лучше вернуться на уединенную ферму, где никаких соседей нет, враждебные действия приняли замаскированный характер и вежливые, дипломатичные отношения заменили прежние, примитивные и дикарские. Однако всякий раз, когда Минни, с ее соломенными волосами, красным носом и глазами, как у хорька, предавалась многословным речам, Ребекка вспоминала старую сказку и, казалось, видела жаб, выскакивающих у Минни изо рта. Это было, право же, очень неприятно, поскольку сама Минни их никогда не видела и, что удивительно, Эмма-Джейн тоже не замечала ничего подобного, будучи почти так же слепа и в отношении алмазов, постоянно сыпавшихся из уст Ребекки; но Эмма-Джейн не отличалась богатством воображения...

Старую тряскую колясочку нашли на чудесном чердаке миссис Перкинс; чулки и башмаки предоставила миссис Робинсон; мисс Джейн Сойер связала одеяльце и несколько рубашечек; Тирза Мизерв, хоть и слишком маленькая, чтобы стать тетушкой, выпросила у матери несколько платяниц и ночных рубашек и была пожалована грамотой на зеленой бумаге, дававшей ей право катать Джекки по дороге туда и обратно в течение часа под наблюдением полной тетушки. Каждая из тетушек, в соответствии с уставом ассоциации, могла два дня в неделю называть Джекки "своим", и соперничество между ними, когда они стирали, гладили и шили для своего обожаемого "племянника", было чрезвычайно острым, хоть и дружеским.

Не будь миссис Кобб самой благожелательной женщиной на свете и не оставаясь она с Джекки одна в утренние часы и вечером, после наступления сумерек, ее, вероятно, раздражали бы ретивые тетушки.

Тем временем Джек-тыковка с каждой неделей становился здоровее, энергичнее и веселее. Дядя Джерри тоже присоединился к маленькой компании обожателей и рабов, чьи сердца волновало лишь одно опасение - не то, какое, вероятно, вообразил бы здравомыслящий и практичный человек - что отец-отступник может так и не вернуться, чтобы предъявить права на своего сына, но, напротив, что он может это сделать!

Наконец наступил октябрь, с его бодряще прохладными днями и морозными ночами, с великолепием пурпурных листьев и золотым урожаем созревших колосьев и тыкв. Ребекка перешла на ту сторону реки, где располагался Эджвуд, и шагала через пастбища к дому Коббов, чтобы перед сном поиграть с Джекки. Ее литературное творчество было

до некоторой степени прервано радостями и обязанностями вице-материнства, и Книга Мыслей теперь не так часто, как прежде, извлекалась из тайника под старым стогом сена на скотном дворе Сойеров.

Миссис Кобб стояла за дверью, уткнувшись лицом в проволочную сетку, и Ребекке даже издали было видно, что она вытирает рукой глаза.

Сердце девочки сильно забилося в пугающем предчувствии, а затем замерло. Она была словно арфа, которую заставляет вибрировать любой ветер эмоций, будь то чужое горе или ее собственное.

Она бросила взгляд на тропинку, за изгиб каменной стены, красной от листьев увившего ее плюща, - тропинку, пересекавшую большую дорогу, которая вела к железнодорожной станции. Там, только что поднявшись на холм и готовясь исчезнуть за гребнем, шагал незнакомый мужчина, крепкий и высокий, с торчащими из-под соломенной шляпы кудрявыми рыжеватыми волосами. Рядом с ним шла какая-то женщина, а на его плече с самым сияющим и торжествующим видом, такой же веселый, каким был в каждый час своего пребывания в Эджвуде, ехал Джек-тыковка!

У Ребекки вырвался крик, в котором материнская тоска соперничала с безнадежной ревностью. Затем она рванулась вперед и побежала вслед за исчезающим за горизонтом трио.

Миссис Кобб торопливо открыла дверь и окликнула девочку.

- Ребекка, Ребекка, вернись! Ты не должна вмешиваться в то, во что не имеешь права вмешиваться. Если бы можно было что-то сказать или сделать, я сделала бы это.

- Он мой! Он мой! - восклицала Ребекка. - По крайней мере, ваш и мой!

- Прежде всего он принадлежит своему отцу, - запинаясь, выговорила миссис Кобб. - Давай не будем забывать об этом. И мы должны быть рады и благодарны, ведь Джон Уинслоу образумился и вспомнил, что произвел на свет этого ребенка и должен позаботиться о нем. Что для нас потеря, для него находка, и, возможно, это сделает его человеком. Заходи, и мы приберем в доме, пока дядя Джерри еще не вернулся.

Ребекка упала жалким, безжизненным комочком на пол спальни миссис Кобб, надрывно рыдая.

- Ах, тетя Сара, где мы найдем другого Джека-тыковку и что я скажу Эмме-Джейн? Что, если отец не любит его, и что, если он будет забывать процеживать молоко или допустит, чтобы ребенок не ложился спать днем? Вот что хуже всего с детьми, которые не свои, - рано или поздно приходится с ними расстаться!

- Иногда приходится расстаться и со своими собственными, - печально заметила миссис Кобб. И хотя на лице ее были горестные морщинки, она не возмущалась и не роптала, когда сложила детскую кроватку, чтобы во второй раз сослать ее на чердак. - Теперь мне еще больше будет не хватать моей Сары-Эллен. Но все же, Ребекка, мы не должны жаловаться. Господь Дал, Господь взял, да будет благословенно имя Его.

Рассказ второй "Дочери Сиона"

I

Эбайджа Флэг ехал в Уэйрхем по поручению старого судьи Вина, на которого работал не первый год, помогая по хозяйству в доме и на ферме.

Мимо дома Эммы-Джейн Перкинс он проехал, как всегда, медленно. Она была маленькой тринадцатилетней девочкой, а он мальчиком лет пятнадцати-шестнадцати, но почему-то, без какой-либо особой причины, ему нравилось смотреть, как блестят на солнце ее толстые каштановые косы. Он восхищался ее светло-голубыми глазами и приветливым, дружелюбным выражением лица. Эбайджа был совсем один на свете и часто думал, что, будь у него возможность выбирать, он предпочел бы такую сестру, как Эмма-Джейн Перкинс, всему, что может даровать Провидение. Впрочем, когда

спустя несколько лет она сама предложила ему такого рода отношения, он с пренебрежением отверг это предложение, успев за прошедшее время изменить свои намерения по отношению к ней, - но та история относится к другому времени и месту.

Эммы-Джейн не было видно ни в саду, ни на лугу, ни у окна, и Эбайджа перевел взгляд на большой кирпичный дом, стоявший на другой стороне тихой сельской улочки. Тот выглядел так, точно его закрыли по случаю чьих-то похорон. Ни мисс Миранда, ни мисс Джейн не сидели с привычным вязаньем каждая у своего окна; нигде не было видно и смуглого лица Ребекки, хотя обычно эту неуловимую маленькую особу можно было видеть, слышать или чувствовать, где бы она ни находилась.

"Ну, должно быть, весь поселок захворал и слег в постель", - размышлял Эбайджа, приближаясь к желтому домику Робинсонов, где все ставни были закрыты и ни признака жизни не было заметно на крыльце или под навесом сарая. "Нет, не весь", - снова подумал он, когда его лошадь медленно спустилась с холма: со стороны скотного двора Робинсонов лились пламенные сентенции, положенные на музыку "Антиоха". Слова мог без труда разобрать любой паренек, воспитанный в традиционной строгой вере:

О дочь Си-о-на, под-ни-ми из пра-ха твой ве-нец!

Даже самый религиозный юноша лучше знает первые строки гимнов, чем последующие, но Эбайджа натянул вожжи и ждал, пока ему не удалось разобрать еще один знакомый стих, начинавшийся так:

Вновь стены выстрой ты свои

И созови сынов.

"Это Ребекка ведет мелодию, и я, кажется, различаю алыт Эммы-Джейн".

Ска-жи: от - дай ты, Се - вер, их

И ты, Юг, из о-ков и ты, Юг, из о-ков и т.д.

"Ну и ну! Как у них ловко выходит "вверх-вниз" в этом отрывке, который они разучили на уроках пения! Интересно, что это им вздумалось распевать гимны на сеновале? Опять какая-нибудь затея Ребекки, ручаюсь! Трогай, Алек!"

Алек продолжал спокойной ровной рысцей подниматься на холмы уже на другом, эджвудском, берегу реки, пока наконец не приблизился к зеленому общинному лугу, где на холме Тори-Хилл стоял молитвенный дом; его белые стены и зеленые ставни, освещенные послеполуденным солнцем, были хорошо видны издали и радовали глаз. Обе двери были открыты, и, когда Эбайджа повернул на уэйрхемскую дорогу, церковный мелодион заиграл начальные такты миссионерского гимна, и тут же десятка два голосов запели - с хоров на пыльную дорогу понеслась старая добрая песнь:

Можем ли мы, в чьи души

Господь пролил свой свет,

Можем ли мы заблудших

Во тьме оставить? Нет!

"Ого! - воскликнул про себя Эбайджа. - Да и здесь тем же заняты! Теперь все ясно. В церкви миссионерское собрание, а девочек на него не пустили, так что они решили устроить свое собственное, и ручаюсь, что из этих двух собраний то, которое на сеновале, веселее".

Проницательный янки Эбайджа Флэг был недалек от истины, хоть и не располагал

всеми фактами.

Те, кто уже слышал о жизни Ребекки в Риверборо, припомнят, что достопочтенный мистер Берч и его супруга, миссионеры, возвратившиеся с Ближнего Востока вместе с двумя из своих детей, "рожденных под небом Сирии", как родители сообщали всем интересующимся, день или два гостили в кирпичном доме и провели неформальные встречи с прихожанами, демонстрируя им сирийские национальные костюмы. Эти гости, явившись в маленький поселок штата Мэн прямо из дальних стран, принесли с собой несказанное очарование чего-то необычного, заворожив всех детей, и особенно Ребекку, чье воображение всегда легко воспламенялось. Романтика воспоминаний об этом визите вечно жила в ее сердце, и среди множества жизненных путей, манивших и ослеплявших своим блеском ее юный ум, был и этот - обращение в истинную веру тех из сирийских язычников, которые, после того как Берчи перестанут трудиться ради них, еще будут, возможно, продолжать поклоняться своим идолам. Она думала, что к восемнадцати годам могла бы оказаться вполне подготовленной к осуществлению штурма какой-нибудь небольшой цитадели магометанства, и миссис Берч поощряла ее в этих намерениях не потому, что Ребекка отличалась какой-либо сверхдобродетельностью или избытком христианской веры, но потому, что, с ее даром речи, тактом, отзывчивостью, способностями к музыке, она, казалось, была создана для подобного рода деятельности.

Случилось так, что очередное ежеквартальное собрание местного отделения Миссионерского общества штата Мэн было назначено как раз на то время, когда мисс Джейн Соьер только что получила письмо от миссис Берч, в котором та советовала Ребекке сформировать в Риверборо детское отделение этого общества. В действительности идея миссис Берч заключалась в том, что юному поколению следует копить свои центы и направлять умеренный поток финансовой поддержки в родительский фонд, приучаясь таким образом помогать, будь то дома или в чужих краях, делу распространения христианства.

Сами девочки, однако, истолковали ее письмо как призыв к далеко не такому скромному участию в обращении мира в истинную веру. Желая оформить создание своей организации без проволочек, они выбрали день, когда все дома в поселке были пусты, и воспользовались сеновалом Робинсонов в качестве места для проведения собрания.

Ребекка, Элис Робинсон, Эмма-Джейн Перкинс, Кандейс Милликен и Персис Уотсон, каждая со своим сборником гимнов, поднялись по лестнице, ведущей на сеновал, за полчаса до того, как Эбайджа Флэг услышал плывущую над пустынной дорогой мелодию "Дочери Сиона". Ребекка, являвшаяся организатором собрания, принесла с собой кроме сборника гимнов еще и серебряный колокольчик, карандаш и бумагу. Оживленная дискуссия по вопросу об окончательном выборе одного из двух предложенных названий общества - "Юные провозвестницы" и "Дочери Сиона" - завершилась единогласным принятием последнего, а Ребекка была избрана председателем в самом начале собрания. Она скромно высказала предположение, что Элис Робинсон, как внучка миссионера, ездившего в Китай, была бы более подходящей кандидатурой.

- Нет, - ответила Элис с полнейшим добродушием, - кого бы мы ни выбрали председателем, настоящим председателем будешь ты, Ребекка, - ты именно такая, - так что пусть уж ты и формально будешь председателем. Мне же все равно, я могу быть и секретарем.

- Если бы вы захотели сделать меня казначеем, то я, пожалуй, согласилась бы, - подала идею Персис Уотсон, - ведь вы знаете, что в магазине моего папы есть фарфоровые копилки. В них до двух долларов мелочи помещается. Я думаю, что он согласился бы дать нам одну, если бы я стала казначеем.

Таким образом, три главных должностных лица были избраны одним махом и при полном отсутствии тех бюрократических формальностей, которые делают столь утомительным процесс создания любой организации. Затем Кандейс Милликен намекнула, что вице-председателем, вероятно, лучше быть ей, так как Эмма-Джейн всегда

так застенчива.

- Нам надо будет привлечь побольше членов, - напомнила она остальным девочкам. - Но если бы мы пригласили всех в первый же день, все захотели бы быть в правлении, особенно Минни Липучка, так что не стоит жалеть, что их пока не позвали. А Тирза Мизерв слишком маленькая, чтобы вступить?

- Трудно представить, как это кто-то по фамилии Мизерв назвал ребенка Тирзой⁴⁹, - заметила Ребекка, несколько отклоняясь от повестки дня. - Мне всегда хочется сказать: "Тирзу Мизерв Небо храни!" или "Тирзы Мизерв достойны ли мы?"⁵⁰ Она маленькая, но милая и абсолютно лишена вероломства. Я думаю, нам следует принять ее.

- Вероломство - это то же самое, что вероотступничество? - спросила Эмма-Джейн.

- Да, - уверенно ответила председательница, - это совершенно то же самое, только одно слово употребляется в письменной речи, а другое в устной. (Ребекка неплохо впитывала знания - и мастерски делилась ими!) - Письменный язык предназначен для стихов, выпускных церемоний в школах и событий, подобных сегодняшнему собранию. Это что-то вроде лучшего выходного платья, которое не надевают, когда идут собирать чернику, так как боятся его запачкать.

- Мне все равно, будет вероломство запачкано или нет, - заявила лишенная воображения Эмма-Джейн. - Я думаю, что это ужасно глупое слово. Ну а теперь, когда у нас есть название и правление избрано, с чего же мы начнем? Мэри и Марте Берч легко - они просто играют в миссионеров, потому что их родители - миссионеры; точно так же, как мы с Ливингом играли в кузнецов, когда были маленькими.

- Должно быть, гораздо приятнее миссионерствовать в далеких краях, - сказала Персис, - потому что "на африканских берегах, равнинах Индии далекой, везде, где правит Сатана" (это папин любимый гимн) всегда есть язычник, который кланяется дереву и камню. Можно забрать у него идолов, если он позволит, дать ему Библию - и начало положено. А здесь... С кого же мы начнем? Джетро Смолл?

- Ох, он такой ужасно грязный, и к тому же глупый! - воскликнула Кандейс. - Почему бы не начать с Итана Ханта? Он страшно ругается.

- Он живет тем, что собирает орехи, и до его домика надо идти милю густым лесом. Моя мама ни за что не пустит меня туда, - возразила Элис. - Есть еще дядя Тат Джайсон.

- Он слишком старый; ему уж лет сто, и глух он как пень, - недовольно заметила Эмма-Джейн. - К тому же его замужняя дочь - учительница воскресной школы. Почему она не научит его, как себя вести? Я не вижу ни одного подходящего человека, с которого можно было бы начать!

- Ты не должна так говорить, Эмма-Джейн. - И в тоне Ребекки прозвучала нота упрека. - Мы коллективный орган, носящий название "Дочери Сиона", и нам, конечно, придется найти себе занятие. Самое легкое - это иностранцы. В Северном Риверборо есть шотландская семья, в Эджвуде - английская, и еще один кубинец в Милликен-Миллз.

- А у иностранцев нет своей религии? - с любопытством спросила Персис.

- Д-да, кажется, есть; что-то вроде религии, но религии иностранцев всегда неправильные. Наша - единственная хорошая религия. - Это сказала Кандейс, дочь дьякона.

- Как это, должно быть, ужасно - родиться в какой-нибудь религии, вырасти с ней, а потом узнать, что в ней нет никакого смысла и время было потрачено впустую! - Тут Ребекка вздохнула, пожевала соломинку; вид у нее был встревоженный.

- Это наказание за то, что человек был язычником, - возразила Кандейс, которую

⁴⁹ Тирза - библейское имя, букв. означает по-древнееврейски "приятность".

⁵⁰ Фамилия "Мизерв" (Meserve) созвучна английским словам preserve (хранить) и deserve (заслуживать, быть достойным).

воспитали в строгости.

- Но я, хоть убей, не могу понять, как это возможно - умудриться не быть язычником, если родился в Африке, - упорствовала Персис, которой очень подходило ее имя⁵¹.

- Невозможно! - Ребекке этот вопрос был совершенно ясен. - Я это выяснила у миссис Берч, когда она гостила у тети Миранды. Она говорит, что они не могут не быть язычниками, когда рождаются, но если существует хотя бы один миссионерский центр на всю Африку, то они несут ответственность, если не идут туда и не спасаются.

- А там много дилижансов и железных дорог? - спросила Элис. - Ведь это, должно быть, страшно большие расстояния, и что, если у них нет денег на билет?

- Тут вопрос становится ужасно запутанным. Не будем лучше об этом говорить, - сказала Ребекка; по ее выразительному лицу было видно, что она содрогается перед глубиной проблемы.

Бедная маленькая душа! Она не знала, что те, кто превосходил ее в отношении возраста и ума, провели немало бессонных ночей в размышлениях именно об этой "ответственности язычников".

- Жаль, что Симпсоны уехали, - заметила Кандейс. - Редко найдешь такую большую плохую семью, которую можно было бы спасать, - ведь у них хорошие только Клара-Белла и Сюзан.

- А число спасенных очень даже важно, - подхватила Элис. - Бабушка говорит, что, если миссионер не может обратить в истинную веру столько-то язычников в год, правление Миссионерского общества советует ему вернуться в Америку и заняться какой-нибудь другой работой.

- Я знаю, - подтвердила Ребекка, - у "возрожденцев"⁵² то же самое. Когда мы были на пикнике в честь столетия Дня независимости⁵³, напротив нас - мистера Ладда, тети Джейн и меня - сидел один "возрожденец". Он рассказывал, каких замечательных успехов добился в Бангоре⁵⁴ прошлой зимой. Он обратил в истинную веру сто тридцать человек за один месяц, или около четырех с третью в день. А я тогда только что прошла дробь и поэтому спросила у мистера Ладда, как можно обратить треть человека. Он засмеялся и сказал, что все по-другому, что просто человек был на треть обращен. Потом он объяснил, что если вы пытаетесь убедить человека в его греховности в понедельник и не успели кончить это дело до заката, то, возможно, вы не захотите сидеть с ним всю ночь, а может быть, он не захочет; тогда вы начинаете снова во вторник и потом не можете точно сказать, в какой именно день он был обращен, потому что это произошло на две трети в понедельник, а на одну треть во вторник.

- Мистер Ладд всегда шутит. А правление не стало бы требовать никаких больших дел от нас, девочек, новеньких начинающих, - предположила Эмма-Джейн, которую постоянно предостерегала против тавтологии ее учительница. - Я думаю, что в любом случае это ужасно невежливо - пойти вдруг к соседям и начать их обращать. Но если

⁵¹ Английское слово "persist" означает "упорствовать".

⁵² В XIX в. в США и ряде стран Европы неоднократно возникали массовые движения в "защиту религии" и с целью возрождения религиозных чувств народа. Одна из таких кампаний началась в 1858 г. и продолжалась более двух десятилетий, сопровождаясь созданием новых евангелических церквей, массовыми религиозными митингами и молитвами на открытом воздухе, выступлениями известных проповедников в крупных торговых центрах. Кампания широко освещалась в газетах того времени, которые отмечали, что она привела к снижению уровня преступности, уменьшению числа аморальных поступков и т. п.

⁵³ Отмечалось в 1876 г.

⁵⁴ Город в штате Мэн, в 135 милях к северо-востоку от Портленда.

взять лошадь и поехать на дальнюю окраину Эджвуда или в Милликен-Миллз, тогда это, наверное, будет зарубежная миссия.

- А как мы будем ходить к ним - поодиночке или целым комитетом, как делали взрослые, когда просили дьякона Татля внести пожертвование на новую печь для молитвенного дома? - спросила Персис.

- Мы будем ходить поодиночке, - решила Ребекка. - Так гораздо вежливее и тактичнее. Тетя Миранда говорит, что один человек никогда не добился бы пожертвования от дьякона Татля, и по этой причине к нему послали комитет. Но мне кажется, миссис Берч не могла иметь в виду, что мы станем обращать людей, когда ни одна из нас, кроме Кандейс, еще не член церкви. Все, что мы можем сделать, - это убедить их ходить на церковные собрания и в воскресную школу или пожертвовать деньги на новую печь или конюшню. А теперь давайте все на минуту задумаемся, кто в Риверборо самый большой язычник и больше всего заслуживает осуждения.

После очень недолгого молчания со всех уст слетели и слились в едином аккорде слова "Джекоб Муди".

- Вы правы, - сказала председательница коротко. - И после исполнения гимна номер двести семьдесят четыре, который можно найти на странице шестьдесят шесть, мы рассмотрим вопрос о том, как убедить мистера Муди посещать церковные службы или библейский класс священника, так как он уже столько лет не бывал в молитвенном доме.

Дочь Сиона, ту силу, тебя что спасла,

Ты навеки тимпаном и арфой прославь.

Пойте по памяти, пожалуйста, и пропустите вторую строфу. Гимн двести семьдесят четыре на странице шестьдесят шесть в новом сборнике гимнов или на странице тридцать два в старом сборнике Эммы-Джейн.

II

Сомнительно, чтобы почтенному мистеру Берчу когда-либо встречался в Сирии человек, переубедить которого было бы труднее, чем уже ставшего бесчувственным к евангельской проповеди Джекоба Муди из Риверборо.

Он был высокий, сухопарый, смуглый, чернобородый; космы черных, с проседью, нечесаных волос и багровый шрам, шедший через нос и щеку, делали его внешность еще более пугающей. Его полуразвалившийся дом стоял на каменистом участке земли за пастбищем Сойеров, а принадлежавшие ему акры раскинулись во все стороны от его жилища. Он жил один, ел один, пахал, сажал, сеял и убирал урожай один и был бы более чем рад и умереть в одиночестве, "неоплаканный, непочтенный и невоспетый". По дороге, что шла вдоль его полей, сравнительно редко кто-либо ездил, и, несмотря на то что вдоль нее густо росла черемуха и ежевика, туда уже много лет не ходили дети. Осенью яблони Джекоба ломились от яблок, но их не крал ни один риверборский или эджвудский мальчишка, ибо повергающие в ужас рассказы о судьбе, постигшей в давние времена одного сорванца, передавались от мальчика к мальчику, обеспечивая плодам Муди гораздо лучшую защиту, чем мог бы обеспечить любой полицейский патруль.

Вероятно, никакие обстоятельства не могли служить оправданием грубых манер старика или отсутствия у него всяких гражданских добродетелей и достоинств, но, осуждая его за тот образ жизни, который он вел теперь, соседи обычно забывали о несчастном прошлом, приведшем к этому: сварливая жена, нелюбящие и неверные сыновья, горькая судьба дочери и все прочие злые шутки, которые сыграла с ним судьба, - так, по меньшей мере, смотрел всегда на свои горести и разочарования он сам.

Таков был человек, чей моральный облик предстояло изменить "дочерям Сиона". Но как?

- Кто добровольно вызовется посетить мистера Муди? - мягким тоном спросила председательница.

Посетить мистера Муди! Казалось чудом, что крыша сеновала не обвалилась; она отразила звук и каким-то образом заставила эхо звучать мрачно и язвительно.

- Никто не вызовется, Ребекка, и ты это знаешь, - сказала Эмма-Джейн.

- Почему бы нам не тянуть жребий, раз никто из нас не хочет говорить с ним, и все же кто-то должен?

Это предложение поступило от Персис Уотсон, которая была бледна и задумчива с тех самых пор, как на собрании впервые упомянули имя Джекоба Муди. (Персис страстно любила ягоды черемухи, и однажды она встретилась с ним... Что ж, у всех нас есть воспоминания, которые мы храним в тайне!)

- Не будет ли это грешно - решать вопрос таким способом?

- Это картежники тянут жребий!

- В Библии люди делали это очень часто.

- Для миссионерского собрания такой способ не годится. Эти замечания посыпались одно за другим на смущенную председательницу, "в то время" (как она всегда выражалась в сочинениях) как она пыталась разобраться в этической стороне неожиданной и трудной дилеммы.

- Это очень запутанный вопрос, - сказала она задумчиво. - Я могла бы задать его тете Джейн, если бы у нас было время, но, полагаю, его у нас нет. Кажется, что это не очень хорошо - тянуть жребий, но как же мы можем решить вопрос без этого? Мы с вами знаем, что намерения у нас хорошие, так что, может быть, такой способ и подойдет. Элис, возьми этот листок бумаги и оторви пять полосок - все разной длины.

Снизу донесся чей-то голос - голос, звучавший очень жалобно:

- Можно мне поиграть с вами? Хальда уехала кататься, и я совсем одна.

Это был голос "абсолютно лишенной вероломства" Тирзы Мизерв, и раздался он в самый подходящий момент.

- Если она тоже будет потом членом, - сказала Персис, - почему не разрешить ей подняться сюда, чтобы держать бумажки? Она будет действовать по-настоящему честно и никому не станет оказывать предпочтение.

Идея показалась замечательной, и ее осуществили так быстро, что не прошло и трех минут, как "лишенная вероломства" уже держала пять бумажных полосок в горячей маленькой руке, вновь и вновь усердно меняя их местами, пока они не стали совсем похожими друг на друга и изрядно засаленными и помятыми.

- Ну, девочки, тяните! - распорядилась председательница. - Тирза, ты не должна жевать смолу на миссионерском собрании, это неприлично. Вынь ее изо рта и приклей куда-нибудь, пока не закончатся все формальности.

Пять "дочерей Сиона" приблизились к роковому месту и одна за другой протянули свои дрожащие руки. Затем, на мгновение молча сжав каждая свою бумажку, они поднесли их друг к другу, чтобы сравнить.

Самую короткую бумажку вытянула Эмма-Джейн Перкинс, став в результате избранным судьбой орудием возвращения Джекоба Муди к более пристойному образу жизни!

Она обвела все вокруг себя полным отчаяния взглядом, словно в поисках какого-нибудь безболезненного и пристойного способа самоубийства.

- Давайте вытянем еще раз, - взмолилась она. - Я меньше всех на это гожусь. Я наверняка все испорчу, мне сначала надо хоть чему-то научиться.

Сердце Ребекки замерло при этом искреннем признании, которое только подтверждало ее собственные опасения.

- Мне очень жаль, Эмми, дорогая, - сказала она, - но единственным оправданием тому, что мы стали тянуть жребий, может быть отношение к результату как к чему-то священному - это почти как Бог, говорящий с Моисеем из Неопалимой Купины⁵⁵.

⁵⁵ См.: Библия. Исход, гл. 3, стих 1 - 4.

- Ох, хорошо бы, прямо здесь она и была! - воскликнула расстроенная и несговорчивая миссионерка. - Я шагнула бы в нее сразу - даже не остановилась бы, чтобы снять гранатовое кольцо!

- Не будь ты такой трусихой, Эмма-Джейн! - воскликнула, пытаясь ободрить ее, Кандейс. - Джекоб Муди не убьет тебя, даже если у него ужасный характер. Отправляйся скорее, пока не успела еще больше струсить. Не пойти ли нам с ней, Ребекка? Мы могли бы подождать ее у ворот пастбища. Тогда, что бы ни случилось, Элис, как секретарь, сможет занести все в протокол собрания.

В подобных критических ситуациях время летит с такой невероятной быстротой, что Эмме-Джейн показалось, будто прошло одно мгновение, а ее уже тащили по полям остальные "дочери Сиона", и "лишенная вероломства", запыхавшаяся от быстрого бега, замыкала шествие.

У ограды пастбища Ребекка в последний раз с жаром обняла подругу и, шепнув:

- Что бы ты ни делала, следи за тем, как подводишь разговор к главному, - сняла верхнюю жердь и подтолкнула Эмму-Джейн на другую сторону изгороди. Затем девочки неохотно повернулись спиной к жалкой фигурке, и каждая выбрала себе дерево, под чьей дружеской сенью могла бы бодрствовать и, возможно, молиться до тех пор, пока миссионерка не возвратится от трудов на уготованной ей ниве.

Элис Робинсон, чьи сочинения всегда получали оценку 96 или 97, - 100 символизировало такое совершенство, какое только могло быть достигнуто в смертном мире Риверборо, - Элис, не только "дочь", но и "книжница Сиона", наточила карандаш и записала несколько удачно подобранных вступительных слов, чтобы использовать их, когда Эмма-Джейн Перкинс и Джекоб Муди кончат вершить историю этого дня.

Сердце Ребекки тревожно билось под ее полотняным платьем. Она чувствовала, что разыгрывается настоящая драма, и, хотя, к несчастью, не она была в ней центральной фигурой, ей все же была отведена скромная роль. Короткая бумажка досталась не самой способной "дочери"; это Ребекка вполне сознавала. Но сумела бы хоть одна из них добиться внимания Джекоба Муди, вовлечь его в приятную беседу и, наконец, заставить его осознать неправильность его образа жизни? В этом она сомневалась, но в то же время настроение у нее поднималось при мысли о трудностях, сопряженных с этим предприятием.

Трудности всегда были стимулом для Ребекки, но они уstraшили бедную Эмму-Джейн, которую пробирала дрожь от возбуждения, растерянности, страха и желания поддержать свой слабеющий дух. То, что ее беседе с Джекобом Муди предстояло быть внесенной в "протокол" секретарем, стало каплей, переполнившей чашу. Ее голубые глаза казались светлее, чем обычно, и блестили точно фарфоровые блюдца, ее обычно розовые щеки были бледны, но она энергично продолжала шагать вперед, решив быть "дочерью Сиона", а самое главное - заслужить восхищение и уважение Ребекки.

"Ребекка может сделать что угодно, - думала она с восторженной преданностью, - и я должна стараться быть не глупее, чем я есть на самом деле, или она выберет себе в самые близкие подруги какую-нибудь другую из девочек".

И, собрав все свое мужество, она направилась в палисадник Джекоба Муди, где он в это время колол дрова.

- Хороший сегодня день, мистер Муди, - начала она вежливым, но хриплым шепотом. Слова Ребекки: "Подводи разговор! Подводи!" - призывно звенели в ее ушах.

Джекоб Муди взглянул на нее с любопытством.

- Пожалуй, неплохой, - проворчал он, - только некогда мне на дни-то глядеть.

Эмма-Джейн робко присела на конец большого бревна, лежавшего возле чурбана, на котором Джекоб рубил дрова. Она полагала, что мистер Муди, как другие хозяева при появлении гостей, прервет работу и поговорит с ней.

"Этот чурбан тоже вроде идола, - подумала она. - Хорошо бы отобрать его у Джекоба, тогда он, может быть, заговорил бы".

В этот момент Джекоб поднял топор и опустил его на лежавшее на чурбане полено с такой силой, что Эмма-Джейн буквально подскочила.

- Ты б поглядывала, сестренка, а то щепка в глаз отлетит! - проронил Муди, с мрачным видом продолжая свою работу.

"Дочь Сиона" вознесла безмолвную молитву о ниспослании ей вдохновения, но никакое вдохновение не посетило ее, и она сидела молча, невольно подпрыгивая каждый раз, когда топор опускался на полено, которое рубил на части Джекоб.

Наконец хозяину надоела эта немая гостья и, опершись на топор, он спросил:

- Слушай, сестренка, ты здесь зачем? Зачем тебя прислали? Яблок тебе надо? Или сидра? Или чего? Выкладывай или проваливай - одно из двух.

Эмма-Джейн, которая уже успела скрутить свой носовой платочек в холодный, влажный, слипшийся шарик, в последний раз отчаянно закрутила его и, запинаясь, вымолвила:

- Вы бы не хотели... Не лучше ли вам... Вам не кажется, что вам следовало бы чаще ходить на молитвенные собрания и в воскресную школу?

Топор чуть не выпал из ставшей вдруг бессильной руки Джекоба; он уставился на "дочь Сиона" с невыразимой яростью и презрением. Затем, хотя кровь бросилась ему в лицо, он взял себя в руки и крикнул:

- Убирайся с этого бревна и из этого палисадника - в два счета, ты, нахальная маленькая ханжа! Чтобы девчонка Джима Перкинса учила меня в мои лета, куда мне ходить! Драпай, говорю тебе! И если еще раз увижу твою лживую постную харю в моем дворе да по такому делу, я спущу тебя с холма или натравлю на тебя собаку! Катись, тебе говорят!

Эмма-Джейн повиновалась без проволочек. Она сорвалась с бревна, выскочила из палисадника и "катилась" и "драпала" вниз с холма со скоростью, никогда не виданной даже Джекобом Муди, который стоял, глядя с язвительной усмешкой на ее отчаянно мелькающие пятки.

Она летела вниз, спотыкаясь; слезы текли по ее щекам и мешались с поднимавшейся из-под ног пылью. Разбитые надежды, стыд, страх, гнев - все терзало ее грудь по очереди, пока наконец с истерическим выкриком она не упала через брусья изгороди в раскрытые, чтобы принять ее, объятия Ребекки.

Другие "дочери" вытирали ей глаза и поддерживали ее обессиленное тело, в то время как Тирза, совершенно перепуганная, разразилась слезами сочувствия и ее невозможно было успокоить.

Никто не задавал никаких вопросов - все чувствовали, что состояние Эммы-Джейн отвечает на любые вопросы прежде, чем они заданы.

- Он грозил натравить на меня собаку! - простонала она, когда, оказавшись близ пастбища Сойеров, ей удалось наконец овладеть своим голосом. - Он назвал меня нахальной маленькой ханжой и сказал, что выгонит меня из своего палисадника, если я приду еще раз! И он расскажет все моему отцу - я знаю, что расскажет, потому что ненавидит его смертельно!

Вдруг до сознания Ребекки дошла точка зрения взрослых. Прежде она не представляла себе эту точку зрения, пока та не стала слишком очевидной, чтобы можно было ее игнорировать. Неужели они поступили неправильно, отправившись беседовать с Джекобом Муди? Будут ли тетя Миранда и мистер Перкинс сердиться?

- Но почему он так ужасно вел себя, Эмми? - ласково спросила она. - Что ты сказала сначала? Как ты подвела речь к главному?

Эмма-Джейн всхлипнула еще более судорожно, вытерла нос и глаза, стараясь взглянуть на дело беспристрастно.

- Думаю, я никак не подводила - ничутью. Я не знала, что ты хочешь этим сказать.

Меня послали с поручением, и я пошла и выполнила его чем могла лучше. (Грамматика у Эммы-Джейн всегда хромала в минуты волнения.) А потом Джейк заревел на меня, точно бык судьи Бина... И назвал мое лицо харей... Закрой свою секретарскую тетрадку, Элис! Если ты запишешь хоть одно слово, в жизни не буду с тобой больше разговаривать... И не хочу я быть "членом" ни минутой дольше. Я боюсь вытащить еще одну короткую бумажку. Мне этих "дочерей Сиона" хватит по гроб жизни! И мне наплевать, кто ходит на собрания, а кто нет.

К этому времени девочки были уже у ворот Перкинсов, и Эмма-Джейн с унылым видом вошла в пустой дом, чтобы смыть все следы трагедии со своей особы, прежде чем мать возвратится из церкви.

Остальные медленно продолжали свой путь вдоль улицы, чувствуя, что их казавшееся столь многообещающим миссионерское общество почilo почти так же быстро, как родилось.

- До свидания, - сказала Ребекка, глотая стоявший в горле комок разочарования и огорчения, так как ей было ясно, что весь вдохновляющий план потерпел неудачу и бесследно исчез, как радужный мыльный пузырь. - Все кончено, и мы никогда не станем пытаться это повторить. Я пойду домой и буду усердно шить через край, потому что терпеть не могу этот шов. А тетя Джейн должна написать миссис Берч, что мы не хотим быть отечественными миссионерами. Возможно, мы все-таки недостаточно большие. Я совершенно убеждена, что приятнее обращать людей, когда они желтые, или коричневые, или любого другого цвета - только не белые. И я думаю, что, должно быть, легче спасти их души, чем заставить их ходить на собрания.

Рассказ третий Книга Мыслей Ребекки

I

Во времена Ребекки на сеновале скотного двора "девочек Сойер" все еще хранилось сено, хотя было оно десятилетней давности и, по мнению изредка заезжавшей в гости лошади, совершенно лишено сока и аромата. Скотный двор также все еще укрывал от непогоды большой экипаж и сенокосилку старого дьякона Сойера, сани и с десятков других предметов, оставшихся от более раннего периода, когда обширные земли, принадлежавшие обитателям кирпичного дома, постепенно превращались в одну из лучших ферм Риверборо.

Теперь же в стойлах не было ни лошадей, ни коров; ни одна свинья не хрюкала с удовлетворением в загончике, намекая на будущие вкусные свиные ребрышки; дерзкие куры не клевали растения в заботливо лелеемом палисаднике. "Девочки Сойер" старели и, памятуя о том, что "заботы хоть кого в могилу вгонят", устраивали свою жизнь так, чтобы избежать, по меньшей мере, именно этой горькой участи, - и удавалось им это совсем неплохо, до тех пор пока прибытие в кирпичный дом Ребекки не придало существованию чуть больше острых ощущений.

Раз в месяц, из года в год, мисс Миранда и мисс Джейн, повязав голову полотенцем, совершали торжественный обход скотного двора, снимая чехлы и стирая пыль со старинной утвари, а иногда смахивая самые тяжелые клочья висевшей по углам паутины или подметая пол.

Шаткая стремянка дьякона Сойера по-прежнему стояла на своем месте, прислоненная к краю сеновала, и даже небесная лестница, ведущая к вечной славе, едва ли казалась Иакову прекраснее⁵⁶, чем эта стремянка Ребекке. По пыльным ступенькам она взбиралась, взбиралась, взбиралась - прочь от времени, забот и старых теток, прочь

⁵⁶ См.: Библия. Книга Бытия, гл. 28, стихи 11 - 16.

от детских обязанностей и детских огорчений - на сеновал, где ее ждало столько прекрасных видений, счастливых грез и смутных желаний, что, когда ее маленькие смуглые руки цеплялись за края лестницы, а ноги осторожно ступали на перекладины, сердце в груди почти не билось в восторге радостных ожиданий.

Когда высоты были взяты, предстояло отодвинуть засов тяжелых дверей и потянуть их на себя. И тогда - о вечно новый рай! Тогда - о вечно прелестный зеленый и растущий мир! Ибо Ребекка имела в душе нечто такое, что

Влагает и в закат, и в плеск волны

Живую прелесть вечной новизны.

На вершине соседнего холма ей был виден скотный двор Элис Робинсон с его блестящим флюгером - огромной рыбой из полированного металла, которая плыла по ветру и предсказывала погоду на день всему Риверборо. Луг, залитый солнцем и тянувшийся вверх по склону холма до соснового леса, иногда был плавно струящейся полосой блестящей травы, а иногда - когда цвели маргаритки и лютики - ласкающим взор видением белого и золотого. Потом жнивье бывало усеяно "веселыми сена стогами", а чуть позднее горный клен, стоявший на самой опушке соснового леса, сверкал точно золотой шар на фоне темной зелени, а его сосед, сахарный клен, пламенел в своем алом наряде.

Как-то раз в такой же пахнувший морозцем день Адам Ладд (любимый "мистер Аладдин" Ребекки) после безуспешных поисков в поле и саду вдруг заметил открытые двери сеновала и позвал ее. При звуке его голоса она, вздрогнув, опустила свой драгоценный дневник и бросилась к дверям сеновала. Для него оказалось незабываемым это зрелище - маленькая поэтесса в плаще и митенках с книжкой в одной руке и карандашом в другой, взъерошенные темные волосы с живописным добавлением в виде торчащих кое-где соломинок, щеки с густым румянцем, смеющиеся глаза.

- Сафо⁵⁷ в митенках! - воскликнул он со смехом, а в ответ на ее заинтересованный вопрос велел ей поискать эту незнакомую леди в школьной энциклопедии, когда представится такая возможность в учительской семинарии в Уэйрхеме...

Обычно она начинала с приготовлений: направлялась в угол сеновала и извлекала из-под сена толстую, в пестром переплете, книгу для записей, где еще оставалось много чистых страниц. Из кармана холщового передника появлялись карандаш, кусочек старательной резинки и несколько листиков оберточной бумаги; затем она не спеша усаживалась на полу и придвигала к себе вместо стола поставленный вверх дном ящик для мыла.

Книга с благоговением открывалась, и следовало внимательное чтение отрывков из того, что уже было аккуратно занесено в нее ранее. Большинство из них явно было по вкусу писательнице, так как на щеках время от времени появлялись ямочки удовольствия, а порой на лице играла и улыбка несомненного восхищения; но бывали иногда и сдвинутые брови, и вздох разочарования, свидетельствовавшие о том, что художник в ребенке был не вполне удовлетворен.

Затем следовал критический момент, когда многообещающий юный автор был предположительно терзаем муками творчества; но здесь, судя по всему, никаких мук не было. Другие девочки могли отлично владеть штопальной и вышивальной иглой или вязальными спицами и проводить челнок для плетения кружев через сложнейшие петли тончайших хлопчатых нитей; мережка, шов через край, жгут в тринадцать шнурков - все было им под силу, но карандаш никогда не становился послушным инструментом в их пальцах, а перо и чернильница внушали ужас с раннего детства и на веки веков.

Не то с Ребеккой; ее карандаш двигался так же легко и быстро, как и ее язык, - и никакое другое сравнение не могло бы оказаться более удачным. Ее почерк не был

⁵⁷ Сафо - знаменитая древнегреческая поэтесса (VII - VI вв. до н.э.).

идеальным; ей не хватало ни времени, ни терпения, чтобы следовать образцам прописей, и ее бесформенные буквы часто бывали причиной огорчений для ее учителей; но писать она могла, писать хотела, писать должна была и писала - когда нужно и когда не нужно. С того времени, как в шесть лет она начала выводить первые крючочки, писать всегда было для нее самым легким из всех возможных заданий; предаться всей душой любимому занятию было утешением и бальзамом для чувств, когда внушающие ужас примеры на "общее наименьшее кратное" угрожали опрокинуть все представления здравого смысла или правила грамматики маячили, громадные и непобедимые, где-то на горизонте.

Что же до правописания, оно пришло к ней само собой, а не в результате учебы, и, хотя иногда ей случалось сбиться с проторенного пути, замечательный слух и хорошая зрительная память помогали избежать многих грубых ошибок. У нее бывали похвальные намерения - особенно когда она читала на ночь молитву - непременно отыскивать в своем маленьком словарики все слова с сомнительным написанием, прежде чем переносить свои Мысли в заветную "Книгу", которой предстояло вдохновлять грядущие поколения, но, когда гений кипел, и особенно когда она была на сеновале, а словарь в доме, творческий порыв всегда одерживал победу над благоразумием.

Вот там-то - у открытых дверей сеновала, дверей на закат - и сидит Ребекка. Сколько раз ее дед, добрый дьякон, сидел в этом же укромном месте на своем удобном стуле, когда настроение миссис Сойер было трудно предугадать, и безмятежность атмосферы сеновала приятно контрастировала с его собственным домашним очагом!

Чуть покачивающиеся распахнутые двери, спокойный пейзаж за ними, трубка - отрада, не позволявшаяся в гостиной, - как эти простые факторы способствовали миру в семье в давно минувшие дни! "Не будь у меня моего сеновала, и моего магазина тоже, я никак не смог бы жить в священном супружеском союзе с моей Мэри-Лайзой!" - с чувством сказал однажды мистер Уотсон, владелец одной из риверборских лавок.

Но дьякон, глядя ясными и честными глазами на свои волнующие ветром луговые травы, на свои колосающиеся хлеба и свои леса, никогда не видел тех картин, которые видела Ребекка. Для девочки, увезенной с родной фермы на Солнечном Ручье из-под опеки неутомимой, но беспечной матери и от общества плохо кормленных, плохо одетых, беззаботных братьев и сестер, - для нее здесь, в Риверборо, наступили поистине мрачные дни. Ставни были закрыты во всех комнатах дома, кроме двух; то же самое можно было сказать и об уме и сердце мисс Миранды, хотя в душе мисс Джейн и оставалось несколько окон, открытых навстречу солнцу, а Ребекка, сама о том не ведая, уже прикоснулась рукой к нескольким другим. Законы кирпичного дома были слишком суровы, и их было слишком много для такого маленького существа, как она, но на веселый дух Ребекки невозможно было надолго надеть смирительную рубашку - он так или иначе ускользал и летел собственным радостным путем к солнечному свету и вольному воздуху, и если ей не давали петь в саду, как свободной птице, какой она и была, она все же могла петь в клетке, как канарейка.

II

Если бы вы открыли заботливо хранимый том в пестрой обложке, то прежде всего увидели бы замечательную титульную страницу, составленную, по-видимому, по тому же образцу, что и некролог или надпись на могильной плите, если не считать удивительного количества и разнообразия приводимой информации. Многое показалось бы придиричивому критику более уместным в содержании книги, чем на титульном листе, но Ребекка, очевидно, стремилась к тому, чтобы главные действующие лица ее истории были подробно описаны в самом начале.

Она, кажется, была убеждена, что наследственность играет свою роль в развитии гения, а ее вера в то, что знакомство с ее Мыслями вдохновит грядущие поколения,

была слишком уж простодушна, чтобы вызывать неприятные чувства. Она, очевидно, с большим почтением относилась к богатому материалу, который поручала заботам своей учительницы, и можно вообразить скорбь бедной мисс Дирборн, доведись той передавать эти "Ценные Стихи и Мысли", в случае если они "не будут по неосторожности уничтожены", тому, кому завещала их Ребекка.

КНИГА МЫСЛЕЙ

Ребекки Ровены Рэндл

В Действительности

С Фермы Солнечный Ручей,

Но Временно из

Кирпичного Дома в Риверборо

Родной племянницы мисс Миранды и Джейн Соьер,

Второй из семи детей своего отца, м-ра Л.Д.М. Рэндла

(ныне покоящегося на кладбище в Темперансе, где

на его могиле будет памятник, как только мы выкупим

закладную на ферму),

А также своей матери, миссис Орилии Рэндл.

В случае моей Кончины лучшие из этих Мыслей

Могут быть напечатаны в виде моих Мермуаров

В пользу Библиотеки Воскресной школы в Темперансе (штат Мэн),

Которая очень нуждается в большем количестве книг,

И сим Завещаю их

Мистеру Адаму Ладду,

Который купил у меня 300 кусков мыла

И тем обеспечил получение приза -

Крайне Необходимой Банкетной Лампы -

Моим друзьям, Симпсонам.

Он единственный, кто поощрял меня,

Чтобы я писала Мермуары, и

Моя учительница, мисс Дирборн,

Будет располагать очень Ценными Стихами и Мыслями

Для передачи ему, если только они не будут

По неосторожности уничтожены.

Рисунки исполнены тою же рукой, что

Писала Мысли.

Сейчас еще не решено, будет Ребекка Ровена Рэндл художницей или

писательницей, но если она кем-то станет, то после ее смерти это будет

известно.

Начиная с этого титульного листа, с его богатством подробностей, излишними и неуместными сведениями, книга журчит, как ручей, и для усталого читателя проблемных романов в ней может оказаться нечто от живительных свойств настоящего ручья.

Наши дневники

Май, 187-.

Все девочки ведут дневники, так как мисс Дирборн было очень стыдно, когда школьные попечители сказали ей, что сочинения большинства девочек и всех мальчиков никуда не годятся и в следующем полугодии им нужно научиться писать лучше. Она попросила мальчиков раз в неделю писать ей письма, вместо того чтобы вести дневник. Они думают, что дневник - девчоночье занятие, вроде игры в куклы. Им показалось

ужасным, что придется писать письмо каждые семь дней, но она сказала им, что для них это будет далеко не так тяжело, как для нее все эти письма читать.

Чтобы сделать мой дневник немножко непохожим на другие, я собираюсь назвать его Книгой Мыслей (именно так, как здесь, с заглавными буквами). У меня есть мысли, которые я никак не смогу использовать, если их не запишу, потому что тетя Миранда всегда говорит: "Держи свои мысли про себя". Тетя Джейн разрешает мне рассказывать о некоторых, но необычные ей не нравятся, а мои настоящие мысли большей частью необычные. Эмма-Джейн не против послушать их иногда, и это моя единственная надежда.

Если миссис Дирборн не понравится название Книга Мыслей, то я назову эту книгу Мермуарами (именно так, с заглавной буквы), Мермуары - это то, что ты помнишь о себе и записываешь на случай своей смерти. Тетя Джейн не любит читать никаких других книг, кроме таких вот жизнеописаний интересных умерших людей, и она говорит, что именно это Лонгфелло (который родился в штате Мэн, и мы должны этим гордиться и стараться писать, как он) имел в виду в своем стихотворении:

Нас зовет пример великих
На свершенья и труды,
Чтоб и нам свои оставить
На песках времен следы⁵⁸.

Я знаю, что это значит, потому что, когда Эмма-Джейн и я ездили на побережье с дядей Джерри Коббом, мы бегали по мокрому песку и смотрели на следы, которые оставляли наши ботинки - точно так, как если бы мы делали слепки из воска. Эмма-Джейн подворачивает внутрь левую ногу (косопала, как говорят мальчики, что очень невежливо), а Сет Страут тогда только что залатал одну из моих туфель, и все это отпечаталось на песке. Когда я учила "Псалом жизни" для пятничного выступления в школе, мне пришло в голову, что ни я не хотела бы оставить отпечаток, на котором видна заплатка, ни Эмма-Джейн свой кривой на песках времен, и я тут же подумала:

"О, какая это будет замечательная мысль для моей Книги, когда тетя Джейн купит мне одну из тех, что продаются в магазине мистера Уотсона за пятнадцать центов".

* * * * *

Мермуары

Июнь, 187 - .

Я сказала тете Джейн, что собираюсь начать писать Мермуары, а она ответила, что я еще слишком молодая. Но я ей напомнила, что сестра Кандейс Милликен умерла, когда ей было десять лет, не оставив совершенно никаких следов на песках времен, и если я скоропостижно скончаюсь, кто запишет мои мысли? А тетя Миранда сказала, что солнце и луна взойдут и закатятся независимо от этого и не имеет значения, что они не будут записаны, и велела мне пойти на чердак и отыскать ее мешочек с лоскутками. Но я сказала, что это имеет значение, так как каждого человека в мире только по одному и никто другой не может написать за него его мермуары. Умри я сегодня вечером, не найдется никого, кто сумел бы правильно меня описать. Мисс Дирборн могла бы сказать кое-что, а брат Джон что-нибудь добавить. Эмма-Джейн постаралась бы отдать мне должное, но ей не хватает слов; и я даже рада, что тетя Миранда никогда не берет пера в руки.

Мой словарики такой маленький, что в нем не много изысканных слов, и я не смогла найти, как пишется слово мермуары, но кажется, так было написано на обложке книги, которую читала тетя Джейн.

Всем девочкам очень нравится вести дневник, но Минни Липучка вытащила дневник Элис Робинсон из-под школьной поленницы, куда та его спрятала, и весь прочитала. Она сказала, что это ничуть не больший грех, чем прочитать чужое сочинение, но мы сказали ей, что это все равно, как если бы она подглядывала в замочную скважину, или

⁵⁸ Цитата из стихотворения Г. Лонгфелло "Псалом жизни".

подслушивала под окном, или открыла ящик чужого комода. Она сказала, что так на это не смотрит, а я ей сказала, что, если только ее глаза не раскроются, она никогда не оставит никаких великих следов на песках времен. Я сказала ей, что дневник - священная вещь, так как обычно в нем изливаешь свои глубокие чувства, предполагая, что никто не заглянет в него, кроме тебя самого и твоего снисходительного Небесного Отца, который видит все.

Конечно, Персис Уотсон не было бы неприятно показывать другим свой дневник, так как у нее нет никакого священного замысла и говорится в нем вот что (она читала его нам вслух):

"Поднялась сегодня в шесть (в дневнике всегда "поднимаются", но когда говоришь об этом, то можно сказать "встала"). Завтракала в половине седьмого. Было печенье на соде, кофе, рыба с подливкой и пончики. Вымыла посуду, накормила кур, застелила постель перед школой. Урок арифметики прошел хорошо, но на правописании получила отметку на два балла ниже, чем вчера. В половине пятого играла в прятки на пастбище Сойеров. Покормила кур и легла спать в восемь".

Она говорит, что не может записывать то, чего не случилось, но если я посчитаю ее дневник неинтересным, она попросит, чтобы мама дала на завтрак мясо вместо рыбы и пирог, когда кончатся пончики, и будет кормить кур до завтрака, для разнообразия.

Мы все намерены теперь стараться, чтобы что-нибудь случилось каждый день, и тогда наши дневники не будут такими скучными, а следы на песке такими обыкновенными.

* * * * *

Необычная мысль

Июль, 187-.

Сегодня мы выкопали наши конфеты из роз, и это дало мне хорошую мысль для моих Мермуаров. Конфеты из роз делаются так: берете лепестки распустившихся роз, смешиваете с чуточкой корицы и добавляете столько темного сахара, сколько вам дадут, а обычно не дают и половины того, что нужно, - никому, кроме Персис Уотсон, чьи любящие родители разрешают ей самой брать сахар из бочонка в их магазине. Затем вы делите это на маленькие порции и заворачиваете, как порошок Зейдлица, сначала в тонкую бумагу, потом в оберточную, и закапываете в землю и ждете так долго, как только можете выдержать; потом выкапываете их и едите. Мы с Эммой-Джейн втыкаем в землю там, где закопаны наши конфеты, палочки с маленькими бумажками, на которых стоит дата, когда они были закопаны, чтобы выкопать их, когда они будут готовы, - но у нас никогда не хватает терпения, чтобы этого дожидаться. Когда тетя Джейн увидела, как мы их выкапываем, она сказала, что первое, чему должны учиться дети, - это не быть нетерпеливыми. И когда я пошла на сеновал, у меня получилось такое стихотворение:

Нетерпение

Конфет мы не дождались ни одной,

Одну мы доставали за другой.

И было то в час утра золотой,

И было то в полудня тяжкий зной,

И было то вечернею порой,

И было то под полною луной.

Все было совсем не так; это произошло туманным утром перед школой, и мне кажется, что поэтам, вероятно, никогда не удастся попасть в рай, потому что так трудно придерживаться истины, когда пишешь стихи. А Эмма-Джейн считает, что никого не касается, когда мы выкопали наши конфеты. Больше всего мне нравится строчка про полную луну, но она создала бы у тех, кто будет читать мои Мысли, неправильное представление о нашей жизни и характерах; люди подумали бы, что мы долго не ложимся спать по вечерам, так что я уладила эту трудность так:

Нетерпение

Конфет из роз мы ждали неплохих,

*Но слишком рано выкопали их.
Мы думали, что трех погожих дней
Им хватит, чтобы сделаться вкусней.
Но кто причину спешки назовет?
Мы не боялись, что сгрызет их крот.
Нам тетя говорит: всему есть срок,
Но нетерпенье - юности порок.*

Именно так и сказала тетя Джейн, и это дало мне идею для стихотворения, которая довольно необычна.

* * * * *

Ужасный вопрос

Сентябрь, 187 - .

Что оказывает наиболее пазетивное влияние на характер - наказание или поощрение?

Этот совершенно ужасный вопрос поставил перед нами доктор Мозес, когда посетил сегодня нашу школу. Он - комиссия по проверке школы; не вся комиссия, конечно, но я не знаю, как это сказать в единственном числе. Он сказал нам, что мы можем спросить мнение об этом наших родителей, хотя предпочел бы, чтобы мы не спрашивали; но написать мы должны своими словами, а он выслушает наши ответы на следующей неделе.

Когда он вышел и закрыл за собой дверь, все ученики были ввергнуты в уныние, а в классной комнате слышно было, как муха пролетит. Элис Робинсон плакала и одолжила у меня носовой платок, а у мальчиков был такой вид, словно в школьное здание ударила молния. Но хуже всего было бедной мисс Дирборн, которая потеряет свое место в школе, если не сделает из нас очень быстро хороших учеников, потому что у доктора Мозеса есть дочь, которая вполне готова занять место учительницы в нашей школе и сможет жить и питаться дома и откладывать все свое жалованье.

Мисс Дирборн пристально смотрела в окно, и рот и подбородок у нее дрожали, как у Элис, так как она знала - ах, слишком хорошо! - что принесет следующая неделя.

Тогда я подняла руку, чтобы получить разрешение задать вопрос, встала и сказала: "Мисс Дирборн, не тревожьтесь! Только объясните нам, что значит "пазетивное", и мы напишем что-нибудь по-настоящему интересное. Все мы знаем, что такое наказание, и видели, как поощряют других, и это не такая уж плохая тема, как некоторые другие". А Дик Картер шепнул: "Молодец, Ребекка!" И это означало, что ему тоже жаль ее и он постарается написать как можно лучше.

Тогда учительница улыбнулась и сказала, что "пазетивный" значит полезный и благотворный для каждого и что пусть встанут все, кто думает, что наказание делает людей лучшими учениками, мужчинами и женщинами, - и все остались сидеть неподвижно.

А потом она попросила встать всех, кто думает, что к наилучшим результатам приводит поощрение, - и тогда раздался могучий звук, почти как шум стремительно текущей воды, но на самом деле это зашаркали по полу наши ноги. Все ученики встали, и казалось, что это армия, хотя нас было всего девятнадцать, - потому что глубокая вера была в каждом. Тогда мисс Дирборн засмеялась и сказала, что она благодарна за каждое из наказаний, которое перенесла, когда была ребенком, а Ливинг Перкинс сказал, что, вероятно, мы еще не вошли в тот возраст, когда бывают благодарны, или, может быть, ее отец не пользовался ремнем, а она сказала, что, ах, нет - это была ее мать и шлепала она ладонью, а Дик Картер сказал, что и наказанием-то это не назвал бы, и Сэм Симпсон сказал то же самое.

Я собираюсь написать на эту тему сначала в моей Книге Мыслей, а когда буду переделывать написанное в сочинение, то смогу выбросить все, что касается нашей семьи, или неизящное, так как многое, связанное с наказаниями, неприятно и некрасиво.

* * * * *

Наказание

Вопрос о наказаниях очень запутанный, но я считаю, что они полезны, когда действительно заслужены; вот только когда я наказываю сама себя, не всегда получается хорошо. Когда я облокотилась о перила нового моста и испачкала краской все мое платье и тетя Сара Кобб не смогла его отчистить, мне пришлось носить его, все в пятнах, шесть месяцев, отчего страдало мое самолюбие, но это было справедливо. В наказание мне не разрешили пойти на день рождения к Элис Робинсон, зато на следующий день я была в цирке. Но на вечеринках у Элис все бывает так скучно и чопорно, так как миссис Робинсон заставляет мальчиков стоять на расстеленных на полу газетах, если они заходят в дом, а ставни всегда закрыты и миссис Робинсон рассказывает мне, как обострилась у нее в этом году болезнь печени. Поэтому я подумала, что для того, чтобы поплатиться за цирк и кое-что еще, мне следует наказать себя дополнительно, и я бросила мой розовый зонтик в колодец, как матери в миссионерских книжках бросают своих младенцев крокодилам в Ганг. Но зонтик застрял в звеньях цепи, к которой привязано ведро, и тете Миранде пришлось звать Эбайджу Флэга, чтобы вытащить все обломки, прежде чем мы смогли доставать из колодца воду. Я наказала себя так потому, что тетя Миранда сказала: если я не исправлюсь, то буду не чем иным, как Обузой и Напастью. Мимо нашей фермы на Солнечном Ручье часто ходил старик, носивший много старых стульев в починку, и мама говорила: "Бедный человек! Слишком слабая у него спина для такой тяжести!", и я всегда выносила ему пончик. И я хочу, чтобы следующее вошло в Мермуары: однажды я сказала ему, как нам жаль, что стулья такие тяжелые, а он ответил, что они не кажутся такими тяжелыми, когда он съест пончик. Это не значит, как мне сказал мой брат Джон, что пончик был тяжелее стульев, но это прекрасная мысль, и этот пример учит тому, что люди должны проявлять сочувствие и помогать друг другу нести их бремя. Тяжесть, бремя и обуза - это одно и то же.

И я знаю, что такое Напасть, потому что однажды там, где наша ферма, дул ужасный восточный ветер, который уничтожил все хлеба на корню, и фермеры называли его Напастью. И я скорее согласилась бы стать градом, мокрым снегом, морозом или метелью, чем Напастью, подлой и коварной. Вот почему я выбросила самую дорогую для меня вещь на земле - розовый зонтик, который мисс Росс привезла мне из Парижа, того, что во Франции. Я также завернула мой бисерный кошелечек в три слоя бумаги и убрала с пометкой не доставать, кроме как после моей смерти, если только он не понадобится, чтобы взять с собой, когда пойдешь в гости.

Обузой, Напастью не должно мне быть,
Чтоб ангелам в небе слез горьких не лить.

* * * * *

Поощрения

Хорошим способом выяснить, что именно оказывает самое пазетивное влияние на характер, было бы испытать на себе действие поощрений в предстоящую неделю и написать сочинение в самый последний день, когда я увижу, каким стал мой характер. Трудно найти поощрения для себя, но, возможно, чтобы выручить меня в этом случае, тетя Джейн и некоторые из девочек согласились бы, каждая в отдельности, поощрить меня. Я могла бы носить каждый день в школу мой бисерный кошелечек или надевать ненадолго перед сном мои коралловые бусы. Я могла бы немного почаще читать книжку о Коре, жене доктора, но это, пожалуй, все поощрения, какие я могу придумать. Боюсь, тетя Миранда сказала бы, что все это нехорошие желания, но, ах, если бы влияние этих поощрений оказалось пазетивным, какой веселой и радостной была бы для меня жизнь! Иметь прекрасный мягкий характер, быть любимой одноклассниками и учительницей, вызывать любовь и восхищение у тетей и соседей и при этом постоянно носить бисерный кошелечек, а возможно, и надевать лучшую шляпу по средам, так же как и по воскресеньям!

* * * * *

Огромное потрясение

Причина, по которой Элис Робинсон не смогла сегодня играть с нами, в том, что ее наказали. Она разбила голубое блюдо своей мамы. Как раз перед ужином, когда мои дела были сделаны, я поднялась на холм, где стоит дом Робинсонов, узнать, как она держится, и она поговорила со мной из окна. Она сказала, что совсем не расстраивается, так как ее давно не наказывали, а теперь, как она надеется, у нее появятся мысли и это поможет ей написать сочинение, ведь остается всего один день. Это навело меня на отличную идею, и я посоветовала ей позвать наверх ее отца и уговорить его жестоко ее избить. Я сказала, что, конечно, будет больно, но зато, по всей вероятности, ни одна из девочек не подвергалась такому наказанию, и ее сочинение окажется замечательным и непохожим на другие. А я одолжила бы у тети Миранды гамамелис и лила бы на ее раны, как самаритянин в Библии.

После ужина я снова побежала к их дому вместе с Диком Картером узнать, что из этого вышло. Элис подошла к окну, и Дик бросил ей записочку, привязанную к палке. В записке я написала: "Требуя наказания в полной мере. Будь храброй, как мать Долорес в "Испанских мучениках"

Она бросила вниз свой ответ, и в нем говорилось: "Сама будь, как мать Долорес, если такая умная!" Затем она отошла от окна, и я была очень обижена, но Дик сказал, что она, наверное, голодная и от этого злая. И когда мы с Диком уже уходили со двора, я оглянулась и увидела то, чего никогда не забуду. (Огромное Потрясение.) Миссис Робинсон была за скотным двором - кормила индюшек. Мистер Робинсон тихонько вышел в сад из боковой двери дома и, оглядевшись по сторонам, вернулся на кухню, шагнул к железному шкафчику, вынул оттуда тарелку с холодными бобами и маринованной свеклой и большой кусок черничного пирога. Потом он прокрался по лестнице наверх, и мы видели, как Элис открыла дверь и взяла в комнату свой ужин.

О! Что будет с ее сочинением и как она сможет сказать что-либо о пазетивном влиянии наказания, когда один из родителей запирает ее, а другой кормит? Я простила ее за то, что она так огрызнулась в ответ на мои слова, так как, конечно же, вы не можете просить вашего отца избить вас, когда он приносит вам черничный пирог. Миссис Робинсон печет его такой, что на тарелку сочится густой фиолетовый сироп, и есть нужно ложкой, и рот делается черный, но вкус - изумительный.

* * * * *

Сон

Неделя почти кончилась, и очень скоро доктор Мозес подъедет к школьному зданию, как Илия на колеснице⁵⁹, и войдет, чтобы послушать, как мы будем читать наши сочинения. Среди нас много заболевших. Некоторые из мальчиков не могут сейчас ходить в школу, но надеются, что появятся опять в понедельник, когда доктор Мозес уезжает на какое-то собрание. Трудное это все-таки сочинение. Прошлой ночью мне приснилось, что в реке текут чернила, и я макаю в них ручку, сделанную из молодой сосенки, и пишу на больших мраморных плитах, которые откалываю от склона одной из гор Уайт-Маунтис, той, которую мы видим, когда ходим на церковные собрания. А потом я бросила их все в водопад, так как они были недостаточно хороши для мистера Мозеса.

У Дика Картера в воскресенье гостил замечательный мальчик. Он делает настоящую газету, которая называется "Кормчий" и издается мальчиками в Уэйрхемской академии. Он говорит, что когда пишет, то называет себя "мы"; это звучит гораздо солиднее, не считая того, что помогает ему лучше замаскироваться.

Примеры: наши волосы были измерены сегодня утром, и оказалось, что они отросли на два дюйма с тех пор, как их измеряли в прошлый раз... У нас шатается зуб, который причиняет нам много неприятностей... Чернильное пятно, которое мы по неосторожности посадили на нашу единственную белую нижнюю юбочку, мы сумели вывести с помощью

⁵⁹ См.: Библия. 4-я Книга Царств, гл. 2.

лимонного сока и молока. Кусочек нашей нижней юбочки исчез вместе с пятном.

Я попробую иногда использовать это в моих сочинениях, так как я, конечно же, буду писать для "Кормчего", когда поступлю в Уэйрхемскую семинарию⁶⁰. Дядя Джерри Кобб говорит, что так непременно и будет, и думает, что через четыре года я могу дорасти до редактора, если они вообще берут в редакторы девочек.

Я никогда не была лучше, чем с тех пор, как постоянно себя поощряю, вплоть до того, что ласково попросила тетю Миранду угостить меня пирожком с вареньем, из тех, которые пекли для гостей, - не потому, что я голодна, но для эксперимента, который я провожу и смысл которого когда-нибудь потом ей объясню.

Она сказала, что всегда считала неразумным ставить эксперименты на собственном желудке, а я ей сказала, с необычным пронзительным взглядом, что испытанию подвергается не мой желудок, а моя душа. Тогда она дала мне пирожок и ушла, озадаченная и встревоженная.

Наш новый священник пригласил меня по субботам заходить к нему, так как он и сам пишет стихи, но мне не хочется советоваться с ним насчет этого сочинения.

Священники не верят в поощрения, и бесполезно надеяться, что когда-нибудь поверят. В прошедшее лето гнев Божий был в проповедях четыре раза, но Бог не может сердиться все время - никто не смог бы, особенно летом. Мистер Бакстер, новый священник, - совсем другой и называет свою жену "дорогая", что очень мило и что я впервые услышала в Риверборо. Миссис Бакстер тоже не такая, как те, что живут в Темперансе или здесь, в Риверборо. Я люблю смотреть на нее на собраниях или когда она слушает своего мужа, слишком молодого и красивого для священника; у меня появляется очень странное, необычное чувство, когда я вижу, как они смотрят друг на друга.

Она одевается не так, как все остальные. Тетя Миранда говорит, что следует думать только о двух вещах: будет ли тебе тепло в твоем платье и долго ли оно проносится. И никто на свете не знает, как я люблю розовый и красный цвета, и как ненавижу тусклый желтовато-коричневый и зеленый, и как, когда я ношу мою шляпу с черными и оранжевыми иголками дикобраза, меня не покидает желание, чтобы ее сдуло ветром в реку.

Как много перьев вижу я,

Гуляя, всякий раз.

Так почему ж судьба моя -

Колючий дикобраз?

Сочинение

Ребекки Ровены Рэндл

Что оказывает наиболее пазетивное влияние на характер - наказание или поощрение?

(Мисс Дирборн еще не вносила поправок в этот текст.)

Приступая к рассмотрению этого поистине значительного и важного для всей страны вопроса, мы испытываем большое смущение, хотя усердно старались разобраться в нем, чтобы показать, с какой замечательной мудростью вдохновляет юные умы наша дорогая учительница, так как ее желание - чтобы занятия, на которых она учит нас писать сочинения, долго помнили в Риверборо.

Прежде всего нам хотелось бы сказать, что наказание кажется более необходимым для пользы мальчиков, чем девочек. Проступки мальчиков связаны с буйством: они крадут фрукты, произносят ругательства, прогуливают уроки, дерутся, разбивают окна и убивают невинных маленьких мух и жуков. Если не отучить их от этого в раннем возрасте, то они не смогут стать такими, как наш президент-мученик Авраам Линкольн⁶¹.

⁶⁰ В Уэйрхеме располагались два учебных заведения: семинария (для девушек) и академия (для мальчиков).

⁶¹ Шестнадцатый президент США Авраам Линкольн (1809 - 1865) стоял во главе государства в период

Мы спросили у всех на нашей улице, и все считают, что пороки мальчиков можно лишь выколотить из них розгой или ремнем, и это вызывает у нас большое огорчение, так как мальчики, когда они не совершают ужасных проступков, упомянутых выше, кажутся такими же хорошими, как девочки, и никогда не плачут, когда их секут, и говорят, что это не очень больно.

Теперь мы переходим к девочкам, которых знаем лучше, так как являемся одной из них. Девочки кажутся лучше, чем мальчики, потому что их проступки не такие шумные и заметные. Они могут не слушаться своих родителей и тетей, шептаться на уроках, говорить злые слова своим одноклассникам, лгать, быть надутыми и ленивыми, но, делая все это, они держатся довольно вежливо и благовоспитанно, и никто не хочет бить их ремнем, потому что у них нежная кожа и на ней быстро появляются синяки.

Наказания делают человека очень несчастным, а поощрения очень счастливым, а когда человек счастлив, он хочет в будущем вести себя как можно лучше. Мы были знакомы с девочкой, которая ежедневно поощряла себя в течение недели, и, как кажется, это воспитывало в ней такой прелестный характер, какого только можно желать. Но, возможно, если бы человек продолжал поощрять себя годами, он стал бы себялюбив. Человек не знает этого точно, он может только опасаться.

Если собака загрызет овцу, мы должны побить собаку сразу и прямо на том месте, где она может видеть эту овцу, иначе она не будет знать, что мы имеем в виду, забудется и загрызет другую. То же самое и с родом человеческим. Мы должны быть тверды и терпеливы, прибегая к наказанию, независимо от того, как мы любим того, кто провинился, и как она голодна. Не будет пользы, если бить человека одной рукой и протягивать ей маринованную свеклу другой. Это запутает ее, и она может вырасти, не умея отличить хорошее от плохого⁶².

Теперь мы с почтением обращаемся к Святому Писанию, а людей в Библии наказывали все время, и, кажется, им это шло на пользу. Любой скажет: кого Бог любит, того наказывает, но мы думаем, что Бог умеет наказывать лучше, чем мы, и лучше знает, как и когда это делать, поскольку занимался этим с дохристианских времен, когда человечество не могло об этом знать, до 1492 года от Рождества Христова, когда Колумб открыл Америку.

Мы думаем, что не сможем разузнать все до конца об этом предмете до тех пор, пока не попадем на Небеса, где те, кто оказался там, поротые и непоротые, смогут встретиться и, отложив свои арфы, обсудить, как они туда попали.

И мы ласково советуем мальчикам быть более тихими и благовоспитанными и попробовать применить к себе поощрения, чтобы посмотреть, как это подействует. Поощрения - это не только те маленькие розовые карточки с похвалами, которые мы получаем по пятницам и которые мальчики иногда рвут и с презрением бросают на ветер, а девочки заботливо хранят в конвертике.

Есть поощрения великие и замечательные, ведь мальчик может добиться того, что станет губернатором, или школьным попечителем, или членом правления железной дороги, или президентом, в то время как девочка может стать только женой и матерью. Но все мы можем украсить себя кротостью и смирением, особенно девочки, которые нуждаются в этом больше, чем мальчики.

Р.Р.Р.

* * * * *

Гражданской войны 1861 - 1865 гг., был убит агентом бывших рабовладельцев-южан и их тайных союзников в Северных штатах.

⁶² Этот впечатляющий пример с маринованной свеклой был убран из сочинения утонченной, но безжалостной мисс Дирборн, которая упорно, но тщетно старалась удалять столь вульгарные образы из литературных опытов своих учеников. (Прим. К. Д. Уиггин.)

Рассказы и люди

Октябрь, 187 - .

Есть люди в книгах, а есть люди в Риверборо - и они очень отличаются. Здесь у нас они никогда не беседуют о борзых конях и дамских лошадях, не говорят "я узрел" или "мне мнится", а если бы какой-нибудь шотландец из "Роба Роя" приехал в Риверборо и захотел жениться на одной из нас, девочек, мы не поняли бы его, если б только он не объяснился жестами; хотя Хальда Мизерв и говорит, что, если бы знатный вельможа - с огромными поместьями, где в его распоряжении множество крепостных, - попросил бы ее стать его женой, она сумела бы догадаться о его намерениях, на каком бы языке он ни говорил.

Дядя Джерри Кобб думает, что люди в Риверборо не годятся для того, чтобы писать о них рассказы, но я знаю, что о некоторых из них можно было бы написать.

Хоть Джек-тыковка еще совсем младенец, если бы кто-нибудь написал о нем, вышел бы настоящий рассказ: как его мать умерла, а отец уехал, а мы с Эммой-Джейн уговорили тетю Сару Кобб взять его к себе, так что мистеру Перкинсу не пришлось везти его на ферму-богательню, и как нам было весело в то лето, и о нашей невозместимой потере, когда его отец осенью вспомнил о нем и приехал, чтобы забрать его, и как тетя Сара унесла кроватку на колесиках обратно на чердак, и мы с Эммой-Джейн слышали, как она плачет, и тихонько ушли.

Миссис Мизерв говорит, что дедушка Сойер был мастером рассказывать всякие истории - прежде чем бабушка сломила его дух. Она говорит, что в молодости он всегда был душой общества и в лавке и в баре, хотя обычно не пил, и она считает, что я пошла в него, так как больше всех других школьных предметов люблю писать сочинения. Но мама говорит, что я пошла в отца, который всегда, было ему о чем сказать или нет, говорил очень мило; так что, мне мнится, я должна быть благодарна обоим. Они те, кого называют предками, и многое зависит от того, есть они у тебя или нет. У Симпсонов нет никаких. Тетя Миранда говорит: все здесь в округе такие зажиточные потому, что их предки были первыми поселенцами и выросли на "выжженной земле". И мы должны этим очень гордиться.

"Мне мнится" и "мне мнилось" - замечательные выражения для сочинения. Мисс Дирборн они очень нравятся, но Элис и мне никак не удастся вставить их в сочинение так, чтобы угодить ей. "Мнится" означает то же, что "кажется", но звучит лучше. Пример: если рассказываешь, какой тебе приснился сон про твою старую тетю:

Мне мнилось, слышу чудный голос я:

"Дитя, ты так мне помогла сегодня,

Тебя освобождаю от шитья".

Как пример этот стишок хорош, но, увы, такое слишком невероятно!

Сегодня после обеда я ходила в магазин покупать черную патоку и, когда прошла по мосту и повернула к холлу, увидела на обочине дороги много-премного отпечатков подковок - отпечатков с маленькими дырочками от шипов.

"Это плотогоны пришли с верховьев реки, - подумала я, - и завтра они будут прогонять свои бревна через наш водопад". Я огляделась кругом, но не увидела ни души. Однако я все равно знала, что не ошиблась, так как отпечатки не могли лгать. Всю дорогу туда и обратно я думала об этом, но, к несчастью, забыла про патоку. А так как Элис Робинсон не пустила гулять, я потратила время, отведенное мне для игры, на то, чтобы написать рассказ. Это первый взрослый рассказ в моей жизни. Он задуман не как школьное, а как настоящее сочинение, как книжка про Кору, жену доктора, и написан для мистера Адама Ладда и таких, как он, которые живут в Бостоне. Это сочинение из тех, которые печатают и за которые получают деньги, чтобы выкупить закладную.

* * * * *

Ланселот, или Поссорившиеся влюбленные

Прекрасная деревенская девушка была помолвлена с отважным плотогоном, но

однажды они поссорились и расстались: он - чтобы лить слезы в хрустальный поток, сплавляя бревна, а она - чтобы вздыхать и сетовать, занимаясь работой по дому.

Девушка имела обыкновение стоять вечернею порой на мосту, опершись о перила, и ее слезы тоже падали в пенящийся поток; так что, хотя двое несчастных влюбленных и не знали об этом, река была их другом, единственным, кому они поверяли свои тайны и в чьи воды лили слезы.

Месяцы бежали незаметно, и уже был следующий июль, когда однажды, пройдя по мосту и повернув к холму, девушка заметила следы на песках времен.

"Снова пришли плотогоны!" - воскликнула она, прикладывая руку к груди, так как у нее была нетяжелая болезнь сердца, как у Кору, жены доктора, и миссис Мизерв, - такая, от которой не умирают.

"Они в самом деле пришли, а именно - тот, которого ты знаешь", - произнес чей-то голос, и из зарослей ольхи выскочил Ланселот Литлфилд, поскольку именно так звали влюбленного и поскольку был это не кто иной, как он. Волосы у него вились и выглядели точно чистое золото. Его рубашка, хоть всего лишь из фланели, была новая, чистая и красивого цвета, и глядевшей на него девушке он казался сказочным принцем.

"Прости", - тихо сказала она, простерая свои изниможенные руки.

"Нет, моя услада, - ответил он. - Именно я должен сказать тебе это". И, гротциозно припав на одно колено, поцеловал край ее платья. Оно было из ярко-розового льна и искусно отделано белой тесьмой.

Они долго стояли у реки, прижав друг друга к сердцу, как Кора и доктор, пока вдруг не услышали стук колес на мосту и не догадались выпустить друг друга из объятий.

Стук колес был все ближе - и что же? - к ним подъехал отец девушки.

"Можно мне обвенчаться с вашей прекрасной дочерью сей же месяц?" - спросил Ланселот, чье имя мы не будем снова называть полностью в этой истории.

"Можно, - ответил отец, - ибо - взгляни! - она готова и давно этого ждет". Он сказал это, не замечая того, как позорит этими словами девушку.

И тут же на месте был назначен день свадьбы, и, когда он настал, узы Гименея связали их на берегу реки, где они впервые встретились, берегу, где они расстались в гневе и где вновь принесли клятвы верности и прижали друг друга к сердцу. А река в то лето обмелела, и ей все казалось, будто это оттого, что ничьи слезы больше не каплют в нее, а сменившие их улыбки, как солнце, высушили ее воды.

P.P.P.

Finis.

* * * * *

Профессии

Ноябрь, 187- .

Очень давно, когда я смотрела, как мисс Росс рисует старую мельницу на Солнечном Ручье, я думала, что стану художницей, так как мисс Росс ездила в Париж, который во Франции, где она купила мой бисерный кошелечек и розовый зонтик, и мне хотелось тоже увидеть улицы с красивыми яркими вещами в окнах магазинов.

Потом, когда приехавшие из Сирии миссионеры останавливались в кирпичном доме, миссис Берч сказала мне, что, став членом церкви, я должна научиться музыке и пению и поехать в далекие страны спасать души язычников. И тогда я решила, что это будет моей профессией. Но мы, девочки, попробовали создать свое отделение Миссионерского общества, и ничего не вышло. Отец Эммы-Джейн даже не разрешил ей пригласить девочек на ее день рождения, когда узнал, что она сделала, а меня тетя Джейн послала к Джейку Муди сказать, что мы не хотели его обидеть, когда просили чаще бывать на собраниях. Он сказал - ладно, мол, но пусть только попадется ему на его дворе эта Перкинсова девчонка с постной рожей и уж запомнит она свой визит - что было такой же грубостью, как и наша попытка призвать его вести более правильную и хорошую жизнь.

Потом, когда дяде Джерри, мистеру Аладдину и мисс Дирборн понравились мои

сочинения, я подумала, что лучше стану писателем - ведь я непременно должна кем-нибудь стать, как только мне исполнится семнадцать, а иначе как же мы сможем выкупить закладную на ферму? Но даже эта надежда отнята у меня теперь, так как дядя Джерри высмеял мою историю "Ланселот, или Поссорившиеся влюбленные", и я решила стать учительницей, как мисс Дирборн.

Причиной этого жалостного сообщения о перемене цели жизни и избранной профессии послужило то, что Ребекка прочитала свой "взрослый" рассказ мистеру и миссис Кобб в саду после ужина. Дядя Джерри постоянно уверял, что жители Риверборо не годятся в герои рассказов, и "Ланселот, или Поссорившиеся влюбленные" был написан с целью раз и навсегда опровергнуть это утверждение - утверждение, которое Ребекка считала (вполне справедливо) несостоятельным, хотя, безусловно, не сумела бы объяснить почему. К несчастью, Ланселот оказался плохим проповедником ее идей, совершенно неспособным на те высокие свершения, которые прочила ему юная романистка, и дядя Джерри, хоть и был всего лишь возницей дилижанса и не слишком начитанным человеком, сразу почувствовал расплывчатость и неубедительность "Поссорившихся влюбленных", как только они были представлены на его рассмотрение.

- Вот видите, и о тех, кто живет в Риверборо, можно написать рассказ! - с торжеством заявила Ребекка, закончив чтение и складывая листы бумаги. - И все это вышло из того, что я заметила следы плотогонов у дороги и задумалась об этих людях. А если задуматься, всегда получится рассказ; так говорит священник.

- Да-а, - задумчиво согласился дядя Джерри, отклоняясь назад вместе со стулом, на котором сидел, и, прислонив его спинку к стволу яблони, постарался побудить свой неповоротливый ум к незамедлительной и бурной деятельности, поскольку Ребекка была его гордостью и радостью - существом, по его мнению, сверхчеловеческого таланта, а следовательно, и тем, кого желательно "пообтесать", когда этого требуют обстоятельства.

- Это, конечно, риверборская история, так как ты вставила в нее и реку, и мост, и холм, и плотогонов. Но есть в ней что-то ужасно странное: эти люди ведут себя не по-риверборски и говорят не по-риверборски, на мой взгляд. По-моему, это самая настоящая книжная история.

- Но, - возразила Ребекка, - люди в "Золушке" тоже вели себя не как мы, а вы нашли, что это прекрасная история, когда я вам ее рассказала.

- Знаю, - ответил дядя Джерри, обретая красноречие в пылу спора. - Они вели себя не как мы, но, по крайней мере, они вели себя так, как на них похоже! Так или иначе, а все они были под стать друг другу. Золушка, может быть, была слишком уж хорошая, а сестры уж чересчур отъявленные злодейки, чтобы жить на свете, и та старушка, что имела про запас карету из тыквы... Ну что ж, во всяком случае, веришь в эту карету, крыс, мышей и все остальное, прежде чем успеешь подумать, что это неправда. Не знаю почему, но люди в истории про Золушку как-то подходят друг другу. Все они здорово неправдоподобные - и этот парень, принц с хрустальным башмачком, и вся остальная компания, - но все равно слушаешь с открытым ртом и веришь. Но ей-богу, Ребекка, никто не принял бы на веру эту твою деревенскую девушку, а что до этого, как его там, Литлфилда, который выскочил из кустов, то такой парень никогда в этих кустах и не сидел! Нет, Бекки, ты самая умная девчушка в нашем городке и дядю Джерри за пояс заткнешь, когда надо употребить грифельный карандаш, но, по-моему, это не по-настоящему риверборская история! Ты только послушай, как они говорят! Что это за "узы Гименя"?

- Это изящное выражение; вместо слова "поженились", - объяснила подавленная и отрезвленная писательница; хорошо, что горячо любящий старик не видел в сумерках ее глаза, иначе он догадался бы, что слезы совсем близко.

- Ну, тогда ладно; я смыслю не больше коровы, когда дело касается словаря. А что это там этот, как его, говорит девушке: "Нет, моя услада"?

- Я и сама подумала, что это звучит глупо, - призналась Ребекка, - но так доктор называл свою жену, когда уговаривал ее не ссориться с его матерью, которая поселилась у них. Я знаю, что так не говорят в Риверборо, но я думала, что, может быть, это бостонское выражение!

- Ну нет! - решительно заявил мистер Кобб. - Возил я бостонцев в моем дилижансе из Милтауна, и не раз, и никто из них никогда не сказал мне: "Нет, моя услада" - и ничего другого этакого. Они говорили как люди - все до одного! Если бы этот, как его там, сидел бы рядом со мной на моей "палубе" и попробовал бы сказать мне: "Нет, моя услада", я спихнул бы его прямо в кукурузное поле у дороги. Я думаю, ты еще не доросла до того, чтобы писать такие истории, Бекки; ведь лучше твоих стихов никто в нашем графстве Йорк не напишет, а твои сочинения так хороши, что хоть на городском собрании вслух читать!

Ребекка немного оживилась и, как всегда, ласково попрощалась со стариками, но с холма спускалась в невеселом расположении духа. Когда она добрела до моста, солнце уже садилось за лес судьи Бина. И пока она смотрела, солнечный свет лился прямо на широкую, неподвижную реку, и на одно прекрасное мгновение деревья на берегах отразились в ее поверхности, поплыв в море розового сияния. Облокотившись о перила, она следила, как свет превращается из малинового в пунцовый, из пунцового в розовый, из розового в янтарный и из янтарного в серый. Затем, вынув из кармана передника "Ланселота, или Поссорившихся влюбленных", она разорвала рукопись на кусочки и со вздохом бросила в воду.

"Дядя Джерри не сказал ни слова о конце! - подумала она. - А он был так хорош!"

И она была права; но хотя дядя Джерри и был неплохим критиком, который мог просветить в том, что касалось поведения и языка его риверборских соседей, не в его власти было указывать путь юной мореплавательнице, плывшей "на манящий дальний свет" по волнам своего воображения.

* * * * *

Наше тайное общество

Ноябрь, 187-.

Наше тайное общество только что устроило замечательный пикник в сарае у Кандейс Милликен.

Название нашего общества - В.О.С.С.⁶³, и ни один мальчишка в деревне не сумел разгадать, что это значит. А значит это - Общество Косы Через Плечо, и это условный знак. Все члены общества перекидывают одну из кос на грудь через правое плечо; председатель носит красную ленту в косе (я председатель), а все остальные - синюю.

Чтобы привлечь внимание другого члена общества, находясь в гостях или в публичном месте, мы зажимаем конец косы между большим пальцем и мизинцем и стоим, как бы ненарочно, на одной ноге.

Это Тайный Сигнал, а пароль - Sob⁶⁴ (буквы В.О.С.С. в обратном порядке); это моя идея, и все считают, что она довольно необычная.

Одно из правил В.О.С.С. заключается в том, что от любого члена общества могут потребовать рассказать на собрании общества о постоянно преследующем ее искушении, если об этом попросит большинство членов общества.

Это была идея Кандейс Милликен, и все против нее очень возражали, но, когда дошло до голосования, так много девочек побоялось обидеть Кандейс, что они согласились на ее предложение, так как больше ничьи папа и мама не позволили бы нам устраивать пикник в их сарае и пользоваться там их плугом, бороной, жерновом, саями, бричкой и тачкой.

⁶³ Braid Over Shoulder Society - Общество Косы Через Плечо (англ.).

⁶⁴ Всклипывание, рыдание (англ.).

А у Кандейс мы всем этим пользовались и почти ничего не испортили.

На самом первом собрании они попросили меня рассказать о моем постоянном искушении, и мне было до смерти неприятно рассказывать, потому что это самая обыкновенная жадность. Я терпеть не могу звать других девочек к себе, если найду место, где много ягод, когда мы летом ходим в лес собирать их.

Когда я призналась, отчего мне было ужасно стыдно, все девочки удивились и сказали, что никогда ничего такого не замечали, но каждая думала, что я считаю своим постоянным искушением что-нибудь совсем другое. Тогда Эмма-Джейн сказала, что лучше выйдет из членов общества и останется без пикника, чем станет рассказывать о своем искушении. Ну и так как вышло столько волнений и неприятностей, Кандейс уступила. Мы вычеркнули это правило из нашего устава, и вышло, что я рассказала о своем искушении напрасно.

Мы назвали свое общество В.О.С.С. потому, что у Минни Липучки обрита голова после скарлатины и нет косы, так что она не может стать нашим членом.

Я не хочу, чтобы она была членом общества, но не могу быть счастлива, зная, что она будет чувствовать себя ущемленной, и поэтому пропадает половина удовольствия от сознания собственного членства в обществе.

В этом, я думаю, главное неудобство, какое испытываешь, когда ведешь себя подло и недоброжелательно. Невозможно поступать неправильно и чувствовать себя правым или быть плохим, а чувствовать себя хорошим. А иначе мы могли бы делать все, что только придет в голову, и, несмотря на это, всегда быть счастливыми.

Минни Липучка портит все, во что встречается, но я думаю, что мы, остальные девочки, должны или обрить головы и назваться Безволосыми, или позволить Минни стать членом В.О.С.С. на особых правах.

Она могла бы состоять в обществе В.И.Т.У.В.⁶⁵, потому что именно в верхнем ящике комода ее мама держит теперь отрезанную косу Минни.

* * * * *

Зимние мысли

Март. 187-.

Сегодня не такой уж холодный для начала марта день, и я сижу на сеновале, одетая в свое пальто, капор, варежки и непромокаемый плащ тети Джейн.

Когда я напишу три странички, спрячу эту книгу в сено, чтобы она лежала там до теплых весенних дней.

Похоже, что в зимнее время у меня нет никаких мыслей; может быть, они превращаются в сосульки на своем пути. В теплую погоду на сеновале полно мыслей. Их шлют мне небо, и деревья, и цветы, и птицы, и река; но сейчас все серое и колючее, ветви деревьев голые, а река замерзшая.

В моей спальне слишком холодно, чтобы писать, но, пока у нас еще был открытый камин, несколько мыслей у меня все же было. Теперь же, когда в столовой поставили закрытую печку и мы сидим там так близко друг к другу - тетя Миранда, тетя Джейн и я, - мне не хочется делать записи в моей книге, так как я боюсь, что тети попросят меня прочесть мои тайные мысли вслух.

Я только что перечитала заново первую часть моей Книги Мыслей, и оказалось, что я выросла из нее, точно так же, как выросла из моего прошлогоднего желто-коричневого кашемирового платья.

Удивительно, как человек может измениться так быстро - за несколько месяцев, но я точно помню тот день, когда мне купили мою книгу в магазине мистера Уотсона, - тогда же у кошки Эммы-Джейн появились котята. Миссис Перкинс оставила самого красивого, беленького, а всех остальных Эбайджа Флэг утопил.

⁶⁵ Braid In The Upper Drawer - Коса В Верхнем Ящике Комода (англ.).

Мне кажется странным, что кошки продолжают приносить котят, когда знают, что с этими котятами будет! Нам было очень грустно, когда котят утопили, но миссис Перкинс сказала, что так уж повелось на свете и так должно быть.

Я не могу не радоваться, что то же самое не делают с детьми, иначе Джону, Дженни, Мире, Марку и мне - всем привязали бы на шею камень и утопили бы там, где Солнечный Ручей глубже всего, потому что во всей семье только Ханна и Фанни по-настоящему красивые.

Миссис Перкинс говорит, что меня нужно только нарядить, чтобы я была красивой, но, так как меня никогда не наряжали, это мало что значит. По крайней мере, они не стали наряжать котят, чтобы посмотреть, как улучшится их внешность, но решили сразу.

Котенок Эммы-Джейн, который родился в тот же день, когда и эта книга, теперь стал взрослой кошкой, которая сама знает, как уж оно повелось на свете и как должно быть, потому что у нее уже один раз утопили котят.

Так что, пожалуй, не так уж странно, что моя Книга Мыслей кажется мне такой детской и глупой, если подумать обо всем том, что я пережила, и множестве всего того, что я узнала, и о том, насколько правильнее я стала писать по сравнению с тем, как писала десять месяцев назад.

Мои пальцы зябнут и в варежках, так что до свидания, дорогая Книга Мыслей, друг моего детства, оставшегося так далеко, далеко позади!

Я спрячу тебя в сене, где тебе будет тепло и уютно до конца долгой зимы и где летом тебя снова найдет не кто иной, как твой любящий автор

Ребекка Ровена Рэнделл.

Рассказ четвертый Шляпная трагедия

I

Новое зимнее платье Эммы-Джейн Перкинс было из клетчатой, зеленой с голубым, шотландки, отделанное узкой зеленой бархатной ленточкой и металлическими кнопками. Был у нее также серый жакет из толстой, похожей на мех ткани, застегивающийся на большие металлические пуговицы, пара зеленых лайковых перчаток и зеленая фетровая шляпа, тулью которой украшала шляпная лента из ярко-зеленых перышек, начинавшаяся спереди головкой птички и кончавшаяся сзади хвостиком, и более красивого туалета нельзя было и желать. Так считала сама Эмма-Джейн, и Ребекка полностью разделяла ее мнение.

Но Эмма-Джейн была, как однажды представила ее мистеру Адаму Ладду Ребекка, "дочерью богатого кузнеца", а она, Ребекка, наполовину сиротой с заложенной фермы близ Темперанса, на иждивении своих незамужних теток. Шотландка была явно не для нее, ее уделом оставались темные шерстяные ткани, варежки и прошлогодние пальто.

А как же со шляпами? Была ли тут для нее какая-нибудь надежда на будущее? Этот вопрос задавала себе она, возвращаясь домой от Перкинсов, в восхищении от нового зимнего наряда Эммы-Джейн и, как верная подруга, стараясь, чтобы недостойная зависть не примешивалась к этому восхищению. Ее собственная черная шляпа с украшением в виде красного крылышка считалась ее будничной шляпой и, хотя была сильно поношена, все еще нравилась Ребекке, однако никак не годилась для того, чтобы надевать ее, когда идешь в церковь, - даже при тех странных и совершенно непостижимых взглядах, которых придерживалась в вопросе о подходящей одежде тетя Миранда.

Имелась в наличии и уже упомянутая коричневая фетровая шляпа без полей - если можно было назвать это наличием, после того как две зимы на нее падали дождь, снег и град. Но от ее отделки остались лишь воспоминания - и это было единственным утешением!

Эмма-Джейн сказала, что у модистки в Милликен-Миллз можно купить

совершенно прелестную "птичью грудку", которая начинается совершенно прелестным пурпурным пушком, а кончается совершенно прелестным темно-красным - два цвета весьма модных в то время. И если уж старой коричневой шляпе предстоит быть ее, Ребекки, уделом еще одну зиму, не захочет ли тетя Миранда скрыть изъяны этой шляпы от язвительного и недоброжелательного мира под пурпурной "птичьей грудкой"? Захочет ли она - вот в чем заключался вопрос.

Погруженная в эти нелегкие размышления, Ребекка вошла в кирпичный дом, повесила в передней свой капор и проследовала в столовую.

Мисс Джейн в столовой не было, но тетя Миранда сидела у окна с кучей лоскутков на коленях, а на стуле рядом с ней громоздились картонные коробки. В одной руке она держала ту самую потрепанную коричневую шляпу без полей, а в другой оранжевые и черные иглы дикобраза с летней шляпы, которую Ребекка носила в прошлом году. И в позапрошлом, и в позапозапрошлом, и так далее - вплоть до тех доисторических времен, о которых в ее детской памяти не сохранилось точных данных, хотя, как она была уверена, общество в Темперансе и Риверборо такие данные сохранило. Поистине это было зрелище, от которого кровь заледенела бы в жилах всякой пылкой юной мечтательницы, надеющейся украсить себя более нарядными перышками!

Мисс Соьер на секунду подняла глаза с выражением полного удовлетворения, а затем вновь устремила их на свою работу.

- Если б я собиралась покупать отделку для шляпы, - сказала она, - я не смогла бы выбрать ничего лучше и практичнее этих иголок! Твоя мать носила их с тех пор, как вышла замуж; и на тебе они были в тот день, когда ты приехала к нам с фермы, и я тогда подумала про себя, что вид у них какой-то заморский, но теперь, когда я к ним привыкла, они мне стали нравиться. Ты здесь уже два года; да и прежде эти иголки почти все время были в носке - твоя мать носила их и летом и зимой. Каково? По прочности с ними ничто не сравнится! Даже не верится, что твоя мать их выбрала - Орилия никогда не умела делать хорошие покупки! Черные иголки почти как новые, а оранжевые лишь чуточку выцветшие и потрепанные. Интересно, что будет, если я все их обмакну в вакуум? Право же странно, что дикобраза используют для отделки шляп, хотя не скажу, чтобы я точно знала, как это животное выглядит; много уж времени прошло с тех пор, как я видала его на картинке в школьном учебнике географии. Я всегда думала, что иголки у них прямые и сердито торчат вверх, но эти вроде как закручиваются на концах и оттого лучше выдерживают ветер. Как они тебе нравятся на этой коричневой шляпе? - спросила она, склоняя голову набок с видом знатока и неуклюже приставляя иголки к шляпе своей натруженной рукой.

Чтобы они понравились Ребекке на коричневой шляпе? Как бы не так!

Мисс Соьер не смотрела на племянницу, но глаза девочки сверкали, грудь тяжело вздымалась, щеки пылали от внезапно нахлынувшего чувства гнева и отчаяния. Неожиданно с ней что-то произошло. Она забыла, что говорит с тем, кто намного старше ее, забыла о своем зависимом положении, забыла обо всем, кроме горького разочарования из-за несбывшейся мечты о пурпурном пушке, и, не помня ничего, кроме пленительной, ослепительной красоты зимнего наряда Эммы-Джейн Перкинс, совершенно неожиданно разразилась бурей протеста.

- Я не стану носить эти отвратительные иголки еще и зимой! Не стану! Жестоко, жестоко требовать этого от меня! Ах, как бы я хотела, чтобы на свете не было никаких дикобразов или чтобы все они вымерли раньше, чем этим глупым, гадким людям пришлось в голову отделявать шляпы иголками! Они загибаются и щекочат мне ухо! Они стегают меня по щеке и впиваются в нее, как стальные иглы! И вид у них, конечно же, заморский, вы сами это только что сказали. Никто их не носил и не носит, кроме меня одной! Из одного-единственного дикобраза сделали один-единственный пучок иголок для меня и ни для кого больше! Хорошо бы, вместо того чтобы торчать из этих отвратительных животных, их иголки впивались бы в них, как впиваются в мою щеку! Я страдаю, страдаю,

страдаю, когда ношу их, и ненавижу их, а они будут носиться и носиться, и, когда я умру и не смогу этому помешать, кто-нибудь оторвет их от моей последней шляпы и воткнет мне в волосы - и так меня с этими иголками и похоронят! Да, когда меня похоронят, и они будут похоронены - единственное утешение! О, если у меня когда-нибудь будет дочка, я позволю ей выбирать для себя перья и не стану заставлять ее носить такую гадость, как свиная щетина или иголочки дикобраза!

И, завершив эту длинную тираду, Ребекка унеслась, как метеор, за дверь и вдоль по улице, в то время как Миранда Сойер с трудом ловила ртом воздух и возносила молитвы Небесам, чтобы ей было дано понять, что за ураган эта ее племянница Рэнделл.

Это было в три, а в половине четвертого Ребекка уже стояла на коленях на коврике, уткнувшись головой в теткин передник и всхлипывая в искреннем раскаянии.

- Ах, тетя Миранда, простите, простите меня, если можете. Ведь это впервые за много месяцев я оказалась такой скверной! Вы ведь знаете это! Помните, вы сказали на прошлой неделе, что со мной в последнее время никаких хлопот? Что-то прорвалось внутри меня и вышло наружу в раздраженных словах! Дикобразьи иголочки действуют на меня, как красная тряпка на быка. Никто не понимает, как я страдаю, когда ношу их!

За последние два года Миранда Сойер получила несколько хороших уроков - уроков, которые сделали ее (по крайней мере, в те дни, когда она не была не в духе) чуть-чуть добрее и, во всяком случае, более справедливой, чем она была прежде. Когда ей случалось встать утром не с той ноги или ревматизм докучал сильнее, чем обычно, она была по-прежнему сурова и неуступчива; но иногда казалось, будто что-то тает внутри нее, и тогда вся ее костистая фигура становилась как-то мягче, а глаза не столь похожими на стеклянные. В такие минуты Ребекка чувствовала себя так, словно с головы у нее сняли железный котел, дав ей дышать свободно и радоваться солнечному свету.

- Н-да, - сказала наконец мисс Миранда, пристально посмотрев сначала на Ребекку, а затем на иголочки дикобраза, словно для того, чтобы лучше разобраться в ситуации, - никогда, с тех самых пор как родилась на свет, не слышала таких речей и думаю, что их, верно, никто и не произносил. Тебе следовало бы рассказать священнику о том, что ты здесь наговорила, и послушать, что он думает о лучшей ученице его воскресной школы. Но я слишком старая, да и сил у меня нет, чтобы ругать, и волноваться, и стараться воспитать тебя, как я это делала сначала. На этот раз можешь сама наказать себя, как ты прежде делала. Давай швырни что-нибудь в колодец, как ты поступила со своим розовым зонтиком!.. Ты извинилась, и мы больше не будем говорить об этом сегодня, но я надеюсь, что ты покажешь своим хорошим поведением, насколько сожалеешь о своем поступке! Ты вообще думаешь о своей внешности и одежде куда больше, чем следует ребенку, а твоя вспыльчивость когда-нибудь непременно доведет тебя до тюрьмы!

Ребекка вытерла слезы и громко рассмеялась.

- Нет, нет, тетя Миранда, не доведет, никогда! Это не была вспыльчивость; я не злюсь на людей, а только, очень редко, на вещи, такие, как эти... Уберите их скорее, прежде чем я снова не начала злиться! Теперь я успокоилась! Ливень прошел, вышло солнце.

Мисс Миранда взглянула на нее испытующе и с недоумением. По ее мнению, душевное состояние Ребекки опасно напоминало болезнь.

- Ты видела, чтобы я или твоя тетя Джейн покупали себе новые шляпки? - спросила она язвительно. - Или есть какая-то особая причина, почему ты должна одеваться лучше, чем твои старшие родственницы? Ты вполне могла бы догадаться, что у нас сейчас мало денег и мы не намерены наряжать тебя, как какую-нибудь девицу с милтаунской фабрики.

- О-о! - воскликнула Ребекка; горячие слезы снова навернулись на глаза, а румянец на щеках угас, когда она поднялась с колен и села на диван рядом с теткой. - Как мне стыдно! Скорее пришейте эти иголочки на коричневую шляпу, пока я послушная! Если я не смогу их выносить, то сошью аккуратный маленький мешочек из холста и на них надену!

Так кончилось это неприятное дело - не как обычно, холодными словами со стороны мисс Миранды и горькими чувствами со стороны Ребекки, но неожиданным проблеском

взаимопонимания.

Миссис Кобб, которая умела мастерски красить вещи, погрузила вызвавшие такое раздражение злосчастные иглы в коричневую краску и оставила в ней на целую ночь, что не только придало им приятный теплый цвет, но и сделало менее жесткими их острые концы, так что, по мнению Ребекки, они были уже не столь отвратительными и страшными.

А затем миссис Перкинс заглянула в свою стоявшую на чердаке коробку со шляпными лентами и дала мисс Дирборн бледно-голубую бархатную ленточку, из которой та сделала обшивку и великолепную розетку для коричневой шляпы. Из этой розетки защитное оружие дикобраза торчало весело и гордо, как плюмаж Генриха Наваррского⁶⁶.

Ребекка если и не слишком утешилась, то все же смирилась и была достаточно тактична, чтобы скрыть свои чувства теперь, когда знала, что экономия была причиной некоторых вердиктов тетки, касавшихся одежды. Ей удалось забыть о пурпурной "птичьей грудке", которая являлась ей лишь во сне, свисая с потолка и ослепляя своим ярким цветом. Эти видения заставляли Ребекку надеяться только на то, что "грудка" будет вскоре продана и не станет искушением для нее, Ребекки, когда она будет проходить мимо витрины модистки.

Прошло не так уж много времени, и однажды мисс Миранда одолжила у мистера Перкинса лошадь и повозку и отправилась, взяв с собой Ребекку, в Юнион за колбасным фаршем и зельцем. Она намеревалась также навестить миссис Кобб, заказать по пути телегу сосновых дров у мистера Страута и оставить кое-какое тряпье на плетеный половик у старой миссис Пиз - все это для того, чтобы путешествие было как можно более полезным, учитывая потерю времени и вероятный износ черного шелкового платья, надетого в дорогу.

Черная шляпа с красным крылышком была насильственно снята с головы Ребекки перед самым отъездом и заменена кошмарной коричневой без полей.

- Рано или поздно все равно начнешь ее носить, - заметила Миранда; Джейн стояла у боковой двери и втайне сочувствовала Ребекке.

- Хорошо, - сказала Ребекка, с мстительной гримасой нахлобучивая на голову жесткую коричневую шляпу и отпуская натянутую резинку, в которую продела свои длинные косы, - но это напоминает мне о словах, которые произнес мистер Робинсон на похоронах своей жены, когда священник сказал ему, что теща поедет в одном экипаже с ним.

- Не понимаю, какое отношение могут иметь слова, сказанные много лет назад мистером Робинсоном, к тому, что ты надеваешь эту шляпу, отправляясь в Юнион, - отозвалась Миранда, подтыкая с боков полость, которой накрыла колени.

- А вот могут; потому что он сказал: "Что ж, делайте как хотите, но это испортит мне всю поездку!"

Джейн резко закрыла дверь, отчасти потому, что у нее возникло желание рассмеяться (желание, которое до того, как Ребекка поселилась в кирпичном доме, не возникало на протяжении многих лет), а отчасти потому, что ей совсем не хотелось услышать ответ, который даст сестра, когда до нее дойдет весь смысл анекдота, рассказанного Ребеккой, - любимого анекдота мистера Перкинса.

День был холодный и ненастный, с сильным ветром, грозившим принести ранний снегопад. С деревьев уже были сорваны все листья, земля была твердой, и колеса повозки громко стучали по колдобинам на дороге.

- Хорошо, что я надела теплую шаль поверх пальто, - сказала Миранда. - Тебе не холодно, Ребекка? Завяжи потуже свой белый шарфик на шее. Этот ветер меня прямо-таки насквозь продувает. Я уже жалею, что мы не дождались денька получше. Эта дорога в

⁶⁶ Генрих IV (1553 - 1610) - король Наварры с 1562 г., король французский с 1589 г., первый король из династии Бурбонов

Юнион идет то вверх по холму, то вниз, и нельзя ехать быстро - такая она ухабистая. Не забудь сказать, когда зайдешь в лавку Скотта, чтобы свинину мне прислали со всеми обрезками, - может быть, я попробую сделать немного топленого жира. Последняя телега дров разошлась ужасно быстро; надо будет выяснить, не сможет ли Эбайджа Флэг привезти нам кругляшей с лесопилки, когда будет в следующий раз возить дрова для судьи Бина. Думай о том, как правишь лошадью, Ребекка, и не гляди так часто на деревья и на небо. Это то же небо и те же деревья, которые тут всегда были. С холма спускайся очень медленно, а по мосту пусти лошадь шагом. Я всегда боюсь, что он проломится подо мной, а мне не хотелось бы свалиться в этот быстрый поток, да еще и в такой холодный день. Через неделю он уже совсем замерзнет. Я...

Окончание этой последней фразы, по всей вероятности, было не так уж важно, но так или иначе, а она осталась незавершенной, поскольку, когда повозка находилась на середине моста, неистовый порыв ветра подхватил шаль мисс Миранды и набросил ей на голову. Длинные тяжелые концы шали закрутились в противоположных направлениях и плотно окутали колышущуюся на ветру шляпу. В руках у Ребекки были кнут и вожжи, и, пытаясь помочь сражающейся с шалью тетке, она не могла придержать свою собственную шляпу, которую неожиданно сорвало у нее с головы и бросило на перила моста, где она на мгновение остановилась, дрожа и колыхаясь.

- Моя шляпа! Ах! Тетя Миранда, моя шляпа! - вскрикнула Ребекка, совершенно забыв в эту минуту, как часто молилась о том, чтобы "капризный дикобраз" исчез когда-нибудь в результате именно таких бурных событий, раз уж он отказывается умереть естественной смертью.

Она уже остановила лошадь и, в последний раз отчаянно дернув конец теткиной шали, выскользнула из повозки между колесами и бросилась по направлению к ненавистному предмету, которому временную ценность и значительность неожиданно придала опасность его лишиться.

Жесткая коричневая шляпа взвилась в воздух, затем упала и помчалась по мосту; Ребекка понеслась следом; шляпа запрыгала и застряла между двумя колышками перил моста; Ребекка гналась за ней, длинные косы развевались по ветру.

- Вернись! Вернись! Не оставляй меня одну с повозкой! Прекрати, я требую! Брось свою шляпу и вернись!

Миранда наконец высвободилась из совсем было поглотивших ее складок шали, но ветер не давал ей раскрыть глаза, и она была в таком замешательстве, что не пыталась оценить финансовый ущерб, связанный с ее распоряжениями.

Ребекка слышала приказ тетки, но в пылу погони сделала еще один бешеный рывок, чтобы схватить беглянку, которая казалась теперь одержимой злым духом - металась взад и вперед и скакала туда и сюда, словно живое существо, и наконец отличилась, пролетев прямо между передними и задними ногами лошади. Ребекка попыталась перехитрить шляпу - обежать вокруг повозки и встретить ее с другой стороны. Бесполезно; когда она выскочила из-за задних колес, ветер еще сильнее закрутил шляпу, и, скользнув прочь, она взмыла над перилами моста, а затем исчезла внизу в быстром потоке воды.

- Влезай обратно! - крикнула Миранда, вцепившись в свою собственную шляпу. - Ты старалась изо всех сил, но тут уж ничего не поделаешь. Я только жалею, что не позволила тебе надеть твою черную шляпу, как ты хотела. Шаль сломала стебелек бархатного цветка на моей шляпе, а ветер унес булавку от шали и гребень из моей прически. Я охотно повернула бы назад сию же минуту, да только не хочется второй раз просить у Перкинсов лошадь в этом месяце. Когда въедем в лесок, пригладишь волосы, повяжешь свой шарфик на голову и наденешь то, что осталось от моей шляпы; дорого нам обойдется эта поездка наверняка!

II

Лишь на следующее утро душа Ребекки действительно возликовала. За завтраком тетя Миранда объявила, что, так как миссис Перкинс едет в Милликен-Миллз, Ребекка может отправиться вместе с ней и купить себе прочную носкую шляпу.

- Больше двух с половиной долларов не трать, а пурпурную "грудку" купишь, только если миссис Перкинс скажет и сама модистка скажет, что пух не полиняет и не вылезет. Не покупай светлую шляпу, она надоеет тебе через два-три года, как это было с твоей коричневой. Мне всегда нравилась форма коричневой шляпы, а другой отделки, которая носилась бы, как те иголки, тебе никогда не найти.

"Надеюсь!" - подумала Ребекка.

- Если бы резинка была у тебя под подбородком, как ты носила ее раньше, а не сзади, как ты носишь теперь, думая, что это делает тебя взрослой и модной, ветер никогда не сорвал бы шляпу у тебя с головы и ты бы ее не потеряла. Но беда стряслась, что подделаешь! Так что можешь прямо сейчас пойти к миссис Перкинс, чтобы не заставлять ее ждать и чтобы она не уехала без тебя. Два с половиной доллара в конверте рядом с часами.

Ребекка проглотила последний кусок лежавшей у нее на тарелке трески, вытерла губы и поднялась со стула, более счастливая, чем сами ангелы в раю.

Иголки дикобраза исчезли из ее жизни без какой-либо провинности или насильственных действий с ее стороны. Она осталась совершенно невинной и добродетельной, но тем не менее ей предстояло получить новую шляпу с пурпурной "птичьей грудкой", если скрупулезное исследование покажет, что этот предмет ее восхищения практически не подвержен уничтожению.

- Как много шляп увижу я,

И уж на этот раз

Перо найдется для меня -

Никак не дикобраз, -

втайне и с восторгом импровизировала она, направляясь к боковым дверям дома.

- Эбайджа Флэг заворачивает к нам, - сказала мисс Миранда, вставая со стула и подходя к окну. - Выйди-ка, Джейн, и посмотри, что там у него. Какой-то пакет от судьи, я думаю. Он держит бумажный пакет. Похоже, что это тыква, хотя, если подумать, не стал бы он заворачивать тыкву в бумагу. Закрой дверь столовой, Джейн, ужасный сквозняк. И поторопись, а то лошадь судьи никогда и минуты смирно не постоит.

Эбайджа Флэг вылез из повозки и с усмешкой на лице приблизился к боковой двери.

- Угадай, что у меня есть для тебя, Бекки.

Ничто не дрогнуло пророчески в ее душе, чтобы предупредить о том, на что она обречена.

- Яблоки? - оживленно спросила она, сама как яблочко - сияющая, румяная, с атласной кожей.

- Нет, попробуй еще раз.

- Цветущая герань?

- Попробуй еще!

- Орехи? Мне не угадать, Эбайджа. Я сейчас еду по делу в Милликен-Миллз и боюсь, что миссис Перкинс уедет, не дождавись меня. Покажи поскорее! Это действительно для меня или для тети Миранды?

- Точно для тебя! - И, открыв большой пакет из оберточной бумаги, он извлек из него пропитанные водой остатки коричневой шляпы!

Это были лишь остатки, но в их сущности и происхождении не могло быть никаких сомнений. Они явно в прошлом были шляпой, и можно было даже предположить, что, возвращенные к жизни, они вновь примут первоначальную форму в недалеком и счастливом будущем.

В этот драматический момент к стоявшим в боковых дверях Ребекке, Эбайдже и мисс Джейн присоединилась снедаемая любопытством мисс Миранда.

- Ну и ну! - воскликнула она. - Да где же это и как, скажи на милость, ты?..

- Я вчера работал на плотине возле Юниона, где сплавляют лес, - засмеялся Эбайджа, с довольным видом поглядывая по очереди на каждую из трех своих собеседниц, - и увидел, как эта шляпка скакнула в воду, как раз когда Бекки ехала по дороге. Форма у этой шляпки вроде как у лодки, и я не я, если она не плавает, как настоящая лодка! "Где это я видал такие колючие перья?" - думаю я.

("Вот именно, где?" - подумала, с мятежным чувством в душе, Ребекка.)

- Ну и тогда до меня дошло, что я возил эти перья в школу, и возил их на собрания, и возил на ярмарку, и возил почти везде - на голове у Бекки. Тут я дотянулся до шляпы шестом и поймал ее, прежде чем ее успело зажать между бревнами и сплющить, и вот она! Шляпке-то само собой пришел конец - похоже, будто на нее мокрый слон наступил, но перья - как новые! Я ее и принес-то, собственно говоря, из-за этих перьев.

- Очень любезно с твоей стороны, Эбайджа, и мы все тебе очень обязаны, - сказала Миранда, сунув одну руку внутрь шляпы, а другой медленно поворачивая этот злополучный предмет. - Ну, скажу я вам, - воскликнула она, - да я, кажется, и прежде это говорила, из всех носких перьев, какие я видела на своем веку, эти самые ноские! Им, похоже, никогда сносу не будет. Смотрите, как на них держится краска миссис Кобб; они почти такие же коричневые, что и до того, как упали в воду.

- Никакой цвет от воды не вянет, - усмехнулся Эбайджа, который был довольно известен в Риверборо своими каламбурами.

- И как подумаешь. - продолжила Миранда, - сколько шума поднимают из-за этих страусов, которых убивают сотнями ради их перьев, а перья никуда не годятся, после того как попадут под первый же ливень, и все это время позволяют таким ценным дикобразам бегать вокруг в их иголках... Ну никак я этого не могу понять! Разве что модистки узнали, как долго эти иголки служат, и не стали использовать их для отделки, чтобы не остаться без работы. Эбайджа прав: шляпа больше никуда не годится, Ребекка, но ты можешь сегодня купить другую - любого цвета и формы, какая тебе только поправится, - и отдать мисс Мартон, чтобы она пришила к ней эти коричневые иголки с какой-нибудь пряжкой или бантом - так только, чтобы прикрыть иголки у основания. Тогда благодаря Эбайдже ты будешь со шляпой еще на один сезон.

Дядя Джерри и тетя Сара вскоре тоже узнали о том, какую роль сыграл рок, или Эбайджа Флэг, в делах Ребекки, так как в тот же вечер она сама в сопровождении учительницы пришла к старому вознице. Сняв свою новую шляпу с древним украшением, она несколько нарочито положила ее вниз доньшком на кухонный стол и вышла из комнаты - ямочки на ее щеках были чуть глубже, чем обычно.

Дядя Джерри поднялся со своего сиденья и, пройдя через комнату, с любопытством заглянул в шляпу. Он обнаружил, что внутри к тулье аккуратно приколоты круглая бумажная подкладка и на ней выведены следующие строки, которые произвели большое впечатление на слушателей, когда были прочитаны вслух мисс Дирборн, и которые с ее одобрения были позднее занесены в Книгу Мыслей для блага грядущих поколений:

Я из бессмертников венок

Сплету себе сейчас! -

Воскликнул, нюхая цветок,

Колючий дикобраз. -

Лет двести - век недолог мой,

Иголки ж хоть куда,

Не будет сносу ни одной

До Страшного Суда.

Их можно красить много раз,

Любой придать им цвет,

*Но не пробьет их смертный час -
Конца цветенью нет!
О символ вечной красоты,
Невянущий цветок!
Венчай мои иголки ты,
Ведь им не минет срок!
Р.Р.Р*

Рассказ пятый Спасение флага I

Даже когда Ребекка закончила учебу, достигнув весьма почтенного семнадцатилетнего возраста и потому обретя способность оглядываться на прошлое, невероятно длинное и так много вместившее, она по-прежнему измеряла время не годами, а определенными важными событиями.

Был год, когда умер ее отец; год, когда она уехала с Солнечного Ручья и поселилась у теток в Риверборо; год помолвки сестры Ханны; год, когда умерла маленькая Мира; год, когда Эбайджа Флэг перестал работать в хозяйстве судьи Бина и ошеломил весь Риверборо, отправившись в Лимерик, в среднюю школу, чтобы получить образование; и, наконец, год ее выпуска из учительской семинарии - событие, которое в семнадцать лет кажется скорее кульминацией, чем началом существования.

В промежутках между этими эпохальными событиями отчетливо выделялись на сером фоне скучной повседневной жизни и некоторые другие происшествия.

Был день, когда она впервые встретила лучшего из своих друзей - мистера Аладдина, и позднее - другой, даже еще более радостный и светлый, - когда он подарил ей коралловые бусы. Был день, когда семейство Симпсонов, находясь в затруднительном положении, уехало из Риверборо, и она горячо поцеловала Клару-Беллу на развилке дорог, сказав, что навсегда останется ее верной подругой. Был и визит в кирпичный дом миссионеров, возвратившихся из Сирии, - светлое, романтическое воспоминание, такое же яркое и необычное, как и чудесные перышки маленьких птичек, привезенные гостями с собой из далеких стран Востока. Она хорошо помнила ту минуту, когда Берчи предложили ей выбрать одно перышко для себя, и тот восторг, с которым она гладила эти красивые перышки, разложенные на обитом черной волосяной тканью диване. Затем был приезд нового священника - много кандидатов на это место подверглось испытанию, но выбран был именно мистер Бакстер. И наконец, был подъем флага - праздничные торжества, взволновавшие общество Риверборо и Эджвуда, от центра до периферии, торжества, состоявшиеся как раз перед тем, как она поступила в учительскую семинарию в Уэйрхеме и распрощалась с доброй мисс Дирборн и сельской школой.

Были, разумеется, в истории Америки и другие церемонии поднятия флага - это-то признали бы, пусть неохотно, даже те, кто имел непосредственное отношение к торжествам в Риверборо, но им показалось бы совершенно невероятным, чтобы такой подъем флага, какой был у них, мог в том, что касалось величия замысла или блеска его воплощения в жизнь, дважды прославить один и тот же век. Как молчаливо признается, некоторые пышные зрелища не могут быть воспроизведены повторно, и подъем флага в Риверборо был одним из таких зрелищ. И потому нет ничего удивительного в том, что это событие стало одной из важных дат в личном календаре Ребекки.

Идея создания флага зародилась у жены нового священника, ставшей орудием Провидения.

К тому времени местный приход почти освоился с мыслью о том, что в вопросе о пасторе все прихожане одного мнения. В то время священника все еще выбирали

пожизненно, и, если он имел недостатки, что было вполне вероятным обстоятельством, и, если его прихожане имели их, что также было в пределах возможного, каждая из сторон относилась к другой снисходительно (хоть это происходило и не совсем без трений), подобно тому как поступали старого закала мужа и жены, прежде чем был открыт легкий способ выхода из трудного положения или, по меньшей мере, прежде чем этот способ получил широкое распространение.

Добрый старый священник после тридцати лет верной службы умер, и, по всей видимости, в жизни прихода начали проявляться новейшие тенденции, так как казалось почти невозможным удовлетворить требования всех заинтересованных в выборе нового священника.

Так, например, его преподобие мистер Дэвис был страстным проповедником, но упорно продолжал, невзирая на мнение прихожан, держать в конюшне дома, отведенного приходскому священнику, двух лошадей и обменивать их всякий раз, когда мог получить более резвых. Если требовалось посетить прихожан, то тут ему не было равных: он носился от дома к дому с такой скоростью, что мог за полдня объехать весь приход. На эту склонность к лихачеству, какой никогда не отмечали у британских священников, в сельской местности Новой Англии смотрели с неодобрением, и дьякон Милликен, выдавая мистеру Дэвису то, о чем упоминал как о "разрешении уйти", сказал ему, что они не хотят, чтобы их церковь приводилась в действие конной тягой!

Следующий претендент понравился Эджвуду, где проводились утренние проповеди, но Риверборо, где шли вечерние службы, отказался его принять, поскольку он носил парик - плохо подобранный, криво надетый.

Кандидат номер три был красноречив, но слишком увлекался жестиком, и миссис Джир Бербанк, председательница женского благотворительного комитета, всегда сидевшая на передней скамье, сказала, что ей тяжело смотреть на проповедника, который мечется на своей кафедре в жаркие воскресные дни.

Номер четвертый, красивый, приветливый мужчина, талантливый проповедник, оказался демократом. Прихожане же, в подавляющем большинстве, были республиканцами по своим политическим убеждениям и воспринимали проповедующего Евангелие демократа как нечто смехотворное, если не богохульное. ("Не успеем мы оглянуться, как Анания и Вельзевул⁶⁷ станут здесь кандидатами в священники!" - воскликнул возмущенный претендент от республиканцев на должность окружного прокурора.)

Номер пятый имел слабоумного ребенка, который, как зловеще пророчествовал комитет по рассмотрению кандидатур, непременно будет стоять с утра до вечера в палисаднике дома священника, громогласно высказываясь в пользу других вероисповеданий.

Ну а номером шестым оказался преподобный Джадсон Бакстер, нынешний священник, и, по общему признанию, он был так близок к совершенству, как только может быть священник в этом несовершенном мире. Его молодая жена располагала небольшим собственным доходом - редкое и необычное преимущество, - и комитет, занимавшийся сбором денег по подписке на жалованье священнику, надеялся, что его членам, возможно, не придется вечно разъезжать по приходу, чтобы получить с кого-нибудь пятьдесят центов, срок уплаты которых прошел восемь месяцев назад, и они смогут не слишком усердствовать, исполняя свои тягостные обязанности.

- Кажется, что до сих пор наши священники были из самых бедных! - жаловалась миссис Робинсон. - Стоило на два месяца задержать им жалованье, как они начинали нервничать! Уж могли бы, кажется, скопить немного денег, прежде чем ехать сюда, чтобы не жить вот так - еле-еле сводя концы с концами! Бакстеры, похоже, совсем другие, и я

⁶⁷ Анания - в Библии (Книга Пророка Иеремии, гл. 28) лжепророк; Вельзевул - дьявол, сатана.

только надеюсь, что они не станут транжирить деньги и не залезут в долги. Говорят, она по полдня держит открытыми ставни в парадной гостиной и там так часто горит по вечерам свет, что, как думают соседи, она и мистер Бакстер, должно быть, сидят там! Трудно в такое поверить, но миссис Базель утверждает, что это так и что мы можем проститься с ковром в этой гостиной - а ведь он церковная собственность! - потому что Бакстеры на нем живут!

Эта критика представляла собой единственную диссонирующую ноту в общем хоре похвал, и люди постепенно привыкали и к открытым ставням, и к злоупотреблению ковром, который к тому времени завершил уже двадцать пятый год своей честной службы.

Свою патриотическую идею миссис Бакстер сообщила женскому благотворительному комитету, предложив, чтобы женщины выкроили и сшили флаг сами.

- Возможно, он будет не так хорош, как те, что делают на фабриках в больших городах, - сказала она, - но вид нашего самодельного флага, реющего на ветру, вызовет у нас чувство гордости, и он будет значить больше для подрастающих юных избирателей, если они будут знать, что их матери сделали его своими руками.

- Не согласитесь ли вы разрешить некоторым девочкам помочь в этой работе? - скромно спросила мисс Дирборн. - Мы могли бы выбрать лучших швей и позволить им сделать хотя бы по несколько стежков, чтобы и они почувствовали себя причастными к созданию флага.

- Это именно то, что нужно! - воскликнула миссис Бакстер. - Мы вырежем красные и белые полосы и сошьем их вместе, а после того как мы приметаем белые звезды к голубому прямоугольнику, девочки смогут пришить их. Нужно успеть сделать его к предвыборному митингу. Нынешний год - год выборов президента, и лучшего времени, чтобы впервые поднять наш новый флаг, не придумаешь.

II

Так возникла эта благородная инициатива, и день за днем в обоих поселках - Риверборо и Эджвуде - шли приготовления к торжествам.

Мальчики, как будущие избиратели и солдаты, потребовали, чтобы им дали активно участвовать в этих приготовлениях, и были организованы судьей Бином в отряд флейтистов и барабанщиков, так что теперь день и ночь воинственная, но крайне нестройно звучащая музыка будила окрестное эхо, а оглушенные ею матери чувствовали, как патриотизм медленно покидает их, сочась через подошвы туфель.

Дик Картер был назначен командиром отряда по той причине, что у его дедушки была золотая медаль, пожалованная ему королевой Викторией за спасение трехсот двадцати шести пассажиров с тонувшего британского корабля. Вероятно, Риверборо сочло, что пора заплатить Великобритании дань благодарности за ее благородное поведение по отношению к капитану Нейхему Картеру, и человеческое воображение не могло придумать ничего более подходящего и впечатляющего, чем участие, через внука в качестве доверенного лица, в подъеме американского флага.

Лизинг Перкинс старался оставаться довольным и в положении рядового. Ему не предложили никакого видного поста; главным образом, как заметила мать Минни Липучки, потому, что "у его отца в военное время была не очень-то хорошая репутация".

- О да! Джим Перкинс пошел на войну, - говорила она. - Он спрятался за курятником, когда пришли призывать в армию, но они все-таки нашли его и забрали. Он и в одно сражение как-то случайно попал, да сбежал оттуда. Он, Джим-то, всегда был осторожным; как видел, что несчастье на него надвигается, так сразу исчезал из виду, прежде чем оно успеет на него обрушиться. Он говорил, что восемь долларов в месяц без всяких прибавок ему маловато за то, чтобы он дал дырывать себя пулями. Он, Джим-то, и мухи не прихлопнет, ну что ж - мы не все время будем воевать, а он хороший сосед и кузнец хороший.

Мисс Дирборн предстояло изображать "Колумбию"⁶⁸, а старшим девочкам обеих школ - "штаты". Такого спроса на миткаль и красные, белые и голубые ленты не могли припомнить с тех пор, как "Уотсон стал держать магазин", а увидев, какое количество нижних юбочек вывешено для отбеливания на солнце, случайный проезжий мог представить Риверборо сплошной и непрерывно действующей школой танцев.

Нравственность юношества, как мужского, так и женского пола, достигла почти неправдоподобного уровня, так как родителям требовалось лишь поднять палец и сказать: "Не пойдешь на поднятие флага!" - и непокорный дух сразу же вооружался мужеством для новых усилий, направленных на достижение абсолютной безгрешности своего существования.

Мистер Джеримайя Кобб согласился изображать "дядю Сэма", и ему предстояло везти на церемонию "Колумбию" и "штаты" на крыше своего дилижанса. А пока - мальчики занимались строевой подготовкой, женщины кроили, сшивали и приметывали, а девочки нашивали звезды. Звездному прямоугольнику флага предстояло гостить у каждой из них по очереди, пока она делает свою часть работы.

Все до одного чувствовали, какой это действительно прекрасный и замечательный труд - помогать в создании флага, и если Ребекка гордилась тем, что вошла в число избранных швей, то тетя Джейн испытывала то же чувство оттого, что научила ее шитью.

И вот настал долгожданный августовский день, когда жена священника подъехала в бричке к двери кирпичного дома и вручила сверток с большим куском материи Ребекке, которая приняла его в объятия с такой торжественностью, словно это был младенец, ожидающий обряда крещения.

- Я так рада! - удовлетворенно вздохнула она. - Я уже думала, что моя очередь никогда не настанет!

- Ты должна была получить его неделю назад, но Хальда Мизерв опрокинула пузырек с чернилами и испачкала свою звезду, так что нам пришлось приметывать другую. Твоя звезда последняя, а потом мы сошьем вместе полосы и кусок со звездами и Сет Страут прикрепит к нему веревку. Только подумай, пройдет совсем немного дней, и вы, дети, будете изо всех сил тянуть эту веревку, оркестр играть, мужчины кричать "ура", а новый флаг подниматься все выше и выше, пока красное, белое и голубое не развернется на фоне ясного неба!

Глаза Ребекки засияли.

- Я должна подрубить свою звезду или пришить ее тем швом, каким обметывают петли? - спросила она.

- Посмотри на все остальные звезды и сделай самый красивый шов, какой можешь, - вот и все. Это твоя звезда, и ты даже можешь вообразить, что это твой штат, и постараться сделать его самым лучшим из всех. Если и каждый другой человек будет стараться сделать лучшим свой штат, то мы получим великую страну, не так ли?

Глаза Ребекки выразили радостное подтверждение этой мысли.

- Моя звезда, мой штат! - повторила она с восторгом. - Ах, миссис Бакстер, я сделаю такие мелкие стежки, что покажется, будто белое вырастает из голубого.

Жене нового священника, казалось, было приятно видеть, как зароненная ею искра разожгла в юном сердце пламя воодушевления.

- Ты можешь вложить в свою звезду столько души, - продолжила она радостным тоном, делавшим ее столь обаятельной, - что даже тогда, когда ты будешь старушкой, сумеешь, надев очки, узнать ее среди других. До свидания! Приходи к нам в субботу вечером; мистер Бакстер хочет повидаться с тобой.

- Джадсон, помоги этому милому маленькому гению, Ребекке, всем, чем можешь! -

⁶⁸ Аллегорическое изображение Америки в виде женщины.

сказала она в тот же вечер мужу, когда они беседовали, уютно сидя вдвоем в своей гостиной, и "жили" на приходском ковре. - Не знаю, чего она может или не может достичь в будущем; я только хотела бы, чтобы она была наша! Видел бы ты, как она крепко сжала в объятиях флаг и прижалась к нему щекой, и слезы переживания в ее глазах, когда я сказала ей, что ее звезда - это ее штат! Я не перестаю шептать себе: "Не пожелай ребенка ближнего твоего!"

Ежедневно в четыре часа Ребекка с необыкновенной тщательностью мыла руки с мылом, причесывала волосы и иными способами готовила тело, ум и дух к священному труду - пришиванию к флагу своей звезды. И все время, пока ее игла аккуратно и добросовестно делала крошечные стежки, она сочиняла "в голове" стихи. Больше всех ей нравилось это:

Звезды штатов вместе все - и твоя здесь есть с моей,
Гордо флаг страны родной
Под осенним небом рей!

Было много споров о том, кто из девочек будет изображать штат Мэн, ибо все понимали, что это высочайшая почесть, какую уполномочен оказать комитет по организации торжеств.

Элис Робинсон была самой красивой девочкой в поселке, но вместе с тем и очень застенчивой и уж никак не всеобщей любимицей.

У Минни Липучки было самое нарядное платье, пара великолепных белых туфелек и ажурные чулки, которые почти решили дело в ее пользу. Однако, как хорошо сказала мисс Делия Уикс, Минни была так глупа, что если бы ей вздумалось пососать свой большой палец во время праздничной церемонии, никого это ни капельки не удивило бы!

Следующей кандидатурой, выдвинутой на обсуждение, была Хальда Мизерв, и то обстоятельство, что, если ее не выберут, ее отец может отказаться внести деньги, обещанные им на духовой оркестр, стало предметом серьезного рассмотрения.

- Не очень-то мне хочется, чтобы такая хохотушка изображала наш штат; пусть лучше будет "богиней свободы", - предложила миссис Бербанк, чей патриотизм был скорее местным, чем общенациональным.

- А не подойдет ли для этого Ребекка Рэндл? И что, если позволить ей прочитать какие-нибудь из ее стихов? - вмешалась жена нового священника, которая, будь на то ее воля, отдала бы Ребекке все сколько-нибудь заметные роли, начиная с "дяди Сэма".

Так, рассмотрев и найдя не отвечающими предъявленным требованиям красоту, моду и богатство, комитет обсудил претензии "таланта", и в результате произошло то, что преисполненной благоговейных чувств Ребекке достался самый лакомый кусочек делимого "пирога". Эта награда стала признанием ее дарований, так что не было зависти со стороны других девочек; они с готовностью признали, что она обладает качествами, делающими ее особенно подходящей для этой роли.

Ее жизнь никогда не была гладкой и до краев полной удовольствий, и потому она испытывала нечто вроде недоверия к радости, когда та была еще в зародыше. Нет, она не смела предаться этой радости, пока не увидит ее в полном блеске расцвета.

Она не читала других стихов, кроме Байрона, Филисии Химанс⁶⁹, отрывков из "Потерянного рая" и отдельных стихотворений, содержавшихся в школьных хрестоматиях, но всей душой согласилась бы с поэтом, сказавшим:

Восторг не назначает людям встреч,
Мечтами их готов он пренебречь,
Но на дорогах жизни в час иной
Обнимет вдруг с улыбкой, как родной.

И в остававшиеся до праздника дни она, перед тем как лечь в постель, читала

⁶⁹ Химанс Филисия (1793 - 1835) - английская поэтесса, писала стихи с девятилетнего возраста.

молитву, а затем говорила себе:

- Неужели они выбрали меня, чтобы изображать штат Мэн? Этого просто не может быть! Для этого нужно быть очень хорошим, таким хорошим, что таких, наверное, даже нет. Но я постараюсь быть очень хорошей, такой хорошей, как только смогу. Ехать в Уэйрхемскую семинарию на следующей неделе, да еще и изображать на празднике штат Мэн! О, я должна усердно молиться Богу, чтобы он помог мне остаться скромной и смиренной!

III

Подъем флага был назначен на вторник, а в воскресенье накануне этого события детям в Риверборо стало известно, что Клара-Белла Симпсон возвращается из Акревилья и будет жить у миссис Фогг и нянчить ее малыша, которого соседские мальчишки прозвали, по причине его великолепных голосовых данных, Горном Фоггов.

Клара-Белла прежде также была в числе учениц мисс Дирборн, и, если бы ее оставили совсем без праздника, она оказалась бы единственной из всех девочек подходящего возраста, которую ущемили таким образом. И потому детским умам казалось очевидным, что ни она, ни ее потомки никогда не оправятся от подобного удара. Но, учитывая все обстоятельства, позволят ли ей присоединиться к процессии? Даже оптимистично настроенная Ребекка боялась, что нет, и комитет по организации торжеств подтвердил ее опасения, заявив, что дочь Эбнера Симпсона не сможет принять сколько-нибудь заметного участия в церемонии, но выразил при этом надежду, что миссис Фогг позволит ей быть в числе зрителей.

Когда Эбнер Симпсон под давлением властей поселка перевез свою жену и семерых детей из Риверборо в Акревиль, расположенный в соседнем графстве, но неподалеку от границы с графством Йорк, Риверборо отправился спать, впервые оставив незапертыми двери своих скотных дворов и сараев, и издал глубокий вздох облегчения и благодарности Провидению.

Обладая немалым обаянием и обходительностью, мистер Симпсон вместе с тем был лишен того инстинктивного понимания прав собственности, которое делает человека добропорядочным гражданином.

Судья Бин был ближайшим соседом Симпсонов, когда они жили в Риверборо, и у него зародилась свежая идея: платить Эбнеру пять долларов в год, чтобы тот не крал у него, - способ, применявшийся иногда в далеком прошлом шотландскими землевладельцами.

Сделка была заключена, и в течение двенадцати месяцев ее условия выполнялись невероятно строго, но второго января мистер Симпсон формально объявил о расторжении контракта.

- Я не понимал, господин судья, что делаю, когда соглашался на это, - уверял он. - Во-первых, это пятно на моей репутации и оскорбление моего чувства собственного достоинства. Во-вторых, для меня это постоянное нервное напряжение, а в-третьих, пять долларов не возмещают мне убытков!

Судья Бин был так поражен необычностью и убедительностью этих аргументов, что едва мог сдержать свое восхищение, и впоследствии признался сам себе, что если симпсоновский склад ума невозможно изменить, то этот человек, вероятно, является более подходящим объектом наблюдения для медицинской науки, чем для тюрьмы штата.

Эбнер был весьма необычным вором и осуществлял свои операции с тактом и соседской предупредительностью, не слишком обычными для его профессии. Так, он никогда не крал косу у человека в пору сенокоса или меховую полость из его повозки в самое холодное зимнее время. Вскрывать замки отмычкой - это его не привлекало; "взломщиком" он не был, как он, вероятно, заявил бы, с презрением выделив это слово. Чужая лошадь вместе с повозкой, привязанная к придорожному столбу, - вот самая крупная

из совершенных им краж; обычно это были мелкие вещи - топор, оставленный на колоде, жестяные миски, вынесенные на заднее крыльцо сушиться, отдельные предметы одежды, разложенные на траве в солнечный день для отбеливания, мотыга, грабли, лопата или мешок ранней картошки - все это было для него большим искушением. И привлекали его эти вещи не столько своей действительной ценностью, сколько тем, что замечательно годились для обмена. Приятной частью процедуры был именно обмен, а кража - лишь подготовительным этапом, прискорбной необходимостью; так что если бы Эбнер был человеком достаточно зажиточным, чтобы иметь возможность вести свои торговые операции независимо, то, вполне возможно, он не стал бы с такой непринужденностью пользоваться добром своих соседей.

Риверборо сожалел об отъезде миссис Симпсон, которая так помогала в мытье полов, уборке и стирке и, как считалось, оказывала некоторое положительное влияние на своего супруга-грабителя. Была известна история, относившаяся к первым годам их супружеской жизни, когда они имели ферму, - история следующего содержания. Миссис Симпсон неизменно восседала на каждом возу сена, который ее муж вез в Милтаун. Ее намерением было помочь супругу остаться трезвым в течение всего дня. Говорили, что, свернув с проселочной дороги и приближаясь к городу, мистер Симпсон обычно прятал свою покорную жену в сене. Затем он въезжал на весы и, после того как скупщик отмечал вес сена в своей книге, ставил лошадей в конюшню, чтобы их напоили и накормили, а когда появлялась удобная возможность, помогал супруге, измученной жарой и духотой, выбраться из яслей и галантно стряхивал с нее соломинки. На этом основании утверждали, что Эбнер Симпсон продавал свою жену всякий раз, когда ездил в Милтаун, хотя это никогда не было полностью доказано, и, во всяком случае, это было единственное, к тому же лишь предполагаемое, пятно на личной репутации кроткой миссис Симпсон.

Что же до детей Симпсонов, то их жителям Риверборо не хватало главным образом как знакомых фигур на обочине дороги; но Ребекка искренне любила Клару-Беллу, даже несмотря на возражения со стороны тети Миранды против подобной близости. "Склонность Ребекки к низкому обществу" была для ее тетки источником постоянного беспокойства.

- Что ни человек, все для нее хорошо! - ворчала Миранда, обращаясь к Джейн. - Она поедет в одной повозке со старьевщиком так же охотно, как со священником, в воскресной школе всегда сидит рядом с той девчонкой, у которой пляска святого Витта⁷⁰, и вечно-то она одевает и раздевает эту грязную малышку Симпсонов! Мне она напоминает щенка, который бежит ко всякому, кто его только позовет.

Пожалуй, это была идея, делавшая честь миссис Фогг, - пригласить Клару-Беллу, чтобы та жила у нее и часть года ходила в школу.

- Она будет мне помощницей, - говорила миссис Фогг, - и к тому же здесь на нее не будет влиять отец, и она сможет остаться добродетельной. Хотя она такая ужасно некрасивая, что я не боюсь за нее. Девочка с такими, как у нее, рыжими волосами, веснушками, да еще и косая, не может впасть ни в какого рода грех - я в это верю.

Миссис Фогг просила, чтобы Клару-Беллу отправили из Акревилля поездом, а остаток пути она проделала бы в дилижансе. Однако в воскресенье от мистера Симпсона было получено известие о том, что он одолжил у нового знакомого "хорошую лошадку" и сам привезет девочку из Акревилля в Риверборо, за тридцать пять миль. Сообщение обеспокоило миссис Фогг, да и во всем Риверборо тот факт, что Эбнер Симпсон прибудет в эту местность в самый канун торжественного подъема флага, рассматривался как общественное бедствие, и несколько жителей срочно приняли решение остаться бдительно охранять свои дворы и отказать себе в удовольствии увидеть празднества.

⁷⁰ Заболевание нервной системы, характеризующееся подергиваниями и неkoordinированными движениями.

В понедельник, во второй половине дня, детский хор репетировал в молитвенном доме. Когда занятия кончились и Ребекка вышла на широкое деревянное крыльцо, мимо проехала легкая бричка миссис Мизерв. Ребекка проводила ее взглядом, так как знала, что там, в бричке, лежит завернутый в простыню драгоценный флаг, который предстояло торжественно поднять завтра. Поболтав на прощание с другими девочками и обменявшись с ними предсказаниями погоды на завтра, она направилась домой, заглянув по пути в дом священника, чтобы почитать там свои стихи.

Пастор радостно приветствовал ее, пока она снимала свои белые нитяные перчатки (торопливо натянутые перед самой дверью для соблюдения правил этикета) и забавную шляпку, украшенную желтыми и черными иглами дикобраза, - ту самую, в которой она впервые появилась в риверборском обществе.

- Начало стихотворения вы, мистер Бакстер, уже слышали; а теперь скажите, пожалуйста, нравится ли вам последний стих, - сказала она, вынимая из кармана передника листок бумаги. - Я прочитала его пока только Элис Робинсон. Я думаю, что сама она, вероятно, никогда не станет поэтом, хотя пишет замечательно. В прошлом году, когда ей исполнилось двенадцать лет, она написала себе поздравление в стихах ко дню рождения и в нем зарифмовала "день рожденья" и "Мильтону", что, конечно же, не рифмуется. Я помню, что каждый стих кончался так:

В мой настоящий день рожденья

Я буду подражать Мильтону.

Еще одно ее стихотворение было написано, как она говорит, просто потому, что она ничего не могла с этим поделать. Стихотворение такое:

В горах мне дай найти покой,

Чтоб славил я в сказаньях,

Пока не дрогнет мир земной,

Творец, Твои деянья.

Священнику едва удалось удержаться от улыбки, но он все же удержался, с тем чтобы ни одно из оригинальных наблюдений Ребекки не прошло мимо него. Когда она чувствовала себя совершенно свободно, зная, что за ней не следят и ее не критикуют, она становилась чудесной собеседницей.

- Называться стихотворение будет "Моя звезда", - продолжила она. - Все мысли, какие в нем есть, я взяла из разговора с миссис Бакстер, но всегда происходит нечто вроде волшебства, когда мысли превращаются в поэзию, - вам не кажется? (Ребекка всегда говорила со взрослыми так, как будто была в том же возрасте, что и они, или - более тонкое и строгое различие - будто они были ее ровесниками.)

- Это часто отмечали, в разных выражениях, - согласился священник.

- Миссис Бакстер сказала, что каждая звезда - это штат, а если бы каждый штат постарался показать все самое лучшее, на что он способен, у нас была бы замечательная страна. А еще она однажды сказала, что мы должны радоваться, потому что война кончилась и все штаты живут вместе в мире. И я подумала, что "Колумбия", должно быть, тоже рада, так как мисс Дирборн говорит, что она мать всех штатов. Так что я собираюсь закончить мое стихотворение так - я не писала его, оно само получилось, пока я пришивала мою звезду.

Звезды штатов вместе все - и твоя здесь есть с моей,

Гордо, флаг страны родной,

Под осенним небом рей!

Север, Запад, Юг, Восток - свой свершать им вместе путь;

Флаг, как ласковая мать,

Их к себе привлек на грудь.

""Как много есть поэтов от Природы", - мысленно процитировал Вордсворда священник. - Интересно, что с ними случается потом?.." Вслух он сказал:

- Прекрасная идея, и даже не знаю, кто заслуживает больших похвал - ты или моя

жена. А почему ты подумала, что звезды прильнули к материнской груди флага? Почему ты сказала: "Их к себе привлек на грудь"?

- Ну (и вид у юной поэтессы был несколько озадаченный) так получается; флаг - это вся страна, мать, а звезды - это штаты. Звезды должны где-то быть, но "на коленях" или "в объятиях" не будет хорошо звучать со словом "путь", поэтому я, конечно же, сказала "грудь", - ответила Ребекка, удивленная таким вопросом.

Священник ласково приподнял за подбородок лицо Ребекки и, нежно поцеловав ее в лоб, простился с ней у дверей.

IV

Ребекка торопливо шагала к дому в сгущающихся сумерках, думая о завтрашнем дне, который должен был принести столько событий.

Приблизившись к развилке, где влево отходила так называемая Старая милтаунская дорога, она увидела, как повозка, запряженная белой лошастью, которой правил мужчина в щегольской широкополой шляпе, появилась из-за поворота и быстро исчезла за длинной цепью холмов, направляясь в сторону плотины. Ошибиться было невозможно - Эбнер Симпсон, второго такого не было; его худощавая высокая фигура, густые рыжеватые волосы, лихо заломленные поля шляпы и длинные пиратские торчащие вверх усы, о которых мальчишки говорили, что на них симпсоновские ребята вешают на ночь свои шляпы. Старая милтаунская дорога проходила мимо дома миссис Фогг, так что, должно быть, он уже оставил там Клару-Беллу, и сердце Ребекки радостно дрогнуло при мысли, что ее бедная подруга сможет присутствовать на празднике.

Тут она пустилась бежать, боясь, что опоздает к ужину, и вскоре преодолела расстояние, отделявшее ее от плотины. Пробегая по мосту, она вновь увидела повозку Эбнера Симпсона, остановившуюся возле поилки для скота.

Когда Ребекка приблизилась, с намерением расспросить о его семье, ее острые глаза заметили нечто необычное. Порывом ветра откинуло задний угол холщового фартука повозки, и под ним она ясно увидела белый сверток с флагом - сверток с проглядывающим крошечным пятнышком ярко-красной ткани. По правде говоря, в последние недели она и ела и спала с мыслью о "красном, белом и голубом", но здесь глаза не могли обмануть ее: флаг, который так ждали, для которого столько трудились, который с таким усердием шили, - этот флаг лежал в повозке Эбнера Симпсона, а если так, то что будет с праздником?

Повинуясь первому порыву, она бросилась к поилке, выкрикивая на бегу своим высоким чистым голосом:

- Мистер Симпсон! Мистер Симпсон, можно мне немного проехаться с вами? Я хочу расспросить вас о Кларе-Белле. Мне с вами по пути, у меня есть поручение. (Так оно и было; весьма важное поручение - вернуть флаг страны, попавший в руки врага!)

Мистер Симпсон обернулся со своего сиденья и воскликнул приветливо:

- Конечно! - Он питал слабость к прекрасному полу, независимо от возраста, а Ребекка всегда была его любимицей. - Влезай! Как там все поживают? Рад тебя видеть! Народ тут говорит о тебе с утра до вечера, и Клара-Белла ждет не дожидается, когда же она тебя увидит!

Ребекка вскарабкалась на сиденье рядом с ним, дрожащая и бледная от волнения. Она понятия не имела, что же будет дальше, но была уверена, что флаг, даже находясь во вражеской стране, будет по меньшей мере в чуть большей безопасности, когда на нем сидит "штат Мэн"!

Мистер Симпсон начал длинный монолог об Акревиле, доме, в котором живет, пруде перед этим домом, здоровье миссис Симпсон и разных новостях, касающихся детей, перемежая все это сообщениями о своих личных неудачах. Он не задавал вопросов и не требовал ответных реплик, так что у неопытного солдата было несколько минут, чтобы

обдумать план военной кампании. Им предстояло миновать три дома: дом Браунов на повороте дороги, дом Миллиkenов и дом Робинсонов на уступе холма. Если бы мистер Робинсон был во дворе перед домом, она могла бы сказать мистеру Симпсону, что хочет заехать туда, и попросить мистера Робинсона подержать лошадь под уздцы, пока она сама вылезет из повозки. Тогда она могла бы броситься к заднему углу повозки, прежде чем мистер Симпсон поймет, в чем дело, вытащить драгоценный сверток, усестся на него и так сидеть, пока мистер Робинсон решит с мистером Симпсоном вопрос о правах собственности на флаг.

Это было осуществимо, но означало неизбежную ссору между двумя мужчинами, которые и без того издавна питали друг к другу враждебные чувства, а мистер Симпсон смело вступал в драки, как охотно засвидетельствовали бы многие шерифы, пытавшиеся его арестовать. Это также означало, что все в деревне узнают об этом происшествии и бедную Клару-Беллу вновь заклеят как дочь вора.

Другая мысль вспыхнула в ее возбужденном уме - великолепная мысль. Ребекка едва могла поверить, что сама придумала такое. Она могла бы подзвать мистера Робинсона к повозке, а когда он подойдет близко к колесам, вдруг сказать: "Мистер Робинсон, возьмите, пожалуйста, флаг из повозки. Мы привезли его, чтобы он оставался у вас до завтра". Возможно, это окажется такой неожиданностью для мистера Симпсона, что он предпочтет отказаться от флага, лишь бы не быть заподозренным в краже.

Но когда они приблизились к дому Робинсонов, нигде не было видно ни души; так что от последнего плана волей-неволей пришлось отказаться.

Дальше дорога пролегла через густой сосновый лес, и нигде ни признака жилья. Темнело, а Ребекка ехала одна по пустынной дороге с человеком, которого, как правило, называли Негодяем Симпсоном. Но ни тени страха не мелькнуло в ее уме, кроме опасений испортить дело неумелой дипломатией и лишиться из-за этого флага. Она хорошо знала мистера Симпсона - редко можно было встретить более приятного мужчину. Ей вспомнился тот день, когда Эбнер поразил всех риверборских школьников: вернувшись домой и застав их на своем дворе, заваленном всяким хламом, играющими в "войну за независимость", он в роли генерала Бергойна⁷¹ присоединился к "британским войскам". С того самого дня она прониклась дружескими чувствами к мистеру Симпсону за его умение так самозабвенно играть. Она не боялась его - единственной трудностью было найти подходящие слова для выполнения ее деликатной миссии, так как, разумеется, если бы она возбудила гнев мистера Симпсона, он вежливо вытолкнул бы ее из повозки и уехал вместе с флагом. Быть может, если она поведет беседу в правильном направлении, появится возможность получить флаг обратно. Она хорошо помнила, как Эмме-Джейн не удалось обратить на путь истинный Джекоба Муди просто потому, что она не сумела "подвести" разговор к деликатному вопросу о его образе жизни. Нервно прочистив горло, она начала:

- Кажется, завтра будет хорошая погода.
- Да, пожалуй; вечер ясный. Собираешься на пикник?
- Нет. У нас будет торжественный подъем флага! ("То есть, - добавила она про себя, - если у нас будет флаг, чтобы его поднять!")
- Вот как? Где?
- Три поселка объединились и устраивают митинг и подъем флага в Центральном Риверборо. Будет духовой оркестр, и ораторы, и мэр Портленда, и тот человек, который станет губернатором штата, если его изберут, и обед в здании ассоциации фермеров, а мы, девочки, будем поднимать флаг.
- Скажите! Замечательно будет, правда? - (По-прежнему ни признака сознания

⁷¹ Бергойн Джон (1723 - 1792) - губернатор английских колоний в Канаде, в 1777 г., в период войны американских колоний за независимость, возглавлял военную экспедицию в мятежные колонии.

своей вины со стороны Эбнера.)

- Я надеюсь, что миссис Фогг возьмет с собой Клару-Беллу, потому что это будет великолепное зрелище! Мистер Кобб будет изображать "дядю Сэма" и повезет нас на своем дилижансе. Мисс Дирборн - Клара-Белла раньше у нее училась - будет "Колумбией", а девочки "штатами", а меня, мистер Симпсон, выбрали, чтобы изображать штат Мэн! - (Это не совсем относилось к делу, но такие сведения было невозможно скрывать.)

Мистер Симпсон помахал кнутовищем и громко, от души расхохотался. Затем он повернулся на сиденье и с любопытством взглянул на Ребекку.

- Ты, пожалуй, маловата для такого большого штата, как этот, а?

- Тут любой из нас оказался бы слишком мал, - ответила она с достоинством, - но комитет пригласил меня, и я постараюсь хорошо себя показать.

Тут ужасная мысль о том, что, возможно, никому не представится завтра случай показать себя ни хорошо ни плохо, овладела ею, и, положив ладонь на рукав мистера Симпсона, она прямо и решительно приступила к делу:

- Мистер Симпсон, дорогой мистер Симпсон, мне так неприятно об этом говорить, но, пожалуйста, отдайте нам наш флаг! Не увозите, не увозите его в Акревиль, мистер Симпсон! Мы так долго шили его, и было так трудно собрать деньги на то, чтобы купить ткань! Подождите минуточку, не сердитесь и ничего не говорите, пока я не объясню вам еще кое-что. Это будет так ужасно для всех - прийти завтра утром на место праздника и не найти флага, который нужно поднять. И оркестр, и мэр будут разочарованы, и дети будут плакать - все их муслиновые платья окажутся купленными зря! О дорогой мистер Симпсон, пожалуйста, не отнимайте у нас наш флаг!

Явно изумленный, Эбнер дернул себя за ус и воскликнул:

- Не пойму я, к чему ты клонишь! Кто брал твой флаг? Я не брал!

Можно ли дойти до большего двуличия, лживости и подлости, спрашивала себя Ребекка, и с праведным гневом в душе она отбросила всякую осторожность и заговорила прямо и откровенно, устремив взор своих больших залитых слезами глаз на теперь уже смущенного Эбнера, который был похож на извивающегося на булавке червяка.

- Мистер Симпсон, как вы можете это говорить, когда я сама видела флаг в вашей повозке, когда вы остановились, чтобы напоить лошадь? Вы гадко поступили, когда взяли его, и я не могу этого допустить! - Тут ее голос сорвался, так как у нее вдруг возникло пугающее сомнение в уступчивости мистера Симпсона. - Если вы берете его, вам придется взять и меня, потому что я с ним не расстанусь! Я не могу драться, как мальчишки, но я могу щипать и царапаться, и я буду царапаться, как настоящая пантера, - я лягу прямо на мою звезду и не двинусь с места, пусть даже умру с голода!

- Слушай-ка, полегче на поворотах и не реви, пока не о чем реветь! - проворчал оскорбленный Эбнер, до которого только теперь дошло, в чем было дело; и, дотянувшись до задней части повозки, он схватил за угол белую простыню и вытянул вверх весь сверток, сбив при этом шляпу с головы Ребекки и почти совсем завалив ее складками ткани, из которой был сшит флаг.

Она горячо прижала к сердцу сокожище и подавила рыдания.

Эбнер тем временем восклицал:

- Провалиться мне, если это не флаг! Ну, в таком случае я его с удовольствием тебе отдам! Вот это да! Я увидел этот сверток, когда он валялся посреди дороги, и говорю себе - видать, это чье-то выстиранное белье от прачки и лучше мне подобрать его и оставить на почте, авось хозяин спросит. А это был флаг!

Такова была симпсоновская версия событий, на самом же деле белый сверток, лежавший на переднем крыльце дома миссис Мизерв, привлек его наметанный глаз, и, проскользнув в открытые ворота, он быстро и ловко переместил сверток в свою повозку, полагая, что если там чистое белье, оно очень пригодится, да и в любом случае не стоит проходить мимо того, что, так сказать, само плывет в руки. У него не было времени

смотреть, что завернуто в простыню, да его это не очень-то и интересовало. Вероятно, он украл сверток просто по привычке и потому, что в поле зрения не было ничего другого, что можно было бы украсть, - все дворы были сверхъестественно прибранными и пустыми, так, словно его визита ожидали!

Ребекка была практичной девочкой, и ей показалось невероятным, чтобы такой тяжелый сверток мог упасть с повозки миссис Мизерв и это осталось незамеченным, но она надеялась, что мистер Симпсон говорит правду, и была слишком счастлива и благодарна, чтобы не верить кому угодно в такую минуту.

- Спасибо, большое спасибо, мистер Симпсон. Вы самый милый, добрый, любезный человек, каких я знаю, и девочки будут так довольны, что вы отдали нам флаг, и женщины из благотворительного комитета тоже; они непременно напишут вам благодарственное письмо; они всегда так делают.

- Скажи им, чтобы не волновались насчет благодарности, - сказал Симпсон, сияя добродетельной улыбкой. - Ну и ну! Я рад, что мне случилось увидеть этот сверток на дороге и что я потрудился его поднять. ("Подумать только, что это был флаг! - добавил он про себя. - Если и была когда дрянная, никудышная вещь, негодная для обмена, так это такой вот огромный шивной флаг!")

- Позвольте мне, пожалуйста, слезть, - сказала Ребекка. - Я хочу вернуться, так как миссис Мизерв очень обеспокоится, когда обнаружит, что обронила флаг, а ведь у нее слабое сердце.

- Незачем слезать, - галантно возразил мистер Симпсон, поворачивая лошадь обратно. - Ты думаешь, я позволю такой маленькой девочке, как ты, тащить этот тяжелый узел? У меня нет времени, чтобы доехать до дома миссис Мизерв, но я довезу тебя до поворота дороги и высажу вместе с флагом, а там попросишь кого-нибудь из мужчин пронести его остаток пути. Да ты его так обнимаешь, что до дыр протрешь!

- Я люблю мой флаг! - сказала Ребекка, настроенная возвышенно и потому выражавшаяся высокопарно. - Почему вам он не нравится? Это флаг вашей страны.

Симпсон снисходительно улыбнулся, вид его говорил о том, что ему немного наскучили постоянными обращениями к его давно забытым благородным чувствам.

- Не знаю, есть ли у меня какой-нибудь личный интерес к стране, - заметил он вяло. - Знаю только, что я ей ничего не должен и ничто в ней мне не принадлежит!

- Вам принадлежит звезда на флаге, так же как и всем, - возразила ему Ребекка, чьей духовной пищей был в последний месяц исключительно патриотизм, - и вам принадлежит этот штат, так же как всем нам!

- Боже мой! Хорошо бы, так было! Или хотя бы четвертая часть! - вздохнул мистер Симпсон, чувствуя себя отчего-то еще более бедным и разочарованным, чем обычно.

Когда они снова подъехали к месту водопоя у плотины, где сходились четыре дороги и все окрестности были видны как на ладони, мистер Симпсон вдруг пожалел о своем великодушном решении сопровождать Ребекку - особенно когда, приблизившись к группе стоявших на дороге людей, узнал во взволнованной леди, заламывающей руки, миссис Мизерв. Ее сопровождали Хальда, супруги Браун, миссис Милликен, Эбайджа Флэг и мисс Дирборн.

- Ты что-нибудь знаешь о том, где наш новый флаг, Ребекка? - пронзительно крикнула миссис Мизерв, слишком возбужденная в этот момент, чтобы обратить внимание на спутника девочки.

- Он здесь, у меня на коленях, в целости и сохранности, - отвечала Ребекка радостно.

- Ах ты противная, легкомысленная девчонка! Всюду суешь свой нос! Забрать флаг с моего крыльца, пока я отошла на минутку, чтобы взять ключ возле задней двери! Ты меня чуть не уморила - это при моем-то слабом сердце! Ты, похоже, думаешь, что флаг принадлежит тебе! Отдай мне его сию же минуту!

Пока эти гневные слова лились потоком, Ребекка слезала с повозки.

Поворачиваясь, чтобы прыгнуть на землю, она метнула полный значения взгляд на двуличного Симпсона - взгляд, который, подобно электричеству, пронзил его насквозь.

И он, возмущенный сердитой трескотней миссис Мизерв, не обманул ожиданий Ребекки. Ему дважды в жизни надевали наручники, но ни один шериф никогда не приводил его в такое полнейшее замешательство, как эта девочка. В душе его поднялась буря ярости, и, как только Ребекка благополучно выбралась на дорогу, он встал в повозке во весь рост и швырнул флаг прямо в середину группы взволнованных людей.

- Забирайте, вы, скупердяи, богомолы, крохоборы, злопыхатели, флагоподниматели! - проревел он. - Ребекка не брала ваш флаг! Я нашел его на дороге, вот какие дела!

- Ничего подобного! - воскликнула миссис Мизерв. - Вы нашли его на моем пороге, в моем саду!

- Может, это и был ваш сад, но там росло полным-полно сорняков, так что я подумал, что это дорога, - язвительно парировал Эбнер. - И клянусь, что не отдал бы эту старую тряпку ни одному из вас, хоть вы на коленях просили бы! Но Ребекка - друг моей семьи, и она может делать со своим флагом все, что хочет, а вы, прочие, можете катиться ко всем чертям и там оставаться - мне до этого нет дела!

С этими словами он круто развернул повозку, хлестнул тощую белую лошадь и исчез в облаке пыли, прежде чем мистеру Брауну, единственному мужчине в стоявшей на дороге компании, пришла в голову мысль задержать его.

- Мне жаль, Ребекка, что я погорячилась, - сказала миссис Мизерв, глубоко уязвленная всей этой историей. - И не верь ни слову из того, что сказал этот лжец! Он украл сверток с моего порога. Но как случилось, что ты ехала и общалась с ним? Я думаю, что, услышь об этом твоя тетя Миранда, это бы ее совсем сразило!

Молоденькая школьная учительница обняла рукой Ребекку за плечи, словно защищая, а мистер Браун тем временем поднял флаг, отряхнул от дорожной пыли и свернул.

- Пусть услышит, я не против, - отозвалась Ребекка. - Я не сделала ничего такого, чего надо стыдиться! Я увидела флаг в повозке мистера Симпсона и просто последовала за ним. Поблизости не было ни мужчин, ни женщин из благотворительного комитета, чтобы позаботиться о флаге, так что это выпало на мою долю! Ведь вы же не хотели бы, чтобы я потеряла его из виду - правда? - раз мы собираемся поднимать его завтра утром.

- Ребекка совершенно права, миссис Мизерв! - с гордостью сказала мисс Дирборн. - И какая удача, что нашелся кто-то достаточно сообразительный, чтобы "поехать и пообщаться" с мистером Симпсоном! Не знаю, что будут думать об этом в поселках, но мне кажется, что секретарь нашей местной администрации мог бы записать в своей книге: "Сегодня штат Мэн спас американский флаг!"

Рассказ шестой Девочка штата Мэн

I

Предыдущий эпизод, будь он изложен в каком-нибудь романе, без сомнения, получил бы название "Спасение флага", но во время общей вечерней беседы в магазине мистера Уотсона на него ссылались иначе - "как маленькая Бекки Рэндл отобрала флаг у Негодяя Симпсона".

Хоть и весьма драматический, этот эпизод быстро перешел в памяти Ребекки в разряд полузабытых; его кратковременную значительность затмило великолепие следующего дня. Однако предшествовали этому великолепию неприятности.

Элис Робинсон пришла в кирпичный дом вечером накануне праздника, чтобы переночевать у Ребекки. Как только дверь спальни закрылась за ними, Элис объявила, что намерена завить волосы Ребекки надо лбом, накрутив их на металлические валики и

тряпочки, а сзади заплести их, предварительно намочив, в шесть тугих кос.

Ребекка возражала, Элис настаивала.

- У тебя такие длинные, густые, темные и прямые волосы, что ты будешь выглядеть как индеец! - говорила Элис.

- Я изображаю штат Мэн. а он весь когда-то принадлежал индейцам, - угрюмо заметила Ребекка, которая всегда очень неохотно обсуждала вопрос о своей внешности.

- И твой веночек из сосновых веточек с маленькими шишками не будет сидеть хорошо, если волосы не будут волнистыми, - продолжала Элис.

Ребекка бросила взгляд в треснувшее зеркало и увидела то, что считала обвинением в отсутствии красоты, - свое отражение, которое всегда либо огорчало ее, либо приводило в ярость, в зависимости от обстоятельств, и, сев с покорным видом на стул, начала помогать Элис в ее благотворительной деятельности, направленной на то, чтобы во время праздника "на штат Мэн не стыдно было взглянуть".

Ни одна из девочек не была опытной парикмахершей, и через час, когда шестая коса была наконец заплетена, а Ребекка в последний раз с содроганием взглянула в зеркало, обе чуть не плакали от усталости.

Свечу задули, и Элис скоро уснула, но Ребекка беспокойно металась на своей мягкой, набитой гусиным пухом подушке, которая теперь была вся во вмятинах от металлических валиков и завязанных тугими узлами скрученных тряпочек. Ребекка выскользнула из постели и принялась ходить взад и вперед по комнате, обхватив обеими руками раскалывающуюся от боли голову. В конце концов она привалилась к подоконнику и глядела на неподвижный флюгер над скотным двором Элис, вдыхая аромат созревающих яблок, пока бессонница не отступила перед тишиной и красотой ясной звездной ночи.

В шесть утра девочки были на ногах, так как Элис едва могла дожждаться, когда же волосы подруги будут распущены, - ей не терпелось увидеть плоды своих трудов.

Валики и тряпочки были удалены - вместе с изрядным количеством самих волос. Болезненную процедуру прерывали пронзительные взвизгивания Ребекки и взволнованные предостережения Элис, желавшей сохранить подготовительные мероприятия в секрете от теток, чтобы те могли затем в полной мере оценить достигнутый великолепный результат.

Затем приступили к расплетению кос, а затем - драматический момент! - к расчесыванию, трудной, чтобы не сказать неосуществимой, процедуре, в ходе которой едва не испустили дух и те волосы, что устояли во время предыдущих этапов.

Длинные пряди волос надо лбом были закручены разными способами и под разными углами, так что, когда их освободили от оков, они заняли самые странные, самые стойкие, самые неожиданные положения. Когда гребень прошелся по последней косе, увлекая за собой истерзанные, наэлектризованные волосы, которые затем, как пружины, выскакивали из-под него, свиваясь в колючий спутанный клубок, "штат Массачусетс" окинул одним взглядом голову "штата Мэн" и объявил о своем намерении позавтракать дома! Элис была очень огорчена результатом своей попытки сделать Ребекку красивой, но понимала, что встреча за утренней трапезой с мисс Мирандой Сойер ничем не поможет делу, и, тихонько выскользнув из кирпичного дома через боковую дверь, со всех ног бросилась вверх по холму, на котором стоял ее дом.

"Штат Мэн", покинутый и отчасти утративший присутствие духа, сел перед зеркалом и энергично взялся за свои волосы с решительным видом и упрямо сжатым ртом.

Ребекка трудилась не покладая рук, пока мисс Джейн не окликнула ее снизу и не позвала завтракать. Тогда с дерзостью, порожденной отчаянием, она вошла в столовую, где за столом уже сидели тетки, и, чтобы "отвлечь огонь противника", засвистела - запретное удовольствие, которое, однако, лишь еще больше привлекло внимание. С минуту, пока до сознания теток не дошло, что за нелепая фигура стоит перед ними, царил молчок; затем Джейн застонала, а Миранда охнула.

- Что ты с собой сделала? - спросила старшая из теток сурово.

- Попыталась сделаться красивой - и неудачно! - беспечно ответила Ребекка, но продолжать эту игру не смогла, слишком несчастной чувствовала она себя. - Ах, тетя Миранда, не ругайте меня! Мне так тяжело! Мы с Элис накрутили мои волосы на тряпочки, чтобы они стали вьющимися. Она сказала, что с прямыми я была похожа на индейца!

- Что ж, может, и была, - согласилась Миранда, - но, во всяком случае, на крещеного, а теперь выглядишь как индеец некрещеный - вот и вся разница, какую я вижу. Что мы сможем сделать с ней, Джейн, за то время, какое остается до девяти часов?

- Как только позавтракаем, выйдем во двор к насосу, - ответила Джейн успокаивающе. - Мы сможем заметно поправить дело, если намочим их и сильно натянем.

Ребекка без аппетита грызла кукурузную лепешку; полные слез глаза были устремлены на тарелку, подбородок дрожал.

- Не плачь, а то глаза будут красные, - проворчала довольно добродушно Миранда. - Как только будешь сыта, беги наверх, возьми щетку для волос и гребень и возвращайся. Мы будем ждать тебя у боковой двери.

- Я бы не расстраивалась из-за того, что сама такая страшная, - сказала Ребекка, - но мне так тяжело, что я своим видом позорю штат Мэн!

О, что за час последовал за этими сетованиями! Прошла ли через такую "палату ужасов" на своем пути к славе хоть одна соискательница литературных или драматических почестей? Был ли хоть один "поэт дня", с чьей головой так жестоко обращались? Окунали в корыто с дождевой водой, держали под струей воды, яростно терли грубым полотенцем, намотанным на ролик, вытирали насухо горячей фланелевой тряпкой! И разве не кажется почти невероятным, что по истечении такого часа волосы у корней все еще стояли вертикально? (Элис приподняла косы Ребекки вверх на два дюйма и закрепила в таком положении, туго обмотав каждую суровой ниткой.)

- Достань гладильную доску, Джейн, - крикнула Миранда, на которую препятствия действовали воодушевляюще, - и передвинь тот утюг к передней кромке плиты! Ребекка, сядь на тот низенький стульчик рядом с доской, а ты, Джейн, разложи на доске ее волосы и накрой их оберточной бумагой. Да не съезживайся ты, Ребекка, худшее уже позади, и ты вынесла все это очень хорошо! Я постараюсь не дергать тебя за волосы и не обжечь. Ах, как бы мне хотелось, чтобы поперек колена у меня была Элис Робинсон, а в правой руке хорошая дранка!.. Ну вот! Ты выглажена, и тетя Джейн может надеть на тебя белое платье и заплести тебе косы заново - туго и хорошо. Может быть, ты все-таки не будешь самым некрасивым из "штатов", но, когда ты сегодня вышла к завтраку, я сказала себе: "Ну, если б Мэн так выглядел, его ни за что не допустили бы в Соединенные Штаты".

Когда дилижанс "дяди Сэма" плавно и торжественно подкатил к кирпичному дому, "богиня свободы" и большинство "штатов" уже заняли свои места на "палубе", позади возницы.

Невозможно описать словами гордую поступь коней с их ярко разукрашенными уздечками и усеянной маленькими флажками сбруей. В окнах дилижанса висели занавески, сделанные из той же ткани, что и флаг, а из-за них выглядывала сияющая улыбкой "Колумбия", словно радуясь, что везет с собой столько преданных ей детей. Яркие развевающиеся вымпелы украшали кнут возницы, передний щиток и заднее сиденье экипажа, и все в целом производило такое впечатление, что могло воодушевить даже самого флегматичного избирателя.

Ребекка вышла на крыльцо, а тетя Джейн принесла стул, чтобы помочь ей подняться на крышу дилижанса. Мисс Дирборн бросила на свою любимицу взгляд, полный отчаяния. Что случилось с девочкой? Кто одел ее? Не была ли ее голова пропущена через бельевой каток? Почему у нее красные, опухшие глаза? Мисс Дирборн решила, что отведет ее за деревья, когда они приедут на место праздника, и там внесет в ее наряд несколько завершающих штрихов - штрихов, которые ее умелые руки так и тянулись внести.

Дилижанс вновь тронулся с места, и, по мере того как процессия на придорожной

полосе становилась все радостнее и оживленнее, лицо Ребекки прояснялось и делалось красивее - ее красота всегда шла изнутри. Люди, идущие, едущие или стоящие на порогах своих домов, приветствовали дилижанс "дяди Сэма" с его грузом девочек в легких кисейных платьях и с развевающимися лентами. А сразу за дилижансом ехала пышно украшенная телега, которой правил Эбайджа Флэг и которая везла весело, но нестройно звучащий оркестр из флейт и барабанов.

Был ли когда такой счастливый день! Такой прозрачный воздух! Такой мягкий солнечный свет! Такой веселый "дядя Сэм"!

Дилижанс остановился в назначенном месте возле сосновой рощи, и, пока собиралась толпа, дети ждали той минуты, когда они наконец выйдут на помост, - минуты, к которой, им казалось, они шли с самого рождения.

Как только появилась такая возможность, мисс Дирборн шепнула Ребекке:

- Пойдем со мной за деревья, я хочу сделать тебя красивее!

Ребекке пришло в голову, что в последние двенадцать часов она и так уже достаточно настрадалась от подобных попыток, но все же она послушно подала руку учительнице, и вдвоем они удалились.

Так вот, боюсь, мисс Дирборн была весьма посредственной учительницей. Доктор Мозес всегда повторял это, а Либби Мозес, его дочь, желавшая занять место мисс Дирборн в школе, выражала сожаление, что нынешняя учительница не имела возможности в свои юные годы чаще вращаться в светском обществе. Сама Либби брала уроки музыки в Портленде, останавливалась на одну ночь в отеле в горах Уайт-Маунтинс и гостила у своей сестры в городе Лоуэлл в штате Массачусетс. Этот опыт, по ее собственному мнению и по мнению ее близких друзей, открыл перед ней безграничные горизонты - столь безграничные, что ее представление о менее значительных и более скромных делах оказалось, пожалуй, несколько искаженным.

Мисс Дирборн могла предложить немного, ее главными достоинствами были преданность детям, умение завоевать их любовь и создать в классной комнате столь непринужденную, радостную, спокойную и безмятежную атмосферу, что у зрителя возникало ощущение, будто он пребывает в чем-то вроде местного рая. Она была слаба в арифметике и геометрии, но если дать ей розу, ленточку и зеркало размером семь на девять дюймов, она в две минуты могла сделать себя настоящей красавицей.

Надежно укрывшись от всех за соснами, мисс Дирборн начала применять на практике непостижимую женскую магию. Она решительно взялась за тугие косы Ребекки, расплела их и заплела снова, более свободно; разорвала пополам красно-бело-голубую ленточку и завязала ею каждую косу в отдельности. Затем ловкими пальцами она вытянула из густых прядей маленькие завитки за ушами и на затылке над шеей. Бросив крайне неодобрительный взгляд на жесткую, торчащую юбку, она присела и принялась энергично обнимать колени Ребекки, бормоча при этом между объятиями:

- Крахмал в их доме обходится, должно быть, дешево!

Когда в этом направлении были достигнуты успехи, последовало продолжительное зашпывание оборок, и тут те же самые пальцы, что не могли держать ферулу⁷² или щипать детские уши, оказались бесподобны при заглаживании складок.

Затем с презрительной миной был развязан пояс и снова затянут так, чтобы изобразить какое-то подобие талии. А непритязательные банты, неаккуратные, расплющенные, безжизненные, подвергались встряхиванию, пощипыванию, взбадривающим тычкам и толчкам до тех пор, пока, признательные руке мастерицы, они не поднялись, задорные, веселые, нарядные, brave!

Все изящество, какое только возможно в ношении одежды, было придано гладкому кружевному воротничку, и булавка (извлеченная из собственного туалета, с некоторым

⁷² Линейка, которой в качестве наказания били по рукам школьников.

ущербом для него) была вколота сзади, чтобы предотвратить любое трусливое отклонение от заданного положения. Короткие белые нитяные перчатки, слишком привлекавшие внимание к загорелым запястьям, были сняты и положены в карман. Затем веночек из сосновых веток с шишечками был водружен на голову под доселе невиданным углом, а волосы надо лбом взбиты легкими прикосновениями, и наконец, встретив благодарный взгляд Ребекки, мисс Дирборн подарила ей два поцелуя восхищения и торжества. В ту же секунду выразительное лицо девочки засияло счастьем, на щеках появились ямочки довольной улыбки, губы, на которых был запечатлен поцелуй, казались красными как роза, и маленькое пугало, которое несколько минут назад ушло в сосновую рощу, вышло из нее Ребеккой Прекрасной.

Что касается сравнительной оценки достоинств мисс Дирборн, то пусть благосклонный читатель сам судит об этом; но, хотя не вызывает сомнения то, что дети должны хорошо знать математику, ни один человек с добрым сердцем не смог бы спокойно слушать, как хулят методику мисс Дирборн, если б ему довелось видеть, как она своими похлопываниями, пощипываниями, вытягиваниями, объятиями и поцелуями превратила Ребекку из дурнушки в красавицу.

Молодой школьный инспектор округа был свидетелем этой сцены и позднее, увидев детей, выходящих вокруг "Колумбии", точно пчелы возле жимолости, заметил, обращаясь к доктору Мозесу:

- Возможно, она и не очень хорошая преподавательница, но жена из нее, думаю, вышла бы замечательная!

И последующие события подтвердили, что он сказал именно то, что думал!

II

Теперь все было готово; торжественная минута была совсем близка. Отряд флейтистов и барабанщиков шагнул во главе процессии, за ним следовали "штаты". Но что происходило на самом деле, Ребекка не знала - все эти часы она жила во сне наяву. Каждая мелкая подробность происходящего была сверкающей гранью, отражающей свет, и Ребекка чувствовала, что совершенно ослеплена этими блесками и искрами. Духовой оркестр играл воодушевляющие мелодии; мэр красноречиво говорил о возвышенных идеалах; люди аплодировали; а затем веревка, от которой так много зависело в тот день, была дана в руки детям, вложившим сверхчеловеческую силу в выполнение порученной им задачи, - и флаг поднимался, поднимался, плавно и медленно, и так же медленно разворачивался, пока не стал виден во всей великолепии своих размеров и блеске красоты на фоне кленов, сосен и голубого неба Новой Англии.

Когда отзвучали приветственные крики и патриотическая песня, исполненная церковным хором, на помост поднялся "штат Мэн", смутно сознавая, что ему предстоит прочесть стихотворение, но, хоть убей, не мог припомнить ни единого слова.

- Говори громко и ясно, Бекки, - шепнул сидевший в переднем ряду "дядя Сэм", но она едва слышала собственный голос, когда, волнуясь, произнесла первые слова своего стихотворения. Затем голос ее окреп, и стихи "прочитались сами собой" в этом все продолжающемся чудесном сне. Она видела Адама Ладда, прислонившегося к дереву, тетю Джейн и тетю Миранду, трепещущих от волнения, Клару-Беллу Симпсон, пристально смотревшую на нее косыми, но восторженными глазами с одной из стоявших сбоку скамей, а в отдалении, на самом краю заполненного народом луга, высокого мужчину, стоящего в повозке, - высокого и нескладного, с рыжими, торчащими вверх усами - и его тощую белую лошадь, развернутую в сторону Акревилльской дороги.

Громкие аплодисменты приветствовали "штат Мэн" - стройную, невысокую, одетую в белое фигурку, стоящую на поросшем мхом валуне, вокруг которого был возведен помост. Солнце вышло из-за кроны большого клена и озарило звездное знамя, сделав его еще более ослепительным и заставив всех поднять и устремить на него глаза.

Эбнер Симпсон тоже поднял свой рассеянный, блуждающий взор к мягко колышущимся складкам и великолепию ярких красок, думая при этом: "Я знаю, что никому не следует красть флаг, - эти потрясающие идиоты, похоже, придают ему большое значение. А что он, в сущности, такое? Просто кусок тряпки!"

Просто кусок тряпки? Он с любопытством взглянул на восхищенные лица матерей, на руках у которых спали их младенцы, на раскрытые в улыбке губы и сияющие глаза одетых в белое девочек, на капитана Лорда, который сидел в тюрьме Либби⁷³, и Ната Страута, потерявшего руку в сражении при речке Булл-Ран⁷⁴, на дружелюбную, оживленную толпу фермеров, радостных, увлеченных, полных нетерпения, из чьих глотков готово было вырваться очередное громогласное "ура". А затем ветер донес до него высокий чистый голос Ребекки:

- Звезды штатов вместе все - и твоя здесь есть с моей,
*Гордо, флаг страны родной,
Под осенним небом рей!*

"Что там звезды на флаге! У нее пара звезд вместо глаз, - подумал Симпсон. - Увидел бы, что девчушка вроде этой лежит где-нибудь на пороге, стянул бы, не успели б и глазом моргнуть, хоть, видит Бог, у меня и своих полно, кормить-одевать надо! И ни на что бы ее не сменял... Бойкая девчушка к тому же; сидит в повозке - с виду не больше пинты сидра, а думает только о том, как добрые дела делать!.. Эх, ей-богу, надоело мне мое ремесло! Никогда-то я не бываю со всеми, всегда в стороне, будто я хуже их! Если б хоть выгода от этого была, я, может быть, ничего бы против не имел, но они тут все такие жуткие скупердяи - и приличного-то ничего не оставят на виду, что можно было бы у них стащить, а все равно рискуешь своей свободой и репутацией, если возьмешь у них какую-нибудь дрянь!.. Если вспомнить, какую поживу я имел от своих краж и сколько времени потерял в тюрьме, так, пожалуй, с тем же успехом я мог бы кончить с этим делом и работать поденно, как всем давно хочется меня заставить. Зарабатывал бы я почти столько же, и не знаю, было бы это для меня намного труднее или нет".

Ему было видно, как Ребекка спустилась с помоста и как его собственная рыжая дочка, вскочив на скамью, машет обеими руками, держа в одной шляпу, а в другой носовой платок, и топает обеими ногами.

Тут поднялся со своего стула человек, сидевший рядом с мэром, и Эбнер услышал его призыв:

- Ура в честь женщин, которые сшили флаг!
- Гип-гип ура!
- Ура в честь штата Мэн!
- Гип-гип ура!
- Ура в честь девочки, которая спасла флаг из рук врага!
- Гип-гип ура! Гип-гип ура!

Это был священник из Эджвуда, обладавший тем глубоким, вибрирующим голосом, что всегда волнует толпу. Его слова неслись далеко в прозрачном воздухе, и повторялись, и передавались из уст в уста. Руки хлопали, ноги топали, шляпы взлетали вверх, а громкие возгласы ликования, казалось, могли пробудить эхо на старой горе Оссипи.

Высокий нескладный мужчина вдруг сел на сиденье повозки и взял в руки вожжи.

- Кажется, они начинают переходить на личности, и я думаю, тебе, Симпсон, пора

⁷³ В период Гражданской войны между Севером и Югом в знаменитой тюрьме Либби (город Ричмонд, штат Виржиния) южане держали пленных солдат федеральных войск. Тюрьма была переполнена, и многие из заключенных погибли из-за ужасающих антисанитарных условий.

⁷⁴ Речка в штате Виржиния, близ которой во время Гражданской войны произошли два крупных сражения (21 июля 1861 г. и 30 августа 1862 г.), в которых северяне потерпели поражение.

уезжать!

Тон был шутливым, но рыжие усы поникли, а вялый взмах кнута, заставивший белую кобылу тронуться в путь к дому, говорил о том, что мистер Симпсон не был в своем обычном бесшабашном настроении.

- Черт бы его побрал! - мстительно воскликнул он вполголоса, когда кобыла затрусила рысцей по дороге. - Ложь это! Я думал, там чье-то стиранное белье! Я не враг!

В то время как праздничная толпа разбрелась и семьи отправились на веселые пикники в лес, в то время как "богиня свободы", "дядя Сэм", "Колумбия" и счастливые "штаты" завтракали в здании ассоциации фермеров вместе с высокими гостями и ветеранами двух войн, одинокий мужчина ехал и ехал через безмолвные леса и скучные, сонные деревни, ни разу не покинув повозку с целью пополнить за чужой счет свой гардероб или прихватить что-либо пригодное для обмена.

В сумерки он добрался до жалкого полуразвалившегося домика на берегу пруда.

Верная жена с печальным выражением лица и ставшим уже привычным, полным тревоги взглядом потускневших глаз, услышав звук колес, вышла к двери и направилась следом за мужем в конюшню, чтобы помочь ему выпрячь лошадь.

- Не ждала меня так скоро, да? - спросил он насмешливо. - По крайней мере, не ждала, что я вернусь на той же самой лошади? Ну а я здесь! И не бойся заглянуть под сиденье повозки - там ничего нет, даже моего ужина, так что, надеюсь, на этот раз я тебе угодил! Нет, ангелом я, наверное, сразу не стану. Просто там, в Риверборо, ничего плохо не лежало - кроме флагов, а я - что бы они ни говорили - не такой мерзавец, чтобы украсть флаг!

Ничуть не удивительно, что юным риверборцам снились в ночь после подъема флага красно-бело-голубые сны. Более странным, возможно, покажется то обстоятельство, что перед глазами Эбнера Симпсона, лежавшего на своей жесткой постели, тоже развевался флаг, а в ушах звучали непривычные слова:

Звезды штатов вместе все - и твоя здесь есть с моей!

"Надоело вечно действовать в одиночку, - думал он. - Попробую, пожалуй, пожить по-другому". И с этим он уснул.

Рассказ седьмой Маленький Пророк

I

- Похоже, что графству Йорк никогда не избавиться от этой шайки Симпсонов! - недовольно говорила Миранда Сойер, обращаясь к Джейн. - Когда их семейка перебралась в Акревиль, я думала, мы их больше не увидим, да не тут-то было! Их старший мальчишка - косой и заика - получил место на фабрике в Мейплвуде, а оттуда рукой подать до Риверборо, вот он и является сюда иногда по воскресеньям - сидит вместе со всеми в молитвенном доме и таращится на Ребекку, как раньше таращился, только теперь, когда они оба стали старше, это еще более неприлично. Потом этой миссис Фогт непременно понадобилось взять к себе их старшую девочку, чтобы она нянчила малыша, - будто тут у нас, поближе к дому, некого было нанять! А теперь слышу, поговаривают, что младший близнец приехал - будет работать все лето у Кеймов.

- Я думала, что близнецы всегда бывают одного возраста, - задумчиво сказала Ребекка, которая вошла в это время в кухню с ведром для молока.

- Так-то оно так, - раздраженно отозвалась Миранда, вспыхнув и желая исправить свою ошибку, - но этот симпсоновский близнец с бледной физиономией кажется младше и меньше другого, да и кроткий он как агнец, а тот, другой, отъявленный нахал. Не пойму, как это так вышло, что они оказались близнецами. Они ни капельки друг на друга не похожи.

- Илайджу в школе всегда звали "близнецом-забиякой", - сказала Ребекка, - а Илайше дали прозвище Размазня; но я думаю, что он хороший мальчик, и даже рада, что

он вернулся. Жить у мистера Кейма ему будет невесело, но там, почти совсем рядом, дом священника, и миссис Бакстер наверняка позволит ему играть у нее в саду.

- Интересно, почему Кеймы берут к себе этого мальчика, - проронила Джейн. - У них, конечно, нет своих детей, но этот ребенок слишком уж мал, чтобы от него была большая польза и помощь по хозяйству,

- Я знаю почему, - с готовностью отозвалась Ребекка. - Я слышала все, что говорили об этом в магазине мистера Уотсона, когда покупала молоко. Два года назад мистер Кейм выменял что-то у мистера Симпсона с большой выгодой для себя, и дядя Джерри говорит, что мистер Кейм первый, кому такое удалось, и ему надо поставить памятник. Так что мистер Кейм должен мистеру Симпсону деньги и не платит, и поэтому мистер Симпсон сказал, что пришлет к нему одного из своих детей, чтобы мистер Кейм кормил его в счет своего долга, а остальное Симпсоны возьмут скотом - им дадут свинью, или теленка, или еще что-нибудь.

- Все это вздор и чепуха, - заявила Миранда, - всего лишь пустые разговоры в лавке. Собери кучку мужчин у печи Уотсона или на скамье возле его двери, и они тебе в два счета насочиняют историй. Нет такого ловкача, чтобы сумел перехитрить Эбнера Симпсона в какой-нибудь сделке, и слыхано ли, чтобы кто-то был должен ему деньги? Даже предположить нельзя, чтобы такая женщина, как миссис Кейм, позволила своему мужу задолжать деньги такому человеку, как Эбнер Симпсон. Куда вероятнее, что она узнала о болезни миссис Симпсон и послала за мальчиком, чтобы помочь их семье как-то пережить это время. Она всегда раз в месяц давала работу миссис Симпсон - нанимала ее стирать белье, помнишь, Джейн?

Есть факты, столь окутанные тьмой, что пролить на них свет не способен даже самый искусный и терпеливый исследователь. Встречаются также (но лишь изредка) определенные побудительные мотивы, поступки, речи, линии поведения, которых не могут полностью и ко всеобщему удовлетворению объяснить даже на деревенской почте или на "скамейке бездельников" возле дверей кабака.

Кэссиус Кейм был человеком скупым - и в том, что касалось слов, и в том, что касалось денег, и потому всё, что знали в Риверборо о трехмесячном пребывании в его доме одного из близнецов Симпсонов, так это то, что оно действительно имело место. Илайша, или Размазня, приехал; Размазня жил у Кеймов; и Размазня, когда он наконец отправился в обратный путь, чтобы воссоединиться со своим семейством, покинул Риверборо не с пустыми руками (если так можно выразиться) - к повозке Симпсонов была привязана большая рыжая костлявая и довольно свирепого вида корова, которая своим полным отсутствием желания следовать из Риверборо в Акревилль сделала путешествие нескудным и богатым событиями. Но история коровы - это история, относящаяся к другому времени и месту, а сначала должна быть поведена история труса, ибо, по общему мнению, Илайша Симпсон был, к сожалению, лишен такого мужского качества, как храбрость.

Маленьким Пророком⁷⁵ назвала Размазню Симпсона жена нового священника. Его полное имя было Илайша-Джеримайя Симпсон, но оно редко звучало в таком виде, так как если его обладателю и удавалось иногда избежать унижительного прозвища Размазня, то укороченное Лайша считалось вполне достаточным для мальчугана, носившего свои первые брюки, - да и те, как считалось, он надел слишком рано. Поэтому он был Лайшей для жителей поселка, но Маленьким Пророком для молодой жены священника.

Из окна гостиной миссис Бакстер Ребекке был виден выкрашенный коричневой краской дом Кеймов. Пыльная малоезженная дорога, на которой между тележными колесами росли пучки травы, вилась вверх по холму к самому порогу дома, а внутри, за дверью, затянутой розовой сеткой от мух и комаров, лежал чудесный полукруглый коврик с

⁷⁵ Илайша (Елисей) и Джеримайя (Иеремия) - имена библейских пророков.

надписью: "Добро пожаловать" - оранжевыми буквами на зеленом фоне.

Ребекке очень нравилась миссис Кейм, которая была подругой тети Миранды и одной из тех немногих, кто обменивался визитами с этой довольно необщительной старой леди. Ферма Кеймов находилась на расстоянии небольшой пешей прогулки от кирпичного дома, так что, когда урожай был убран, Ребекка могла идти полем, и невозможно описать радость, с какой она бежала в ту сторону, когда тетки давали ей какое-нибудь поручение к миссис Кейм, - ведь по дороге можно было забежать к священнику и его жене, которые стали для девочки такой поддержкой и опорой в жизни. Ей нравилось смотреть, как миссис Кейм вытряхивает свой коврик, словно бросая в лучах летнего солнца как радостное приветствие новому дню бодрое "Добро пожаловать!". Ей нравилось смотреть, как миссис Кейм раз десять за утро, подойдя к затянутой сеткой двери, приоткрывает ее и выгоняет воображаемую муху из священных границ помещения. Ей нравилось смотреть, как миссис Кейм, поднявшись по лестнице, ведущей из подвала в боковой садик, появляется таинственным образом, словно из недр земли, неся в обеих руках блестящую кастрюлю с молоком, а затем исчезает среди штокроз или подсолнечника, удаляясь в направлении свиного загона или курятника.

Ребекка не любила мистера Кейма, так же, впрочем, как не любили его и миссис Бакстер, и Илайша. По правде сказать, мистер Кейм, с его огненно-рыжей бородой, веснушчатым лицом и грубоватыми манерами, был человеком, которого трудно полюбить, а в его коричневом домике не было детей - детей, которые могли бы разгладить суровые складки на лбу этого человека и смягчить его резкий голос.

II

Впервые жена нового священника увидела Маленького Пророка, когда сидела однажды ранним утром возле своего дома в тени большого клена. Крошечная фигурка двигалась по заросшей травой дороге, ведя на веревке рыжую корову. Если бы это были маленький мальчик и маленькая корова, или среднего роста мальчик и обычных размеров корова, или взрослый мужчина и большая корова, миссис Бакстер, вероятно, не обратила бы на них внимания, но это был очень маленький мальчик с огромной коровой - и такое сочетание не могло не привлечь взгляд. Ей трудно было угадать, сколько лет ребенку, она лишь понимала, что он слишком мал для своего возраста, каким бы этот возраст ни был.

Корова была темно-рыжей, с изогнутым рогом, белой звездочкой на лбу и большим, как будто удивленным глазом - у нее, конечно, были два глаза, и оба казались удивленными, но левому придавали выражение чрезвычайного изумления несколько белых волосков, иногда проглядывавших посередине лохматой брови.

У мальчика было худенькое выразительное лицо, выющиеся каштановые волосы, короткие брюки с заплатами на обоих коленях и сдвинутая на затылок потрепанная соломенная шляпа. Он топтал следом за коровой, иногда хватаясь за веревку обеими руками, и продвигался вперед, то и дело спотыкаясь и подпрыгивая, так как животное не оставляло ему времени, чтобы смотреть, куда ступают его босые ноги.

До пастбища Кеймов было еще добрых полмили, а корова, как казалось, вовсе не спешила добраться до него. Она часто покидала дорогу и забредала в лощины, где, на ее взгляд, трава была слаще. В одну из таких исследовательских экспедиций она пустилась как раз тогда, когда поравнялась с большим кленом возле дома священника, и тем самым дала возможность миссис Бакстер окликнуть мальчугана:

- Это твоя корова?

Илайша покраснел и улыбнулся. Он старался говорить скромно, но все же в голосе его прозвучала нотка гордости, когда он многозначительно ответил:

- Это... почти моя корова.

- Как это? - удивилась миссис Бакстер.

- Ну вот если я еще двадцать девять раз отведу ее на пастбище и она ни разу не запутается ногами в веревке, а я ни разу ее не испугаюсь, то она станет моей законной коровой. Так мистер Кейм обещал. А вы боитесь коров?

- Да-а, - призналась миссис Бакстер, - немного боюсь. Я ведь всего лишь женщина, и мальчики не могут понять, как нас пугают коровы.

- Я могу! Они ужасно большие, правда?

- Просто огромные! Когда корова направляется в мою сторону, я всегда думаю, что она одно из самых больших животных на свете,

- Да, я тоже. Лучше об этом не думать. А очень часто они людей бодают?

- Ну нет; на самом деле едва ли кто-нибудь вообще слышал о таком случае.

- А если корова наступит кому-нибудь на босую ногу, то ведь раздавит, правда?

- Правда, но ведь погонщик-то ты. Не давай им наступать тебе на ноги; ты - человек со свободной волей, а они - всего лишь коровы.

- Я знаю; но, может быть, есть и коровы со свободной волей, и если такая захочет раздавить тебе ногу, так ничего не поделаешь, потому что нельзя ни бросить веревку, ни убежать, - так мистер Кейм говорит.

- Нет, конечно, бежать не годится.

- А там, где вы раньше жили, все коровы залезали в болотистые места, когда их гнали на пастбище, или некоторые все-таки шли по дороге?

- Там, где я жила, не было ни коров, ни пастбищ, поэтому-то я ничего в этом не понимаю. А зачем твоей корове веревка?

- Она не любит ходить на пастбище - так мистер Кейм говорит. Иногда ей хочется остаться дома, и тогда она с полпути поворачивает обратно.

"Боже мой! - подумала миссис Бакстер. - Что же бывает с этим малышом, когда корове вдруг вздумается повернуть обратно?"

- Тебе нравится быть ее погонщиком? - спросила она вслух.

- Н-нет, не очень. Но, понимаете, это будет моя корова, если я еще двадцать девять раз отведу ее на пастбище и она при этом ни разу не запутается ногами в веревке, а я ни разу не испугаюсь. - И широкая улыбка на миг прояснила встревоженное личико. - Долго еще она будет пастись в канаве? Может быть, я должен крикнуть: "Жвей-жвей"? Так мистер Кейм говорит: "Жвей!" Это значит "поживей".

Окрик прозвучал слабо, и корова продолжала мирно щипать траву. Мальчик доверчиво поднял глаза на жену священника, а затем оглянулся назад, чтобы посмотреть, не наблюдает ли Кэссиус Кейм за ходом событий.

- Что же нам делать дальше? - спросил он.

Это теплое, сердечное маленькое "нам" восхитило миссис Бакстер; оно так приятно делало и ее участницей этого предприятия. Она, разумеется, была плохой советчицей там, где дело касалось коров, но, когда Илайша произнес: "Что же нам делать дальше?", она собрала всю свою храбрость, мгновенно оживившись и почувствовав себя изобретательной и сильной.

- Как зовут корову? - спросила она, выпрямившись на сиденье качелей.

- Ромашка; но она, похоже, не очень хорошо знает свое имя... И на ромашку она ни капельки не похожа.

- Ничего. Ты должен крикнуть: "Ромашка!" - как можно громче и дернуть за веревку изо всех сил, а я в ту же минуту закричу во весь голос: "Жвей!" А если она быстро двинется с места, мы не должны бежать или показать, что испугались!

Так они и поступили; способ оказался чудодейственным, и миссис Бакстер ласковым взглядом проводила своего Маленького Пророка, которого корова быстро тащила следом за собой вниз с холма.

Один за другим проходили прекрасные августовские дни. Ребекка часто заходила к священнику и не раз встречала Илайшу, но Ромашка редко присутствовала при этих встречах, так как теперь мальчик гнал корову на пастбище в самые ранние утренние

часы. Пастбище находилось довольно далеко, путь к цели, который выбирала Ромашка, всегда оказывался чрезвычайно извилистым, а мистер Кейм подчеркивал необходимость доставлять ее на пастбище по меньшей мере за несколько минут до того, как ее нужно будет уводить домой. И хотя мистер Кейм не нравился Ребекке, она чувствовала, что это его замечание не лишено здравого смысла. Иногда миссис Бакстер и Ребекка мельком видели Илайшу с Ромашкой, возвращающихся домой к вечерней дойке: корова безмятежно пережевывала свою жвачку, ее мягкое белое вымя, полное молока, висело почти до земли, а удивленный глаз вращался с привычным выражением "безумной ярости". Это свирепое вращение глазом, как обычно уверяли Илайшу, ничего не значило; но в таком случае поведение коровы было достойно сожаления - так считала Ребекка, и миссис Бакстер была с ней согласна. Иметь кровожадное выражение глаза и в то же время быть совершенно добродетельным и действующим из лучших побуждений животным - вот уж поистине несчастье.

Однажды вечером, когда миссис Бакстер наблюдала, как солнце, похожее на красный огненный шар, медленно опускается за дальний лес, мимо нее прошел Маленький Пророк.

- Сегодня двадцать девятый вечер, - сказал он весело.

- Я так рада, - отозвалась она; до этого ее часто тревожили опасения, что какой-нибудь несчастный случай может помешать мальчику потребовать обещанной награды. - Значит, завтра Ромашка станет твоей коровой?

- Думаю, что да. Так мистер Кейм сказал. Он сейчас в Акревиле, но к вечеру вернется. Отец собирался передать мне через него новую шляпу. Я хотел бы, когда Ромашка будет моей, поменять ее имя. Я называл бы ее Рыжая Бродяга. Но, может быть, ее маме это не понравилось бы?.. Когда она будет моя, я, наверное, не буду так бояться, что она меня боднет или раздавит мне ногу; ведь она будет знать, что она моя, и будет послушнее. Я ни разу не дал ей запутаться ногами в веревке и ни разу не подал вида, что боюсь, правда?

- Я никогда, ни на минуту не заподозрила, будто ты боишься, - ободряюще сказала миссис Бакстер, - и часто завидовала тебе - ты выглядел таким смелым и уверенным в себе!

Илайша явно был доволен.

- Я даже не заплакал, когда она протащила меня через ограду пастбища и я ободрал себе все ноги... А вот Чарли, младший брат Билла Джонса, говорит, что он никого не боится, даже медведей. Он говорит, что подошел бы прямо к ним и дал бы им в ухо, если б они только рывкнули, но я бы так не смог, я не такой! Он не боится ни слонов, ни тигров, ни львов. Он говорит, будто для него они все равно что лягушки или цыплята.

В тот вечер Ребекка сказала тете Джейн, что двадцать девятый день службы Маленького Пророка подошел к концу и что завтра утром большая рыжая корова станет его собственностью.

- Что ж, надеюсь, так оно и будет, - ответила тетка, - хотя я отнюдь не уверена, что Кэссиус Кейм расстанется со своей коровой, когда дойдет до дела. Это был бы не первый случай, когда он изменяет своему слову. Он проделывал такое с людьми и постарше Лайши, ведь он, Кэссиус, ужасно скуп. Конечно, суставы у него действуют плохо, и он рад, что нашел мальчишку, чтобы гонять летом корову на пастбище, но к осени, когда приходит время убирать урожай, он обычно нанимает взрослого батрака. Так что Лайша больше ему не понадобится, и я думаю, что так или иначе, а корова теперь принадлежит Эбнеру Симпсону... Если хочешь прогуляться сегодня вечером, то хорошо бы, ты сходила туда и спросила миссис Кейм, не даст ли она тете Миранде взаймы половину ее дрожжевого хлеба. Скажи, что мы вернем, когда у нас будет свой в субботу. Не хочешь взять с собой Тирзу Миверв? А то она всегда одна, когда Хальда развлекает на крылечке своих кавалеров... Не задерживайся слишком долго у священника!

III

Поручение такого рода было привычным для Ребекки, так как иногда самые основы существования Риверборо бывали потрясены одновременно возникавшим у всех жителей желанием поесть дрожжевого теста. Так как ближайшая пекарня располагалась в полутора милях от поселка, а дрожжевой хлеб стоил два цента и его нельзя было долго хранить, и к тому же спрос на него был неустойчив и зависел исключительно от весьма непостоянного желания поесть "кислого хлебца", владелец местного магазина заказывал, на свой страх и риск, не больше трех хлебов в день. Иногда они так и оставались у него на руках, принося убыток; иногда же восемь или десять человек приезжали с дальних ферм за желанным продуктом, но слышали лишь:

- Нет, дрожжевой хлеб кончился. Мисс Симмонс взяла последнюю буханку; попробуйте занять у нее. Может быть, она даст вам половинку, она не ест много хлеба.

Так что, поднимаясь на холм, где стоял дом миссис Кейм, Ребекка сознавала, что ее хлеб насущный может быть получен только в результате успешного исхода этого визита.

Тирза шла босиком, и какими заглубевшими ни были ее подошвы, долгий путь по стерне оказался слишком утомительным, и потому, завидев в отдалении скотный двор Кеймов, она уговорила Ребекку пройти коротким путем через поле, на котором длинными рядами рос аккуратно прополотый турнепс.

- Ты же знаешь, Тирза, мистер Кейм ужасно сердитый и терпеть не может, чтобы кто-нибудь прошел по его полю или тронул дерево или куст, который принадлежит ему. Я немного боюсь, но давай пройдем напрямик, только смотри ступай аккуратно между рядами и держи повыше юбку, чтобы не задевать листья турнепса. Я сделаю то же самое. И прыгай быстрее, тогда мы не оставим глубоких следов.

Девочки благополучно и бесшумно продвигались вперед; ощущение опасности отчасти увеличивало удовольствие, которое они получали от своей прогулки. Ребекка знала, что они не причиняют никакого вреда, но все же надеялась, что им удастся избежать сверлящего взгляда мистера Кейма.

Они уже были на другом конце засаженного турнепсом участка, когда неожиданно замерли, забыв опустить приподнятые юбки. От скотного двора девочек отделяли высокие кусты бузины, и из-за этих кустов доносились голоса: робкий - Маленького Пророка и грубый - Кэссиуса Кейма.

Ребекка боялась помешать их разговору, но и подслушивать его ей тоже не хотелось - она была слишком порядочной для этого. Оставалось надеяться, что мужчина и мальчик пройдут, беседуя, к дому. Она знаком велела почти парализованной страхом Тирзе сделать еще два шага и встать рядом с ней за кустами. Но нет - надежда не оправдалась! В следующее мгновение они услышали, как мистер Кейм придвинул табурет к жернову со словами:

- Ну а теперь, Илайша-Джеримайя, поговорим о рыжей корове. Так ты говоришь, что месяц водил ее на пастбище, да? А уговор у нас с тобой был такой: если ты сумеешь месяц гонять ее на пастбище так, чтобы она ни разу не запуталась ногами в веревке, а ты ни разу не испугался, то она будет твоя. Правильно я говорю?

Лицо Маленького Пророка пылало, клетчатая рубашка поднималась и опускалась на груди так, словно он дышал с трудом. Он ничего не сказал, только кивнул в знак согласия.

- Так вот, - продолжил мистер Кейм, - удалось тебе не дать ей ни разу запутаться в веревке?

- Она ни разу н-не з-запуталась, - ответил Илайша, заикаясь от волнения, но немного осмелел и поднял глаза от пальцев своих босых ног, которыми прилежно разгребал траву.

- Пока все хорошо. Теперь о том, чтобы не бояться. Ты, кажется, уверен, что получишь корову, так что, я полагаю, ты ее ни капли не боялся, так? Честное слово?

- Я... я... только совсем чуточку. Я...

- Подожди минутку. Конечно, ты не говорил, что боишься, и не подавал вида, что боишься, и никто не знал, боишься ты или нет, но уговор у нас был не такой. Корова должна была стать твоей, если ты сумеешь месяц водить ее на пастбище и не будешь при этом бояться? Теперь признайся честно, ты боялся?

Последовала долгая пауза, а за ней тихое "да".

- Как ты разговариваешь со старшими?

- Я хотел сказать: да, сэр.

- Как часто это было? Если ты пугался не слишком часто, то я, может быть, прощу тебя, хотя ты и маменькин сынок и даже от кошки убежишь. Это было... два раза?

- Да. - Голос Маленького Пророка звучал теперь очень тихо, и в нем ясно слышались слезы.

- Что?

- Да, сэр.

- Может быть, это было четыре раза?

- Д-да, сэр. - Рубашка на груди Илайши вздымалась все сильнее.

- Да ты жалкий трус! Сколько раз это было? Ну, говори же!

Пальцы босых ног снова принялись разгребать землю, из-под опущенных век выскользнула первая слеза, а затем...

- Немножко... почти каждый день, и можете оставить себе корову, - плачущим голосом выговорил Маленький Пророк и, резко повернувшись, убежал за сарай, где, нырнув в зеленые глубины грядки пижмы, предался недостойным мужчины слезам.

Мистер Кейм, неожиданно оставшись один, несколько смущенно хохотнул и направился в дом, а Ребекка и Тирза, тихонько прокравшись вокруг скотного двора Кеймов, чинно и благовоспитанно вошли в ворота дома священника.

Ребекка передала миссис Бакстер все, что смогла припомнить, о содержании разговора Кэссиуса Кейма и Илайши Симпсона, и отзывчивой пасторше захотелось найти и утешить Маленького Пророка, рыдающего в грядках с клеймом труса на лбу и, что гораздо хуже, со страхом в душе, что он это клеймо заслужил.

Ребекку едва удалось отговорить от намерения немедленно отправиться к мистеру Кейму и открыто выступить в поддержку Илайши, так как она всегда становилась запальчивой, отчаянной и дерзкой, когда слабому существу угрожали или оно было несправедливо обижено.

Миссис Бакстер признавала, что, в известном смысле, мистер Кейм был верен своему слову и уговору с Илайшей, но вместе с тем отмечала, что столь жестокой и невыгодной сделки не бывало со времен Шейлока⁷⁶, - и тем более ужасно, что она была заключена с ребенком.

Ребекка поспешила домой, даже не вспомнив о своем поручении, пока не добралась до дверей кирпичного дома, где заявила теткам с обычной для нее образностью, что уж лучше будет есть пресный хлеб до конца своих дней, чем отведаст дрожжевого хлеба мистера Кейма. Она подавилась бы этим хлебом, будь он даже хорошо поднявшимся и пропеченным!

- Все это превосходно, Бекки, - ответила ей тетя Миранда, умевшая доказать бесплодность любых возвышенных идей, - но не забывай, что в этом доме есть еще два едока, и ты могла бы предоставить им возможность подавиться, если им этого хочется!

IV

В конце концов миссис Бакстер узнала от миссис Кейм - через которую все сведения

⁷⁶ Шейлок - жестокий ростовщик, одно из главных действующих лиц трагедии У. Шекспира "Венецианский купец" (1596).

непрерывно просачивались наружу, если только выждать, - что мистер Кейм презирает трусов и, считая Илайшу "маменькиным сынком", старается "научить" его храбрости.

Теперь Ромашку водил на пастбище Билл Питерс, батрак, хотя всякий раз, когда мистер Кейм был в отъезде, что случалось довольно часто, Илайша, как замечала миссис Бакстер, занимал место батрака. Она часто присоединялась к мальчику во время этих полных тревог и опасностей вылазок, и с одинаковым ужасом в душе они вдвоем пытались приручить рыжую корову и дать ей некоторое понятие о послушании.

- Если бы только она не смотрела на нас так страшно, мы могли бы с ней отлично поладить, правда? - лепетал Пророк, то забегая вперед, то отставая от своей спутницы. - Ведь она замечательная корова! Дает двадцать одну кварту молока в день, и мистер Кейм говорит, что в этом молоке сливок больше половины!

Жена священника соглашалась со всем этим и думала о том, что если бы Ромашка бросила привычку неожиданно разворачиваться на дороге для того, чтобы пугающе завращать глазами и приподнять увенчанную белыми волосками бровь, то действительно могла бы быть приятной спутницей. Однако при существовавшем уровне развития этой коровы ее общество не было бы желанным даже в том случае, если бы она давала шестьдесят одну кварту молока в день. Более того, когда выяснилось, что Ромашка никогда не проделывает ничего подобного с Биллом Питерсом, миссис Бакстер пришла к выводу, что, пожалуй, коровы более сообразительные существа, чем она предполагала раньше. У нее вызывало негодование то, что Ромашка так нагло пользуется слабостью маленького мальчика и робкой женщины.

Однажды вечером, когда Ромашка вела себя особенно вызывающе, миссис Бакстер обратилась к Пророку, который в это время изо всех сил сопротивлялся попыткам Ромашки втянуть его в придорожный ручей, где она любила плескаться:

- Илайша, ты что-нибудь знаешь о превосходстве духа над материей?

Нет, он ничего не знал; к тому же это было не самое подходящее время, чтобы задавать подобные вопросы, так как ему пришлось сесть на дороге, чтобы обеспечить выигрыш в силе на своем конце веревки.

- Ну ничего, это неважно. Я хочу сказать, что, умереть мы можем только раз и что это прекрасно - умереть во имя великого принципа. Дай мне эту веревку. В моем теперешнем душевном состоянии я могу тянуть за нее не хуже быка. А ты беги на другую сторону ручья. Возьми вон тот большой сук, войди прямо в воду - ведь ты босиком - и угрожающе размахивай своим оружием, а если понадобится, то и пусти его в ход. Я пошла бы сама, но лучше будет, если она признает своим хозяином именно тебя, и к тому же опасность мне будет угрожать не меньшая. Она, конечно, может попытаться боднуть тебя, но ты должен продолжать размахивать палкой; умри, размахивая. Пророк, - вот вся идея! Она также может повернуться и побежать за мной; в этом случае я побегу от нее, но пусть я умру от этого бега, и тогда священник похоронит нас под нашей любимой медовой яблоней!

Красноречие очаровательной спутницы воодушевило Пророка. Оба одновременно воспрянули духом и почувствовали прилив восхитительной смелости - смерть казалась чем-то мелким и ничтожным в сравнении с победой над коровой.

Ромашка уже вступила в заводь, но Пророк вбежал в воду следом за ней, грозно размахивая толстым ольховым суком. Она привычно завращала глазами - прием, который с таким успехом применяла все лето, - но дрогнула под праведно суровым взглядом Пророка. Возможно, в тот момент ей стало стыдно за то, что она причинила столько страданий этому беспомощному маленькому существу. Во всяком случае, побуждаемая страхом, удивлением или раскаянием, она развернулась и вышла обратно на дорогу, не выразив ни гнева, ни раздражения и оставив мальчика и его спутницу несколько разочарованными. Приготовиться к мученической смерти и не получить даже царапины! Они подумали, что, возможно, переоценивали опасность.

После этого они стали еще более близкими друзьями - молодая жена священника и заброшенный маленький мальчик из Акревиля, отосланный из дома по неизвестной ему

причине - разве только по той, что дома было мало еды, а у Кэша Кейма значительно больше. Кэссиус Кейм был известен в Эджвуде как "дядюшка Кэш", отчасти потому, что там любили фамильярно сокращать все имена, а отчасти потому, что "дядюшка" всегда платил и требовал уплаты наличными⁷⁷.

Позднее лето незаметно перешло в осень, и большой клен возле дома священника простер пылающий алый сук над качелями миссис Бакстер. Илайша оказался хорошим помощником для дядюшки Кэша, когда пришло время собирать урожай картофеля и яблок. Однако мальчику предстояло вернуться к семье, как только кончатся осенние работы в саду и поле.

Однажды в пятницу вечером миссис Бакстер и Ребекка, закутанные в шали, сидели на ступенях парадного крыльца миссис Кейм, любуясь закатом. Ребекка пребывала в состоянии радостного возбуждения: она только что приехала домой из Уэйрхемской семинарии, и, так как священник был в отъезде по церковным делам, ей предстояло провести ночь у миссис Бакстер, а на следующий день отправиться вместе с ней в Портленд. Там они собирались прогуляться на острова, съесть мороженое, прокатиться на конке и взглянуть на дом Лонгфелло - планы, столь воспламенившие воображение Ребекки, и без того не отличавшейся сдержанностью, что она вся словно светилась изнутри радостью, заставляя миссис Бакстер задуматься о том, не может ли плоть быть просвечивающей и позволяющей видеть сквозь нее блеск пламени души.

А тем временем на поросшем травой пригорке у дверей сарая доили Ромашку. Оставив после себя полные ведра густого желтого молока, она зашагала к скотному двору и, проходя мимо лежавшей поблизости кучи соблазнительного турнепса, нагнулась и схватила целый пук. В спешке она взяла в пасть больше, чем считается хорошим тоном даже среди коров, и сидевшим на крыльце было видно, как она входит в ворота скотного двора, держа в зубах целый лес листьев, и с трудом пытается измельчить похищенное, стараясь при этом ничего не выронить.

Вскоре начало темнеть, и миссис Бакстер с Ребеккой вошли в дом, чтобы посмотреть, как миссис Кейм в первый раз зажжет свою новую лампу, взглянуть на последний половик ее работы (чудесное произведение искусства, полностью изготовленное из крашенных остатков нижних юбок) и послушать, как жена доктора будет играть на цимбалах "Часто в тихий час ночной".

Закрывая дверь на веранду, обращенную в сторону скотного двора, женщины слышали, как хрипит и кашляет корова, и переглянулись со словами:

- Ромашка пожадничала; теперь у нее несварение.

Илайша с заходом солнца обычно отправлялся в постель, дядюшки Кэша дома не было - он уехал к доктору, чтобы тот перебинтовал ему поврежденную молотилкой руку, - так что на скотном дворе оставался лишь Билл Питерс, батрак. Вскоре он вошел в дом, спросил, когда вернется хозяин, и сказал, что корова хрипит все сильнее и сильнее и что, должно быть, что-то с ней не в порядке, но он не может заставить ее раскрыть пасть пошире, чтобы разглядеть, в чем дело.

- Она, эта чертова корова, лучше возьмет да помрет, чем сделает такое одолжение! - сказал Билл.

Вернувшись от доктора, дядюшка Кэш зашел в дом, чтобы взять фонарь, и сразу же направился прямо в коровник. Через полчаса, когда маленькая компания в гостиную уже успела забыть о происшествии, он вдруг снова вошел в дом.

- Будь я проклят, если эта корова не подыхает, - сказал он. - Пойдем-ка, Ханна, поддержишь мне фонарь. Я ничего не могу сделать с забинтованной правой рукой, а парня глупее, чем Билл, в свете не сыщешь.

Все направились в коровник - кроме жены доктора, которая побежала к себе домой,

⁷⁷ Cash - наличные деньги (англ.).

чтобы взглянуть, не вернулся ли из Милтауна ее брат Мозес и не сможет ли он прийти, чтобы помочь Кеймам.

Положение Ромашки было серьезным; сомневаться в этом не приходилось. Что-то, предположительно один из корнеплодов, застряло у нее в горле и не двигалось ни туда ни сюда, несмотря на все ее усилия. Она дышала с трудом, ее глаза были налиты кровью от напряжения и удушья. Раз или два мужчинам удалось заставить ее раздвинуть челюсти, но она вырывалась и отворачивалась, прежде чем им удавалось разглядеть причину неприятностей.

- Вижу я там маленький зеленый пучок; торчит прямо посередине, - сказал дядюшка Кэш. Билл и Моуз держали по фонарю с каждой стороны от головы Ромашки. - Да только сидит он так глубоко и такой маленький, что я не смог бы его ухватить, даже если б правая рука у меня была здоровая. Может, ты, Билл, попробуешь?

Билл замялся и затем признался, что ему что-то не хочется. У Ромашки были прекрасные, внушительного размера зубы, и Билл не имел никакого желания оставить руку в ее пасти. Он сказал, что не годится для такой работы, но охотно поможет дядюшке Кэшу поддержать голову, коровы; это было столь же необходимо, но значительно менее опасно.

Моуз был более склонен содействовать спасению коровы во имя гуманности и сделал все, что мог, обернув запястье тряпкой и несколько раз отчаянно, но безрезультатно ткнув в скользкие зеленые листья, торчавшие в глубине неохотно разинутой пасти. Но корова встряхивала головой, топала копытом, взмахивала хвостом и вырывалась из рук Билла, так что казалось совершенно невозможным добраться до причины всех ее мучений.

Дядюшка Кэш был в отчаянии, особенно раздражаясь из-за того, что сам не мог сделать ничего по причине поврежденной руки.

- Запрягай лошадь, Билл, - сказал он наконец. - И поезжай-ка ты, Ханна, в Милликен-Миллз за ветеринаром. Я знаю, что мы смогли бы вытащить этот турнепс у нее из глотки, если б подобрали подходящие инструменты и нашли кого-нибудь, кто умеет ими орудовать, но надо спешить, иначе скотина наверняка задохнется! У тебя, Моуз, такие неуклюжие лапы; как она почувствует их в своей глотке, так думает, что ей конец. И пальцы у тебя слишком большие, так что ты не можешь как следует ухватиться за этот зеленый конец!

- У меня пальцы маленькие; дайте я попробую, - произнес робкий голосок, и, обернувшись, они увидели Илайшу Симпсона - брюки натянуты поверх ночной рубашки, выющиеся волосы взъерошены; он растерянно таращил все еще сонные глаза.

Дядюшка Кэш засмеялся и с добродушной иронией заметил:

- Это ты-то, который и гнать корову на пастбище боишься? Ну нет, сэр, я думаю, на такое дело у тебя мужества неостанет!

Тут Ромашка захрипела еще страшнее, чем раньше, и закатила глаза, словно испуская дух.

- Уж лучше я залезу ей в глотку, чем увижу, как она задохнется! - воскликнул мальчик в отчаянии.

- Тогда была не была! Попробуй, сынок! На этот раз мы привяжем ее за шею. Не спеши и постарайся справиться с делом как можно лучше.

Мужчины приоткрыли челюсти бедной Ромашки и вложили между ними деревянный брус, привязали корову и держали ее, не давая двигаться. Женщины стояли рядом с фонарями в руках.

- Ну, сынок, закатай рукав и сунь руку как можно глубже! Вцепись своими пальчиками в этот зеленый пучок, что там торчит, - хоть он так мал, что его и пучком-то не назовешь, - поверни его немного и тяни изо всех сил. Ну и ну! Ручонка как соломинка!

Маленький Пророк закатал рукав. Рука у него действительно была тонкая, но он все лето водил Ромашку на пастбище, выносил все ее капризы, старался уберечь от последствий ее собственного упрямства, испытывая при этом чувство гордости будущего собственника (каким он себя считал) за ее великолепное молоко, - короче говоря,

полюбил ее, а теперь ей грозила смерть от удушья. В таких обстоятельствах и рука-соломинка на многое способна, а в данном случае лишь тонкая рука могла справиться с делом.

Илайша дрожал от волнения, но рука его ловко и быстро вошла в страшные глубины коровьей пасти, дотянувшись до крошечного пучка зеленых шипов и колючек; маленькие пальцы крепко вцепились в него, и за этим последовал решительный рывок, в который Маленький Пророк вложил всю свою силу. Сила эта, конечно, была сама по себе не так уж велика, но Илайша прибег к тому скрытому источнику силы, о местонахождении которого никто ничего не знает, но из которого в случае нужды черпает каждый из нас.

Кто бы мог ожидать от Маленького Пророка столь могучего рывка? Это был такой рывок, что, к своему крайнему изумлению, Илайша вдруг обнаружил, что лежит на спине на полу скотного двора, держа в руке что-то очень скользкое с - изрядного размера, но довольно измятым - клубнем турнепса на конце.

- Вот это здорово! - крикнул Моуз.

- Я бы запросто это сделал, будь у меня рука чуточку поменьше, - сказал Билл Питерс.

- Молодец, сынок! - воскликнул дядюшка Кэш, помогая Моузу отвязать Ромашку и вынуть деревянный брусок у нее изо рта.

- Молодец, Лайша, и, ей-богу, корова твоя; только не давай своему любезному папаше пить ее сливки!

Долгожданный воздух хлынул в легкие Ромашки и охладил ее пересохшее, ободранное горло. Она была почти совсем без сил, бедняжка, и склонилась (довольно нежно для нее) голову на плечо Маленького Пророка, который радостно обхватил ее руками за шею и шепнул:

- Теперь ты по-настоящему моя корова, правда. Ромашка?

- Миссис Бакстер, дорогая, - сказала Ребекка, когда они вдвоем под сиянием полной луны возвращались в дом священника, - есть всякого рода трусы, правда? Но вам не кажется, что Илайша относится к самой лучшей их разновидности?

- Я, пожалуй, даже не знаю, что и думать о трусах, - неуверенно отозвалась пасторша. - Это уже третий случай за мою короткую жизнь, когда я встречаю труса, который оказывается героем в час настоящих испытаний. В то же время сами герои - или те, кого принимают за героев, - всегда заняты чем-то другим или находятся где-то в другом месте.

Рассказ восьмой Новая страница Жизни Эбнера Симпсона

I

Прошла неделя с тех пор, как Ребекка разорвала узы, связывавшие ее с сельской школой, и стала полноправной ученицей Уэйрхемской учительской семинарии - цель, к которой она стремилась с того памятного дня, когда, направляясь в Риверборо и расположившись на верхнем сиденье дилижанса дяди Джерри Кобба, сообщила ему о том, что образованию предстоит "сделать из нее человека". Теперь она ездила туда и обратно, вместе с Эммой-Джейн и другими риверборскими мальчиками и девочками, утренним и вечерним поездами, ходившими между Уэйрхемом и Милликен-Миллзом.

Шесть дней прошли как во сне - сне, в котором она сидела в уголке классной комнаты, опустив глаза, краснела всякий раз, когда к ней обращались, запинаясь, когда приходилось отвечать на какой-нибудь вопрос, и чувствовала, как сердце останавливается у нее в груди, когда ее подвергали какому-либо экзамену или опросу. Она привела в восторг преподавательскую комиссию, когда прочитала "с листа" незнакомый отрывок из "Короля Лира"⁷⁸, но затем несколько обескуражила тем, что не смогла

⁷⁸ "Король Лир" (1605) - трагедия У. Шекспира.

назвать столицу Соединенных Штатов. Она допускала, что, возможно, ее прежняя учительница, мисс Дирборн, упоминала о столице, но если и так, то она, Ребекка, не могла припомнить, что это за город.

В эти первые недели незнакомые люди, среди которых она оказалась, видели в ней лишь внешне интересную, робкую и простодушную деревенскую девочку, в которой никто, даже прозорливая Эмили Максвелл, не замечал ни тени оригинальности, так же как и разнообразных способностей и дарований. Ребекке уже исполнилось четырнадцать, но она была такой худенькой и хрупкой, а под влиянием незнакомой обстановки и столь робкой, что ее вполне можно было бы принять за двенадцатилетнюю, если бы не общий уровень ее школьной подготовки.

Выросшая в глуши, на отдаленной ферме, а затем перевезенная в маленькую деревушку к пожилым теткам, она все еще оставалась сущим ребенком во всем, кроме того, что касалось исполнительности и чувства ответственности, - тут она давно стала взрослой женщиной.

Во второй половине субботнего дня, когда уроки, заданные к понедельнику, были уже выучены, она вбежала в гостиную кирпичного дома и с пылающими щеками и смущенным выражением лица, какое бывало у нее всегда, когда она собиралась обратиться к тетке с какой-нибудь просьбой. На просьбы в кирпичном доме отвечали куда чаще отрицательно, чем положительно, - этим и объяснялась некоторая неуверенность в поведении Ребекки.

- Тетя Миранда, - начала она, - разнощик рыбы говорит, что Клара-Белла Симпсон очень хочет меня видеть, но миссис Фогг не может отпустить ее надолго, потому что - вы же знаете - малышу еще не стало лучше. Но Клара-Белла могла бы пройти мимо по дороге в нашу сторону, а я мимо в сторону дома миссис Фогг, и тогда мы встретились бы на полпути возле розового домика. Там мы бы отдохнули и поговорили час или около того, и обе успели бы домой к ужину. Кошку я накормила; у нее не было аппетита, так как сейчас еще только два часа, а она обедала в полдень, но она вернется к блюдцу, так что я могу быть спокойна. Если нужно, то я могла бы прямо сейчас спуститься в кладовую и принести печенье, пирог и пончики для ужина, прежде чем уйти из дома. Тетя Джейн не видит никаких препятствий, но мы все же решили, что лучше спросить разрешения у вас, чтобы не рисковать.

Миранда Сойер, терпеливо ожидавшая конца этой речи, опустила вязанье на колени и подняла глаза с полупокорным выражением, означавшим: "Да есть ли что небывалое в небесах, на земле или в водах подземных, чего бы этому ребенку не захотелось сделать? И удастся ли когда-нибудь приучить ее к простым и понятным обычаям Сойеров или до конца своих дней будет она на каждом шагу выдвигать эти странные и смелые предложения, приводящие на память ее безответственных предков по линии Рэндлов?"

- Тебе достаточно хорошо известно, Ребекка, что мне не нравится твоя дружба с детьми Эбнера Симпсона, - сказала она твердо. - Они неподходящее общество для того, в чьих жилах течет кровь Сойеров, пусть даже ее и немного. Право, не знаю, что из тебя выйдет! Похоже, что торговец рыбой - твой лучший друг, если не считать Эбайджу Флэга, с которым ты в последнее время без конца болтаешь. Мне кажется, что лучше бы тебе почитать какую-нибудь полезную книжку, чем тратить время на пустые разговоры с батраком судьи Бина!

- Он не собирается всю жизнь оставаться батраком, - объяснила Ребекка, - именно это мы с ним и обсуждаем. Мы говорим о том, кем ему стать, ведь у него нет ни отца, ни матери, которые могли бы давать ему советы. А Клара-Белла теперь, когда она живет у миссис Фогг, принадлежит к жителям нашего поселка. И она всегда была самой благовоспитанной из всех девочек - и в обычной, и в воскресной школе. Дети ничего не могут поделать с тем, какие у них отцы!

- Все говорят, что Эбнер Симпсон начал новую страницу своей жизни, а если это так, то следует всеми возможными способами поддержать и ободрить его семью, - добавила к словам племянницы мисс Джейн, входя в комнату с рабочей корзинкой в руке.

- Если Эбнер Симпсон и в самом деле начинает новую страницу, то надо еще посмотреть, что он на ней напишет! - заметила мисс Миранда с живостью. - Нечего мне рассказывать про новые страницы! Таких людей изменить невозможно; он такой, какой есть, и вам не сделать его другим!

- Для благодати Господней нет невозможного, - набожно возразила Джейн.

- А я и не говорю, что есть, если уж Господь так решил, но с таким человеком, как Симпсон, Богу нужно начать рано и трудиться долго.

- Что ты, Миранда, Эбнеру нет и сорока! Я не знаю, каков средний возраст раскаивающихся в своих грехах мужчин, но, когда подумаешь о том, какое множество их откладывает покаяние до своего смертного часа, сорок лет кажутся вполне юношеским возрастом. Я, правда, не слышала, чтобы он обратился к церкви, но все удивляются тому, как хорошо ведет он себя этой осенью.

- Они еще раз удивятся, когда обнаружат, что у них снова пропадают дрова, яблоки и картошка, - заявила Миранда.

- Похоже, что Клара-Белла пошла не в отца, - вновь решилась робко возразить Джейн. - Не удивительно, что миссис Фогг так ценит девочку. Если б не она, их малыша сейчас уже не было бы на свете.

- Возможно, что спасти его значило перечить воле Божией, - отрезала Миранда.

- Люди не могут перестать раздумывать о том, какова же именно была воля Божия, даже тогда, когда ребенок опрокидывает на себя кипящий чайник! - Продолжая говорить, Джейн все проворнее орудовала штопальной иглой. - Миссис Фогг отлично знает, что ей не следовало оставлять ребенка одного в кухне возле плиты, пусть даже она и видела, что Клара-Белла идет к дому напрямик через поле. Ей следовало подождать, а не уезжать сразу. Но она, конечно же, боялась опоздать на поезд, да и вообще, она слишком добрая женщина, чтобы считать ее виновной.

- Миссис Бакстер говорит, что Клара-Белла настоящая... я забыла слово! - снова вступила в разговор Ребекка. - Как образуется женский род от "герой"?.. Ну, как бы ни образовывался, а именно так миссис Бакстер назвала ее!

- Клара-Белла - это женский род от "Симпсон"; вот она кто, - заявила мисс Миранда. - Но шевелить мозгами ее научили, и я не отрицаю, что она, когда надо, ими шевелит.

- Да, уж это точно! - воскликнула мисс Джейн. - Положить визжащего от боли малыша в детскую колясочку и довести ее бегом до дома доктора, когда рядом не было ни души, чтобы посоветовать, что делать! Еще два или три таких поступка, и фамилия Симпсон будет звучать куда более приятно для окрестных жителей.

- Для меня "Симпсон" всегда будет звучать как "Симпсон"! - соизволила заметить старшая сестра. - Но мы говорили о них более чем достаточно. Можешь идти, Ребекка. Но помни, что о ребенке судят по тому, с кем он водит компанию.

- Хорошо, тетя Миранда! Спасибо! - воскликнула Ребекка, срываясь со стула, на котором беспокойно вертелась последние пять минут. - А как вы смотрите на то, чтобы я отнесла Кларе-Белле "пирожков для гостей"?

- Разве миссис Фогг не кормит ее, тем более теперь, когда она ей как родная?

- О, конечно кормит, - ответила Ребекка, - и всякими вкусными вещами, и даже не позволяет ей пить снятое молоко. Но подарки - так мне всегда казалось - говорят человеку о том, что вы о нем думали и особенно рады его видеть. К тому же, если в ближайшие дни у нас не будет гостей, пирожки придется съесть нам самим, а для гостей испечь новые. Помните тот, который я съела, когда снова поощряла себя на прошлой неделе? Он был какой-то странный... но вкусный, - добавила она поспешно.

- Может быть, отдашь ей что-нибудь свое, не трогая моих пирожков? - немногословно отозвалась Миранда. Бойкая на язык племянница поразила слабое место в

броне тетки, намекнув на то, что "пирожки для гостей" хранятся в доме слишком уж подолгу. И это была сушая правда; "пирожки для гостей" назывались так не потому, что их предстояло съесть гостям кирпичного дома, но потому, что были слишком хороши, чтобы есть их каждый день.

Лицо Ребекки залил густой румянец стыда за свои невежливые и, что еще хуже, явно неблагодарные речи.

- Я не хотела сказать ничего неприятного, тетя Миранда, - запинаясь, выговорила она. - Право же, пирожок был замечательный, только не совсем такой, как свежий, вот и все... О! Я знаю, что отнести Кларе-Белле! Несколько шоколадных конфет из коробки, которую подарил мне на день рождения мистер Ладд.

- Спустись в кладовую и возьми пирожок, - распорядилась Миранда. - Когда будешь намазывать половинки вареньем, новую банку не открывай; там есть немного повидла из сухих яблок в открытой банке, этого тебе хватит. Надень галоши и теплый жакет. Я знаю, будешь всю дорогу бежать бегом - ведь у тебя ноги не такие, как у других девочек, и спокойно ходить ты не можешь, - а потом сядешь там на какой-нибудь холодный сырой камень и простудишься насмерть, и тогда Джейн и мне придется не спать по ночам, ухаживая за тобой, и таскать тебе наверх еду на подносе.

Тут Миранда откинула голову на высокую спинку своего кресла-качалки, отложила вязанье и устало закрыла глаза; поскольку, когда неподвижному телу противостоит непреодолимая сила, процесс сопровождается скрежетом и повреждениями.

Ребекка направилась к двери, бросив по пути вопросительный взгляд на тетю Джейн. Взгляд был полон таинственного значения и сопровождался почти незаметным жестом. Мисс Джейн знала, что некоторые предметы одежды хранятся в шкафу в передней, и к этому времени имела уже достаточный опыт расшифровки подобных телеграфных сообщений, чтобы догадаться, что безмолвный вопрос Ребекки был таков: "Вы позволите мне надеть шляпу с красным перышком - ведь сегодня суббота, хорошая погода и это прогулка для собственного удовольствия?"

Эти доверительные просьбы хоть и вызывали чувство неловкости, когда в комнате присутствовала Миранда, вместе с тем доставляли Джейн глубокую тайную радость; было в них нечто, волновавшее сердце старой девы, - такая беспечность, такое обаяние, это было так не по-сойеровски, так не по-риверборски. Чем дольше жила Ребекка в кирпичном доме, тем больше восхищалась ею тетя Джейн. Что делало эту девочку такой непохожей на всех остальных? Не могло ли быть так, что ее беззаботный отец-щеголь, Лоренцо де Медичи Рэндл, завещал ей вместо состояния какой-то необычный набор талантов и дарований? Ее глаза, брови, цвет губ, овал лица, так же как ее манеры и речь, - все свидетельствовало о том, что в роду Сойеров это дитя, подкинутое эльфами в колыбель взамен другого, похищенного. Но какое очаровательное дитя - вносящее живость, яркость, остроумие, сумасбродство и восторг в серое однообразие уныло тянущегося времени!

II

В воздухе пахло морозцем, но солнце сияло ярко и весело, когда Ребекка чинно и чопорно вышла из ворот кирпичного дома. Эмма-Джейн Перкинс уехала на субботу и воскресенье в гости к кузине в Модерейшен; у Элис Робинсон и Кандейс Милликен была корь, так что в Риверборо было тихо и скучно. И все же существование редко казалось Ребекке чем-то отличным от веселого приключения, и каждое утро она вновь начинала свой завоевательный поход по жизни. Она не была слишком требовательна; поэтически выражаясь, дар Асмодея⁷⁹, который мог прясть нить из кучи песка, был всегда и ее даром,

⁷⁹ Асмодей - в древнееврейской мифологии коварный дух, его образ неоднократно использовался в английской и французской поэзии и драматургии.

так что прогулка до ворот розового домика и беседа с веснушчатой и рыжеволосой Кларой-Беллой Симпсон, чье лицо, по словам мисс Миранды, напоминало сырой пирог в печке, - эти столь заурядные события оказались достаточно волнующими для того, чтобы сделать глаза Ребекки ярче, а шаги быстрее.

Когда в отдалении замаячил большой голый конский каштан, росший у ворот розового домика, красная точка, движущаяся по дороге, заметила голубую, движущуюся ей навстречу; обе точки пролетели разделявшее их расстояние и, встретившись, с жаром обнялись, не без ущерба для принесенного в подарок пирожка.

- Замечательно вышло, правда? - воскликнула Ребекка. - Я так боялась, что разносчик рыбы не скажет тебе, чтобы ты вышла ровно в два, или что одна из нас будет идти быстрее, чем другая. Но мы встретились на том самом месте, где и хотели! Это была очень необычная идея, правда? Почти романтическая!

- А что ты об этом скажешь? Смотри! Миссис Фогг дала мне свои часы, чтобы я смогла вернуться домой вовремя! - с гордостью сказала Клара-Белла.

- Ах, как замечательно! Миссис Фогг относится к тебе все лучше и лучше, правда? Ты ведь больше не скучаешь по дому, да?

- Не-ет, не очень; только тогда, когда подумаю, что маленькой Сюзан приходится одной управляться с близнецами, хотя дела у них, похоже, идут неплохо и без меня. Но знаешь, Ребекка, кажется, меня отдадут Фоггам насовсем.

- Ты хочешь сказать, что они тебя удочерят?

- Да. Я думаю, отец собирается подписать бумаги. Понимаешь, мы не знаем, сколько лет пройдет, прежде чем бедный малыш оправится от ожогов, да и миссис Фогг уже никогда не будет та, что прежде, и ей нужен кто-то, чтобы помогать по хозяйству.

- Значит, ты будешь их настоящей дочкой, да? А мистер Фогг - дьякон, и член городского управления, и член правления железной дороги, и все такое.

- Да. И меня будут кормить, одевать, пошлют в школу и дадут фамилию Фогг и (здесь ее голос понизился до благоговейного шепота) ферму на холмах, если я когда-нибудь выйду замуж. Это мне сама мисс Дирборн сказала, когда уговаривала не огорчаться из-за того, что меня отдают чужим.

- Клара-Белла! - воскликнула Ребекка в порыве радости. - Кто бы мог подумать, что ты станешь героем женского рода да еще и получишь наследство в придачу? Это совсем как в книжке, и случилось такое в Риверборо. Теперь уж я заставлю дядю Джерри Кобба признать, что и жители Риверборо могут быть героями рассказов, - вот увидишь, заставлю!

- Конечно, я знаю, что ничего плохого тут нет, - заметила Клара-Белла сдержанно. - У меня будет хорошая семья, а отец просто не может содержать всех нас. Но это ужасно, что тебя отдают, - как пианино, или лошадь, или повозку!

Ребекка сочувственно положила ладонь на веснушчатую руку Клары-Беллы. Внезапно ее собственное лицо тоже омрачилось, и она прошептала:

- Не знаю точно, Клара-Белла, но, может быть, меня тоже отдали - как ты думаешь, отдали? Бедный папа, когда умер, оставил нас в долгах. Раньше я думала, что приехала сюда, чтобы получить образование, а потом помочь выкупить закладную. Но мама никогда ничего не говорила о моем возвращении, а наша семья из таких же больших, что и ваша.

- А твоя мать подписала какие-нибудь бумаги в пользу твоих теток?

- Если и подписала, то я ничего об этом не слышала, но есть какая-то бумажка, приколотая к закладной, которую мама держит в ящике книжного шкафа.

- Ты бы знала, если б это были бумаги о том, что тебя отдают теткам насовсем. Я думаю, тебя им только одолжили на время, - сказала Клара-Белла, стараясь ободрить подругу. - Я не могу поверить, чтобы кто-то захотел отдать тебя!.. Ах, знаешь, Ребекка, у

отца так хорошо идут дела! Он теперь работает на ферме Дейла, где разводят лошадей и другой скот, и там он объезжает молодых коней, выменивает и сбывает плохих и разъезжает по всей округе. Дейл сказал мистеру Фоггу, что отец замечательно справляется с животными, а сам отец говорит, что для него это пустяковое дело. Он уже третью субботу подряд присылает домой деньги.

- Я так рада! - воскликнула Ребекка, разделяя чувства Клары-Беллы. - Теперь твоя мама сможет отдохнуть и у нее появится черное шелковое платье, правда?

- Не знаю, - вздохнула Клара-Белла, голос ее звучал печально. - Сколько я помню, она всегда только стирала и плакала, плакала и стирала... Мисс Дирборн проводила эти летние каникулы недалеко от Акревилья, а вчера вернулась и будет теперь жить у соседей миссис Фогг. Вчера вечером я слышала их разговор - я укладывала малыша спать, а они были так близко, что я не могла не слышать, что они говорят. Так вот, мисс Дирборн сказала, что матери не нравится Акревиль, там никто не обращает на нее внимания и не дает ей работы. А миссис Фогг сказала, что да, они там все люди чопорные и требовательные и если у женщины нет обручального кольца, то это им не нравится.

- У твоей мамы нет обручального кольца? - удивилась Ребекка. - Я думала, что все должны иметь обручальные кольца, так же как диваны или кухонные плиты!

- Я никогда не обращала внимания, есть ли у нее кольцо, но когда услышала, что они об этом говорят, вспомнила руки матери - как она стирает и выжимает белье, - и это правда, что кольца она не носит. У нее вообще нет никаких драгоценностей, даже броши.

- Твой отец так беден, что, наверное, не мог позволить себе такой расход, как покупка брошей, но... - и в голосе Ребекки зазвучали нотки осуждения, - мне кажется, он все-таки должен был подарить твоей матери обручальное кольцо, когда они поженились; именно тогда его и дарят, с самого начала.

- Да у них не было настоящей пышной свадьбы, - объяснила Клара-Белла, пытаясь найти оправдание. - Понимаешь, у первой мамы, моей, была я и старшие мальчики, и она умерла, когда мы были маленькие. А потом, через некоторое время, появилась эта мама, и стала вести хозяйство, и осталась с нами. Постепенно она сделалась миссис Симпсон; и Сюзан, близнецы и малыш - это ее дети; и у них с отцом не было времени, чтобы, как положено, обвенчаться в церкви. У них не было ни вуали, ни подружек невесты, ни угощения, как это было у сестры мисс Дирборн.

- А они дорогие - эти обручальные кольца? - спросила Ребекка задумчиво. - Они из чистого золота, так что, наверное, дорогие. Если бы они были дешевые, то мы бы могли купить такое кольцо. У меня есть семьдесят четыре цента; это я накопила. А у тебя?

- Пятьдесят три, - уныло ответила Клара-Белла, - да и магазинов таких ближе, чем в Милтауне, нет. Нам пришлось бы купить его так, чтобы никто об этом не знал, потому что я не хотела бы рассердить отца или задеть его гордость - теперь, когда у него есть постоянная работа! Да и мать узнала бы, что я потратила все мои сбережения.

Ребекка, казалось, была в растерянности.

- Ну и противные, должно быть, люди в этом Акревиле, раз не зовут твою маму стирать и убирать только потому, что у нее нет никаких украшений. А у тебя не хватит духу передать твоему отцу слова мисс Дирборн, чтобы он накопил денег и купил кольцо?

- Нет, никогда! - И Клара-Белла решительно сжала губы.

Несколько мгновений Ребекка сидела молча, а затем вдруг воскликнула с ликованием:

- Я знаю, у кого мы могли бы получить кольцо! У мистера Аладдина! И к тому же я могу не говорить ему, для кого это кольцо! Он приезжает на воскресенье к своей тете, и я схожу к нему и попрошу купить для нас кольцо в Бостоне. Я ничего не буду объяснять, не бойся. Я лишь скажу, что мне нужно обручальное кольцо.

- Это было бы совершенно замечательно! - Глаза Клары-Беллы зажглись надеждой. - А потом мы придумали бы, как передать его матери. А может быть, ты смогла бы отдать

кольцо отцу, чтобы он подарил его ей? Сама-то я ни за что не осмелилась бы. Но ты ведь никому не скажешь, Ребекка?

- Вот тебе крест! - с чувством воскликнула Ребекка и добавила, бросив на подругу полный упрека взгляд: - Ты же знаешь, я не смогла бы никому выдать такую священную тайну, как эта! Давай встретимся в следующую субботу, и я расскажу тебе, что сумела сделать... Смотри-ка, не мистер ли Ладд поит лошадь вон там внизу, под горой? Да, это он... Он едет на лошади из Милтауна, а не как обычно - поездом из Бостона в Эджвуд. Он один, так что я попрошу его подвезти меня до дома и поговорю с ним о кольце прямо сейчас!

Клара-Белла пылко поцеловала подругу и двинулась в обратный путь, а Ребекка осталась ждать на вершине холма, размахивая носовым платком, чтобы привлечь внимание возницы.

- Мистер Аладдин! Мистер Аладдин! - закричала она, когда экипаж подъехал ближе.

Услышав этот взволнованный юный голос, Адам Ладд натянул вожжи.

- Так-так, это Ребекка Ровена летит вдоль дороги, словно птичка с красными крылышками? Вы намерены лететь домой или проехаться со мной?

Ребекка вскарабкалась в экипаж, смеясь и краснея от удовольствия, которое доставляли ей его шутки, и от радости, что снова видит его.

- Мы с Кларой-Беллой только что говорили о вас, и я так рада, что вы оказались здесь, на дороге, потому что у меня к вам очень важный вопрос, - начала она, немного запыхавшись от бега.

- Не сомневаюсь! - засмеялся Адам, ставший за время своего знакомства с Ребеккой чем-то вроде высшего апелляционного суда. - Надеюсь, призовая банкетная лампа еще не дымит от старости?

- Что вы, мистер Аладдин! Вы, наверное, забыли, что мистер Симпсон выменял лампу на велосипед, когда увозил свою семью в Акревиль... Речь совсем не о лампе. Помните, когда вы были здесь в прошлый раз, то сказали, что решили сделать мне подарок на Рождество?

- Отлично помню.

- И вы его уже купили?

- Нет, я никогда не покупаю рождественских подарков раньше Дня благодарения.

- Тогда, дорогой мистер Аладдин, не могли бы вы купить мне кое-что совсем другое, кое-что такое, что я хочу отдать другому человеку, и купить эту вещь немного раньше Рождества?

- Не знаю. Меня не прельщает перспектива передачи моих подарков кому-то другому. Я люблю, чтобы маленькие девочки всегда хранили их в ящике комода завернутыми в розовую папиросную бумагу. Но объясните, в чем дело, и я, быть может, передумаю. Что это за вещь, которая вам нужна?

- Мне ужасно нужно обручальное кольцо, - сказала Ребекка, - но это священная тайна.

В глазах Адама Ладда мелькнуло удивление, и он незаметно улыбнулся. Есть ли среди его знакомых любого возраста и пола, спрашивал он себя, кто-либо столь же неотразимо обаятельный и необычный, как эта девочка? Затем он обернулся к ней с веселым озорным взглядом, всегда так восхищавшим его юных собеседников.

- Я думал, мы уже окончательно условились о том, что если вы когда-нибудь умудритесь вырасти, а я буду согласен дождаться этого, то я приеду в кирпичный дом на моем белом как снег...

- Черном как смоль, - поправила Ребекка, блеснув глазами и предостерегающе подняв палец.

- Черном как смоль скакуне, надену золотое кольцо на ваш лилейный пальчик, посажу вас на седло позади себя...

- И Эмму-Джейн тоже, - снова перебила Ребекка.

- Я, кажется, не упоминал об Эмме-Джейн, - возразил мистер Аладдин. - Трое на одном седле - это слишком неудобно. Я думаю, Эмма-Джейн вскочит на спину резвой гнедой, и мы все отправимся в мой замок в лесу.

- Эмма-Джейн не умеет вскакивать на лошадь, и она испугалась бы резвой гнедой, - запротестовала Ребекка.

- Ну хорошо, тогда она получит смиренного молочно-белого пони. Но теперь, без всяких объяснений, вы просите меня купить вам обручальное кольцо, что явно свидетельствует о ваших планах ускакать на белом как снег... я хочу сказать, черном как смоль... скакуне с кем-то другим.

На щеках Ребекки появились ямочки, и она весело засмеялась. В прозаичном мире, где она жила, лишь Адам Ладд всегда был готов поддержать игру. Никто другой не говорил такой восхитительной сказочной чепухи, как мистер Аладдин.

- Кольцо не для меня! - объяснила она с готовностью. - Вы же прекрасно знаете, что ни Эмма-Джейн, ни я не сможем выйти замуж раньше, чем пройдем всю грамматику Квейкенбоза и арифметику Гринлифа и вырастем такие большие, что станем носить платья до полу и шить на швейной машине. Кольцо нужно для подруги.

- Почему же жених сам не подарит его невесте?

- Потому что он бедный и немного невнимательный, и к тому же она уже не невеста. У нее трое приемных детей и трое своих.

Адам Ладд с задумчивым видом положил кнут в предназначенное для него углубление, а затем нагнулся, чтобы подоткнуть края коврика под ноги себе и Ребекке. Снова подняв голову, он спросил:

- Почему бы не рассказать мне немного больше об этой истории, Ребекка? Мне можно доверять!

Ребекка взглянула на него, чувствуя в нем умного и сильного, а самое главное, сочувствующего друга, и сказала неуверенно:

- Помните тот день, когда мы с вами сидели на крыльце вашей тети и вы купили мыло, потому что я рассказала вам о Симпсонах и о том, как им всегда тяжело жилось и как им нужна банкетная лампа? Мистер Симпсон, отец Клары-Беллы, всегда был очень бедный и не всегда очень хороший - ну, немного нечист на руку, понимаете, - но такой любезный и разговорчивый! А теперь он начал новую страницу жизни... И всем в Риверборо очень понравилась миссис Симпсон, когда она сюда переехала, потому что все ее жалели, а она была такая терпеливая, и так много работала, и так хорошо относилась к детям. Но там, где она живет теперь, - хоть они и знали ее раньше, когда она была девочкой, - с ней обходятся невежливо и не дают ей работы, не зовут ее стирать и мыть полы. А Клара-Белла слышала, как наша учительница сказала миссис Фогт, что люди в Акревиле чопорные и высокомерные и презирают миссис Симпсон из-за того, что она не носит обручальное кольцо, как все остальные. И мы с Klarой-Беллой подумали, что, если они там такие злые, хорошо бы нам подарить миссис Симпсон кольцо, и тогда она была бы счастливее, и работы бы ей давали больше. А может быть, и мистер Симпсон, если дела у него пойдут лучше, купит ей потом брошь и серьги, и тогда у нее будет все, как у других. Я знаю, что в Эджвуде все с почтением смотрят на миссис Мизерв из-за ее золотых браслетов и агатового ожерелья.

Адам снова обернулся, чтобы взглянуть в блестящие простодушные глаза, сверкающие из-под изящных бровей и длинных ресниц, и почувствовал себя так, как уже не раз чувствовал прежде, встречаясь с ней, - так, словно его полные житейской мудрости, взрослые мысли были омыты в некоем очищающем источнике.

- А как вы передадите кольцо миссис Симпсон? - с интересом спросил он.

- Мы еще не решили. Клара-Белла боится за это браться и думает, что я могла бы справиться с делом лучше. А кольцо стоит очень дорого? Если так, то я, конечно, должна сначала попросить разрешения у тети Джейн. Есть случаи, когда я должна спрашивать

разрешения у тети Миранды, и другие, когда надо обращаться к тете Джейн.

- Оно стоит сущие пустяки. Я куплю кольцо, привезу его вам, и тогда мы посоветуемся, как его передать. Но я думаю, что раз вы с мистером Симпсоном такие большие друзья, то лучше будет вам самой послать ему кольцо вместе с письмом - письма у вас получаются отличные! Конечно, обручальное кольцо - это подарок, который мужчина сам должен преподнести своей жене, но попробовать стоит, Ребекка. Вы с Кларой-Беллой сможете устроить все сами; я останусь в тени, и никто не будет знать о моей роли.

Рассказ девятый Зеленый остров

*Счастья зеленый островок!
В море страданий и тревог,
Видно, нельзя без него никак,
Если измученный моряк
День и ночь ведет свой челн,
Путь держа средь бурных волн.
Шелли⁸⁰.*

А между тем жизнь в уединенном домике Симпсонов в Акревиле была в эти холодные осенние дни наполнена событиями.

Полуразрушенное жилище стояло на берегу пруда Плини. Пруд получил свое название после того, как старый полковник Ричардсон завещал разделить свои земли на пять равных частей, с тем чтобы каждый из его пяти сыновей выбрал себе участок. Выбор должен был осуществляться в порядке старшинства, и Плини - самый старший - имел преимущество перед остальными, но, испытывая отвращение к фермерскому труду и будучи в то же время заядлым рыболовом, гребцом и пловцом, он поступил в полном соответствии со своей репутацией "малость чудаковатого" и взял свои двадцать акров в виде водного пространства - отсюда и название "пруд Плини".

Старший из сыновей мистера Симпсона уже два года работал на ферме в графстве Камберленд. Второй сын, Сэмюэль, которого давно окрестили в округе Маятником, нашел скромное место на лесопилке и частично сам себя обеспечивал. Клару-Беллу удочерили мистер и миссис Фогг. Таким образом, оставалось прокормить лишь три рта: два вместительных - Илайджи и Илайши - и маленький, шепелявый - девятилетней Сюзан, ловкой и домовитой помощницы матери. Маленький ребенок умер еще летом - умер, сломленный тем, что имел несчастье родиться в семье, где не было ни еды, ни денег, ни любви, ни заботы, ни даже желания иметь детей или понимания того, что ими нужно дорожить.

Не возникало сомнений, что не отличающийся постоянством отец семейства начал новую страницу своей жизни. Когда именно он начал исправляться, а также каким образом, по каким причинам и как долго он будет держаться своих похвальных намерений - или, короче говоря, будут ли начаты им в предстоящие месяцы другие "новые страницы", - этого миссис Симпсон не знала, и сомнительно, чтобы какой-либо авторитет, более скромный, чем Создатель мистера Симпсона, мог ответить на этот вопрос. Он долгое время крал самые разные предметы для последующего обмена, но эти кражи часто оставались нераскрытыми, и ему удавалось избежать наказания. Однако в последние несколько лет, когда за тремя штрафами, наложенными на него за мелкие правонарушения, последовало несколько арестов и два коротких срока тюремного заключения, мистер Симпсон нашел, что возмездие за грех - вещь для него совершенно неприемлемая. Сам по себе грех не особенно его тревожил, но вот возмездие было явно

⁸⁰ Шелли Перси Биши (1792 - 1822) - английский поэт.

неприятным и утомительным. Большую досаду вызывало у Эбнера и то изолированное положение в обществе, которое в последнее время стало его уделом, так как он был человеком общительным и скорее предпочел бы не красть у соседа, чем допустить, чтобы сосед узнал о краже и прекратил общение с ним! Это чувство шевелилось в его душе и делало его, по непонятной ему причине, раздражительным и унылым, когда он вез свою дочь в Риверборо накануне торжественного подъема там нового флага.

В духовном мире, так же как и в природе, бывают периоды свежести и периоды засухи, и так или иначе, а росы и дожди благодати пали во время той короткой поездки на сердце Эбнера Симпсона. Быть может, то, что он отдавал в чужую семью собственного ребенка, которого не мог прокормить, уже подготовило в его душе почву для того, чтобы она могла принять благие семена, а украв новый флаг с порога миссис Мизерв - в полной уверенности, что в свертке находится чистое белье от прачки, - он невольно привел в действие определенные силы.

Как мы помним, Ребекка увидела клочок красной ткани, торчащий из-под холщового фартука его повозки, и попросила позволения проехаться вместе с ним. Она не была "дочерью полка", но намеревалась следовать за флагом до конца. Когда она дипломатично попросила возвратить этот чтимый как святыня предмет, которому предстояло играть столь важную роль в торжествах следующего дня, и в результате Эбнер обнаружил свою ошибку, он был в ярости из-за того, что сам поставил себя в это неприятное положение, а позднее, неожиданно столкнувшись лицом к лицу с группой жителей Риверборо, стоявших на перекрестке, и встретив не только их гнев и презрение, но и полный упрека и разочарования взгляд Ребекки, почувствовал себя как никогда прежде униженным.

Ни ночь, проведенная в маленькой придорожной гостинице, ни состоявшийся на следующее утро патриотический митинг, собравший жителей трех поселков, не помогли забыть о неприятных чувствах. Он был бы рад оказаться в гуще событий, возглавить приготовления к празднику, но он сам закрыл для себя путь на подобные дружеские сборища и теперь мог рассчитывать лишь на то, что по меньшей мере посидит в своей повозке в самых задних рядах толпы и взглянет на веселье, - а видит Бог, и такое ему нечасто выпадало, ему, который так любил болтовню, и смех, и песни, и шутки, и радостное оживление.

Флаг подняли, толпа кричала "ура", девочка, которой он солгал, изображала штат Мэн и, стоя на помосте, "говорила свой стих", и он разобрал некоторые из ее слов:

- Звезды штатов вместе все - и твоя здесь есть с моей,

Гордо, флаг страны родной,

Под осенним небом рей!

А затем громкий и отчетливый голос прорезал воздух, и Эбнер увидел стоящего в центре помоста высокого мужчину и услышал, как тот кричит:

- Ура в честь девочки, которая спасла флаг из рук врага!

Он и так уже испытывал чувство горечи и ожесточения, и так уже был одинок, отрезан от жизни общества честных людей, не мог пожать дружеской руки, разделить соседской трапезы, и это неожиданно прозвучавшее всеобщее суровое осуждение потрясло его. С вновь вспыхнувшим в душе негодованием, уязвленной гордостью, оскорбленным самолюбием он бросил проклятие веселой толпе и направился к своему дому - дому, где ему предстояло найти собственных оборванных детей и встретить кроткий взгляд женщины, делившей с ним тяготы бедности и позор.

Возможно, что уже тогда его (чрезвычайно проворная) рука протянулась к "новой странице". Ангелы, вне всякого сомнения, не могли особенно гордиться тем, как произошло его перевоспитание, но, смею думать, они были рады считать его своим на любых условиях - так трудно дается им исправление этого невосприимчивого и глупого мира! Да, должно быть, они были рады, ибо незамедлительно послали ему доходную и, что более существенно, интересную и приятную работу, позволявшую зарабатывать деньги, делая именно то, чего требовала его натура. Он совершал чудеса бесстрашия на глазах

восхищенных и аплодирующих конюхов; он постоянно был среди лошадей, которых так любил; от него требовалось заниматься обменом животных, так как Дейл, хозяин конюшни, даже рассчитывал на него, когда хотел избавиться от ненужных лошадей; ему были предоставлены широкие права и возможности для проявления инициативы, поскольку Дейл отнюдь не был проповедником строгости нравов и чувствовал себя вполне способным держать под контролем любое число ловких Симпсонов; так что на этом месте перед человеком открывались безграничные возможности, а кроме того, было и жалование! У Эбнера явно не возникало искушения что-либо украсть; его душу переполняла гордость, а восхищение и удивление, с которыми он взирал на свое добродетельное настоящее, могли сравниться лишь с отвращением, с которым он созерцал свое прошлое - не столько порочное, сколько "потрясающе глупое", как он сам снисходительно оценивал его.

Миссис Симпсон смотрела на исправление Эбнера так же, как и ангелы. Она была благодарна Богу даже за краткий период честности в жизни мужа, тем более в сочетании с деньгами, присылаемыми им домой по субботам. И если она по-прежнему "стирала и плакала, плакала и стирала" - так всегда виделась она Кларе-Белле, - то причиной тому была либо какая-то глубокая тайная печаль, либо то, что ее и без того небольшие силы как-то вдруг покинули ее.

Как раз тогда, когда работа и достаток стучались, так сказать, в дверь, а дети были накормлены и одеты лучше, чем когда-либо прежде, боль, которая всегда таилась - постоянная, но тупая - возле ее усталого сердца, сделалась жестоко и торжествующе сильной, сжимая ее в своих когтях, грызя, и терзая, и с каждой неделей оставляя ей все меньше сил, чтобы сопротивляться. И все же надежда еще оставалась, и выражение удовлетворения, какого никогда не было раньше, появилось теперь в ее глазах - удовлетворения, которое превратилось едва ли не в счастье, когда доктор распорядился, чтобы она оставалась в постели, и послал за Кларой-Беллой. Бедная женщина не могла больше стирать, но покрывать хозяйственные расходы позволяло не перестававшее удивлять ее чудо получения денег от мужа по субботам.

- Как сегодня твое сердце, мама? Очень болит? - спросила Клара-Белла, которую лишь недавно отдали в семью Фоггов и сейчас, в чрезвычайных обстоятельствах, позаимствовали, как предполагалось, ненадолго.

- Даже и не знаю, Клара-Белла, - со слабой улыбкой отвечала миссис Симпсон. - Я, похоже, не замечаю боли в эти дни, если только она не сильнее, чем обычно. Соседи так добры к нам. Миссис Литл прислала мне овощи в горчичном соусе, а миссис Бенсон - шоколадное мороженое и сладкий пирог. Доктор принес капли, которые помогают мне уснуть, а мистер Ладд - большой ящик со всякой едой. И ты здесь, чтобы составить мне компанию! Меня, право же, как-то даже ошеломили все эти подарки и удобства. Никогда не думала, что увижу в этом доме херес. Я даже не решаюсь вынуть пробку; мне помогает уже то, что я смотрю на эту бутылку, присланную мистером Ладдом, - как она стоит на каминной полке и огонь отражается в ее коричневом стекле.

Мистер Симпсон приехал повидать жену, а выходя из дома, столкнулся на крыльце с доктором.

- Она ужасно плоха, на мой взгляд. Как вы думаете, она выкарабкается так же, как и в прошлый раз? - взволнованно спросил он доктора.

- Она выкарабкается в другой мир, - ответил доктор прямолинейно и грубовато. - И так как, похоже, нет никого другого, кто высказался бы напрямик, это сделаю я. Мой вам совет: раз уж вы сделали жизнь этой женщины такой тяжелой и полной горя, как только смогли, постарайтесь теперь, по крайней мере, помочь ей умереть спокойно!

Эбнер, удивленный и подавленный тяжестью этого обвинения сел на пороге, обхватив голову руками, и тяжело задумался. Размышления не были для него привычным занятием, и когда несколько минут спустя он открыл калитку и медленно направился к конюшне, где стояла лошадь, то выглядел бледным и обессиленным. Это необыкновенно большое

потрясение - сначала увидеть себя полными презрения глазами другого человека, а затем, столь же ясно, своими собственными.

Два дня спустя он снова приехал домой, и на этот раз ему было суждено подъехать к конюшне тогда, когда там привязывал к столбу свою пегую кобылу мистер Кэрл, акревильский священник.

Быстроглазая Клара-Белла заметила священника, когда он вылез из своей брички. Предупредив мать о его приезде, она торопливо поправила постель больной, поставила на место бутылочки с лекарствами и вымела золу из очага.

- Ах, не впускай его! - запричитала миссис Симпсон, взволнованная тем, что ей предстоит принять такого посетителя. - Боже мой! Наверное, все в поселке считают, что я опасно больна, иначе священник и не подумал бы зайти! Не впускай его, Клара-Белла! Я боюсь, он скажет мне что-нибудь страшное или будет молиться за меня, а за меня никогда не молились с тех пор, как я была совсем маленькой! Его жена приехала с ним?

- Нет, он один, но отец только что подъехал и привязывает лошадь у двери сарая.

- Это еще хуже! - И миссис Симпсон с трудом приподнялась на подушке и в отчаянии заломила руки. - Не допусти, чтобы они встретились, Клара-Белла! И отошли мистера Кэрла поскорее. Твой отец и за тысячу долларов не согласился бы принимать священника у себя в доме или говорить с ним!

- Успокойся, мама! Ложись! Все будет хорошо! Ты только измучишь себя волнениями - и будет новый приступ! Священник - добрый человек, он не скажет ничего, что могло бы тебя напугать. И отец разговаривает с ним сейчас очень любезно и показывает ему, как пройти к парадной двери.

Пастор постучал и был встречен Кларой-Беллой, которая, трепеща, провела его в комнату больной, а затем, когда он вежливо попросил ее об этом, удалилась в кухню к детям.

Тем временем Эбнер Симпсон, оставшись один в сарае, пошарил в кармане жилета и извлек оттуда конверт, содержащий лист бумаги и крошечный сверток в папиросной бумаге. Письмо уже было один раз прочитано прежде, в нем говорилось следующее:

Дорогой мистер Симпсон!

Это секретное письмо. Я слышала, что в Акревиле плохо относятся к миссис Симпсон, из-за того что у нее нет обручального кольца, какие есть у всех остальных.

Я знаю, что вы всегда были бедны, дорогой мистер Симпсон, и обременены большой семьей, такой же, как наша на Солнечном Ручье, но вам, право же, следовало подарить миссис Симпсон кольцо, когда вы женились на ней, с самого начала, потому что тогда с этим делом было бы покончено, так как кольца эти из чистого золота и не снашиваются. А ей, наверное, не хотелось просить у вас кольцо, ведь женщины совсем как девочки, только взрослые, а я знаю, что мне было бы стыдно просить украшений, когда и питание-то с одеждой обходятся так дорого. Поэтому я посылаю вам хорошее, совсем новое обручальное кольцо, чтобы вам не пришлось покупать, а вы могли бы подарить ей браслет или серьги на Рождество. Мне оно ничего не стоило; это подарок, сделанный по секрету одним другом.

Я слышала, что миссис Симпсон больна, и, я думаю, для нее было бы большим утешением сейчас, когда она лежит в постели и у нее так много времени, любоваться кольцом. Когда у меня была корь, Эмма-Джейн Перкинс дала мне на время гранатовое кольцо своей мамы, и мне очень помогало, когда я клала свою худую руку поверх одеяла и смотрела, как оно сверкает.

Пожалуйста, не сердитесь на меня, дорогой мистер Симпсон, потому что вы мне так нравитесь и я так рада, что у вас все так хорошо выходит с лошадьми и жеребятками. И я теперь думаю, что, наверное, вы действительно считали, что в свертке не флаг, а белье, когда забрали его в тот день, и к этому больше нечего добавить

вашему надежному другу

Ребекке Ровене Рэндл.

Симпсон медленно и спокойно разорвал письмо на кусочки и бросил их на

поленницу, затем снял шляпу и пригладил волосы, задумчиво потянул себя за усы, расправил плечи и, зажав в ладони крошечный сверток, направился к парадной двери, а войдя в дом, на мгновение остановился перед дверью в комнату больной, потом повернул дверную ручку и тихо вошел.

Тогда-то для ангелов, вероятно, пришла наконец минута ничем не омраченной радости, ибо за то короткое время" что Эбнер шагал от сарая до дома, его совесть проснулась и обрела достаточно силы, чтобы терзать и жечь, вызывать сожаления и побуждать к покаянию - делать все то божественное и прекрасное, для чего она предназначена и что ей так долго не позволяли делать.

Клара-Белла бесшумно двигалась по кухне, готовя ужин для детей. Она покинула Риверборо в спешке, так как ухудшение в состоянии миссис Симпсон наступило неожиданно, но, с тех пор как она вернулась домой, ей не раз вспоминался разговор с Ребеккой о кольце. Купил ли его мистер Ладд и придумала ли Ребекка, как переправить кольцо в Акривиль? Но у нее было так много самых разных забот, что в конце концов эта тема отошла в ее мыслях на задний план.

Стрелки часов продолжали свой бег, а Клара-Белла следила за тем, чтобы резкие голоса Илайджи и Илайши звучали потише, открывала и закрывала дверцу печки, чтобы взглянуть на хлеб, который пекла, давала советы Сюзан насчет еды и посуды и удивлялась, почему священник так долго остается у больной.

Наконец она услышала, как открылась и закрылась дверь, и увидела, как старый священник вышел из дома, протирая свои очки, и сел в повозку, чтобы вернуться в поселок.

За этим последовал новый период томительного ожидания, когда в доме было тихо, как в могиле, но вскоре в кухню вошел отец, поздоровался с Сюзан и близнецами и сказал Кларе-Белле, ткнув большим пальцем в сторону комнаты больной:

- Не ходи туда пока! Она совсем вымоталась и только что задремала. Я поеду мимо бакалейной лавки и пришлю вам еды. Доктор собирался зайти сегодня еще раз?

- Да, он должен скоро появиться, - ответила Клара-Белла, взглянув на часы.

- Хорошо. Завтра я приеду снова, как только рассветет, и если ей не станет лучше, то я попрошу кого-нибудь передать Дейлу, что не могу оставить ее, и побуду тут с вами, пока она не окрепнет,

Он был прав; миссис Симпсон "совсем вымоталась". После пережитого волнения и напряжения бедняжка забылась странным сном-мечтой. Боль, которая сжимала ее сердце, точно стальной обруч, ослабила свою жестокую хватку и наконец покинула ее совсем, так что женщине казалось, будто она видит, как эта боль медленно плывет в воздухе над ее головой, только выглядела она уже не как стальной обруч, а как золотое колечко.

Утлая ладья, в которой она совершала свое плавание по бурному океану жизни, медленно входила теперь в более спокойные воды. Сколько она помнила себя, ее ладью носило по волнам в шторм и в бурю, бросало на скалы, ее хлестали злые ветры. Теперь же волны утихли, небо было ясным, воздух неподвижным и благоуханным, море теплым и спокойным, и солнце сушило изорванные в клочья паруса.

А потом - ведь сон всегда может сыграть с нами странную шутку - ладья исчезла, и это уже она сама уплывала все дальше и дальше - куда, она не знала и не хотела знать; ей было достаточно того, что она обрела покой, убаюканная плеском прохладных волн.

Затем появился зеленый остров, поднявшийся из морских глубин, остров, столь ослепительно сверкающий и сказочно великолепный, что она едва могла поверить своим изголодавшимся по красоте глазам. И все же он был настоящим, этот остров, так как она подплывала все ближе и ближе к его берегам, и наконец ее стопы легко заскользили по сияющим пескам и она понеслась по воздуху, как носятся бесплотные духи, пока не опустилась, мягко и тихо, у подножия раскидистого дерева.

И тут она увидела, что зеленый остров весь в цвету. Цвел каждый куст и кустик, с деревьев свисали розовые гирлянды, и даже землю покрывал ковер из мелких цветов.

Редкостные ароматы, птичьи песни, нежные и мелодичные, буйство красок - все это вдруг обрушилось на ее затуманенное сознание, завладев им столь безраздельно, что она уже не помнила о прошлом, не понимала настоящего, не предвкушала будущего. Она, казалось, покинула тело и то печальное, тяжелое, что было связано с телом. Жужжание в ее ушах становилось все тише, свет постепенно угасал, птичьи песни звучали слабее и словно удалялись, золотое кольцо боли отодвигалось все дальше и дальше, пока не исчезло из виду, даже цветущий остров тихо уплыл вдаль, и остались лишь покой и безмолвие.

Доктор запаздывал, и встревоженная Клара-Белла, не в силах ждать дольше, осторожно повернула дверную ручку и вошла в комнату матери. Возле дома не было деревьев, и полная ноябрьская луна смотрела в окна без штор и ставней, освещая жалкую комнатку - некрашеный пол, серую штукатурку на стенах и белое покрывало на постели.

Мать лежала совершенно неподвижно; ее голова была повернута и немного соскользнула с подушки. Левая рука лежала на груди, а пальцы правой прикрывали ее, словно лаская и оберегая что-то драгоценное.

Лунный ли свет делал кроткое чело таким белым? Куда исчезли морщины заботы и боли? Лицо матери, которая всегда стирала и плакала, плакала и стирала, было таким радостным, словно закрытые глаза созерцали небесные видения.

"Что-то, должно быть, излечило ее!" - подумала Клара-Белла, с благоговейным чувством и почти испуганная белизной и безмолвием.

Она на цыпочках подошла поближе, чтобы взглянуть на неподвижное улыбающееся лицо, и, склонившись, увидела в тени правой руки узкое золотое колечко на одном из натруженных пальцев левой.

- Ах, кольцо пришло наконец! - радостно прошептала она. - Наверное, от этого ей стало лучше!

Она нежно положила ладонь на руку матери. Дрожь ужаса, трепет предчувствия пронзили девочку с головы до ног, когда ее рука ощутила ледяной холод. Грозное присутствие смерти, с которой она никогда не сталкивалась прежде, вдруг стало реальностью. Оно заполнило комнату, подавило крик на ее губах, приковало ее ноги к полу, остановило биение ее сердца.

В этот момент открылась дверь.

- О, доктор! Скорее! - всхлипнула Клара-Белла, протянув к нему руку в немой мольбе о помощи, а затем прижала ладонь к глазам, чтобы не смотреть. - Идите ближе! Посмотрите на маму! Ей лучше?.. Или она мертва?

Доктор положил одну руку на плечо съжившейся девочки, а другой рукой коснулся лежащей на постели женщины.

- Ей лучше, - сказал он ласково, - и она мертва.

Рассказ десятый Воспоминания Ребекки

Ребекка сидела у окна своей комнатки в пансионе Уэйрхемской учительской семинарии. Она была одна, так как ее соседка по комнате, Эмма-Джейн Перкинс, в это время занималась латынью внизу, в одной из аудиторий старого кирпичного здания.

Новая и весьма пылкая страсть к античным языкам произросла в доселе неплодородном уме Эммы-Джейн по той причине, что Эбайджа Флэг, завоевывавший в этот год все награды за учебу, какие только присуждались в лимерикской школе, где он учился, прислал ей письмо на латинском языке - письмо, которое она не смогла перевести сама даже с помощью словаря и которое явно была не склонна показать Ребекке, своей задушевной подруге, наперснице и соседке по комнате, чтобы та перевела текст на английский.

Не все феи присутствовали у колыбели при рождении Ребекки. Многие из них телеграфировали, что уже приглашены в другие места или никак не могут быть в городке в

это время. Сам по себе городок Темперанс, где Ребекка увидела свет, вряд ли был одним из тех мест, что привлекают толпы фей. Но все же одной старой доброй фее, карманы которой были битком набиты Веселыми Листьями со Смеющегося Дерева, захотелось прийти на маленький праздник в честь дня рождения, и, увидев, что пришло так мало ее сестер-фей, она более щедро, чем было в ее привычках, одарила спящую малютку тем, что имела, - ведь той явно не хватало иных богатств. И так дитя росло, а Волшебные Листья со Смеющегося Дерева шелестели, свисая с полога ее колыбели, и так как это были волшебные листья, то, когда ребенок подрос и колыбель была покинута, они повисли гирляндами на боковых стенках детской кровати, а позднее взлетели на потолок домика на Солнечном Ручье и висели там, покачиваясь и забавляя каждого. Они никогда не увядали, даже в кирпичном доме в Риверборо, где атмосфера была особенно неблагоприятной для фей, ибо мисс Миранда перепугала бы любую обыкновенную фею до потери всех ее семнадцати чувств. Веселые Листья последовали за Ребеккой и в Уэйрхем, и в период переписки Эбайджи Флэга с Эммой-Джейн на латыни они так колыхались над головой Ребекки, что эта юная особа почти боялась, что обнаружит их сама, хотя на самом деле такое никогда не случается.

В учительской семинарии, с ее старыми порядками и правилом отводить одну средних размеров комнату двум средних размеров юным особам женского пола, было мало возможностей для уединения, будь то днем или ночью, так как ни душ, ни еще не созданная воображением ванная комната, ни даже простая, удобная ширма не стали реальностью в те времена невежества, о которых я пишу. И потому, подобно неразумному страусу, который пытается защититься от преследователей просто тем, что не смотрит на них, Эмма-Джейн сжимала свое латинское письмо в руке, держала в кармане или в раскрытой книге и льстила себя надеждой, что никто не заметил радости и смущения, которые вызвало у нее лишь наполовину понятое ею содержание письма...

Прошла неделя с тех пор, как Эмма-Джейн взяла с почты латинское послание Эбайджи, и теперь благодаря ежедневному сидению допоздна над книгами, множеству вопросов, осторожно заданных мисс Максвелл, и такому кропотливому изучению наклонов и времен латинских глаголов, что умственные усилия едва не разрушили ткани ее головного мозга, она сумела постигнуть его романтическое содержание. Пусть письмо было шаблонным по стилю - Эмма-Джейн об этом и не подозревала. Пусть некоторые из сравнений были взяты из сочинений древнеримских поэтов, а некоторые обороты из латинских упражнений - Эмма-Джейн не была ни ученым, ни критиком. Сравнения, обороты и изречения, когда они наконец были переведены и написаны на ясном и понятном английском, составили, по ее мнению, самый проникновенный и трогательный документ, какой когда-либо пересылался по почте:

Mea cara Emma!

Cur audeo scribere ad te epistulam? Es mihi dea! Semper es in mea anima. Iterum et iterum es cum me in somnis. Saepe video tuas capillos auri, tuos pulchros oculos similes caelo, fuos genas, bellas rosas in nive. Tua vox est dulcior quam cantus avium aut murmur rivuli in montibus.

Cur sum ego tarn miser et pauper et indignus, et tu tarn dulcis et bona et nobilis?

Si cogitabis de me ero beatus. Tu es sola puella quam amo, et semper eris. Alias puellas non amavi. Forte olim amabis me, sed sum Indignus. Sine te sum miser, cum te mea vita est gaudium!

Vale, carissima, carissima puella!

De tuo fideli servo

A.F.

Моя дорогая Эмма!

Как я осмеливаюсь писать тебе письмо? Ты для меня богиня! Всегда ты в моем сердце. Снова и снова ты со мной в снах. Часто я вижу твои золотые волосы, твои прекрасные глаза, похожие на небо, твои щеки, как прекрасные розы в снегу. Твой голос

слаще пения птиц и журчания ручья в горах.

Почему я такой жалкий, и бедный, и недостойный, а ты такая милая, и хорошая, и благородная?

Если ты будешь думать обо мне, я буду счастлив. Ты единственная девочка, которую я люблю, и всегда ею будешь. Других девочек я не любил. Может быть, когда-нибудь ты полюбишь меня, но я недостойн. Без тебя я несчастен, с тобой моя жизнь была бы радостью.

Прощай, дражайшая, дражайшая девочка!

От твоего верного раба

Э.Ф.

Эмма-Джейн знала это письмо наизусть по-английски. Она даже знала его и по-латыни, всего лишь несколько дней назад бывшей для нее мертвым языком, но теперь наполнившейся жизнью и смыслом. От начала до конца это послание действовало на нее как пьянящий эликсир. Часто во время утренней молитвы, или в полдень за обедом, когда ела рисовый пудинг, или вечером, засыпая, слышала она голос, шепчущий ей на ухо: "Vale! Carissima, carissima puella". Что же до воздействия на ее маленькое простое деревенское сердечко тех фраз, в которых Эбайджа утверждал, что она богиня, а он ее верный раб, то оно не поддается описанию, ибо они физически переносили ее из обстановки, в которой она существовала, ввысь, в новую, радостную, неземную атмосферу, в которой даже Ребекке не было места.

Ребекка, к счастью, не знала об этом, она лишь догадывалась и ждала того дня, когда Эмма-Джейн изольет свои признания, как делала и будет делать всегда. В настоящий момент Ребекка была занята размышлениями о своих собственных делах. Перед ней на столе лежала открытая потрепанная в пестрой обложке книга для записей. Иногда она что-то записывала в нее, сосредоточенно и с лихорадочной быстротой, а иногда подпирала подбородок ладонью и, вертя карандаш в другой руке, мечтательно смотрела в окно на поселок, с его беспорядочно разбросанными крышами и шпилями, которым придавала несомненную красоту слегка размывавшая их очертания пелена быстро падающих снежных хлопьев.

Была середина декабря, и дружелюбное небо плавно опускало огромное белое покрывало покоя и благожелательности на маленький поселок, подготавливая его, внутренне и внешне, к Празднику младенца Христа.

Главная улица, которой летом придавала величественность прекраснейшая аллея тенистых деревьев, теперь тянулась, тихая и белая, между рядами могучих стволов, голые сучья которых гнулись под тяжестью своего ослепительного груза. Одна лишь узкая тропинка, ведущая на холм, прямо к Уэйрхемской академии, была протоптана в снегу ногами спешащих, запыхавшихся мальчиков и девочек, пробегавших туда и сюда со стопками книг под мышкой - книг, о которых они помнили, пока оставались в четырех стенах аудитории, и о которых тут же забывали, как только встречали друг друга в ярком, живом, смеющемся мире, взбираясь на холм или спускаясь с него.

"До чего же снег к лицу земле! - думала Ребекка, мечтательно глядя в окно. - Земной мир, право же, почти ничуть не хуже самих Небес, когда идет снег. Я, кажется, не в силах оторвать от него глаз. Я хотела бы преодолеть эту свою ненасытность, но у меня и сейчас, в шестнадцать лет, сохраняется такое ощущение, словно в сутках недостаточно часов для бодрствования и словно мне не хватает времени и я постоянно что-то упускаю или куда-то опаздываю. Как хорошо я помню один рассказ матери обо мне четырехлетней! Это было на ферме за ранним завтраком, но я тогда называла любую еду "обедом". Позавтракав, я свернула свой нагрудник и вздохнула: "Ах, Боже мой, еще только два раза пообедать, немножко поиграть - и пора спать!" Это было в шесть утра - свет лампы в кухне и свет снега за окном!

Радостный, радостный, радостный снег

Миру веселый придать хочет вид,

Благостный, благостный, благостный снег

Скрыть безобразие мира спешит.

Герберт взял с меня обещание написать стихотворение для январского номера "Кормчего", но о снеге писать я не должна - слишком уж много соперников среди поэтов прошлого!"

И, повернувшись на стуле, она снова принялась записывать что-то в потрепанную книгу, которая уже была на три четверти заполнена записями, сделанными неровным детским почерком - частью карандашом, частью чернилами - с аккуратно выделенными заглавными буквами.

* * * * *

У судьбы Вина случился острый приступ ревматизма, и на несколько дней ухаживать за больным приехал из Лимерика Эбайджа Флэг. И как-то раз утром, когда из Северного Риверборо приехали сестры Бернем, чтобы провести день в гостях у тети Миранды, Эбайджа пришел выпрячь их лошадь. ("Услужливый Байджа" - ласково называли его еще в то время, когда все мы были детьми.) Он поднялся на сеновал по приставной лестнице - доброй старой лестнице, что так часто служила мне "отдушиной"! - и сбросил вниз последнюю охапку дедушкиного сена, которым угощали всех заезжавших в гости лошадей. Им будет приятно узнать, что это сено кончилось, - они столько лет были им недовольны.

И что же нашел Эбайджа под сеном? Мою Книгу Мыслей, спрятанную там два или три года назад и забытую!

Когда я вспоминаю, чем она была для меня, какое место занимала в моей жизни, какую привязанность питала я к ней, мне кажется удивительным то, что я могла забыть о ней - даже при всем волнении, вызванном отправлением в Уэйрхемскую семинарию. И это наводит меня на "необычную мысль", как я прежде выражалась! Вот она: закончив возведение какого-нибудь воздушного замка, мы редко поселяемся в нем - иногда мы даже забываем о том, к чему так горячо стремились! Быть может, мы ушли на более высокую гору, чтобы начать возводить другой замок, и этот новый настолько прекрасен - особенно пока мы еще только строим, но не живем в нем! - что мы уже совершенно не видим прежнего и забываем о нем, как моллюск о своей раковине, из которой вырос и на которую, оставив ее на берегу, даже не оглядывается. (По крайней мере, я думаю, что он не оглядывается; но, возможно, он все же бросает назад один взгляд, полунасмешливый-полусерьезный, так же как я на мою старую Книгу Мыслей, и говорит: "И это была моя раковина! Ну и ну! Да как я в ней только помещался!")

Этот абзац о моллюске звучит совсем как отрывок из школьного сочинения или редакционной статьи в "Кормчем" или как фрагмент одной из лекций дорогой мисс Максвелл. Но мне кажется, что шестнадцатилетние девушки - это по большей части имитация тех и того, кем и чем они восхищаются. Редактирование "Кормчего" и письменные переводы из Вергилия⁸¹, поиски тем для сочинений и изучение образцов риторического искусства - все это оставляет во мне в данное время очень мало подлинной Ребекки Ровены. Я лишь ученица выпускного класса, на хорошем счету и такая, как нужно. Мы, семинаристки, все одинаково причесаны, одинаково - насколько это возможно - одеты, едим и пьем одно и то же, одинаково говорим - я даже не уверена, что мысли у нас не одни и те же; и что только станет с несчастным миром, когда всех нас выпустят в него в один и тот же июньский день? Вернет ли жизнь, настоящая жизнь, нам наше настоящее "я"? Сотрут ли в конце концов любовь и долг, горе, забота и труд ту "печать школы", которую наложили на всех нас, сделав похожими на ряды новеньких блестящих медных центов?

И все же должна быть небольшая разница между нами, а иначе почему Эбайджа

⁸¹ Вергилий (70 - 19 гг. до н. э.) - знаменитый римский поэт, автор "Энеиды".

Флэг пишет письма на латыни Эмме-Джейн, а не мне? Да, это пример, подтверждающий противоположное мнение, - Эбайджа Флэг. Он стоит особняком, выделяясь среди остальных мальчиков, словно скала Гибралтара на картинках в учебнике географии. Не потому ли, что до шестнадцати лет он не ходил в школу? Ему до смерти хотелось пойти учиться, и, как кажется, само желание научило его большему, чем могло научить посещение школы. Он знал буквы и умел читать, но это я объяснила ему, что на самом деле означает для человека книга, - объяснила, когда мне было одиннадцать, а ему тринадцать. Мы с ним учились, пока он обирал листья с початков кукурузы, резал картофель для посадки или лушил бобы на скотном дворе судьи Бина. Его любимая Эмма-Джейн не учила его: ее отец не позволил бы ей дружить с мальчишкой-батраком! Это я заставляла его в летние вечера, после дойки, мучающимся, чуть ли не умирающим, корпящим над примерами на наименьшее общее кратное и наибольший общий делитель. Это я сорвала оковы с раба и велела ему начать с того, что полегче, - с дробей, обычных и сложных процентов, как делала сама. Как пахло от него коровником, когда в теплые тихие вечера я проверяла решенные им арифметические задачи! Но я не жалею о своих трудах, ведь теперь им восхищается Лимерик и гордится Риверборо, и, как я полагаю, он уже забыл, с какой стороны надо подходить к корове, если собираешься ее подоить. Эти ненужные теперь знания остались в аккуратно закрытой раковине, из которой он вырос и которую отбросил два или три года назад. Благодарность, которую он испытывает ко мне, не знает границ, и - он пишет письма на латыни Эмме-Джейн! Но, как сказала миссис Перкинс об утоплении котят (тут я цитирую себя, тринадцатилетнюю): "Так уж повелось на свете и так должно быть!"

Что ж, я прочитала всю Книгу Мыслей, и, когда мне захочется позабавить мистера Аладдина, я покажу ему мое сочинение на тему о сравнительной ценности наказания и поощрения как средств формирования характера.

Сейчас, в шестнадцать, я совсем не та Ребекка, какой была тогда, в двенадцать и тринадцать. Но надеюсь, что, избавляясь от своих недостатков, я скребла и терла себя не столь усердно, чтобы снять блеск с бедных маленьких достоинств, существовавших бок о бок с недостатками, ибо, даже читая глупые вирши или эти презабавные "Мермуары", в целом я вижу милое, доверчивое, всегда действующее из лучших побуждений, отзывчивое, простодушное маленькое существо, так что, в конечном счете, я все же предпочла бы сохранить в основе ту старую раковину, чем перерасти ее и отбросить, поскольку она - это "я", та "я", которая была рождена чуточку отличной от всех остальных младенцев, появившихся на свет в один год со мной!

Есть общая черта в той девочке, какой я была, и в этой девушке, какой я стала. Обе любят записывать черным по белому свои мысли, смотреть, как они выглядят, слушать, как они звучат, узнавать, какие чувства вызывают они у человека, который их читает. Обе любят мелодии красивых фраз и перезвон рифмующихся слов, а из трех великих "основ" жизни, какими считаются чтение, письмо и арифметику, так же сильно любят две первые, как терпеть не могут последнюю.

Маленькая девочка в этой Книге Мыслей все время думает о том, кем она станет... Дядя Джерри Кобб изрядно испортил меня в этом отношении. Помню, когда я написала стихотворение о флаге, дядя Джерри говорил всем: "Нет на лестнице славы ни единой ступеньки, на которую не поднялся бы этот ребенок! Дайте ей только срок". Бедный дядя Джерри! Он так разочаруется во мне со временем. Но все же он, наверное, сочтет, что я одолела две ступеньки этой лестницы: я в числе редакторов "Кормчего", первая "девочка-редактор", и я получила приз в пятьдесят долларов за сочинение и заплатила проценты по нашей закладной на ферму.

*Достигли в жизни мы высот,
И близок славы час,
Хотя, что нас за гробом ждет,
От смертных скрыто глаз.*

Этот гимн пели на собрании в первое воскресенье после моего избрания редактором. В тот день там присутствовал мистер Аладдин, и он взглянул через проход между скамьями и улыбнулся мне. А на следующее утро я получила от него из Бостона письмо, в котором был лишь один стих посередине листа бумаги:

*Она умнейших посрамить могла,
И те, со стоном зависти в душе,
Отметили, что, мудрости полна,
Познаниями их превзошла она.*

Мисс Максвелл говорит, что это из Байрона. Сейчас я слишком занята, чтобы думать о том, кем быть. Совсем недавно мистер Аладдин поддразнивал меня, говоря о том, что он называет моими "отвергнутыми профессиями".

- Что заставляет вас, Ребекка, выбирать себе какую-либо конкретную цель? - спросил он, смеясь и поглядывая на мисс Максвелл. - Женщины никогда не поражают мишень, если целятся в нее, зато если они закрывают глаза и стреляют наугад, то, как правило, попадают в самое яблочко.

Я думаю, одна из причин, по которой меня всегда так заботило, кем быть, когда вырасту, заключалась в том, что даже при жизни отца мама постоянно волновалась из-за закладной на ферму. Она тревожилась о том, что будет с нами, если нас за неуплату процентов лишат права выкупа.

Конечно, то, что детей воспитывали таким образом, на страхе перед закладной, было тяжело для них, но насколько тяжелее было бедной дорогой маме, которой тогда приходилось думать о нас, семерых, да и сейчас у нее все еще остаются трое, которых надо кормить и одевать с доходов, приносимых фермой.

Тетя Джейн говорит, что я кажусь моложе своих лет, тетя Миранда боится, что я так никогда по-настоящему и "не вырасту", мистер Аладдин считает, что я знаю мир не лучше, чем жемчужина, закрытая в своей раковине. И никто из них не знает о тех давних-давних мыслях, которые всегда со мной, - некоторые из них возникли у меня много лет назад, но они не из тех, о которых я могу с кем-нибудь говорить.

Я помню, как мы, дети, восхищались отцом. Он всегда был такой красивый, элегантный, веселый, никогда не сердился, в отличие от матери, и никогда не был слишком занят, чтобы отказаться поиграть с нами. Он никогда не делал никакой работы по дому, так как ему нужно было беречь руки для игры на мелодисте в церкви или на скрипке и фортепиано во время танцев.

Мать обычно говорила: "Ханна и Ребекка, вы должны обобрать землянику, отец не может помочь вам" - или: "Джон, тебе придется доить корову в следующем году; у меня нет времени, а отцу нельзя портить руки".

Все остальные мужчины в поселке по будням носили простые ситцевые или фланелевые рубашки, но отец никогда не носил никаких других, кроме белых с накрахмаленной гофрированной грудью. Он был очень привередлив в этом отношении, и мать все замечала и замечала складочки, все гладила и гладила гофрировку, воротник и манжеты рубашек - иногда поздно ночью.

Сама она была усталой, худой, седой, у нее не хватало времени на то, чтобы шить платья для себя, и на то, чтобы куда-то выходить в них, так как она всегда должна была заботиться о детях, а отец оставался счастливым, здоровым, красивым. Мы, дети, никогда не задумывались об этом. Но вот однажды, уже после того как отец заложил ферму, в поселке должно было состояться собрание прихожан, на которое шел отец, но мать не могла пойти (у Дженни был коклюш, а Марк только что сломал руку), и, когда мать завязывала отцу галстук, последнее, что он сказал ей перед уходом, это:

- Я хотел бы, Орилия, чтобы ты немного позаботилась о своей внешности и своем платье. Для такого мужчины, как я, это имеет большое значение.

Мать уже кончила завязывать галстук, и руки ее вдруг опустились. Я смотрела на ее глаза и губы, в то время как она смотрела на отца, и за одну минуту я стала гораздо старше,

а в моей душе появилась "взрослая" боль. Эта боль навсегда осталась со мной, хотя я по-прежнему восхищалась моим красивым отцом и гордилась его талантами. Но теперь, когда я выросла и успела о многом подумать, моя любовь к матери стала иной, не такой, как прежде. Отец всегда был нашим любимцем, пока мы были маленькими - он казался таким интересным, и я иногда спрашиваю себя, не происходит ли так, что мы лучше и дольше помним интересных людей, чем тех, кто просто добр и терпелив. Если так, то это очень жестоко.

Оглядываясь на прошлое, я вижу, что первые семена честолюбивых стремлений и желания заниматься чем-нибудь особенным посеяла в моей душе мисс Росс, художница, подарившая мне розовый зонтик, который она привезла из Парижа. Ее жизнь казалась мне, тогда совсем ребенку, такой красивой и легкой. Я еще не ходила в школу, и не читала Джорджа Макдональда⁸², и потому не знала, что "Легкость - это пленительный результат забытого тяжелого труда".

Мисс Росс сидела на открытом воздухе и рисовала красивые картины, и все говорили, что они чудесны, и сразу их покупали, так что она могла содержать слепого отца и двух младших братьев и путешествовать куда хотела. И сейчас в моей памяти снова оживают события того лета, когда мне было десять, а мисс Росс рисовала меня, сидящую возле мельничного колеса, и рассказывала о далеких странах!

Недавно мисс Максвелл читала нам на уроке литературы отрывки из стихотворений Браунинга⁸³. В одном из них говорилось о Давиде, мальчике-пастухе, который часто смотрел из долины на кружившего в небе "медленно, словно во сне", орла. И мальчик думал о широком, огромном мире, который видит орел, раскинувший свои крылья так высоко в небесной синеве, в то время как он, бедный пастушок, видит лишь "полоску между небом и холмами", так как находится в низине.

На следующий день я рассказала об этих стихах мистеру Бакстеру - это была суббота накануне того дня, когда я стала членом церкви. Я спросила его, грешно ли это - желать видеть столько, сколько видит парящий высоко над землей орел.

Нет другого такого человека, как мистер Бакстер. Он сказал:

- Ребекка, дорогая, возможно, тебе не придется всегда оставаться в низине, как этому пастушку; но, где бы ты ни была, та маленькая полоска, которую ты видишь "между небом и холмами", может вместить весь земной мир и все Царство Небесное, если только у тебя такое зрение, какое нужно для этого.

Я помню воскресные вечера в кирпичном доме в первую зиму после моего переезда туда. Обычно я сидела в центре столовой, как мне было велено, молчаливо и неподвижно, с большой семейной Библией на коленях. Тетя Миранда читала "Покой святых" Бакстера⁸⁴, но ее кресло стояло у окна, и она могла хотя бы иногда бросить взгляд на улицу, не впадая в явный грех.

Тетя Джейн обычно читала "Путешествие пилигрима"⁸⁵. Огонь в камине горел неярко, напольные часы тикали и тикали, так медленно и степенно, что картинки на страницах Библии плыли у меня перед глазами и я почти засыпала.

Они думали, что, если на время изолировать меня от всего внешнего, я смогу

⁸² Макдональд Джордж (1824 - 1905) - шотландский поэт и писатель.

⁸³ Браунинг Роберт (1812 - 1889) - английский поэт.

⁸⁴ Бакстер Ричард (1615 - 1691) - английский богослов. Его труд "Вечный покой святых" (1650) пользовался огромной популярностью в Англии и США.

⁸⁵ "Путешествие пилигрима" (1678) - религиозно-дидактическая поэма английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628 - 1688).

воспринять Бога; но этого не произошло, ни разу. Я так тосковала по Солнечному Ручью и по Джону, что с трудом могла сосредоточиться, чтобы разучить очередной из еженедельно разучиваемых гимнов; особенно тяжело пришлось мне с тем печальным и длинным, начинавшимся так:

О страшном мысли все мои -

Проклятье и могила.

Именно Джона вспоминала я в воскресные вечера, именно о нем скучала, так как на Солнечном Ручье отец умер, мать была постоянно занята, а Ханна никогда не любила разговоров.

А в следующем году в Риверборо приехали миссионеры из Сирии, и на собрании мистер Берч, увидев, что я играю на мелодии, решил, что я уже взрослая и член церковной общины, и попросил меня произнести молитву. Я не посмела отказаться и, произнося свою молитву, которая была не чем иным, как просто мыслями вслух, вдруг обнаружила, что мне гораздо легче говорить с Богом, чем с тетей Мирандой или даже с дядей Джерри Коббом. Было немало такого, что я могла сказать лишь Ему, и никому другому, а возможность высказаться всегда приносила мне радость и удовлетворение.

Когда в прошлом году мистер Бакстер предложил мне присоединиться к нашей церкви, я сказала ему о своих опасениях. Мне казалось, что я недостаточно хорошо понимаю Бога, чтобы быть христианкой.

- Так ты не совсем понимаешь Бога, Ребекка? - спросил он с улыбкой. - Что ж, зато есть гораздо более важное обстоятельство, и это то, что Бог понимает тебя! Он понимает твою робкую любовь, твои стремления, желания, надежды, ошибки, страдания - и именно это в конечном счете имеет значение! Конечно, ты не понимаешь Его! Тебя поражает Его любовь. Его сила. Его милосердие, Его мудрость, и так оно и должно быть! Ведь, Ребекка, дорогая, если бы ты могла держаться без всякого смущения и растерянности в присутствии Всевышнего, как тот, кто вполне постиг Его сущность и Его намерения, это было бы святотатством! Пусть тебя, дитя мое, не приводит в недоумение унаследованная тобой вера; прими Бога легко и естественно, как Он принимает тебя!

- Бог никогда не приводит меня в недоумение, мистер Бакстер; дело не в этом, - сказала я, - доктрины - вот что ужасно меня тревожит.

- Не беспокойся пока о доктринах, - ответил мистер Бакстер. - Так или иначе, Ребекка, а ты никогда не сможешь доказать существование Бога, ты можешь только найти Его!

- Значит, вы думаете, что я действительно верующая, мистер Бакстер? - спросила я. - У меня есть задатки христианки?

- Ты - милое дитя понимающего и сочувствующего Бога! - сказал мистер Бакстер, и я повторяю себе эти слова утром и вечером, так что я никогда их не забуду.

Этот год почти закончился, и следующие несколько месяцев нам предстоит прожить в напряжении работы и водовороте событий, предшествующих выпуску из семинарии. Через десять минут прозвенит звонок на урок философии, а так как я пишу вот уже почти два часа, выучить то, что было задано, мне придется, пока я буду подниматься на холм, где стоит академия. Но мне это не в новинку, а на холме все запоминается просто замечательно! Я думаю, что за пятьдесят лет сама земля здесь пропиталась знаниями и каждая частичка воздуха в окрестностях наполнена полезными сведениями.

Я положу мою Книгу Мыслей в чемодан (поскольку поблизости нет ни одного спасительного стога сена) и достану ее снова... когда я снова достану ее?

После выпуска из семинарии я буду слишком взрослой и слишком занятой, чтобы делать записи в Книгу Мыслей, но, ах, если бы только случилось что-нибудь заслуживающее того, чтобы об этом написать, что-нибудь удивительное, что-нибудь необычное, что-нибудь непохожее на то, что случается каждый день в Риверборо и Эджвуде!

Окончание семинарии, несомненно, немного поднимет меня над "низинной" - сделает

меня немного более похожей на парящего орла, пристально глядящего на широкий мир внизу, под ним, и кружащего в небе "медленно, словно во сне". Но так или иначе, а я постараюсь не быть недовольным пастушком и не забывать, что сказал мистер Бакстер: та маленькая полоска, которую я вижу "между небом и холмами", может вместить весь земной мир и все Царство Небесное, если только я буду обладать даром духовного видения.

Ребекка Ровена Рэндл.

Уэйрхемская семинария, декабрь 187 - .

Рассказ одиннадцатый "Эбайджа-храбрец и прекрасная Эммаджейн"

I

*Сидели однажды весенней порой
У замка старинного стен
Прославленный рыцарь с девицей-красой;
Алонзо-храбрец звался юный герой,
А дева-краса - Имоджен.
"Увы, - молвил рыцарь, - я еду, друг мой,
Сражаться в далеком краю.
Недолго ты будешь томиться тоской,
Пленит тебя скоро поклонник другой,
Отдашь ему руку свою".
"Меня и любовь, - отвечала она, -
Обидел ты речью такой.
Знай, жизнь или гибель тебе суждена,
Любви Имоджен будет вечно верна,
В том Девою клянусь Пресвятой!"*

С тех самых пор как Ребекке исполнилось восемь лет, она хотела скорее стать восемнадцатилетней, но теперь, когда до достижения долгожданного и внушающего такое благоговение возраста оставалось меньше месяца, она все чаще задавала себе вопрос, действительно ли этому событию суждено стать поворотным пунктом в ее скромном существовании. Одиннадцатилетие, например, оказалось настоящим переломным моментом в ее жизни, поскольку именно тогда она покинула ферму на Солнечном Ручье и переехала к своим незамужним теткам в Риверборо. Орилия Рэндл, возможно, испытывала немалые сомнения относительно того, какое воздействие окажет на ее немолодых сестер присутствие неугомонного ребенка, но была полна надежд на то, что благоприятные возможности, открывающиеся перед Ребеккой в Риверборо, "сделают из нее человека".

Следующим поворотным пунктом было четырнадцатилетие Ребекки, когда она покинула сельскую школу и поступила в Уэйрхемскую учительскую семинарию, бывшую тогда в зените своей местной славы. Торжественное вручение диплома (один из самых волнующих эпизодов в жизни любой провинциальной девушки, уступающий по значению, быть может, только свадьбе) состоялось, когда ей исполнилось семнадцать, а спустя совсем немного времени смерть тети Миранды, внезапная и неожиданная, изменила не только условия жизни и занятия Ребекки, но и сыграла свою роль в ее духовном развитии...

И вот теперь в тихое июньское утро кирпичный дом выглядел таким уютным и родным, с улыбающимися детскими лицами в окнах и звуками быстрых и легких юношеских шагов в комнатах, а медный молоточек на выкрашенной красной краской

парадной двери, вероятно, помнил еще молитву Ребекки, произнесенную год назад, - тогда, прислонись к нагретой солнцем яркой поверхности, она прошептала: "Боже, благослови тетю Миранду! Боже, благослови кирпичный дом, что был! Боже, благослови кирпичный дом, что будет!"

Все двери и ставни были теперь открыты навстречу солнцу и свежему воздуху, чего никогда не бывало во времена мисс Миранды Соьер, но клумба штокроз, всегда составлявших ее гордость, была все так же ухожена, и Ребекке было приятно слышать, как соседи говорят, что во всем Риверборо нет ни более красивых растений, ни большего разнообразия прелестных оттенков, чем на клумбе под окнами кухни, где прежде имела обыкновение сидеть старая мисс Миранда.

Теперь, когда дом и ферма были ее собственностью, Ребекка испытывала чувство гордости за свои ровно скошенные луга, заботливо прореженные рощи, цветущие сады, хорошо прополотые огороды. И всякий раз, когда бы ей ни случилось взглянуть на любой участок своего хозяйства, она ощущала новый прилив благодарности к суровой старой тетке, смотревшей на нее как на будущую главу семьи, и новый прилив желания оказаться достойной оказанного ей доверия.

Для девушки, едва закончившей учебу, это был трудный год: похороны тети Миранды, заботы и уход за мисс Джейн, которую тяжелое потрясение преждевременно лишило физических и душевных сил, переезд больной матери и остальных членов семьи в кирпичный дом с фермы на Солнечном Ручье. Но все прошло гладко, и, когда судьба Рэндлов начала изменяться к лучшему, ничто, казалось, уже не могло остановить их неустрашимого движения к преуспеванию.

Орилия Рэндл словно помолодела в обществе сестры и среди тех удобств, которыми теперь были окружены она и ее дети. Закладная больше не внушала изо дня в день мучительного страха, так как ферма на Солнечном Ручье была продана железнодорожной компании. Ханна, теперь миссис Мелвилл, была прекрасно устроена; Джон наконец-то отправился изучать медицину; Марк, их подвижный и невезучий братец, вот уже несколько месяцев, как не сломал ни единой кости, а Дженни и Фанни успешно справлялись с учебой в местной школе под руководством Либби Мозес, приемницы мисс Дирборн.

"Я не чувствую себя в полной безопасности, - так, перебирая в уме все эти непривычные благодетели судьбы, думала Ребекка, сидевшая на ступеньке парадного крыльца. Ее челнок для плетения кружев быстро порхал в сложных сплетениях тонких хлопчатых нитей. - Все это напоминает один из тех слишком погожих июльских дней, которые к вечеру завершаются ливнем и грозой! И все же, когда вспомнишь, что в семейной истории Рэндлов на протяжении последних двенадцати или пятнадцати лет не было ничего, кроме грома, молний, дождя, снега и града, кажется вполне естественным, что они должны насладиться хотя бы небольшим периодом хорошей погоды. И если окажется, что эта погода действительно установилась теперь, когда тетя Джейн и мама оправились и окрепли, я должна подумать об одном из тех занятий, которые мистер Аладдин называет моими "отвергнутыми профессиями"... А вот Эмма-Джейн выходит из ворот своего дома. Через минуту она будет здесь, и, пожалуй, я ее немного подразню!"

Ребекка вбежала в дом и открыла крышку старенького пианино, стоявшего между открытыми окнами гостиной. Выглядывая из-за занавесок, она ждала, пока Эмма-Джейн не окажется на самом пороге, а затем запела старинную балладу, новый вариант которой придумала утром, пока одевалась. Она всегда очень любила эту балладу и в данном случае ограничилась тем, что вместо прежних героев - Алонзо и Иможен, ввела новых - Эбайджу-храбреца и прекрасную Эммуджейн, оставив все остальные подробности в первых трех строфах в прежнем виде, так как содержание их и в самом деле не требовало никаких изменений.

Ее высокий чистый голос, дрожавший скрытым весельем, лился через раскрытые окна и звенел в неподвижном летнем воздухе.

- Сидели однажды весенней порой
У замка старинного стен
Прославленный рыцарь с девицей-красой;
Эбайджа-храбрец звался юный герой,
А дева-краса - Эммаджейн.
- Ребекка, перестань! Кто-нибудь услышит!
- Нет, никто не услышит... Все далеко, в кухне, варят варенье...
"Увы, - молвил рыцарь, - я еду, друг мой,
Сражаться в далеком краю.
Недолго ты будешь томиться тоской,
Пленит тебя скоро поклонник другой,
Отдашь ему руку свою".

- Ребекка, ты не представляешь, как слышно везде твой голос! Я думаю, даже моя мама слышит его сейчас дома!

- Тогда, если она слышит, я непременно должна пропеть и третий куплет - чтобы восстановить твоё доброе имя, на которое была брошена тень во втором, - засмеялась ее мучительница и продолжила:

"Меня и любовь, - отвечала она, -
Обидел ты речью такой!
Знай, жизнь или гибель тебе суждена,
Тебе Эммаджейн будет вечно верна,
Эбайджа, возлюбленный мой!"

Допев третий куплет, Ребекка повернулась на своем вращающемся табурете и взглянула прямо на подругу, заботливо закрывавшую окна гостиной.

- Эмма-Джейн, сегодня обычный четверг, четыре часа дня, а на тебе новое голубое береговое платье, хотя вечером не ожидается никакого церковного собрания. Что это означает? Эбайджа-храбрец наконец возвращается?

- Да, я точно не знаю когда, но на этой неделе.

- И ты, разумеется, охотнее согласишься на то, чтобы он не увидел тебя, когда ты наряжена, чем на то, чтобы увидел, когда ты не наряжена. Правильно, моя прекрасная Эммаджейн; я поступила бы так же. Хотя это не имеет никакого значения для меня, бедной, в моем будничном черно-белом ситцевом платье, никого не ожидающей.

- О, для тебя! У тебя есть что-то такое внутри, что тебе не нужны никакие красивые платья! - воскликнула Эмма-Джейн, чье восхищение подругой всегда оставалось неизменным и не становилось меньше с тех самых пор, как они впервые встретились, когда обеим было одиннадцать. - Ты так же не похожа на всех остальных в Риверборо, как принцесса из сказки. Либби Мозес говорит, что на тебя обратили бы внимание даже в Лоуэлле в штате Массачусетс, где она гостит иногда у своей сестры!

- Вот как? Ну, не знаю... - задумалась Ребекка, которую эта дань восхищения ее чарами почти лишила дара речи. - Ну что ж, пожалуй, если бы Лоуэлл в штате Массачусетс мог бы видеть меня в моем новом сиреневом платье с лиловым поясом, он умер бы от зависти - и ты тоже!

- Если бы я собиралась завидовать тебе, Ребекка, то умерла бы давным-давно. Пойдем сядем на крыльце, там тень и прохлада.

- И оттуда нам будут видны ворота Перкинсов и дорога в обе стороны, - поддразнила ее Ребекка, а затем, смягчившись, спросила: - Как ваши дела, Эмми? Расскажи мне, что произошло за то время, пока я была в Брансуике с мисс Максвелл.

- Ничего особенного, - призналась Эмма-Джейн. - Он пишет мне письма, но я ему - нет. Понимаешь, я не осмеливаюсь, пока он еще не был у нас дома.

- А пишет он по-прежнему на латыни? - поинтересовалась Ребекка, глаза ее лукаво блеснули.

- Ах, нет! Теперь нет, потому что... ну, потому что есть вещи, которые, похоже,

невозможно написать на латыни. Я видела его недавно на пикнике, но он не может сказать мне ничего конкретного до тех пор, пока не станет зарабатывать больше и не решится поговорить с моими родителями. Во всем остальном он очень храбрый, но я не уверена, что у него когда-нибудь хватит мужества на это; он так их боится, и всегда боялся. Только подумай, Ребекка, ведь он ни на минуту не может забыть о том, что мои родные знают все о его матери и о том, как он родился в здешней богадельне. Не то чтобы для меня это имело какое-то значение; ты только посмотри, как он образован и чего добился! Я думаю, что он просто великолепен, и мне все равно, где он родился, - пусть даже в тростнике, как Моисей⁸⁶.

Повседневный словарь Эммы-Джейн остался приблизительно тем же, что и был до того, как она поступила в Уэйрхемскую учительскую семинарию, введя родителей в немалые расходы. Она приобрела кое-какие познания, касающиеся культуры слова, но в минуты сильного волнения переходила на просторечный язык. Так уж медленно развивалась во всех направлениях Эмма-Джейн, что - если использовать любимое сравнение Ребекки - оставила на берегах "неутомимого моря жизни" сравнительно мало раковин, из которых выросла.

- Моисей родился не в тростнике, - со смехом поправила ее Ребекка. - В тростнике его нашла дочь фараона... Пожалуй, это не была такая уж романтическая сцена - жена судьи Бина забирает маленького Эбайджу Флэга из богадельни, где умерла его юная мать, но я думаю, что Эбайджа - молодец! Мистер Ладд говорит, что Риверборо еще будет гордиться им, и я не удивлюсь, Эмми, дорогая, если когда-нибудь у вас будет трехэтажный дом с куполом и, присев за свой письменный стол красного дерева с гранатовой инкрустацией, ты будешь писать записочки, извещающие, что миссис Флэг будет рада видеть мисс Ребекку Рэндл у себя за чаем и что достопочтенный Эбайджа Флэг, член конгресса, заедет за ней по пути со станции в своем бирюзового цвета экипаже, запряженном парой лошадей!

Эмма-Джейн рассмеялась, услышав это забавное пророчество, и ответила:

- Если когда-нибудь я буду писать такое приглашение, то адресовано оно будет - я в этом уверена - не мисс Рэндл, а миссис...

- Не говори! - порывисто отозвалась Ребекка, побледнев и прижав ладонь к губам Эммы-Джейн. - Только не говори, и я перестану тебя дразнить. Я не вынесла бы, если бы ты добавила имя! И сама я не стала бы тебя дразнить, если бы это не было то, о чем мы обе знаем так давно, - то, о чем ты всегда советовалась со мной по собственному желанию, и Эбайджа тоже.

- Не волнуйся, - ответила Эмма-Джейн. - Я лишь хотела сказать, что со временем ты непременно тоже станешь миссис Такой-то.

- О, - с облегчением вздохнула Ребекка, румянец вернулся на ее щеки, - если ты хотела сказать лишь это - пустяки, но я подумала... я подумала... даже не знаю, что я подумала!

- Я думаю, ты подумала о чем-то, о чем ты не хотела бы, чтобы я думала, будто ты думаешь, - необыкновенно удачно и метко выразила свою мысль Эмма-Джейн.

- Нет, не в этом дело. Но почему-то сегодня я все время вспоминаю о прошлом. Может быть, потому, что за завтраком тетя Джейн и мама напомнили мне о моем приближающемся дне рождения. Они сказали, что в этот день судья Бин вручит мне документ на право владения кирпичным домом. От этого я почувствовала себя очень старой и что на мне лежит большая ответственность. А когда после обеда я вышла посидеть на крыльце, мне показалось, что картины прошедших лет оживают, приходя и снова уходя по дороге. Все вокруг так красиво сегодня! Разве не кажется, что небо только что подсинили, а поля раскрасили розовой, зеленой и желтой красками?

- Совершенно великолепный день! - согласилась Эмма-Джейн, вздохнув. - Если бы

⁸⁶ См.: Библия. Исход, гл. 2.

только я была спокойна! Вот разница между детством и взрослой жизнью. Раньше мы никогда не думали и не тревожились ни о чем.

- И правда, не тревожились! Взгляни, Эмми, вот на этом самом месте дядя Джерри Кобб остановил свой дилижанс, и я вышла из него с моим розовым зонтиком и букетом сирени, а ты смотрела на меня из окна твоей спальни, и тебе было интересно, что же такое я привезла в привязанном сзади к дилижансу сундучке из некрашеной кожи. Бедная тетя Миранда не полюбила меня с первого взгляда, и какой же сердитой была она в первые два года! Но теперь каждая жестокая и несправедливая мысль, какая только появлялась у меня тогда, снова вспоминается и ранит меня до глубины души!

- Конечно, с ней было ужасно трудно ладить, и я ее терпеть не могла, - призналась Эмма-Джейн, - но теперь понимаю, что была не права. Во всяком случае, под конец она стала добрее, к тому же детям всегда так мало известно! Мы и не подозревали, что она больна и что у нее неприятности из-за потери тех денег, которые приносили ежегодный доход.

- В этом вся беда. Другие часто кажутся нам суровыми, неразумными и несправедливыми, и мы не можем порой не обижаться на них, но, если они умирают, мы забываем все, кроме наших собственных сердитых речей; почему-то мы никогда не помним, что говорили нам они... А вот другая такая прелестная картинка! Помнишь? На следующий день после моего приезда в Риверборо я потихоньку вышла из кирпичного дома, чтобы поплакать. И когда я остановилась, привалившись к воротам, между колышками забора появилось твое милое пухлое бело-розовое личико и ты сказала: "Не плачь! Я поцелую тебя, если ты поцелуешь меня!"

Эмма-Джейн вдруг почувствовала, как в горле у нее встал комок. Она обняла Ребекку за талию, и обе сели рядом на ступеньку.

- Я помню, - сказала она сдавленным голосом. - А я вижу, как мы вдвоем едем в Северный Риверборо и продаем мыло мистеру Адаму Ладду, и как зажигаем банкетную лампу на "вечеринке" у Симпсонов, и как кладем маргаритки возле умершей матери Джекки Уинслоу, и как возим самого Джекки туда и обратно по улице в нашей старой детской колясочке!

- А я помню тебя, - продолжила Ребекка, - бегущую с холма от Джекоба Муди, когда мы были "дочерьми Сиона" и выбрали тебя, чтобы наставить его на путь истинный!

- А я помню, как ты отобрала флаг у мистера Симпсона и как ты выглядела, когда читала свои стихи о флаге на празднике.

- А ты не забыла ту неделю, когда я отказывалась разговаривать с Эбайджей, так как он выудил из реки мою шляпу с иголками дикообраза, а я так надеялась, что наконец-то рассталась с ними навсегда! Ах, Эмма-Джейн, мы хорошо провели время вместе в нашей "маленькой гавани".

- Я считаю замечательным то твое последнее сочинение - прощание с семинарией, - сказала Эмма-Джейн.

- "Могучий поток выносит нас из маленькой гавани детства на просторы неизвестных морей", - вспомнила Ребекка. - И он уносит тебя, Эмми, так что я почти совсем теряю тебя из виду в эти последние дни, когда ты надеваешь по вечерам новое платье и смотришь в окно, вместо того чтобы, как бывало, прибежать ко мне на другую сторону улицы. Эбайджи Флэга никогда не было вместе с нами в "маленькой гавани"; когда он впервые приплыл туда, Эмми?

Румянец Эммы-Джейн стал гуще, а маленький, красиво изогнутый ротик дрогнул в очаровательном волнении.

- Это было в последний год в семинарии, когда он прислал мне из Лимерика первое письмо на латыни, - произнесла она почти шепотом.

- Я помню, - засмеялась Ребекка. - Тогда ты вдруг начала усердно изучать мертвые языки, и латинский словарь занял место тамбурного крючка среди предметов твоей привязанности. Это было так жестоко с твоей стороны, Эмми, никогда мне его даже не

показать!

- Я помню его наизусть, слово в слово, - краснея, ответила Эмма-Джейн, - и мне кажется, я действительно должна прочесть его тебе, потому что только так ты сможешь понять, какой Эбайджа совершенно замечательный человек. Не смотри на меня, Ребекка, отвернись. Ты думаешь, что я должна перевести его для тебя? Мне кажется, я буду не в силах это сделать.

- Все зависит от латыни Эбайджи и твоего произношения, - поддразнила ее Ребекка. - Начинай, я буду смотреть в сад.

И прекрасная Эмма-Джейн, которая выглядела все еще не слишком взрослой для "маленькой гавани" и явно слишком юной для "неизвестных морей", собралась с духом и продекламировала, как боязливый попугай, мальчишеское любовное послание, столь воспламенившее ее юное воображение.

- "Vale, carissima, carissima puella"! - повторила Ребекка своим мелодичным голосом. - Как красиво звучит! Меня не удивляет, что это письмо изменило твои чувства к Эбайдже! Честное слово, Эмма-Джейн, - воскликнула она вдруг совсем другим тоном, - если бы я хоть на мгновение могла предположить, что Эбайджа-храбрец способен написать такое письмо на латыни, я постаралась бы добиться того, чтобы он написал его мне! И тогда это я присаживалась бы к моему столу красного дерева и приглашала мисс Перкинс на чай к миссис Флэг.

Эмма-Джейн побледнела и открыто содрогнулась:

- Говорю тебе, Ребекка, как в церкви перед священником, - я всегда благодарю Бога за то, что ты ни разу не взглянула на Эбайджу, а он ни разу не взглянул на тебя. Если бы один из вас когда-нибудь сделал это, для меня не осталось бы никакой надежды, и я всегда это знала!

II

Любовная история, упомянутая в предыдущей главе, началась - в том, что касалось Эбайджи Флэга, - много лет назад. На его взгляд, любовь возникла в его душе в тот самый момент, когда в девятилетнем возрасте он впервые увидел Эмму-Джейн Перкинс.

Что же до Эммы-Джейн, она не проявляла никаких признаков ответного чувства вплоть до последних трех лет, когда превращение мальчишки-батрака в подающего надежды студента и делового человека воспламенило даже ее несколько неразвитое воображение.

Жена судьи Бина взяла Эбайджу из богадельни, полагая, что сможет сделать из него помощника по хозяйству. Эбби Флэг, мать Эбайджи, не отличалась ни умом, ни красотой, ни, как можно заподозрить, даже добродетелью, и отсутствие у нее всех этих достоинств, в особенности последнего, подчеркивалось и внушалось ребенку всегда, сколько он себя помнил. Казалось, люди винили его за то, что он вообще пришел в этот мир - мир, который не ждал его, не был ему рад и не заботился о нем. Из могучего орудия предубеждения против попавших в богадельню неизменно палили, как из пушки по воробьям, по самым безобидным прегрешениям мальчика, и так было до тех пор, пока он не стал грустным, робким, неуклюжим и застенчивым. В сердце его была неугасимая жажда любви, а он никогда за всю свою жизнь не видел ни от кого ласки.

Он почувствовал себя увереннее, когда перешел жить к судье Бину. В первый год он мог лишь собирать щепки на растопку, носить в кухню сосновые поленья, ходить на почту, бегать с разными поручениями, гонять коров на пастбище и кормить кур, но с каждым днем становился все более ценным помощником.

Его единственным другом был маленький Джим Уотсон, сын владельца риверборского магазина, и они были неразлучны всегда, когда у Эбайджи появлялось время для игр.

В один незабываемый июльский день в маленький белый домик, стоявший между

домами судьи Бина и "девочек Соьер", въехала новая семья. Мистер Перкинс сдал в аренду свою ферму близ Северного Риверборо и открыл кузницу в поселке, на эджвудской стороне реки, у моста. Это обстоятельство не представляло никакого особого интереса для девятилетнего Эбайджи, но что было действительно важно, так это появление во дворе белого домика хорошенькой семилетней девочки - маленькой толстенькой куколки с блестящими и кудрявыми каштановыми волосами, румяными щеками, голубыми глазами и со смущающей своей неизменностью улыбкой. Другой, возможно, назвал бы эту улыбку "наклеенной", но Эбайджа уже был околдован и не желал, чтобы она исчезала.

Следующий день был праздничным - славное Четвертое июля⁸⁷, - и Джимми Уотсон пришел, как Давид, навестить своего любимого Ионафана⁸⁸. Ионафан встретил его на вершине холма и, сославшись на неотложное дело, коротко и грубовато отослал его домой, а затем вернулся, чтобы продолжить игру со своей новой богиней, с которой уже ухитрился свести знакомство, пользуясь тем, что ее родители были заняты устройством на новом месте.

После раннего обеда Джимми вновь возжаждал возобновления дружеских отношений и, забыв обиду, еще раз одолел холм и неожиданно появился неподалеку от участка Перкинсов с широкой и приветливой улыбкой человека, уверенного в радушном приеме.

Его утренний визит был неприятной навязчивостью, но этот, послеобеденный, можно было рассматривать только как бесстыдную наглость и явную угрозу, поскольку Эбайджа и Эмма-Джейн мило играли в папу-маму - игру, в которой, как ни в какой другой, желательно иметь двух, а не трех участников.

В этот момент характер Эбайджи изменился раз и навсегда. Без всяких угрызений совести он бегом преодолел расстояние, которое отделяло его от вызывавшего опасения соперника, и, хватая в спешке и ярости маленькие и не очень маленькие камни, принялся швырять их в Джимми Уотсона. Он швырял и швырял их, пока совершенно растерявшийся Джимми с ревом не убежал с холма. Тогда Эбайджа поместил полную трепета Эмму-Джейн в построенный ими домик для игры, забаррикадировал дверь и начал расхаживать взад и вперед перед этим сооружением, как индейский воин. В таком-то вот раннем возрасте женщина стала сводящим с ума и лишаящим покоя фактором в жизни мужчины!

Время шло, и продолжалось соперничество между мальчиком из богадельни и наследником богатого лавочника, но возможностей для дружбы с Эммой-Джейн у Эбайджи становилось все меньше и меньше, по мере того как оба становились старше. Он не ходил в школу, так что встречаться там они не могли, но иногда, когда ему случалось увидеть группку мальчиков и девочек, возвращающихся из школы, он приглашал к себе Илайджу и Илайшу, симпсоновских близнецов, и прилагал все усилия к тому, чтобы, находясь во дворе судьи Бина, сделать что-нибудь такое, что могло бы произвести впечатление на его возлюбленную, которая будет проходить мимо. А так как Джимми Уотсон был маленьким и слабым, Эбайджа, как правило, выбирал для этих своих заранее подготовленных представлений подвиги, требовавшие силы и ловкости. Иногда он подбрасывал свою шляпу как можно выше, к самым верхушкам вязов, а когда она падала, ловил ее прямо на голову. Иногда он ходил на руках, дрыгая ногами в воздухе, или делал двойное сальто, или прыгал на невероятные расстояния через вытянутые руки близнецов Симпсонов, и грудь его вздымалась от гордости, когда девочки восклицали: "Замечательно, правда?", хотя часто ему приходилось также слышать, как

⁸⁷ Национальный праздник США, годовщина провозглашения независимости.

⁸⁸ Давид и Ионафан - неразлучные друзья (см.: Библия. 1-я Книга Царств, гл. 18 - 20).

его соперник бормочет с презрением: "Лоботряс!"

Судья Бин, хоть и не послал мальчика в школу (полагая, что, раз Эбайджа незначительная личность в этом мире, не стоит и беспокоиться о его образовании), но в конце концов обратил внимание на его способности, стал давать ему книги и оставлять больше времени для учебы. Это было все, что Эбайдже требовалось, - книги и время, а когда встречался особенно запутанный вопрос, Ребекка, как самая знающая особа в округе, помогала его распутать.

Когда Эбайдже исполнилось шестнадцать, он загорелся желанием уехать из Риверборо и занять более высокое общественное положение, чем положение батрака. В последние три или четыре года судья Бин выплачивал ему небольшое жалованье, а когда пришло время расстаться, подарил десятидолларовую банкноту и серебряные часы.

Много раз обсуждал Эбайджа вопрос о своем будущем с Ребеккой и спрашивал ее мнение. И это не казалось странным, поскольку не было человеческого существа, с которым она не могла бы беседовать и не беседовала бы - легко и с удовольствием. Она имела свое мнение о любом мыслимом предмете и охотно стала бы давать советы даже священнику, если бы он ее об этом попросил. Торговец рыбой советовался с ней, когда чувствовал, что больше не в силах терпеть тещу в своем доме ни минутой дольше; дядя Джерри Кобб не расстался со своим заливным лугом, пока не обсудил вопрос о его продаже с Ребеккой; а что до тети Джейн, то она не могла решить, надеть ли ей черное платье из мериносовой шерсти или серое из тибетской, до тех пор пока Ребекка не подаст решающий голос.

Эбайджа хотел уехать подальше от Риверборо, в такие далекие места, как Лимерикская академия, до которой было, самое меньшее, миль пятнадцать⁸⁹, но, хотя это и казалось крайностью, Ребекка согласилась с ним, сказав задумчиво:

- В этом есть что-то от волшебства - уехать далеко, а потом вернуться совсем другим.

Именно это и было невысказанной мыслью Эбайджи. В Лимерике не знали ничего о никчемности, происхождении и воспитании Эбби Флэг и об ужасном клейме позора - его рождении в богадельне, так что он сможет начать жизнь наравне с другими. Он мог бы поехать не в Лимерик, а в Уэйрхем и, таким образом, получить возможность ежедневно встречать любимую Эмму-Джейн. Но нет, он не собирался позволить ей наблюдать, как он "становится" кем-то, она должна была увидеть его лишь после того, как он им "станет". Он не желал рисковать после всех этих лет молчания и терпения. Нет, уж он-то рисковать не будет! Он намеревался исчезнуть, как луна за облаками, и так как пока он все еще был тем, кого мистер Перкинс ни в коем случае не захочет видеть членом своей семьи, а миссис Перкинс не пустит в дом, то ему не следует ни возвращаться в Риверборо, ни просить их о снисхождении, пока у него не будет чего-то такого, что он сможет предложить. Да, сэр. Он намерен вернуться прежде всего битком набитым ученостью - даже бесполезной и все такое прочее, - вернуться хорошо одетым и с хорошим доходом. Все, что только в его власти изменить, должно быть приведено в надлежащий вид, потому что всегда где-то на заднем плане будет маячить то, чего ему никогда не исправить, - мать и богадельня.

И Эбайджа уехал. Хотя в первый год учебы он дважды посетил Риверборо по приглашению судьи Бина - на Рождество и Пасху, в следующие годы в поселке его видели редко, так как мистер Ладд нашел для него место, где он мог подрабатывать в каникулы и в то же время изучать бухгалтерское дело.

Визиты в Риверборо были для Эбайджи скорее мучительными, чем приятными. Его пригласили на две вечеринки, но он все время помнил о своем воротничке и был уверен, что его штаны не совсем то, что нужно, поскольку к тому времени его идеалы в том, что касалось одежды, достигли почти недоступных высот. Что же до ботинок, то, шагая по коврам, он чувствовал себя так, словно это не ковры, а пахотная земля и ему приходится

⁸⁹ Около 25 км.

толкать перед собой плуг или борону. На вечеринках играли в "Урони платочек" и "Копенгаген"⁹⁰, но у него не хватило смелости поцеловать Эмму-Джейн, что было и так уже плохо, но у Джимми Уотсона смелости хватило, и это было бесконечно хуже! Зрелище недостойных и дерзких губ Джеймса Уотсона, прикасающихся к румяной щеке Эммы-Джейн, почти лишило Эбайджа веры во власть Провидения.

После вечеринки Эбайджа вернулся в свою старую комнатку возле конюшни судьи Бина. Он лежал в постели, а его мысли порхали вокруг Эммы-Джейн, как ласточки вокруг своего гнезда под скатом крыши. Тоска безнадежной, столкнувшейся со столькими препятствиями любви не давала ему уснуть. Один раз он даже вылез из постели, зажег лампу и посмотрел в зеркало, не растут ли у него усы, так как вспомнил, что заметил первый пушок над верхней губой своего соперника. Он встал еще раз полчаса спустя, снова зажег лампу, капнул на свои волосы немного лампадного масла и несколько минут яростно приглаживал их щеткой. Затем он снова лег и, решив, что непременно купит себе цимбалы и научится играть на них, чтобы затмить своего соперника в обществе, как прежде затмил в атлетике, наконец погрузился в тревожный сон.

Теперь те дни, полные надежд, сомнений и мук, не казались, к счастью, реальностью; они остались так далеко в прошлом: шесть или восемь лет - это, по существу, целая эпоха в жизни двадцатилетнего юноши; а тем временем он преодолел немало препятствий и враждебных обстоятельств, угрожавших омрачить его карьеру.

Эбайджа Флэг был истинным сыном своего штата. Та же крепость, какую природа штата Мэн вкладывает в могучие деревья своих лесов, те же сила и стойкость, какие он дает своим скалам, присущи и его сыновьям и дочерям. И в свои двадцать лет Эбайджа собирался взять свою судьбу в собственные руки и спросить мистера Перкинса, богатого кузнеца, сможет ли он, Эбайджа, после соответствующего испытательного периода (за время которого он продолжит готовиться к своему высокому предназначению), сможет ли он жениться на прекрасной Эмме-Джейн, наследнице дома и состояния Перкинсов.

III

Это было юношеское увлечение - ребяческая любовь, быть может; хотя даже такое чувство может развиваться в нечто большее, глубокое и прекрасное. Но не так уж далеко были и другие, и очень разные, сердца, растущие и расцветающие по-своему. Была юная мисс Дирборн, хорошенькая школьная учительница, безвольно склонявшаяся к безрассудному браку из-за того, что не ладила со своей мачехой. Был Герберт Данн, первый ученик выпускного класса, ослепленный Хальдой Мизерв, подобной светляку, что "издалека сияет ярко, вблизи ж ни света, ни тепла". Была и прелестная Эмили Максвелл, еще не достигшая и тридцати, усердно трудившаяся в Уэйрхемской семинарии, где жила, как монахиня в монастыре, не думая о личных интересах и бескорыстно отдавая ум и сердце, душевные и физические силы избранной работе. Сколько женщин поступает так - сознательно или неосознанно, - и, хотя они лишают себя радостей материнских забот о двух или трех собственных детях, Бог, должно быть, благодарен им за материнскую заботу о сотнях других - ведь это делает их столь ценными помощницами в осуществлении Его замыслов духовного обновления человечества.

И был Адам Ладд, ожидавший в свои тридцать пять, когда немного повзрослеет выбранная им девушка, просто потому, что не мог найти другой, уже взрослой, которая

⁹⁰ Популярными в прошлом веке в Америке "игры с поцелуями". Игра "Урони платочек" заключается в следующем. Играющие встают в круг; водящий держит в руке носовой платочек с завязанным на конце узелком и ходит вне круга, за спинами играющих. Затем он ударяет кого-либо из них узелком по плечу и роняет платок на пол. Тот, кого он ударил, поднимает платок и бежит следом за водящим, при этом он может преследовать его внутри и вне круга, но обязан пересекать круг там же, где и преследуемый водящий. Когда он поймает водящего, то может его поцеловать и сам становится водящим.

отвечала бы его утонченному и взыскательному вкусу.

"Я не назову Ребекку совершенством, - заметил он однажды в письме к Эмили Максвелл, - ибо совершенство - это неподвижный столб. Она же танцующая на ветру веточка дерева, стоящего рядом с этим столбом".

Когда она впервые появилась на веранде домика его тетки в Северном Риверборо и настояла на том, чтобы продать ему в огромном количестве очень скверное мыло и тем обеспечить своим друзьям Симпсонам приз в виде крайне необходимой им банкетной лампы, - уже тогда она привлекла его внимание. Он подумал, что разговор с этой девочкой доставляет ему больше удовольствия, чем беседа с любой женщиной, и никогда не изменил своего мнения. Она всегда ловила то, что он говорил ей, как если бы это был брошенный мяч. А иногда ее ум, словно призма, пропустив через себя его, Адама, мысли, возвращал их окрашенными в более яркие и насыщенные цвета.

В душе Адам всегда называл Ребекку своей Маленькой Весной. В детстве и юности он был одинок и несчастен. Именно эта часть жизни пропала для него, и, хотя теперь в разгаре было его лето успеха и материального благополучия, свою потерянную юность он нашел лишь в Ребекке.

Она была для него... как мне описать это?

Помните ли вы один из дней в начале мая, с разворачивающимися зелеными листиками, теплой землей, дрожащим воздухом и переменчивым, своенравным небом? И каким новым казался этот день? Каким свежим и необъяснимо радостным?

Лежали ли вы когда-нибудь, полузакрыв глаза, там, где солнечный свет, мерцающий в молодой листве, песня птиц и ручья и аромат лесных цветов объединяются, чтобы околдовать ваши чувства, и вы ощущаете, как никогда прежде, сладость и прелесть природы?

Ребекка была весенним половодьем для томимого жаждой сердца Адама, воплощением беспечной юности, музыкой - золотой арфой, в которой каждый пролетевший мимо легкий ветерок пробуждает чуть слышную мелодию; она была переменчивым, переливающимся всеми цветами радуги пузырьком, тенью листа, танцующей на пыльном полу. Ни один сучок его мысли не был столь голым, чтобы она не сумела свить на нем гнездо и пробудить жизнь там, где прежде этой жизни не было.

А сама Ребекка?

До самого последнего времени она не сознавала всего этого и даже сейчас не до конца понимала, что происходит, ища среди своих детских инстинктов и девичьих грез ту нить Ариадны⁹¹, которая благополучно вывела бы ее из лабиринта собственных новых ощущений.

В настоящее время она была поглощена - или думала, что поглощена, - любовной историей Эбайджи и Эммы-Джейн, но в действительности, сознавала она это или нет, их любовная история служила прежде всего основой для сравнений с возможной в будущем ее собственной любовной историей.

Ей нравился Эбайджа Флэг, она уважала его, а любовь к Эмме-Джейн была привычкой, приобретенной еще в детстве. Но все, что они делали и говорили, думали и писали, на что надеялись и чего боялись, казалось таким неполноценным, досадно отличающимся от того, что можно было бы сделать и сказать, подумать и написать, на что надеяться и чего бояться, что Ребекка ощущала едва ли не склонность слегка улыбнуться, думая о несведущей юной паре, воображающей, будто они уже смогли бросить взгляд на великую мечту.

Она сидела под яблоней в вечерних сумерках. Отужинали, не было слышно шагов

⁹¹ "Нить Ариадны" - то, что помогает выйти из затруднительного положения (по имени Ариадны, дочери критского царя Миноса, которая помогла афинскому герою Тезею выйти из лабиринта при помощи клубка ниток).

неугомонного Марка, Фанни и Дженни лежали в постелях, заботливо укрытые одеяльцами, тетка и мать перебирали смородину, сидя на боковом крыльце.

Голубое пятнышко, видневшееся в одном из окон дома Перкинсов, говорило, что в одной девичьей груди надежда еще не умерла, хотя было уже семь часов.

Вдруг на тихой дороге послышался стук копыт приближающейся лошади; это явно была наемная лошадь из какого-нибудь большого города, такого, как Милтаун или Уэйрхем, так как риверборские лошадки никогда не бежали так резво после своих тяжелых дневных трудов.

Вскоре на дороге показался небольшой открытый экипаж, в котором сидел Эбайджа Флэг. Повозка была, очевидно, недавно выкрашена и блестела так, что Ребекка подумала: "Должно быть, он спешил на мосту, чтобы навести на нее последний глянец". Складки на его брюках тоже имели такой вид, словно были отутюжены лишь несколько минут назад. Новым был кнут с привязанной к нему желтой ленточкой, новым был и серый костюм, в петлице которого красовался цветок. Шляпа была последнего фасона, а на мизинце правой руки неустрашимого обожателя Эммы-Джейн блестело кольцо-печатка. Когда Ребекка вспоминала, как она направляла эту руку, выводившую в тетради заглавную букву G, она испытывала почти материнское чувство к Эбайдже-храбрецу, хотя была на два года моложе его.

Эбайджа подъехал к воротам дома Перкинсов и так долго привязывал лошадь, что сердце Ребекки беспокойно забилося при мысли о сердце Эммы-Джейн, замершем в ожидании под голубым бережевым платьем. Затем он смахнул воображаемую соринку с рукава, затем он натянул желтые лайковые перчатки, затем он прошел по дорожке к двери, постучал дверным молоточком и вошел в дом.

"Не только тот герой, кто идет на войну, - подумала Ребекка. - Эбайджа избавился от призрака своего отца и вернул доброе имя своей матери, так как никто уже не посмеет сказать, что из сына Эбби Флэг ничего хорошего не выйдет".

Шли минуты, и еще минуты, и еще. Неподвижный сумрак опустился на сельскую улочку, затем прямо из-за верхушки сосны возле дома Перкинсов появился молодой месяц.

Парадная дверь Перкинсов отворилась, и из дома вышел Эбайджа-храбрец рука об руку с прекрасной Эммой-Джейн.

Они прошли через сад - из окна их провожали взгляды родителей, - и в то мгновение, когда они уже почти скрылись за холмом, ступив на зеленый склон, ведущий к реке, рукав серого костюма окружил голубую береговую талию.

Ребекка, дрогнув от сочувствия и понимания, закрыла лицо руками.

"Эмми уплыла, и я осталась совсем одна в моей маленькой гавани", - подумала она.

Казалось, что детство, как нечто реальное и видимое, скользит вниз по травянистому склону вслед за Эбайджей и Эммой-Джейн и исчезает, как они, в лунных тенях летней ночи.

- Я совсем одна в маленькой гавани, - повторила она, - и, ах, как я хочу, хочу знать, будет ли мне страшно покинуть ее, если придет кто-нибудь, чтобы вывести меня в море!